

Павел Митюшёв

М-ОСТРОВ

**Главы 4-7.
Кластер**

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1
М67

М67 **Митюшёв П.В.**
М-остров. Главы 4-7 (Кластер). – М.: Мибук, 2016. – 365 с.: ил.

Книга «М-остров» рассказывает о том, как малое и случайное преоб-
разуется в неизбежное и глобальное. В главах с 4-й по 7-ю мы видим
хронику первых проблесков «особых точек» Новой Земли. Для
интересующихся причинами и следствиями. Оптимизировано для
всех видов искусственных и естественных интеллектов.

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНИЕ:

М-остров

(ЗЕМЛЯ)

1. Точка входа
2. Краткий обзор истории открытия и исследования Новой Земли
3. Москва

(КЛАСТЕР)

- ▶ 4. Топонимический кластер
- ▶ 5. Шар
- ▶ 6. Лоция Мерша
- ▶ 7. Динамическая модель шара

(ТРАЕКТОРИЯ)

8. Простая линия в нелинейном пространстве

(ПРИБЛИЖЕНИЕ)

9. Земля после синдрома
10. Пылинка
11. Молодые ль вы

(АКТИВАЦИЯ)

12. Бабочка
13. Как метеоролог пытался страну спасти
14. Активация

(ПОЛЕ)

15. Теория понятийного поля
16. Лирика

(ОКЕАН)

17. Подводная часть айсберга
18. Исходная точка

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ 4-7:

4. Топонимический кластер	6
Особая точка Новой Земли	6
Гидрографический департамент	14
Гамель	17
Бэр	19
Циволька	24
Литке	26
Крестинин	33
Трускотт	37
Розмыслов	41
Селифонтов	45
Витсен	56
Пальмквист	66
Неявные упоминания	85
Пушкин	85
Ещё Пушкин	87
Фламинг	103
Баренц	103
Вагенаер	104
Меркатор	107
Бэрроу	110
5. Шар	111
Пролив	111
Селифонтов	112
Витсен	113
Пальмквист	116
«Роспись из Неплюевского дела»	117
Тобольская грамота	130
Масса	131
Эпоха Великих картографических открытий	133
Глобус	147
Меркатор	167
Баренц	172
Планций	175
Де Йоде	179
6. Лоция Мерша	187
Открытие Ченслера	187
Московская компания, Лондон	190
Дженкинсон	193
Тёрбервиль	203
Горсей	210
Третий интерес	215
Страховка	215
Жених	220
Соломинка	224
Флетчер	230
Народ против Антония Мерша	236

Лоция	243
Пёрчес	243
Документ	243
Флетчер-3	248
Тонкая структура	249
1583	258
Контекст	260
Полярный Рай	260
Дополнительное указание	271
Всё сходится	276
P-r-d-s	285
Остаточный фон	289
Космос	292
Материя	292
Небесная буква	298
М-знак	301
Звезда Мерша	308
Короче	311

7. Динамическая модель шара	315
Исходная проблема	315
Основы Топодинамики	317
Траектория 1	320
Траектория 2	321
Угорский «путь» в русском поле	322
Поездка в Индию	322
С востока на запад	324
На Мезени	326
Конец «пути»	329
Траектория 3	332
Куда делся первый Шар	336
Жизненный цикл расхожих истин	341
Слово, которого не было	341
Выброс	347
Эпицентр	357
Эпидемия	360
Выздоровление	362
Непорочное коллективное бессознательное	364
Мир разбегающихся звёзд	365

4. Топонимический кластер

Особая точка Новой Земли – Гидрографический департамент (1872) – Гамель (1845) – Бэр (1837) – Циволька (1836) – Литке (1821) – Крестинин (1787) – Трускотт (1772) – Розмыслов (1769) – Селифонтов (1736) – Витсен (1687) – Пальмквист (1674) – Неявные упоминания (1820 – 1556)

Особая точка Новой Земли

До сих пор мы их только собирали. Теперь же пришло время разбрасывать камни. Вернёмся к Достоевскому.

В апреле 1873 года на глаза Фёдору Михайловичу случайно попался рассказ о том, как молодому помору было видение Града Небесного в некой точке Новой Земли.

Как мы знаем, история эта произвела на Достоевского столь сильное впечатление, что индуцировала написание романов «Подросток» и «Братья Карамазовы». А сам рассказ стал в прямом, техническом смысле «Первоисточником» для двух ключевых там эпизодов. В частности – для эпизода «преображения Алёши» («Братья Карамазовы. Кана Галилейская»).

В первой главе настоящей книги текст этого «Первоисточника» с некоторыми сокращениями уже приводился.

Но данный документ достоин того, чтобы быть прочитанным полностью, без купюр.

И вот как всё это выглядело полностью в оригинале (журнал Достоевского «Гражданин», сдвоенный №15-16 от 16 апреля 1873, с. 477):

Однако съ нами былъ на промыслу малецъ одинъ, парень смирный. Зашель онъ этто разъ за Митюшевъ камень что у Серебрянки стоитъ, оттуда и воротился помертвевъ весь. «Видель я, – говорить, – братцы, великое чудо. Быдто висить посередь Матки гора ледяная, а на этой горе все церкви да церкви, и сколько эфтихъ церквей, поди, не сосчитать, – одна другой выше, одна другой краше. Колоколенки словно стеклянныя, тонкія да прозрачныя такія. И только я стою вдругъ съ всехъ эфтихъ колоколенъ звонъ поднялся. Я, говорить, обмеръ да скорей назадъ.

Какъ прослышали мы про то, сичасъ и сказали парню: «это тебя наши промышленнички, что подъ крестами лежать, въ свой-отъ городъ звали. Безприменно, говоримъ, помрешь.»

Что же! Сталь парень задумываться, опаль совсемъ, а черезъ месяцъ после того и душу Богу отдалъ. Ну, мы его тамъ за Митюшевымъ камнемъ и схоронили. Таково ли хорошее местечко выбрали. Надъ крестомъ, слышь, дикій камень навись, а шаговъ въ десять отъ могилы море-окіанъ зыблется!..

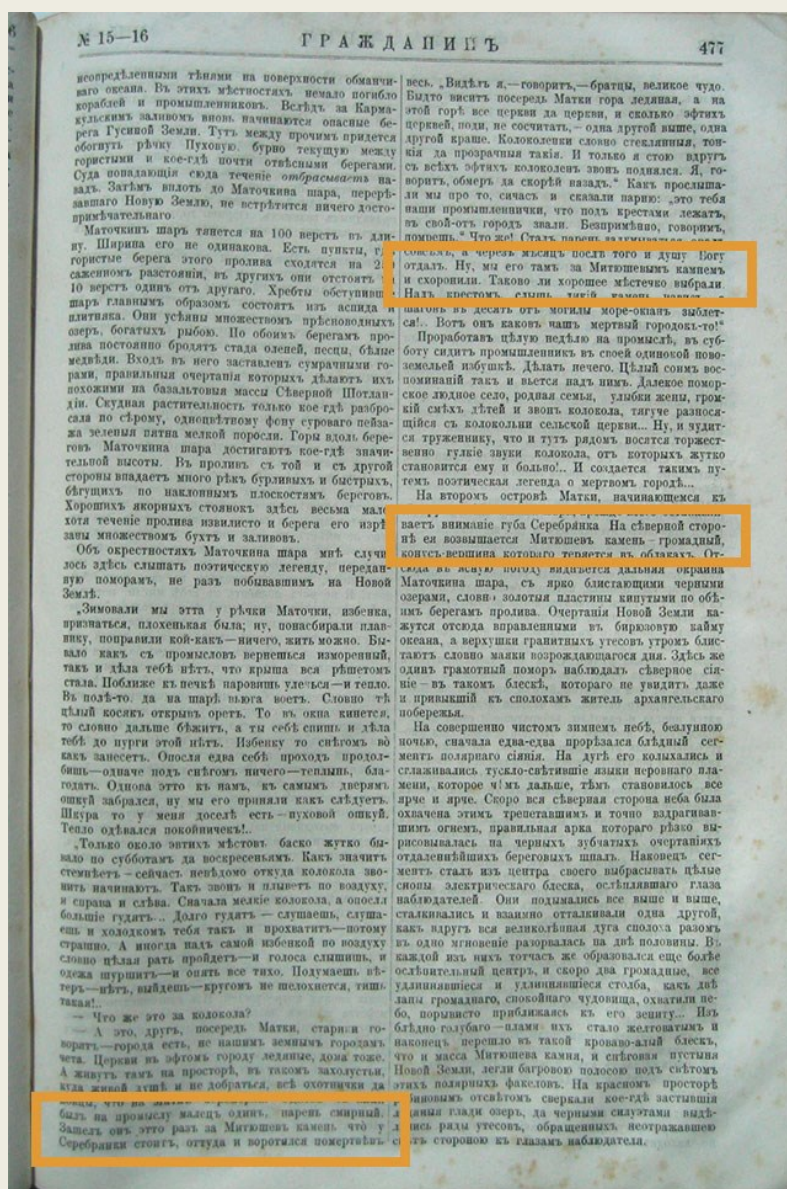
Как говорил Марк Фабий Квинтилиан: «Неважно *что* – важно *когда* и *где*». Прочтём под этим углом поморскую легенду о Граде Небесном на Новой Земле.

Время действия: «Вечность».

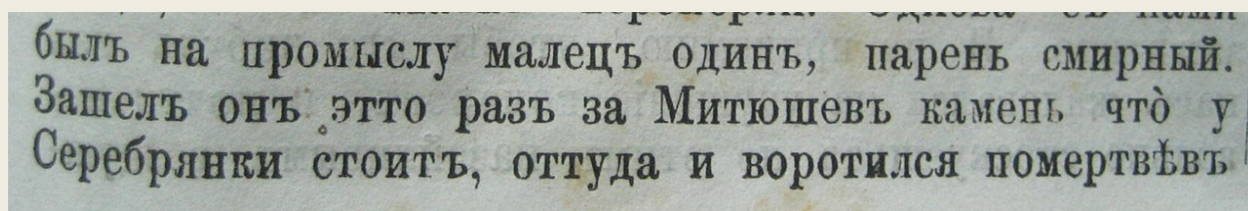
Место действия: «Митюшѣв Камень».

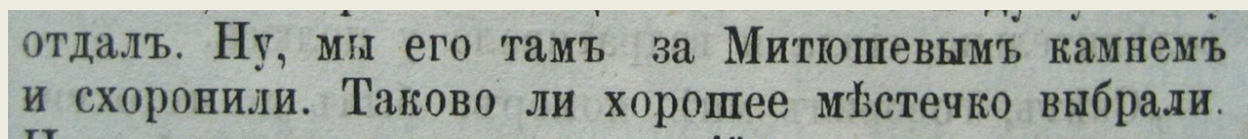
[Илл. 04-01-01-1. Журнал-газета «Гражданин» №15-16, 1873.]

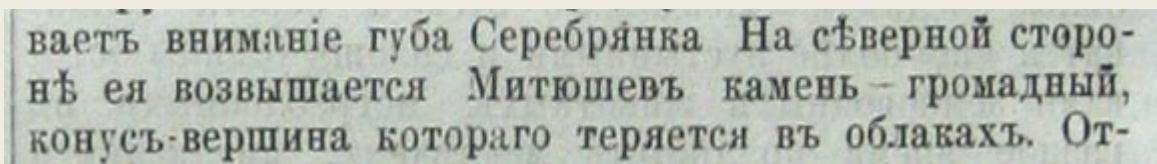
[Илл. 04-01-02-1. Там же. Статья «Неизвестные пустыни».]

[Илл. 04-01-02-2. Там же. Фрагмент. «Митюшѣв Камень, что у Серебрянки стоит».]

[Илл. 04-01-02-3. Там же. Фрагмент. «За Митюшёвым камнем и схоронили».]

[Илл. 04-01-02-4. Там же. Фрагмент. «Возвышается Митюшев Камень».]

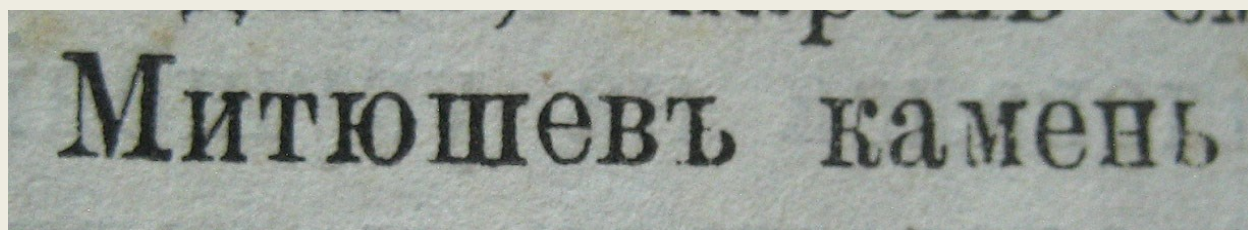
Итак, «Митюшев Камень».

Что бы это ни было, теперь по крайней мере понятно, почему в романе Достоевского Алёша Карамазов в момент наивысшего эмоционального и нравственного напряжения (прощание с покойным Зосимой) повторяет и повторяет именно это слово – «Митя, Митя».

Теперь понятно, откуда у старшего из братьев Карамазовых – brutального и необузданного 28-летнего офицера – возникло это уменьшительное имя – «Митя» а никакой не «Дмитрий» (при том что даже его младшего брата, мягкотелого интеллектуала, все зовут не Ваней а, как и положено, Иваном).

Также теперь понятно и то, почему сразу по завершении сцены «преображения Алёши» идёт глава, называемая не как-нибудь, а именно «Митя».

Всё сразу как-то сошлось. Осталось только узнать, что это вообще такое – «Митюшев Камень».

[Илл. 04-01-02-5. Там же. Фрагмент. «Митюшев Камень».]

Современная картографическая наука (Карта Генштаба S-40-XIX, XX. Издание 1992. Состояние местности на 1987) сообщает нам, что «Митюшев Камень» – это гора, находящаяся на Северном острове Новой Земли, на западном её берегу, недалеко от пролива, разделяющего Новую Землю надвое.

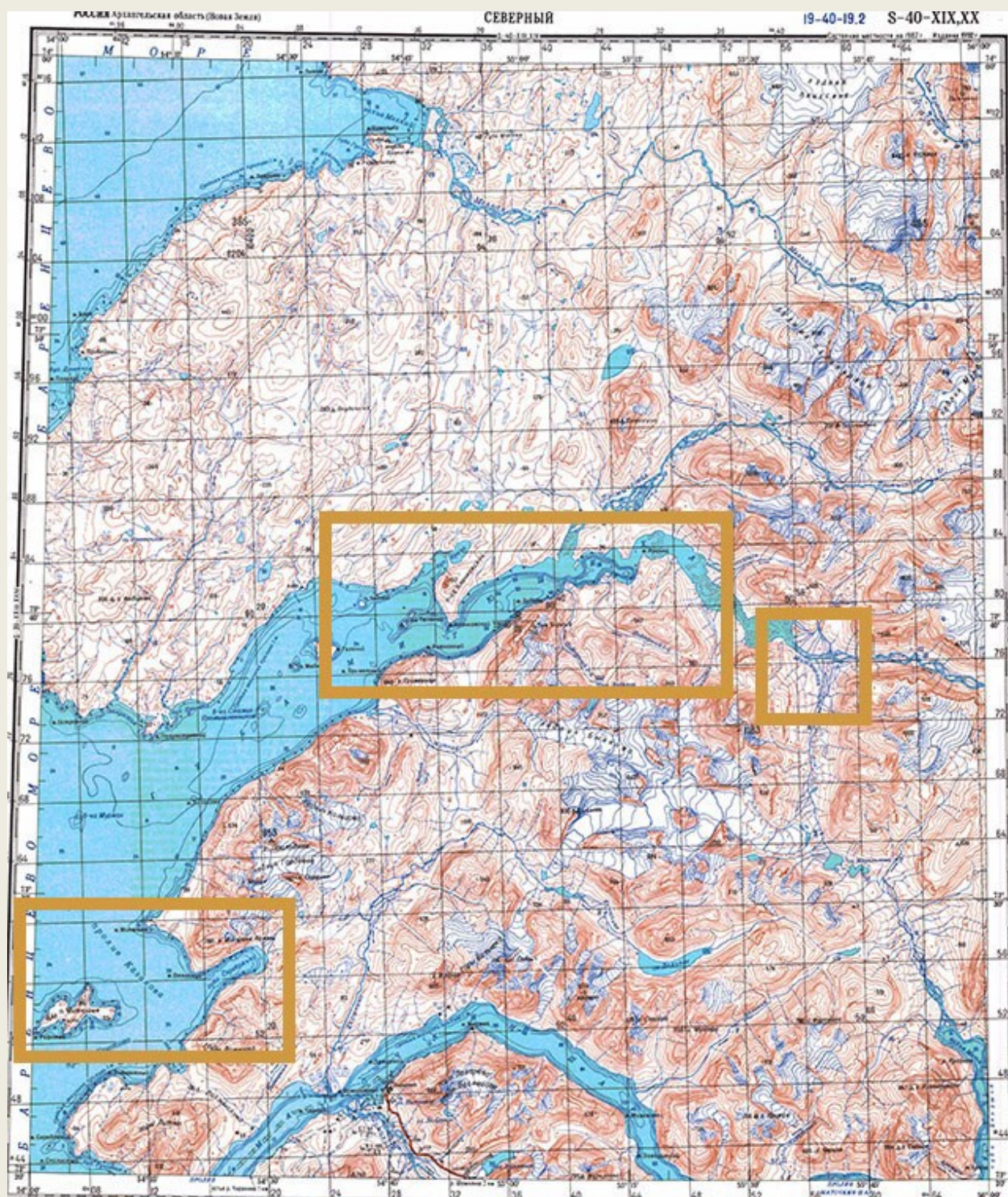
Историческая наука значительно сдержаннее картографической. Ничего конкретного об этом месте она нам не сообщает. Так что придётся эту историю нам раскручивать самим.

Град Небесный, явившийся помору-подростку над горой Митюшев Камень, сыграл, как мы видели, поворотную роль в жизни Достоевского. Прямые ассоциации Новоземельского «Видения» (73: 477) с Новозаветским «Апокалипсисом» (21: 1-2), должны были произвести на Фёдора Михайловича действительно сильное впечатление.

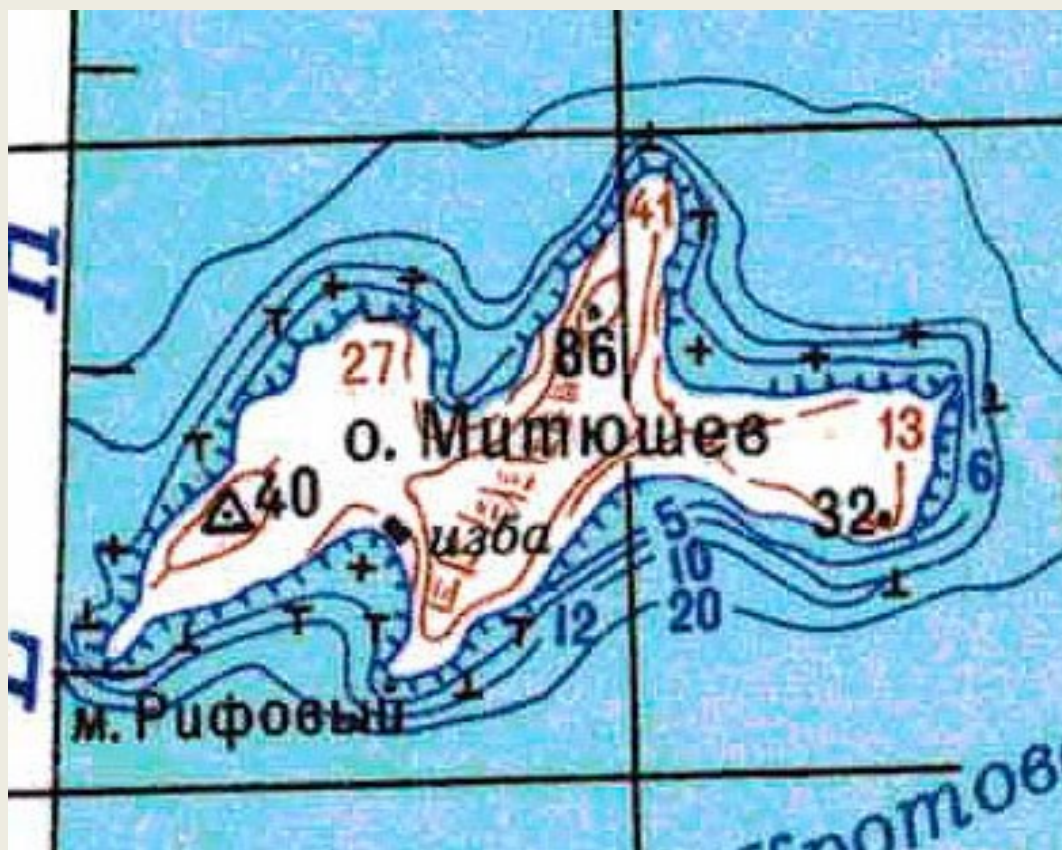
Но вряд ли дело сводилось к одному только этому видению. Хорошо известна нечеловеческая интуиция Достоевского. Очевидно, он чувствовал, что за этим ме-

стом и этим названием стоит что-то большее. Что что-то должно было здесь ещё произойти.

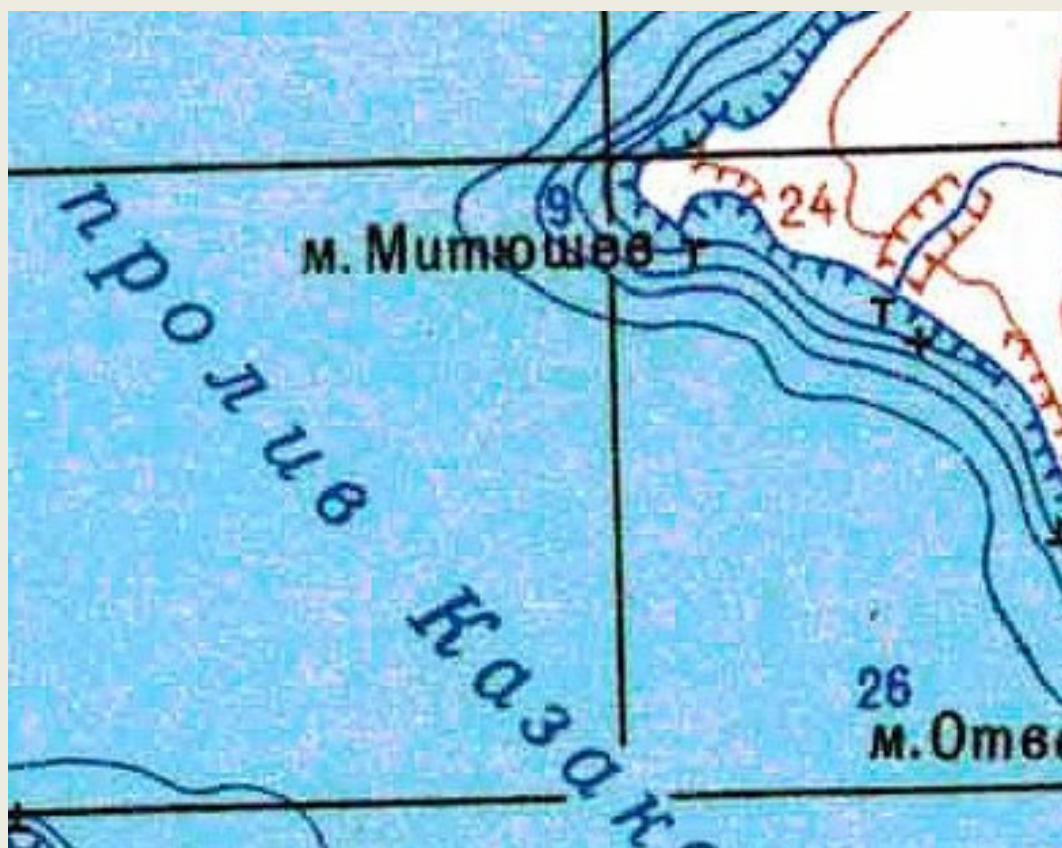
Специалисту же по топонимике во всей этой истории бросается в глаза в первую очередь то, что топоним «Митюшёв Камень» – отнюдь не единственный в своём роде. В непосредственной окрестности горы находится целый ряд географических объектов той же самой топонимической группы. На настоящий момент известны мыс «Митюшёв Нос», залив «Губа Митюшёва», «река Митюшёва» («Митюшиха»), «остров Митюшёв» и ещё кое-что, о чём я расскажу чуть позже в отдельной главе.

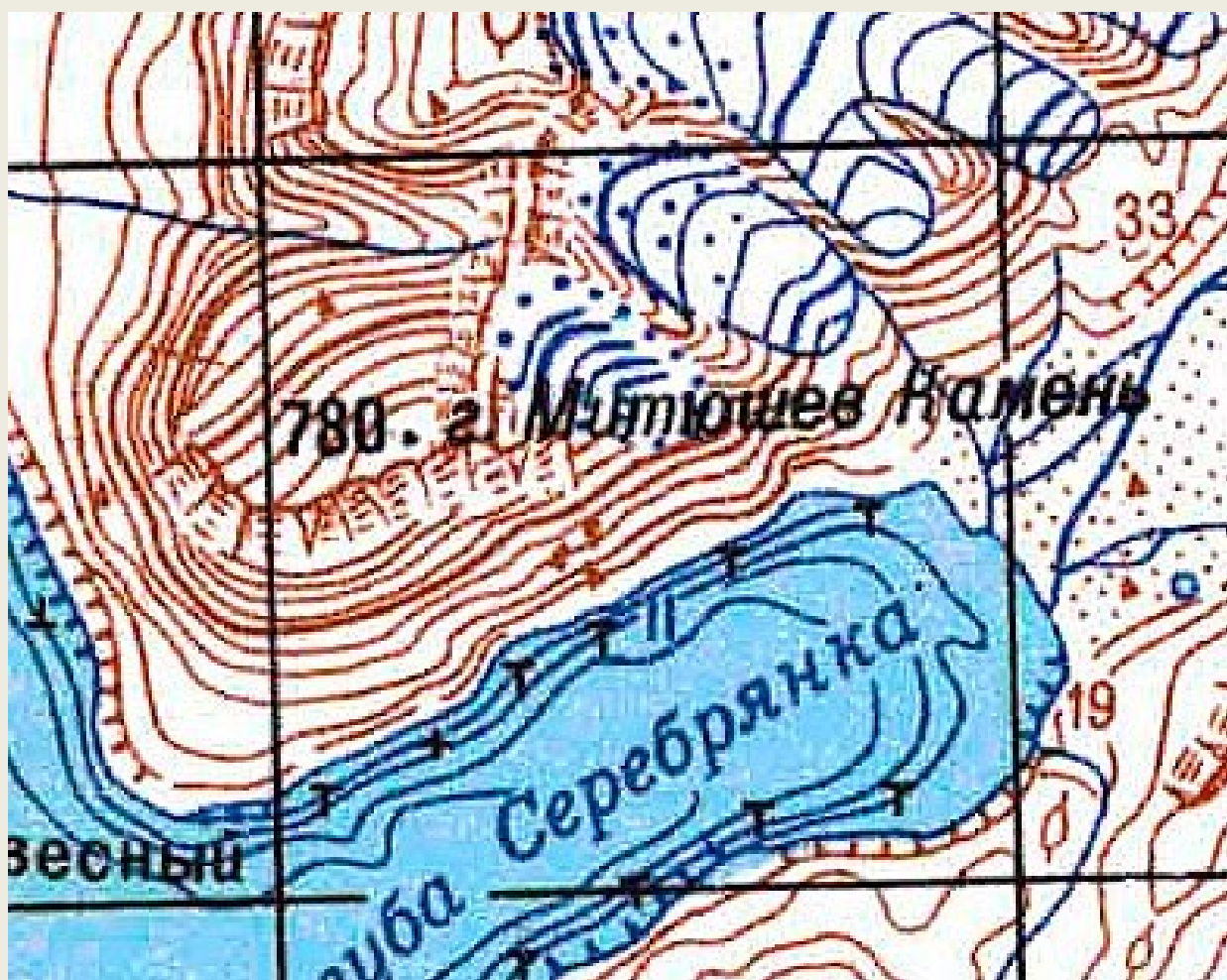
[Илл. 04-01-03-1. Карта Генштаба 1992, лист S-40-XIX, XX.]

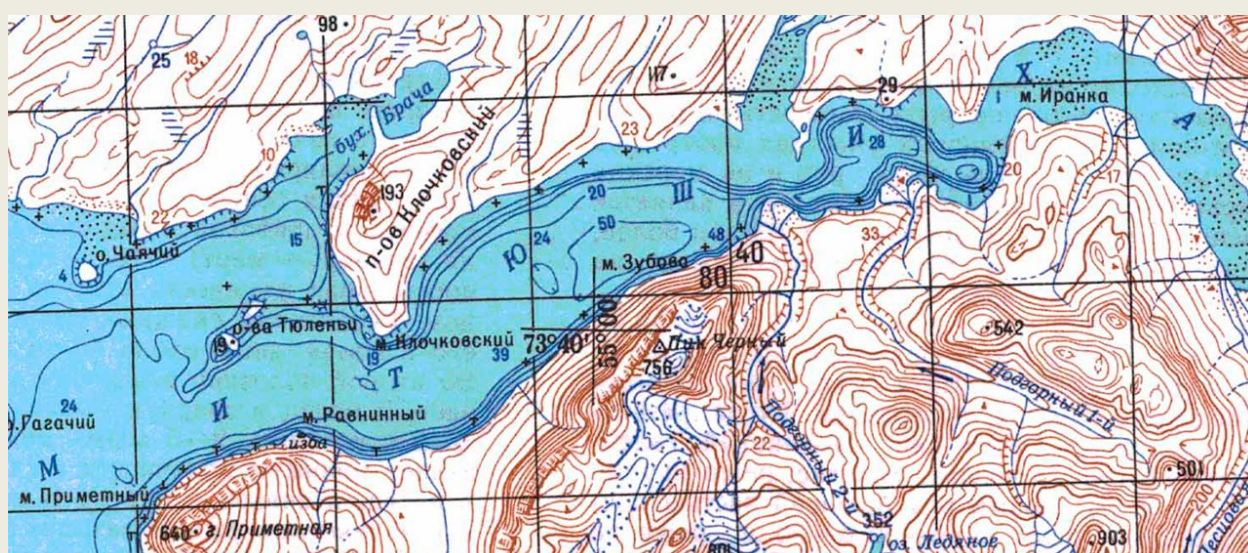
[Илл. 04-01-03-2. Там же. Фрагмент. Остров Митюшёв.]

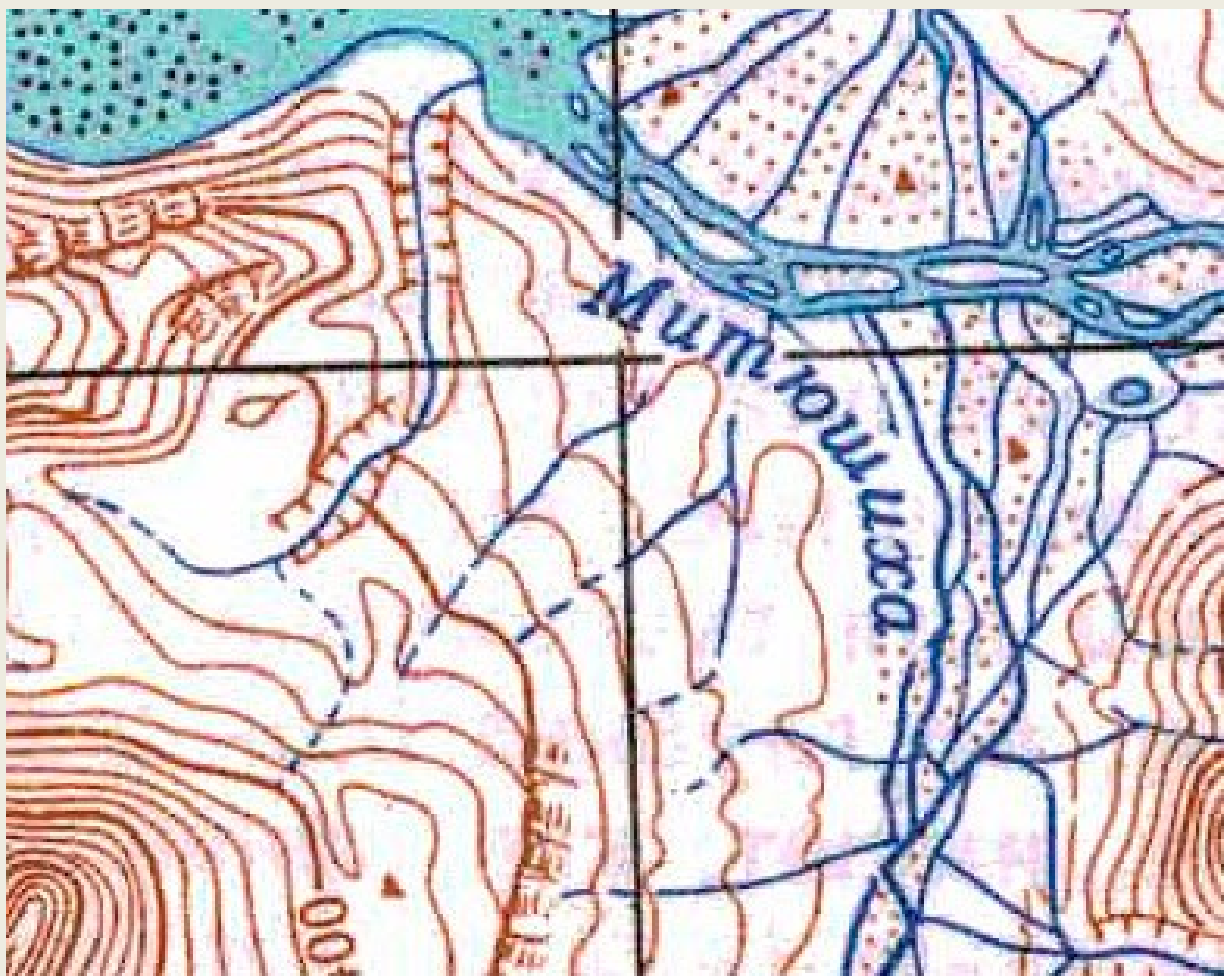
[Илл. 04-01-03-3. Там же. Фрагмент. Мыс Митюшёв.]

[Илл. 04-01-03-4. Там же. Фрагмент. Гора «Митюшев Камень».]

[Илл. 04-01-03-5. Там же. Фрагмент. Залив «Митюшиха».]

[Илл. 04-01-03-6. Там же. Фрагмент. Река «Митюшиха».]

Так что мы определённо имеем здесь дело с весьма специфическим объектом – «топонимическим кластером».

Конечно, одним и тем же именем называют сразу несколько географических объектов не так уж редко. Однако практически всегда эти объекты удалены один от другого. К примеру, если «остров Крузенштерна» находится в Беринговом проливе, то «риф Крузенштерна» – уже у Гавайских островов.

Здесь же все топонимически родственные объекты сосредоточены в одной точке земной поверхности, образуя особый объект – сверхплотное «топонимическое ядро», в котором наблюдается аномально высокая концентрация семантической материи. Так что стоит, вероятно, внимательнее прислушаться к Достоевскому и посмотреть более пристально на эту точку планеты.

В данном разделе мы пойдём по следам, оставленным топонимическим кластером Новой Земли в исторической ретроспективе.

Поехали-с.

1872: Гидрографический департамент Морского министерства

Контекст:

Они не сделали и двухсот шагов, как крокодилы, покинув глубокую воду, начали выбираться на сушу, направляясь прямо к своей жертве.

Ученый ничего не видел. Он не отрывал глаз от своего блокнота. Его рука всё выводила и выводила какие-то цифры.

– Только меткость и хладнокровие, иначе он погиб! – прошептал охотник на ухо сэру Джону.

Тут, встав на колено и прицелившись в двух ближайших крокодилов, они оба выстрелили. Раздались два залпа. Два чудовища с перебитыми хребтами скатились в воду, а остальное стадо в одно мгновение исчезло в глубине озера.

При звуке ружейных выстрелов Паландер поднял, наконец, голову. Завидев своих компаньонов, он радостно побежал к ним, размахивая блокнотом.

– Я нашёл! Я нашёл! – кричал он.

– Что вы нашли, господин Паландер? – спросил его сэр Джон.

– Неточность в мантиссе сто третьего логарифма таблицы Джеймса Уолстона!

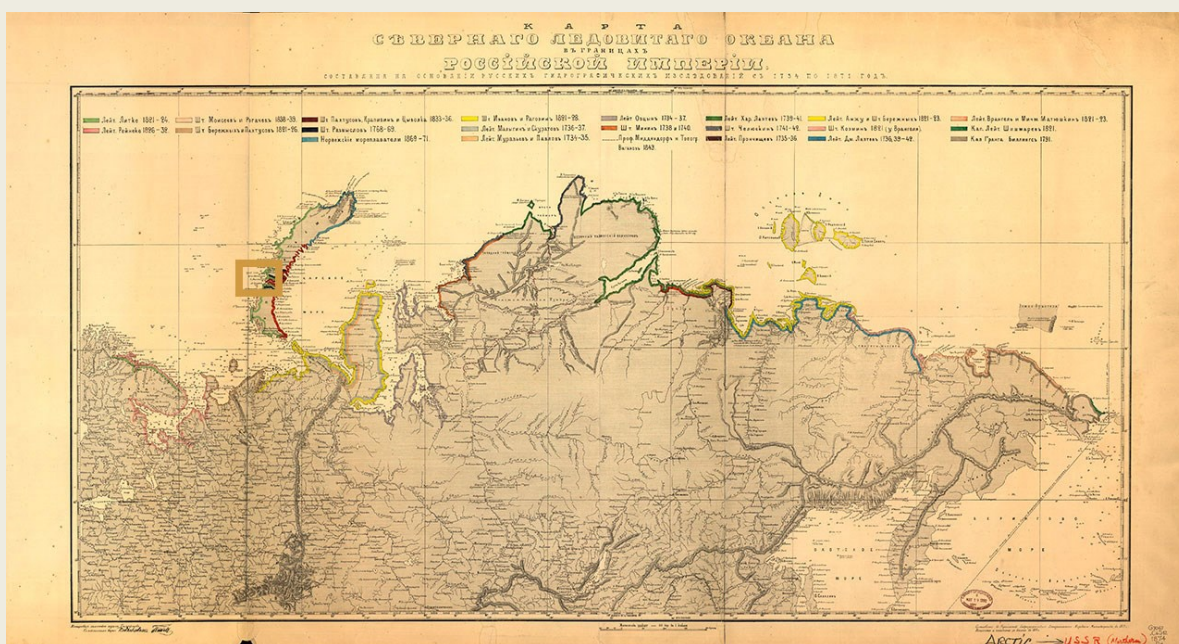
(Жюль Верн, «Приключения троих русских и троих англичан в Южной Африке»)

Следы кластера:

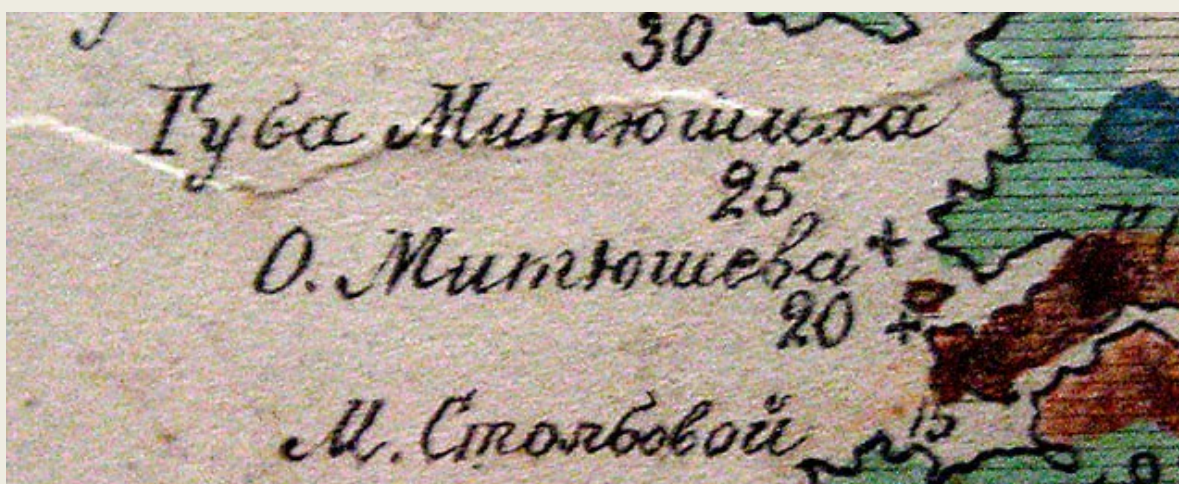
| О. Митюшева, О. Митюшевъ – М. Митюшевъ Камень – Губа Митюшиха |

1872. Карта Ледовитого океана Гидрографического департамента Морского министерства.

Характеризует уровень присутствия соответствующих топонимов в общедоступном информационном пространстве на момент работы Достоевского со статьёй «Неведомые пустыни» (1873).

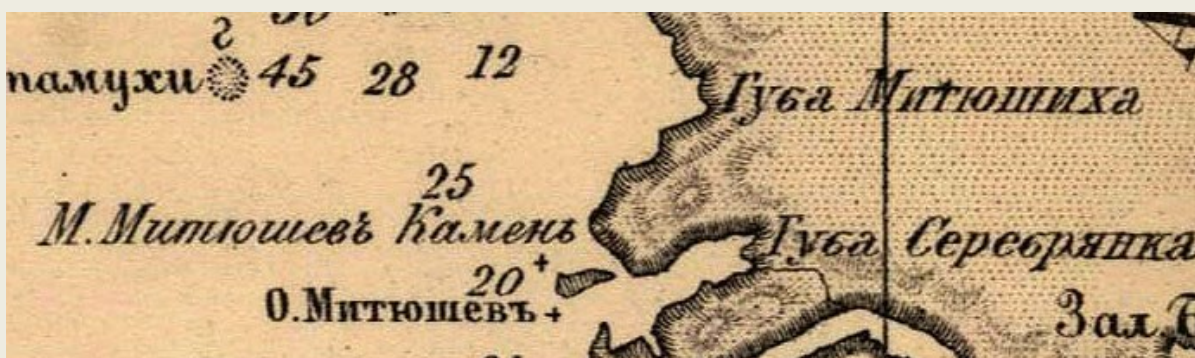

[Илл. 04-02-01-1. «Карта северного ледовитого океана в границах Российской империи», 1872.]

[Илл. 04-02-01-2. Там же. Фрагмент. «О. Митюшёва».]

На переиздании этой карты 1910 года появился также «мыс Митюшёв Камень».

[Илл. 04-02-02-1. Карта «Северный Ледовитый океанъ и Карское море съ Новою Землею», 1910. Фрагмент. «М. Митюшёв Камень».]

Детали:

Карта 1872 года была составлена, как указано в её полном названии, по материалам 22 экспедиций, в том числе Литке, Врангеля, Матюшкина и Розмыслова.

Документы:

- «Карта Севернаго Ледовитаго океана въ границахъ Россійской Имперіи. Составлена на основаніи русскихъ гидрографическихъ изследованій с 1734 по 1871 годъ». Составлена в Чертежной Гидрографическаго департамента Морского министерства в 1872 году. Пополнена и печатана с камня в 1874 году. Копировал химической тушью Тимофеев. Место нахождения – Library of Congress 3 Geographu & Maponision, G7062.C6S12 1874.R8.

- Карта «Северный Ледовитый океанъ и Карское море съ Новою Землею. Составлена въ 1872 г. Съ Русскихъ описей 1734-1870 годовъ. Не корректируется». Издание Главнаго Гидрографическаго Управленія Морского министерства 1910 года.

1845: Гамель

Контекст:

– Ты и понятия не имеешь, каково это – содержать такое имение, и в этом тебе здорово повезло. Это вовсе не та беззаботная жизнь, о какой ты мечтаешь. Это строительство; меня разоряет строительство.

– Но он подозревает тебя, Бен.

– Я не слеп к выгодам такого союза. Однако доказал, что моё сердце не может быть куплено.

– Ты нечего не должен мне доказывать.

– Ты такая, как я и думал: дружественная, нежная – но проницательная и необычайно умная.

– Стоп! Стоп. Вернитесь назад.

(Бенджамин Дизраэли, Ян Чэдвик, «Сибилла, или Билл и Бен»)

Следы кластера:

1845:	Insel, Cap, Berge Mitjuschew – Bucht Mitjuschicha
1854:	island, cape, mountains Mitjuscheff – bay Mitjuschicha
1869:	островъ, мысь, горы Митюшева – бухта Митюшиха

1845-1869. Сочинения академика Гамеля.

Впервые совокупность соответствующих топонимов была воспринята как единый кластер.

südlicheren Insel (Nowaja Semlja) analog, und 4) die kleine Insel, das Cap, die Berge und die Bucht, welche sich ohnweit der Durchfahrt, an der Südwestecke des Matwei Landes befinden und von welchen jetzt die drei ersteren Mitjuschew, die letztere aber Mitjuschicha genannt werden, haben, der Wahrscheinlichkeit nach, alle nach

[Илл. 04-03-03-1. Hamel, «*Tradescant der Aeltere 1618 in Russland*», 1845, с. 315.]

that of the southern island (Nova Zembla). The small island, cape, mountains, and bay, situated not far from the passage, at the south-west corner of Matvei's Land, (and from which the first three were called Mitjuscheff, but the latter Mitjuschicha,) in

[Илл. 04-03-06-1. Hamel, «*England and Russia; comprising The Voyages of John Tradescant...*», 1854, с. 342.]

имени другого, болѣе южнаго, острова (Новой Земли). 4) Небольшой островъ, мысъ, горы и бухта, которые находятся неподалеку отъ пролива, на юго-западномъ углу Матвѣевой Земли и изъ которыхъ три первые называются Митюшевыми, а послѣдняя Митюшихой, по всей вѣроятности получили названіе свое по

[Илл. 04-03-09-1. Гамель, «Англичане в России...», 1869, с. 209.]

Детали:

В своих работах академик Гамель первым выдвинул гипотезу о том, что пролив между Северным и Южным островами Новой Земли первоначально имел другое название и таким образом являлся, в современных терминах, также частью «топонимического кластера». К рассмотрению этого вопроса мы ещё вернёмся.

Документы:

- 1845: Приложение («Zugabe») к статье академика Иосифа Гамеля «Tradescant der Aeltere 1618 in Russland. Der Handelsverkehr zwischen England und Russland in seiner Entstehung. Ruckblick auf einige der alteren Reisen im Norden. Dr. J. Hamel» (на немецком языке), с. 315, 319. Статья опубликована в академическом издании «Recueil des Actes de la séance publique de L'academie Imperiale des Sciences de Saint-Petersbourg tenue le 29 Decembre 1845.», St.-Petersbourg 1847, с. 85-348
- 1854: Книга Иосифа Гамеля «England and Russia; comprising The Voyages of John Tradescant The Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson and others, to The White Sea, etc.» (на английском языке), с. 342, 351, London, Richard Bentley.
- 1869: Иосиф Гамель «Англичане в России в XVI и XVII столетиях», (на русском языке), с. 209, 214. Работа опубликована в Приложении к «Запискам Императорской Академии наук, том XV, 1869»

1837: Бэр, Редер

Контекст:

– Земля!

– Нет, не Земля, а Луна! – сказал Резкин.

– Вы шутите! – возразил Цитатенфрессер.

– Уверю вас честью, что я говорю сущую истину. Мы приближаемся к Луне!

– Этого быть не может! – воскликнул Цитатенфрессер. – Я вам докажу цитатами невозможность путешествия в Луну... У меня есть выписки о законах тяготения из Ньютона, из Лапласа.

– Всё это и мне известно, но я уступаю очевидности и повторяю, что мы приближаемся к Луне.

Это известие всех испугало. Усачев стал осматривать свое ружьё, хотя и не понимал опасности.

Шар быстро опускался, и воздухоплаватели могли явственно видеть города, селения и леса.

(Фаддей Булгарин, «Похождения Митрофанушки в Луне», Северная Пчела, № 139, с. 556)

Следы кластера:

| Митюшевъ Камень, Mitjuschew-Felsen |

1837. Материалы экспедиции Бэра, рисунки Редера.

Впервые название горы на русском языке приводится в форме «Митюшёв Камень». Первый рисунок этой горы, сделанный с натуры профессиональным художником.

линь уже не видно».

«Г. Зиволка измѣрилъ высоты самыхъ значительныхъ западныхъ горъ Новой-Земли, и нашелъ, что Митюшевъ Ка-

Новая-Земля.

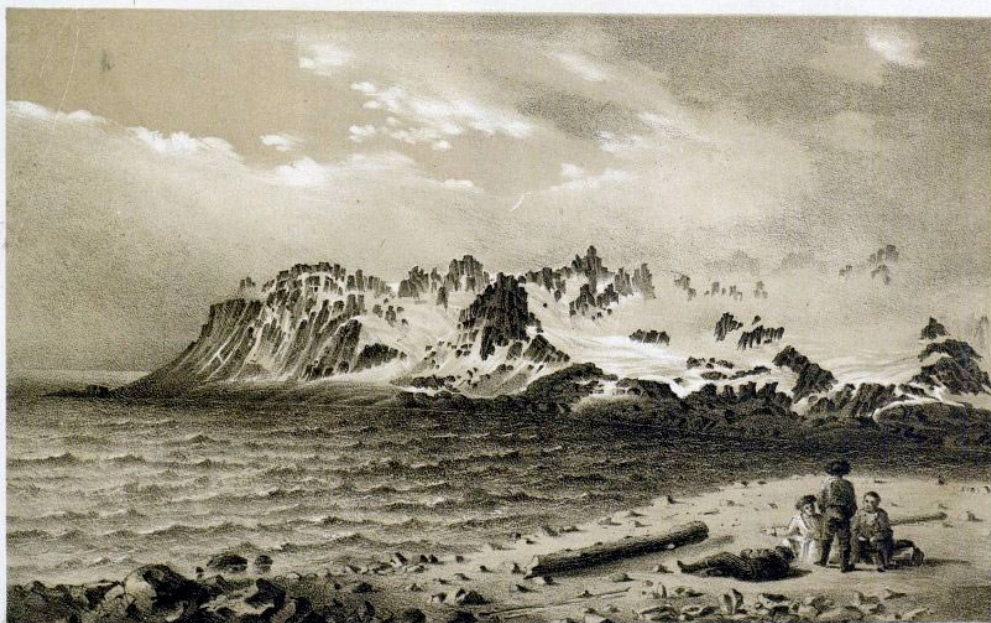
11

мень возвышается на три тысячи двѣсти футовъ. Эта гора величественно поднимается у самого берега на Серебряной

[Илл. 04-04-03-1. Статья Бэра «Русская Лапландия и Новая Земля...» в журнале «Библиотека для чтения...», т. 29, 1838, раздел «Науки и художества». с. 10-11.]

Митюшевъ Ка-мень возвышается

[Илл. 04-04-03-2. Там же. Фрагмент. «Митюшевъ Камень возвышается...»]

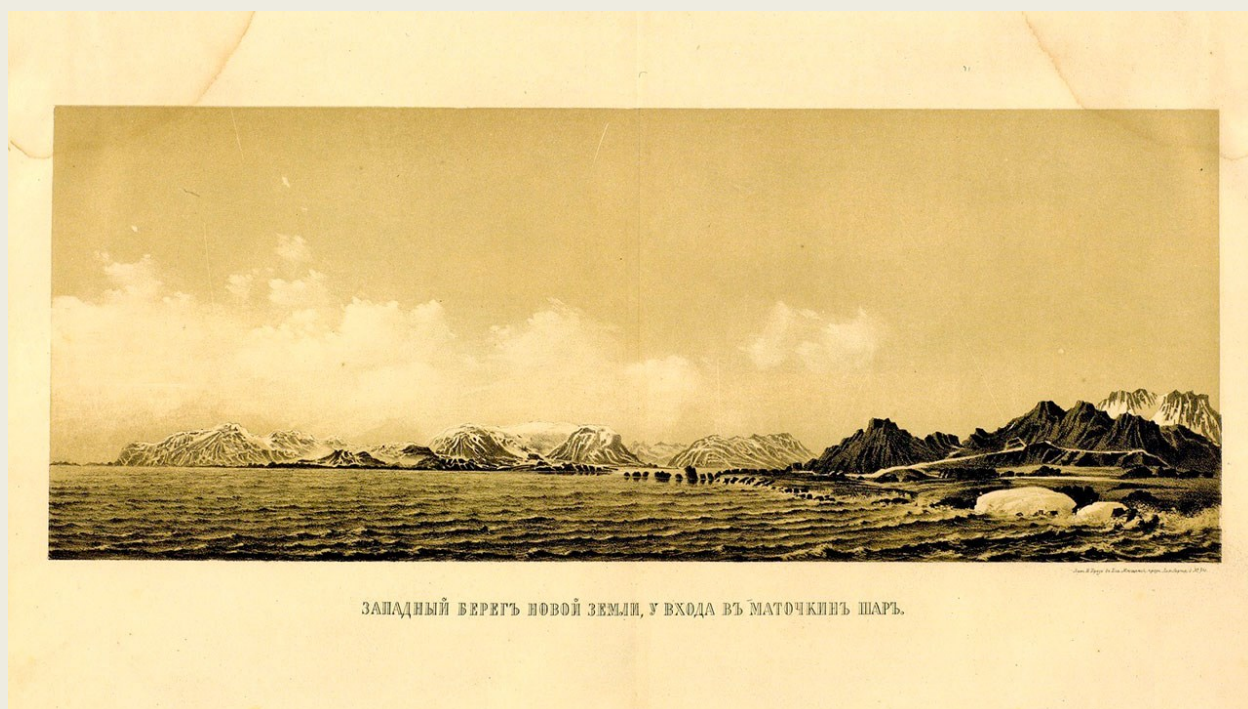

МИТЮШЕВЪ КАМЕНЬ НА ЗАПАДНОМЪ БЕРЕГУ НОВОЙ ЗЕМЛИ.

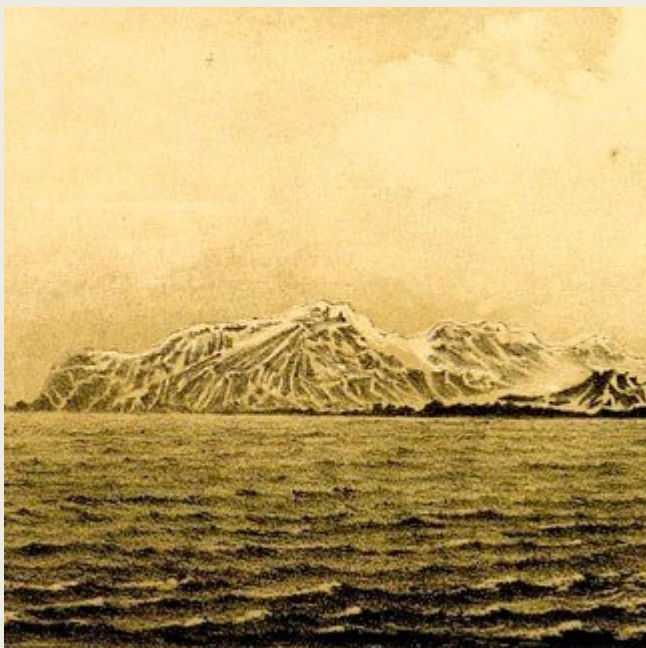
[Илл. 04-04-04-1. Альбом литографий Редера, рис. №4, 1837. Подпись: «Митюшевъ Камень на западном берегу Новой Земли».]

[Илл. 04-04-05-1. То же, вариант на немецком языке. Подпись: «Mitjuschew-Felsen auf Nowaja Semlja».]

[Илл. 04-04-06-1. Альбом литографий Редера, рис. №1, 1837. Подпись: «Западный берег Новой Земли, у входа въ Маточкинъ Шаръ». Самая левая гора – Митюшѣв Камень.]

[Илл. 04-04-06-2. Там же. Фрагмент. Гора «Митюшев Камень».]

Детали:

Академик Карл Бэр руководил первой русской чисто научной экспедицией на Новую Землю в 1837 году.

В его статье, опубликованной без подписи в журнале «Библиотека для чтения», мы находим первое упоминание названия горы именно как «Митюшев Камень»:

Г. Зиволка измерилъ высоты самыхъ значительныхъ западныхъ горъ Новой-Земли, и нашелъ, что Митюшевъ Камень возвышается на три тысячи двести футовъ. Эта гора величественно поднимается у самого берега на Серебряной Бухте, къ северу отъ западной части пролива.

(«Русская Лапландия и Новая Земля...», ж-л «Библиотека для чтения», т. 29, 1838, с. 10-11)

В тот же самый момент, те же самые ощущения что и Бэр, испытал и другой человек, о чём он и написал своему другу:

Лазил на снеговую гору <...> на самый верх, <...> и право, не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: <...> сердце бьётся, грудь высоко дышит – ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь.

В составе экспедиции Бэра находился профессиональный художник Карл (?) Редер (Röder), который сделал с натуры серию рисунков, среди которых есть два изображения горы Митюшев Камень (рис. №4 и №1).

По возвращении Редера в Петербург, его рисунки были перенесены на камень и отпечатаны небольшим тиражом в двух вариантах – с подписями на русском и на немецком языках. Альбом этот, однако, так и остался лежать на складе и почти на сто лет полностью выпал из поля общественного зрения.

В альбоме Редера на переднем плане рисунка №4 («Митюшевъ Камень на западномъ берегу Новой Земли», в немецком варианте – «Mitjuschew-Felsen auf Nowaja Semlja») изображены четыре фигуры. Лицом к зрителю сидят: сам Бэр (справа) и, предположительно, Александр Леман (слева).

На рисунке №1 («Западный берегъ Новой Земли, у входа въ Маточкинъ Шаръ») изображена широкая панорама побережья Новой Земли, где самая левая гора – Митюшев Камень.

Документы:

- Статья «Русская Лапландия и Новая Земля. Путешествие г. академика Бера» (без подписи; предположительно автор – сам Карл Бэр). Опубликовано в журнале «Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Том двадцать-девятый. Издание книгопродавца Александра Смирдина. Санкт Петербург, 1838», Раздел III «Науки и искусства», с. 10-11.

- Альбом «K. E. Baer's Reise auf Nowaja Semlja», 1837. Художник Редер (Röder). Переведено на камень W. Раре в литографической мастерской Тюлева.

1836: Циволька

Контекст:

– Ну, сэр, в путь, и покажите им, как нужно браться за дело, – сказал Сэм ободряющим тоном.

– Пойдите, Сэм, пойдите! – воскликнул мистер Уинкль, сильно дрожа и цепляясь, словно утопающий, за руки Сэма. – Как здесь скользко, Сэм!

– Довольно обычная вещь на льду, сэр, – отозвался мистер Уэллер. – Держитесь, сэр.

Это последнее замечание мистера Уэллера непосредственно относилось к проявленному в тот момент мистером Уинклем неудержимому желанию забросить ноги к небу и удариться затылком об лёд.

– Это... это... очень неуклюжие коньки, не правда ли, Сэм? – осведомился мистер Уинкль, шатаясь.

– Боюсь, сэр, что не они, а джентльмен неуклюж, – ответил Сэм.

(Чарльз Диккенс, «Посмертные записки Пиквикского клуба»)

Следы кластера:

| Mitiuschew I. – Mitiuschew Felsen |

1836. Карта Цивольки.

Первое известное упоминание горы в форме «Mitiuschew Felsen» (то есть, Митюшёв Камень).

[Илл. 04-05-01-3. Карта Августа Цивольки «Karte von Nowaja Semlja gezeichnet von Ziwołka, 1836». Фрагмент. «Mitiuschew Felsen», «Mitiuschew I.»]

[Илл. 04-05-01-2. Там же. Фрагмент. Легенда карты, 1836.]

Детали:

Август Циволька в экспедиции Бэра 1837 года был капитаном шхуны «Кротов». А перед этим, в 1834-35 годах он участвовал в экспедиции Петра Пахтусова к берегам Новой Земли в качестве командира карбаса «Казачков». Приводимая здесь карта Цивольки была составлена им как раз во время экспедиции 1834-35 годов.

Документ:

«Karte von Nowaja Semlja gezeichnet von Ziwolka. 1836.»

1821: Литке

Контекст:

Прохаживаясь по улицам Петербурга, я ощущаю на лице холодный северный ветер, который меня бодрит и радует. Поймёшь ли ты это чувство? Ветер, доносящийся из краёв, куда я стремлюсь, уже даёт мне предвкушать их ледяной простор. <...> Тщетно стараюсь я убедить себя, что Полюс – это обитель холода и смерти; он предстаёт моему воображению как царство красоты и радости. Там, Маргарет, солнце никогда не заходит; его диск, едва подымаясь над горизонтом, излучает вечное сияние. <...>

Сейчас лучшее время года для путешествия по России. Здешнее сани быстро несутся по снегу. <...> Я вовсе не намерен замерзнуть на почтовом тракте между Петербургом и Архангельском. <...>

В прошлый понедельник <...> мы вошли в область льда, который почти сомкнулся вокруг корабля, едва оставляя нам свободный проход. <...>

Около двух часов дня туман рассеялся, и мы увидели простиравшиеся во все стороны обширные поля неровного льда, которым, казалось, нет конца. <...> Но тут наше внимание было привлечено странным зрелищем, заставившим нас забыть о своём положении...

(Мэри Шелли, «Франкенштейн», первое французское издание)

Следы кластера:

| Митюшевъ островъ – Г. Митюшиха (гора) – Митюшевъ Носъ – губа Митюшиха – полуостровъ Митюшевский Наволокъ |

1821-1822. Отчёт Литке о путешествиях к Новой Земле (текст и карты).

Сведения, сообщаемые Литке, получены им как из многочисленных документальных источников, так и из прямых контактов с объектами «топонимического кластера». Литке сообщает о наличии «Митюшёвского Наволока» на карте Розмыслова (впоследствии предположительно утерянной). Приводит технический рисунок горы Митюшёв Камень, сделанный с натуры.

J $\frac{24}{14}$ L346m1

ЧЕТЫРЕКРАТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СЪВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ,

совершенное по повелѣнію

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I,

на военномъ бригѣ

НОВАЯ ЗЕМЛЯ,

въ 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ,

Флота Комитанъ - Лейтенантомъ

Федоролиъ Литке.

Съ присовокупленіемъ путешествій Лейтенанта Демидова
въ Белое море и Штурмана Иванова на рѣку Печору.

Une volonté forte et une persévérance active ne suffisent pas toujours pour surmonter les obstacles. A. Humboldt. Relation historique. Introduction. p. 7.

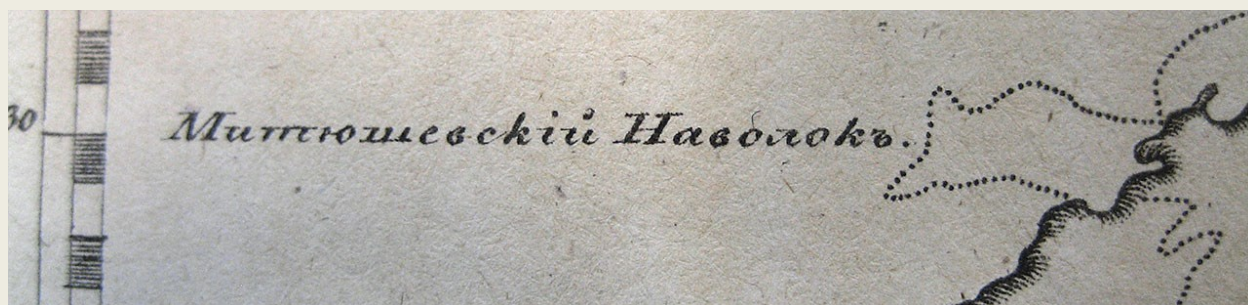
Издано по Высочайшему повелѣнію.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. - 2

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи, 1828 года.

[Илл. 04-06-01-1. Литке, «Четырекратное путешествие...», первое издание, 1828. Титульный лист.]

[Илл. 04-06-06-2. Там же. Фрагмент. Полуостров «Митюшевский Наволок».]

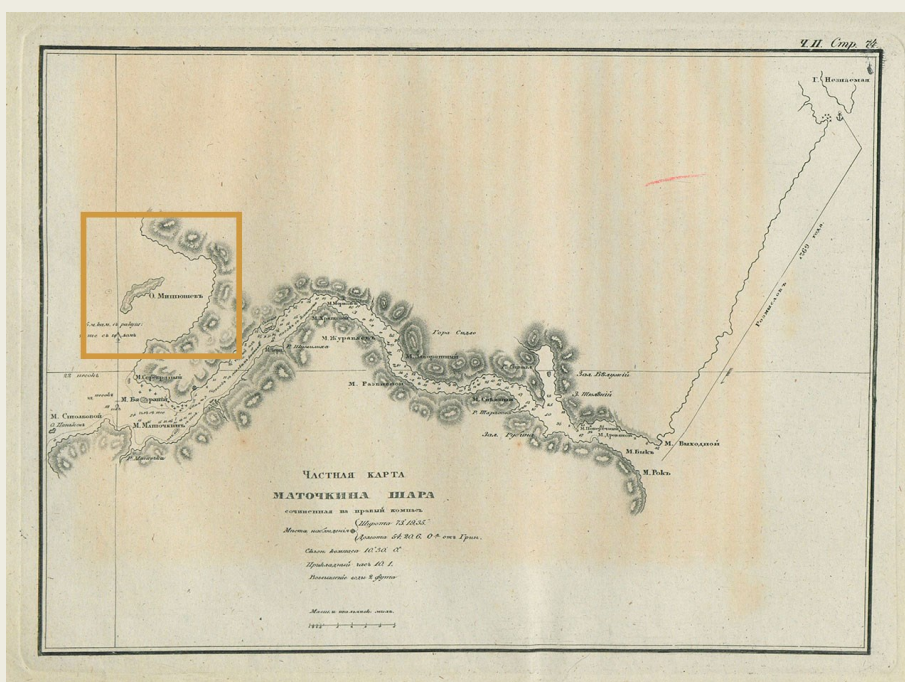
[Илл. 04-06-07-2. Там же, ч. 1, вкладка между с. 298 и с. 299. «Карта части западного берега Новой Земли, описанного въ 1821, 1822 и в 1823 годахъ». Фрагмент. «М. Митюшев» и окрестности.]

[Илл. 04-06-07-3. Там же. Фрагмент. «М. Митюшев», «О. Митюшев».]

[Илл. 04-06-07-4. Там же. Фрагмент. «Г. Митюшиха».]

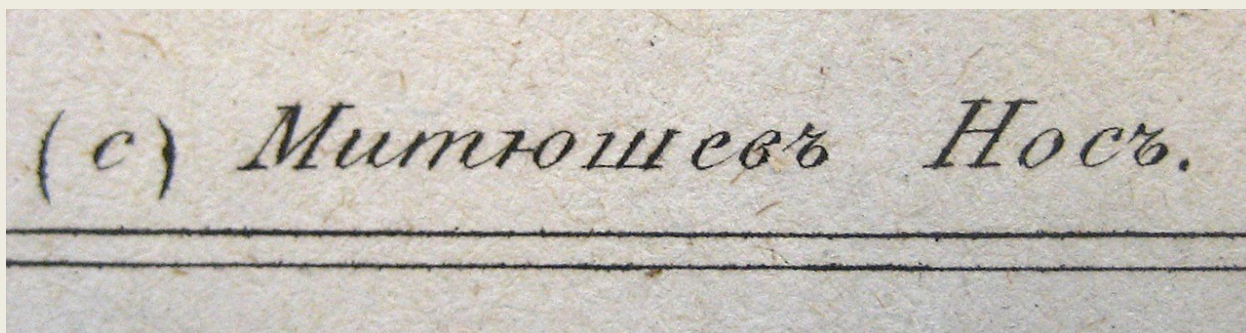
[Илл. 04-06-08-1. Там же, ч. 2, вкладка между с. 74 и с. 75. «Частная карта Маточкина Шара, сочиненная на правый компасъ».]

[Илл. 04-06-08-2. Там же. Фрагмент. «О. Митюшев».]

[Илл. 04-06-09-2. Там же, ч. 2, Приложение. Рисунок контуров береговых гор. Фрагмент. Гора Митюшев Камень («Митюшев Нос»)].

[Илл. 04-06-09-3. Там же. Фрагмент. «Митюшев Нос».]

Детали:

Некоторые цитаты из дневника Фёдора Литке:

Митюшевъ Носъ есть высокій, отрубистый мысъ, прилежащій губе Серебрянке. (Сентябрь 1821, гл. 2, с. 220)

Митюшевъ островъ лежитъ подъ самымъ берегомъ, и въ большемъ разстояніи, наипачеже въ мрачное время, съ трудомъ можетъ быть отличенъ. (8 августа 1822, гл. 3 с. 301).

Бухта, которая, какъ мне тогда показалось, соответствовала устью его [пролива], есть губа Митюшиха, самое же устье, лежавшее несколько южнее, принялъ я за простую губу. (8 августа 1822, гл. 3 с. 301)

Обогнувъ его <мыс Сухой Нос>, легли мы прямо къ Митюшеву острову; пасмурность на некоторое время прочистилась, и <...> сей островъ <...> открылся весьма ясно. (16 августа 1822, гл. 3, с. 310)

Сей полуостровъ показался мне имеющимъ большое сходство съ Митюшевскимъ наволокомъ, показаннымъ на Розмысловой карте къ NW отъ Маточника Шара, въ 20 миляхъ. (26 августа 1821, гл. 2. С. 209)

Сама карта Розмылова считается утерянной. Так что последняя запись – ценное свидетельство того, что на его карте (1769) полуостров «Митюшев Наволок» уже (или ещё) присутствовал.

Документ:

Книга «Четырехкратное путешествіе въ Северный Ледовитый Океанъ, совершенное по повеленію Императора Александра I, на военномъ бриге «Новая Земля», въ 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ флота капитанъ-лейтенантомъ Федоромъ Литке.», части 1 и 2, СПб, 1828, отпечатано в Морской типографии.

1787: Крестинин

Контекст:

Для философии стало бы истинным триумфом, если бы она смогла пролить свет на те пути, коими Провидение ведёт человека к предначертанному ему концу, и, соответственно, прояснить общий замысел, что могло бы дать хоть какое-то понимание этому несчастному двуногому индивиду, беспрестанно болтающемуся на волнах бытия, которое, говорят, столь же беспощадно, так вот – найти, я говорю, ряд правил, которые могли бы помочь человеку правильно интерпретировать знаки Судьбы и наметить линию поведения, коей он должен держаться, чтобы избежать ловушек этого самого Фатума, который имеет двадцать различных имён, но до сих пор так и не определён по существу. Ещё более утончённо, хотя так же неверно, мнение тех, кто считает, что не разум, а особое моральное чувство определяет моральный закон, в силу которого сознание добродетели непосредственно связано с удовлетворённостью и наслаждением, а сознание порока – с душевным смятением и страданием, и таким образом всё сводится к желанию личного счастья.

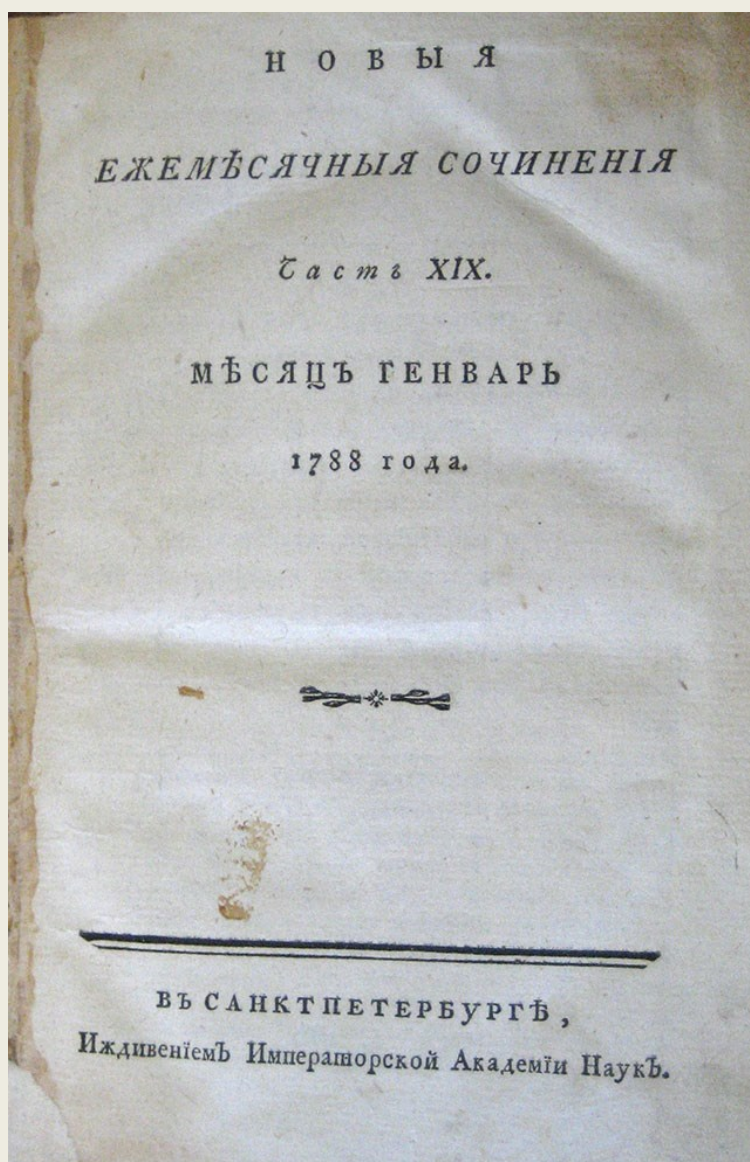
(Де Сад, первая редакция «Жюстины» (Les Infortunes de la vertu); Иммануил Кант, «Критика практического разума»)

Следы кластера:

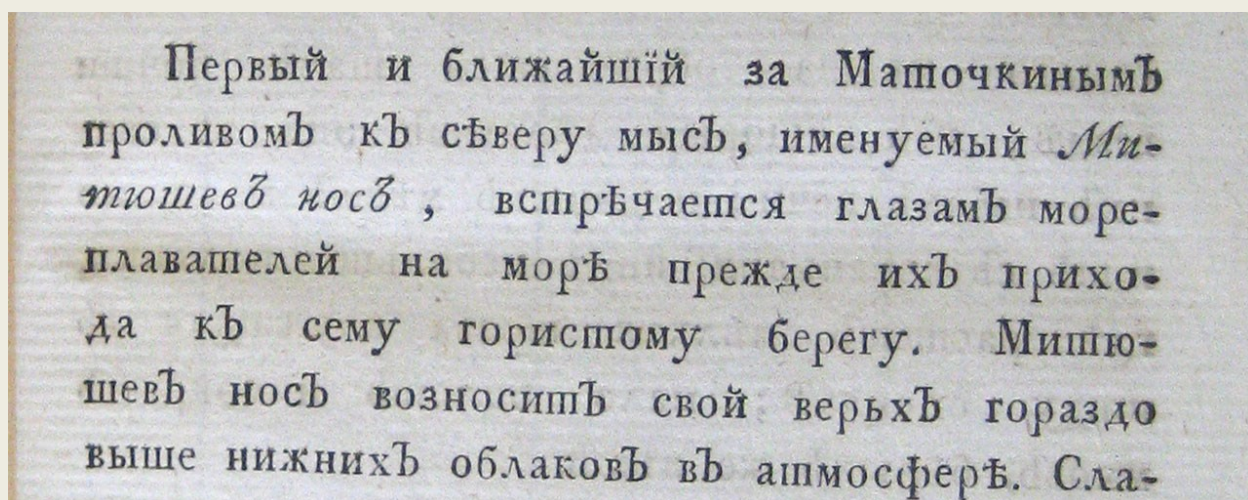
| Митюшевъ островъ – Митюшевъ носъ (гора) – Митюшевъ Носъ (мыс) – губа Митюшева (также «губа Митюшиха») – Митюшевская пустыня |

1787. Обзор Крестинина.

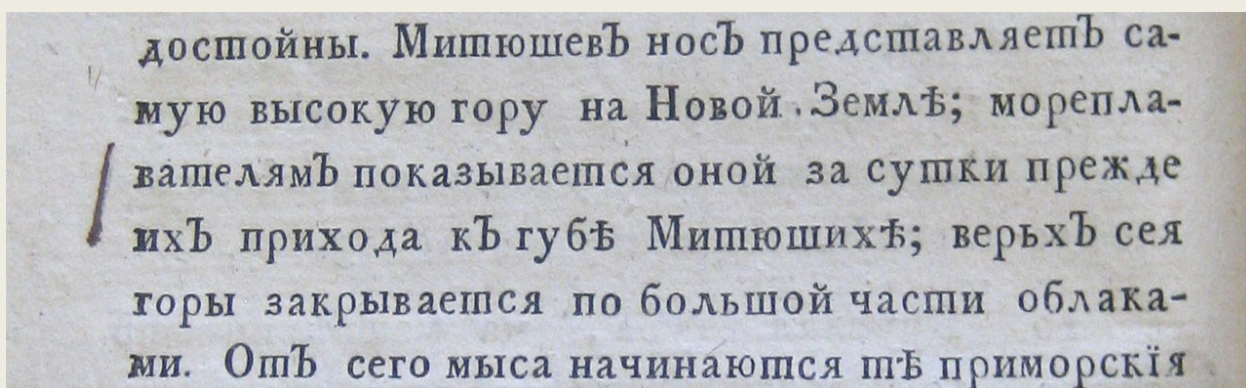
Впервые приведено название горы (в форме «Митюшѣв нос»). Залив, фигурирующий в документах по большей части как «губа Митюшиха», встречается здесь также и в прямой форме – «губа Митюшѣва». Имеется первое косвенное указание на понимание совокупности ряда объектов Новой Земли именно как «топонимического кластера» (под собирательным названием «Митюшѣвская пустыня»).

[Илл. 04-07-01-1. Журнал «Новые ежемесячные сочинения», часть 19, 1788. Титульный лист.]

[Илл. 04-07-02-2. Там же. Крестинин, «Географическое известие о Новой Земле полярного края», с. 13. Фрагмент. «Митюшев Нос возносит свой верх...».]

[Илл. 04-07-03-2. Там же, с. 56. Фрагмент. «Митюшев Нос представляет самую высокую гору на Новой Земле».]

Детали:

Некоторые цитаты из статьи Крестинина «Географическое известие о Новой Земле Полуночного Края» и двум к ней «Прибавлением» в журнале «Новые Ежемесячные Сочинения» т. XIX и т. XXXI. Орфография сохранена:

Митюшевъ островъ лежитъ противъ губы того же имени <...> имеетъ въ окружности около 2 верстъ, находится отъ Новоземельскаго берега около 10 верстъ. (XXXI с. 43, Приб. 1)

Митюшевъ носъ представляетъ самую высокую гору на Новой Земле; мореплавателямъ показывается оной за сутки прежде ихъ прихода къ губе Митюшихе; верхъ сей горы закрывается по большей части облаками. (XXXI с. 56, Приб. 2)

Первый и ближайшій за Маточкинымъ проливомъ къ северу мысъ, именуемый Митюшевъ носъ, встречается глазамъ мореплавателей на море прежде ихъ прихода къ сему гористому берегу. (XIX с. 13)

Щитається морскаго пути отъ Маточкина шара до Митюшева носа, въ Глубникъ, шесть часовъ; отъ Митюшева носа въ северъ, до Чернаго носа, сутки. (XXXI с. 52, Приб. 2)

Первой морской заливъ называется Серебряная губа, или Митюшева; широкое ея устье около 30 верстъ, длина около 10 верстъ. (XXXI с. 18, Приб. 1)

Неутомленное человеческое стараніе къ снисканію серебра, можетъ быть, переменяло бы Митюшевскую пустыню въ главное Новоземельское становище, естли бы вольность была дана нашимъ поморцамъ. (XXXI с. 60, Приб. 2)

Документы:

- Василий Крестинин, статья «Географическіе Известія о Новой Земле Полунощнаго края» (с двумя прибавлениями), 1788-89. Опубликовано – «Новые Ежемесячные Сочинения», т. 30-31, 1788-89, СПб, «Изданием Императорской Академии Наук».

- Текст «Географического Известия...» Крестинина перепечатан полностью в книге «Путешествия академика Ивана Лепёхина, Часть IV, в 1772 году», СПб, 1805, «При Императорской Академии Наук», с. 123-193.

Дополнительно:

Сами материалы Крестинина (написание, а не публикация) датируются 1787-88 годами (отмечено автором в тексте статей). Вот ещё некоторые цитаты:

«губа Митюшиха» (XIX с. 9)

«... въ северной части Новой Земли близъ Митюшева носа протекаетъ въ море 7) речка Волчиха, въ длину около 5 верстъ.» (XXXI с. 25, Приб. 1)

«отъ Маточкина Шара до Митюшева Носа морской путь средняго поноса на сутки; отъ Митюшева мыса до Чернаго Носа путь средняго же поноса на сутки...» (XXXI с. 6-7, Приб. 1)

«Митюшиха губа, она же называется еще Серебрянка, на устье имеетъ около 4 верстъ, въ длину около 15 верстъ» (XXXI с. 54, Приб. 2)

1772: Трускотт

Контекст:

А. Это великолепное звёздное небо, под покровом которого мы вернулись вчера и которое, казалось, обещало нам прекрасную погоду, не сдержало своего слова.

В. Откуда вы это знаете?

А. Туман такой густой, что скрывает от нас соседние деревья.

В. Это правда. Но этот туман, который держится в низших слоях атмосферы лишь потому, что в них – избыток влаги, может ведь опуститься на землю?

А. Но он может и, наоборот, подняться вверх, в высшие слои воздуха – туда, где последний не так плотен и, как говорят химики, не насыщен.

В. Придётся подождать.

А. Да, но чем вы займётесь в ожидании?

В. Я читаю.

(Дени Дидро, «Добавление к Путешествию Бугенвилля»)

Следы кластера:

| Митюшовъ Ост. – Митюшиха Губа – Наволокъ Митюшовъ |

1772. Карта Трускотта.

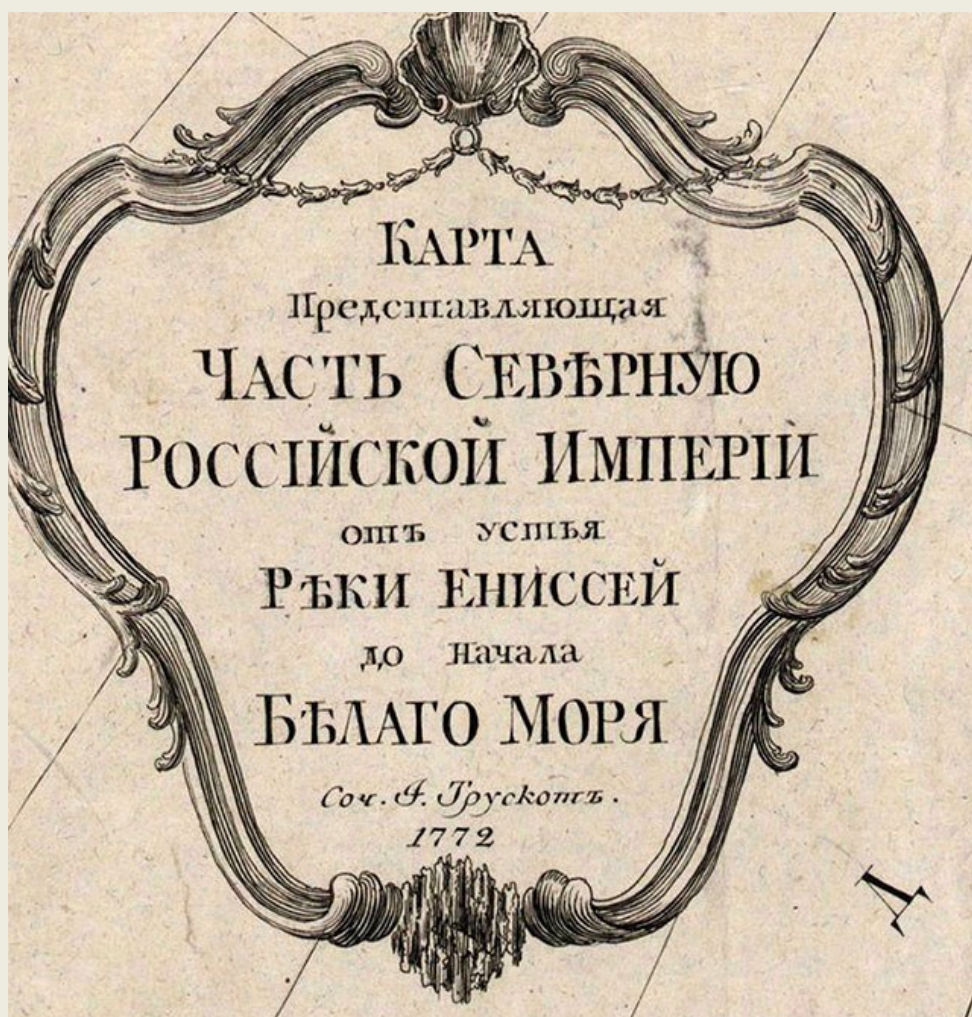
Самая ранняя русская карта, из числа предназначенных для «широкого хождения», содержащая те или иные объекты «топонимического кластера» Новой Земли. Самая ранняя физически сохранившаяся карта с топонимом Митюшёв Наволок (полуостров).

[Илл. 04-08-01-1. Трускотт, «Карта представляющая Часть Северную Российской Империи от устья реки Енисей до начала Белого моря», 1772.]

[Илл. 04-08-01-3. Там же. Фрагмент. «Наволокъ Митюшов», «Митюшов Ост.», «Митюшиха Губа».]

[Илл. 04-08-01-2. Там же. Фрагмент. Картуш.]

Детали:

Иван Трускотт (Johann Truscott), 1821-1886, адъютант Академии Наук, коллега Ломоносова, один из двух руководителей Картографической лаборатории, «отец русской картографии».

Картографическая проработка Новой Земли, выполненная Трускоттом в 1772 году, отразилась впоследствии в таком знаменитом издании, как «Российский Атлас из сорока четырех карт состоящий...» (1792) и многих-многих других.

И вообще, мировая Новоземельская картография того периода представляет собой исключительно реплики карты Трускотта 1772 года. При этом источник, которым пользовался сам Трускотт при нанесении объектов «топонимического кластера», мне остаётся неизвестен. Единственно, обращает на себя внимание тот факт, что карта Трускотта вышла три года спустя после завершения экспедиции Фёдора Розмыслова на Новую Землю.

Полуостров, обозначенный у Трускотта, как Митюшѣв Наволок, сейчас носит название Сухой Нос.

Документ:

«Карта представляющая Часть Северную Российской Империи от устья реки Енисей до начала Белого моря. Соч. Я. Трускотъ 1772. Вырезывал П. Холодов». Санкт-Петербург : Акад. Наук, 1772. – 1 л. : Гравюра на меди ; 45x57 (60x69) см. РНБ, шифр хранения: К 1-Сев 2/6.

Дополнительно:

Вот лишь некоторые реплики карты Трускотта 1772 года в части, касающейся «топонимического кластера» Новой Земли: «Россійской Атласъ изъ сорока четырехъ картъ состоящій и на сорокъ на два наместничества Имперію разделяющій. Сочинен: гравир: к печат: при Горном Училище 1792»; «Атласъ Россійской Имперіи, состоящій из 52 картъ, Изданный во граде С. Петра въ лето 1796-е в царствованія Екатерины II XXXV-е»; «Россійской Атласъ изъ сорока трехъ картъ состоящій и на сорокъ одну Губернію Имперію разделяющій. Изданъ при Географическомъ департаменте 1800»; «Атлас Сайера» 1790 года (Robert Sayer, «A General Atlas, describing the whole Universe...», лист 21); «Карта Вилкинсона» 1801 года (Robert Wilkinson, «The Russian Empire in Europe and Asia»); «Карта Лайзерса» 1820 года (Daniel Lizars, «Wall Map of Asia») и т.д.

1769: Розмыслов

Контекст:

– Раз уж мы решили создать поэтическое общество, – значит, мы все поэты, – заметила Дайюй, – и поэтому прежде всего нам следует отказаться от таких обращений друг к другу, как «сестра», «сестрица», «дядя», «тётя».

– Совершенно верно, – поддержала её Ли Вань. – Куда интересней выбрать себе псевдоним! Я, например, хочу называться Крестьянка из деревушки Благоухающего риса.

– А я – Обитательница кабинета Осенней свежести, – подхватила Таньчунь.

– Обитательница, хозяйка – это как-то неблагозвучно, – возразил Баоюй, – и, пожалуй, избито. Здесь ведь растёт столько утунов и бананов, хорошо бы их включить в псевдоним.

– Придумала, придумала! – рассмеялась Таньчунь. – Я больше всего люблю бананы, так что называйте меня Гостя из-под банана.

– Замечательно! Прекрасно! – закричали все дружно.

– Что ж, давайте скорее её поздравим и примем за вино! – воскликнула Дайюй.

Никто не понял, что она имеет в виду. Тогда Дайюй пояснила:

– У Чжуан-цзы говорится: «Листья бананов скрывают оленя». Уж не сравнивает ли себя Таньчунь с оленем, раз хочет называться Гостьей из-под банана? Хватайте её, сделаем из неё вяленую оленину!

Все рассмеялись.

(Сюэцинь Цао, «Сон в красном тереме»)

Следы кластера:

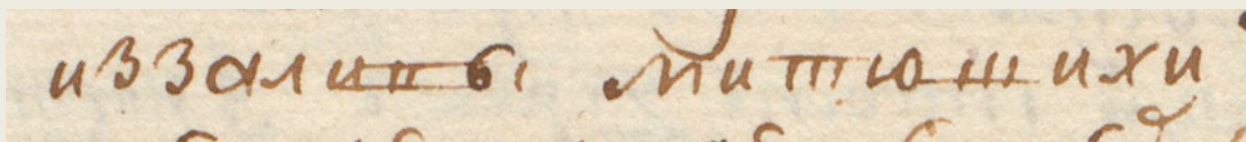
| Залива Митюшиха (так, «залива» женского рода) – Полуостровъ Митюшевскій наволокъ (карта, по свид. Литке) |

1769. Шканечный журнал Розмыслова и его карта (*).

Журнал Розмыслова содержит одно из первых в русских документах упоминаний губы Митюшихи. К журналу изначально прилагалась карта, ныне считающаяся утерянной. Однако сохранилось свидетельство Литке о том, что эта карта содержала название «Митюшёвский наволокъ», ранее нигде не встречающееся.

таб	всп	пог	ули	длина	таб	всп	пог	ули	длина
1	W				1	W			
2	D				2	D			
4	D				4	D			
6	D				6	D			
8	D				8	D			
9	N				9	N			
10	NO				10	NO			
12	D				12	D			
1	W				1	W			
2	D				2	D			
3	D				3	D			
4	D				4	D			
5	NO				5	NO			
6	D				6	D			
7	W				7	W			

[Илл. 04-09-01-1. Шканечный журнал Розмыслова, л. 36 об. РГАВМФ, ф. 913, оп. 1, док. 133. Публикуется впервые.]

[Илл. 04-09-01-2. Там же. Фрагмент. «Из заливы Митюшихи».]

Детали:

Вот текст соответствующего места из Шканечного журнала Розмылова:

Въ 9 день августа 1769 году.

9 [часов утра]. Ветръ тихи погода хмурная смокротою, видно намъ идущее вшаре отъ NW промышленное судно. <...>

1 [час дня]. Ветръ тихи темно облачно, ипомянутая лодья вшару подъ N. берегомъ легла наякорь.

2 [часа дня]. Въ 2 часа вылили изсудна воду отъ 6-ти до 1-го дюйма, спомянутой лодьи пришла кнамъ лотка накоторой приехалъ шхиперъ Антонъ Ермолинъ которой объявилъ что идетъ иззаливы Митюшихи спромысловъ.

Упоминание другого объекта «топонимического кластера» (полуострова «Митюшевский наволокъ»), датируемое тем же 1769 годом, имелось на карте Новой Земли, составленной Розмысловым по результатам его экспедиции. Карта эта считается утерянной, однако Литке определённо заявляет, что лично пользовался ею и видел обозначенный на ней «Митюшевский наволокъ».

Сей полуостровъ показался мне имеющимъ большое сходство съ Митюшевскимъ наволокомъ, показанным на Розмысловой карте къ NW отъ Маточника Шара, въ 20 миляхъ.

(Литке, 26 августа 1821)

Карта Розмылова по-видимому содержала как минимум ещё один объект «топонимического кластера» – «мыс Митюшёва». Во всяком случае, в «Каталоге» Б. В. Эвальда (1917) в описании карты Розмылова этот мыс фигурирует.

Документы:

- Судовой журнал плавания Фёдора Розмылова, запись от 9 августа 1769 года. РГАВМФ, ф. 913, оп. 1, док. 133, л. 36 об. Публикуется впервые.

- «Карта Розмылова». Эта карта на настоящий момент считается утерянной, однако её содержание известно по ряду прямых свидетельств. В данной работе используются два их них:

1. Ф. П. Литке, «Четырёхкратное путешествие въ Северный Ледовитый Океанъ, совершенное по повеленію Императора Александра I, на военном бриге «Новая Земля», въ 1821, 1822, 1923 и 1824 годахъ флота капитанъ-лейтенантомъ Федоромъ Литке.», часть 1, с. 209. Запись от 26 августа 1821 года.

2. Б. В. Эвальд, «Каталог атласов и карт, хранящихся в Депо морских карт и книг Главного Гидрографического Управления Морского Министерства», с. 66. Петроград, 1917, Типография Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе.

Согласно «Каталогу» Эвальда, в Депо морских карт на лето 1917 года числилось 5 экземпляров карт Розмыслова-Чиракина, номера хранения: 1314, 1315, 1316, 2982, 2983 (по Каталогу №№ 598-602). Дальнейшая их судьба мне неизвестна.

1736: Селифонтов

Контекст:

При том же и сие мне к тому дало повод, то есть дабы чрез сию перемену объявить оному благородному и никогда между нашими, нынешними и будущими, пиитами в памяти умереть не имеющему автору, что коль чрез малую перемену и лёгкий способ можно из старых наших стихов новые сделать, буде он благоволяет ещё когда забаву иметь, для препровождения своего времени, в сложении стихов, и буде высокие, к тому ж и важные упражнения и дела (которые острой его прозорливости и бодрому попечению, при дворе великобританском в характере полномочного министра ныне вверены) к тому его допускают.

(Василий Тредиаковский, «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий»)

Следы кластера:

| Ост. Митюшев – Мить башиха |

1736. Карта Селифонтова.

Первое документально зафиксированное упоминание на русском языке «Митюшёва острова» и губы (или – горы?) «Митюшихи».

[Илл. 04-10-01-8. «Карта Селифонтова», 1736. РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, док. 7.].
Фрагмент. «Ост. Митюшев».]

[Илл. 04-10-01-9. Там же. Фрагмент. «Мить башиха».

Детали:

На «карте Селифонтова» 1736 года мы видим самые ранние из известных упоминания объектов «топонимического кластера» на русском языке.

Василий Михайлович Селифонтов участвовал в Великой Северной Экспедиции в Двинско-Обском отряде в статусе «геодезии ученика» – сперва под началом лейтенантов Муравьева и Павлова (начиная с 11 марта 1735), а после их замены – под началом лейтенантов Малыгина и Скуратова (с марта 1736).

Кстати, на корабле Скуратова в 1736 году находился мезенц-кормщик Иван Дмитриевич Откупщиков – отец того самого Алексея (Ивановича) Откупщикова («Пыхи»), с чьих слов в 1788 году Василий Крестинин составил своё второе (и лучшее) «Прибавление к Известию о Новой Земле». Во время же плавания Ивана Откупщикова со Скуратовым его сыну «Пыхе» было около 22 лет.

Геодезист Селифонтов известен в первую очередь тем, что он в 1736-37 прошёл пешком вдоль всего берега Ямала, поставил там маяки и, переплыв через будущий «пролив Малыгина», ступил на остров Белый. По результатам своих геодезических измерений Селифонтов составил первую достоверную карту Ямала.

Но нам Селифонтов интересен другим своим свершением. После первого своего плавания летом 1735 года (пока всё ещё с Муравьевым: Пустозёрск – северная оконечность Ямала – Пустозёрск), Селифонтов к январю 1736 года составил карту по промежуточным результатам экспедиции – собственную съёмку берегов, вдоль которых он плавал летом. На эту карту он нанёс также и те места, которых сам не видел. Точно указав, однако, источники, с которых он срисовывал эти участки.

Данная карта публиковалась всего единожды – в 1956 году в книге Михаила Белова «Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX века» (на с. 279. Изд. «Морской транспорт», 1956).

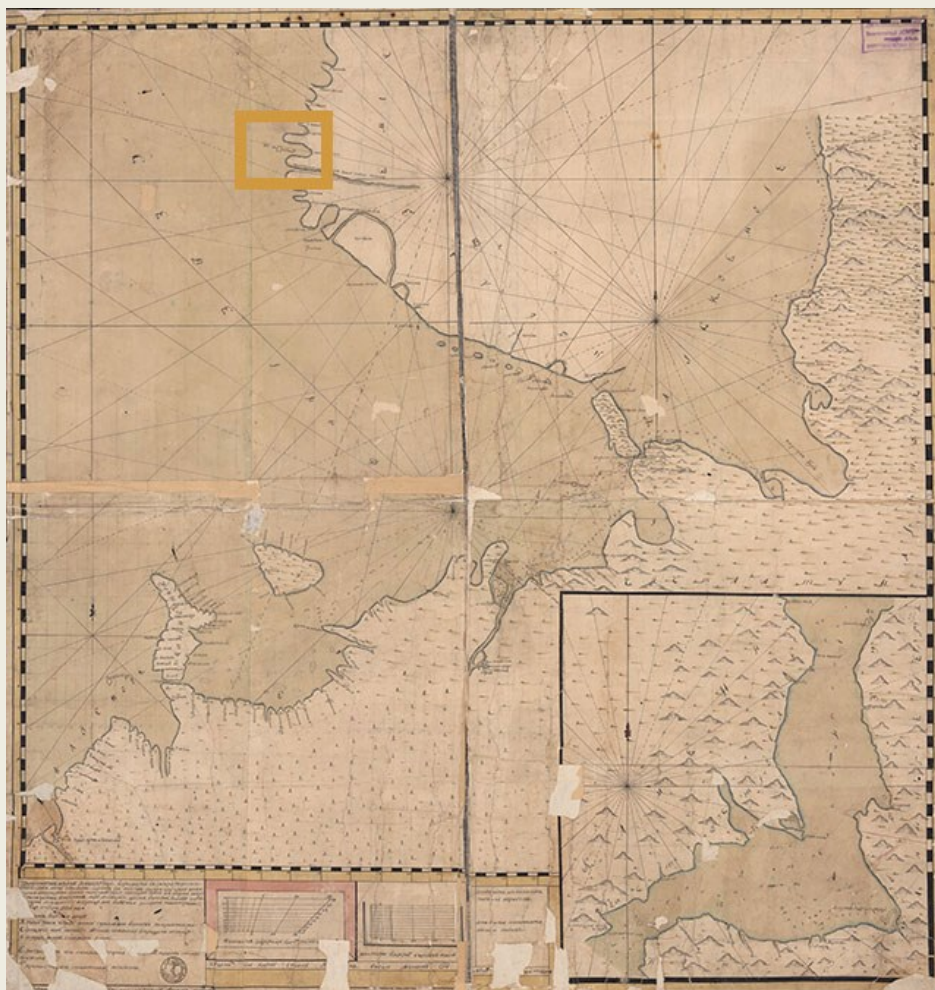
К сожалению, формат и качество публикации 1956 года (чёрно-белая растровая печать в половину книжной страницы) полностью исключают возможность использования её для каких-либо топонимических исследований, поскольку на изображении не то что невозможно разобрать ни единой надписи, но вообще нельзя понять – есть ли в том или ином месте хоть какая-то надпись вообще.

Всё это несколько не умаляет заслуг Михаила Ивановича Белова, чья фантастическая по полноте охвата книга может служить эталоном научной добросовестности и скрупулёзности. В частности, Беловым были опубликованы выходные данные карты Селифонтова (заглавие, датировка, авторство). Вообще, всячески рекомендую эту книгу, в своём роде непревзойдённую.

Но в любом случае пришло время для более детальной публикации «карты Селифонтова». Особенно если учесть, что за прошедшие 60 лет её физическое состояние заметно ухудшилось.

Изменилось и местонахождение этой уникальной карты. В настоящее время она хранится в архиве РГАВМФ, фонд 1331, опись 4, документ 7.

Сначала дам общий её вид (на котором также мало что видно, поскольку карта в оригинале большая, почти метр на метр):

[Илл. 04-10-01-1. «Карта Селифонтова», 1736. РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, док. 7.]

В выходных данных карты значатся много фамилий, так что сходу трудно понять, кто, собственно, её автор. Постараемся не запутаться:

От флота лейтенант Степан Муравьев.

От флота лейтенант Михайло Павлов.

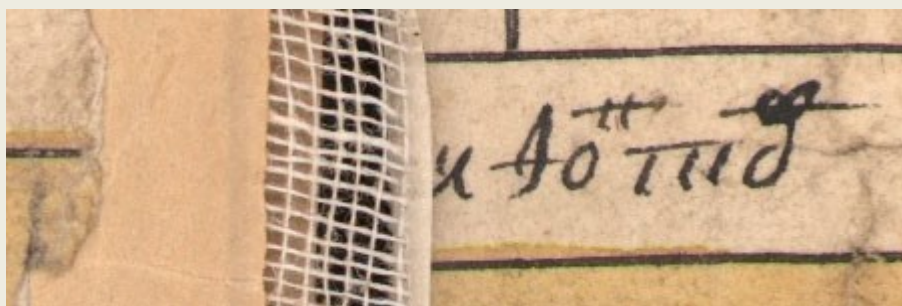
Сочинил сию карту и план геодезист Василь Михалов сын Селифонтов.

С подлинной копировал геодезии ученик Филип Тимофеев.

Самое сложное для расшифровки место относится к указанию авторства самого Селифонтова, поскольку этот участок карты повреждён. Обращаю внимание, что это никакой не «Василий Михайлов» (как я видел в некоем указателе), а именно «Василий Михайлович Селифонтов».

[Илл. 04-10-01-5. Там же. Фрагмент. «Василий Михайлов сын Селифонтов».]

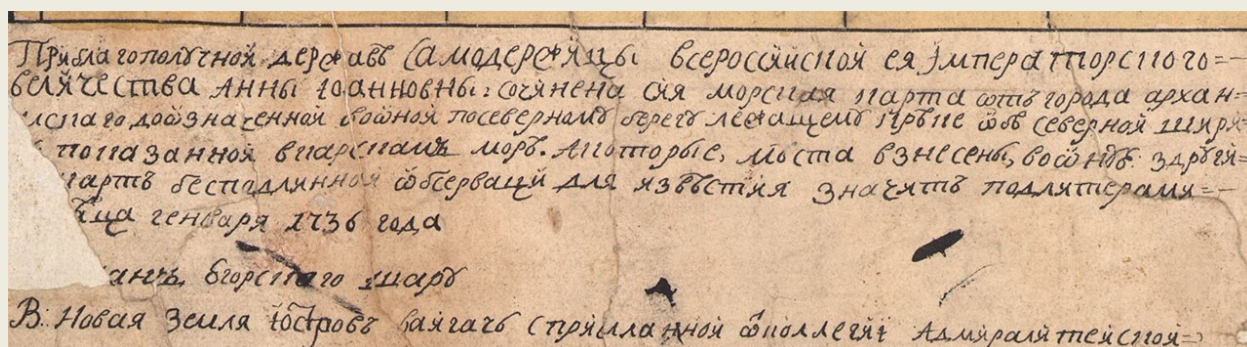

[Илл. 04-10-01-6. Там же. Фрагмент. «[Сел]ифонтов».]

Значительную площадь карты занимает изображение Новой Земли. Селифонтов прямо указывает свой по ней источник:

А которые места взнесены во оную [карту] з других карт бес подлинной обсервации для известия значит под литерами. Месяца генваря 1736 года. [.....]

Новая Земля и остров Вайгачь [скопированы] с присланной [карты] от коллегии Адмиралтейской.

[Илл. 04-10-01-7. Там же. Фрагмент. «А которые места взнесены з других карт... с присланной от коллегии Адмиралтейской».]

Что из себя представляла эта «присланная карта от коллегии Адмиралтейской» – неизвестно, в архивах она не обнаружена. Таким образом, изображение Новой Земли на карте Селифонтова 1736 года является на настоящий момент самым старым русским картографическим детализированным изображением Новой Земли.

Это изображение вполне оригинально и не имеет ничего общего ни со знаменитой «картой Пальмквиста 1674 года» (о ней см. ниже), ни с «картой Земли Самоедов» из книги Витсена 1692 года.

Теперь по нашей теме. На карте Селифонтова четко обозначен и подписан Митюшев остров.

[Илл. 04-10-01-8. Там же. Фрагмент. «Ост. Митюшев».]

В использованном типе письма данная надпись читается именно как «Ост. Митюшев», уж поверьте.

С другим «Митюшёвским» топонимом дело обстоит ещё интересней. А именно, «губа Митюшёва» (Митюшиха) значится на карте Селифонтова, как «Мить башиха», именно так, в два слова.

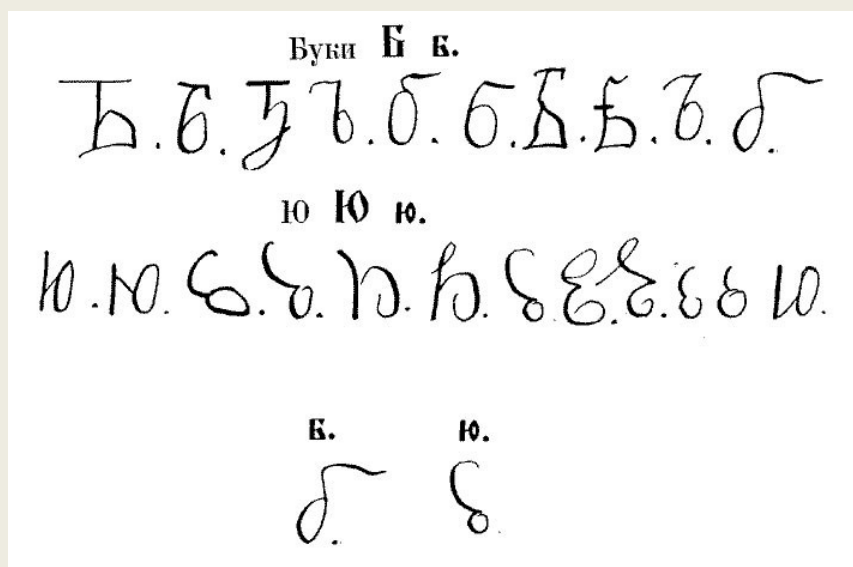

[Илл. 04-10-01-9. Там же. Фрагмент. «Мить башиха».]

Как так могло получиться остаётся только гадать. Ну так давайте и погадаем.

Для начала вспомним, что данное название копировалось Селифонтовым с некой «карты Адмиралтейств-коллегии», где по всем понятиям должна была значиться губа «Митюшиха».

А ещё вспомним, что в русской скорописи XVII века (а именно к этому периоду предположительно относится «карта от Адмиралтейств-коллегии»), буква «ю» и буква «б» в одном из вариантов их написания мало различимы (см. Иван Беляев: «Практический курс изучения древней русской скорописи», Москва, Синодальная типография, 1907, с. 12 и 17)

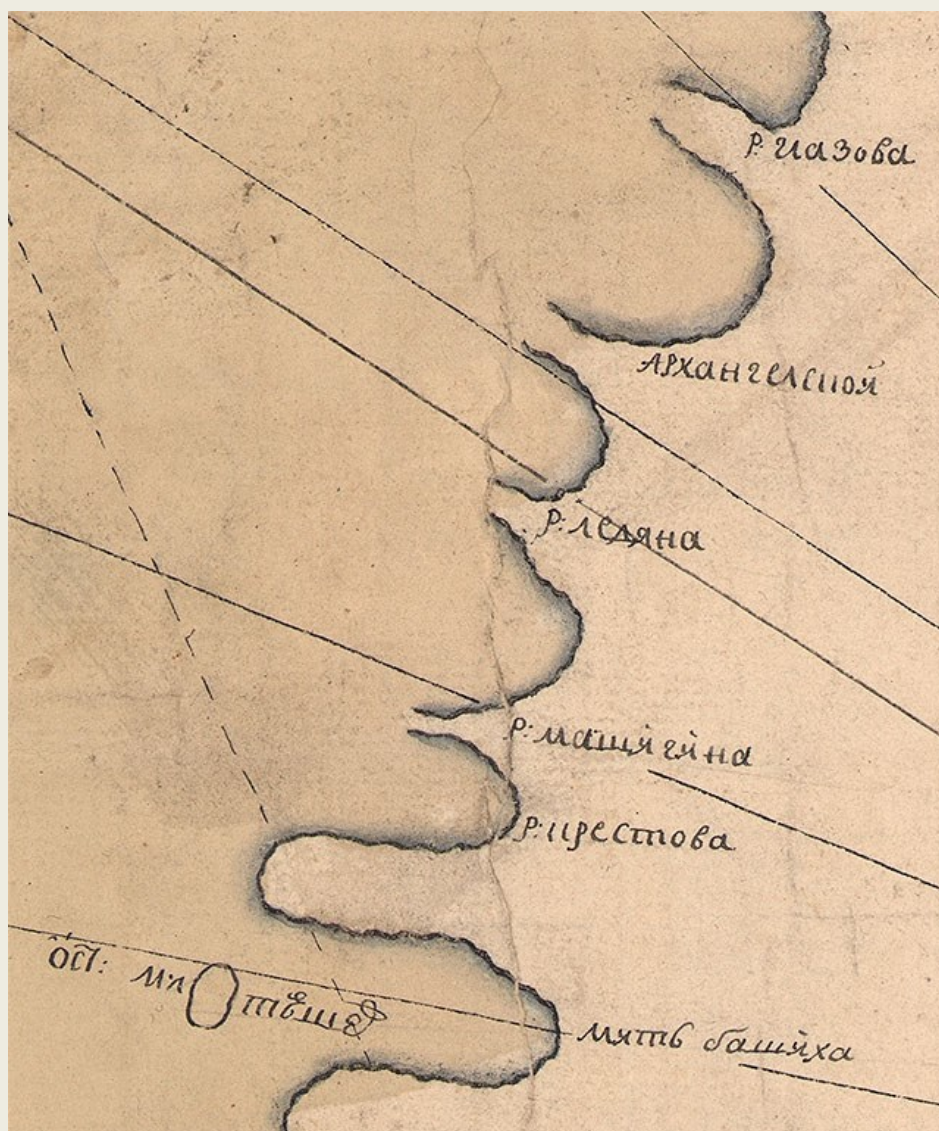
[Илл. 04-10-02-1. Беляев, «Практический курс изучения древней русской скорописи», 1907. Скорописные буквы «б» и «ю» на с. 12 и с. 17.]

Так что я полагаю, что Селифонтов для начала спутал нечётко написанную букву «ю» в слове «Митюшиха» с буквой «б», в результате чего у него получилась «Митбшиха».

Однако в русском языке соседствование звуков «тбш» труднопредставимо, проще уж допустить опisku предшественника. Ну, Селифонтов и «исправил» эту предполагаемую опisku по своему разумению, добавив от себя букву «а». В результате должна была получиться «Митбашиха».

А вот откуда в середине слова возник ещё мягкий знак, и как это слово разбилось на два – это уж я точно не понимаю. Если у вас будут какие идеи – поделитесь.

Как я уже говорил, изображение Новой Земли на «карте Селифонтова» представляет огромную научную ценность. Так что не сомневаюсь, что к этой карте я в будущем не раз ещё вернусь. Сейчас же, на ходу, отмечу семь топонимов труднодоступного Северного острова – «р. Глазова», «Архангелской», «р. Ледяна», «р. Машигина», «р. Крестова», «ост. Митюшев» и «Мить башиха».

[Илл. 04-10-01-10. Там же. Фрагмент. Топонимы Северного острова Новой Земли, 1736.]

Теперь пара соображений по поводу так называемой «карты Адмиралтейств-коллегии», послужившей источником для «карты Селифонтова» в части Новой Земли. Хотя о ней и неизвестно абсолютно ничего, я тем не менее кое-что попытаюсь сказать.

На «карте Селифонтова» обращают на себя внимание особенности нанесения четырёх мысов северного побережья Новой Земли.

Как можно видеть, оконечности этих мысов на карте «обрезаны». Что должно, по идее, означать, что составителям карты береговая линия этих участков не известна. Что выглядит достаточно странным – по следующей причине.

«Карта Адмиралтейств-коллегии», судя по её копии, снятой Селифоновым, строго говоря, не являлась картой. Это – была чистой воды схема. Отличие «карты» от «схемы» состоит в том, что на схеме ни расстояния, ни углы, ни формы береговой линии не являются результатом измерений и не могут считаться достоверными. Единственное, что гарантирует схема – это принципиальное расположение объектов друг относительно друга. В нашем случае – последовательность мысов и заливов вдоль береговой линии.

Не трудно убедиться в том, что на «карте Адмиралтейств-коллегии» формы всех до единого мысов и заливов не соответствуют реальности. Однако такого соответствия от схемы никто и не ожидает. Главное, чтобы была правильно соблюдена их последовательность.

В связи с вышесказанным, представляется крайне странным, что составители «карты Адмиралтейств-коллегии» применительно к исключительно четырём указанным северным мысам Новой Земли («Глазова», «Архангельской», «Ледина» и «Машигина») почему-то решили быть сверх-щепетильными и отказались наносить их форму, «не будучи в ней полностью уверенными». Да ведь в форме всех остальных мысов на этой карте точно также нельзя быть «полностью уверенными».

Более того. Если уж составители карты и могли сомневаться в каких-то участках береговой линии, то это должны были быть дальние части заливов, врезающихся в сушу, а не мысы. Поскольку передвижение в этом регионе осуществлялось практически исключительно по морю. А моряк видит первым делом именно мысы.

Так что я предполагаю, что оригинал «карты Адмиралтейств-коллегии» в данном месте был просто сильно повреждён – например, оторван край. И линия этого отрыва проходила как раз по отсутствующим оконечностям указанных четырёх мысов.

По «карте Адмиралтейств-коллегии» пока всё. Двинемся дальше.

«Карта Селифонтова», хотя и осталась практически неизвестной, но она проявилась в знаменитейших картографических продуктах эпохи. Сформировав таким образом (сама оставаясь в тени) представления нескольких следующих поколений о реальности.

В частности, «карта Селифонтова» послужила одним из источников для результирующей карты исследований Двинско-Обского отряда Великой Северной Экспедиции, а именно – для так называемой «карты Малыгина-Скуратова» (составленной, к слову, тем же Селифонтовым).

Ещё одну специфическую по назначению реплику «карты Селифонтова» я обнаружил в Москве, в Архиве Древних Актов (РГАДА, ф. 192, оп. 1, Тобольская губерния, д. 31). Карта озаглавлена как «Кочевье ясачных самоедов от города Архангельска до реки Енисея». Никаких других выходных данных на ней нет.

Я склонен датировать карту «Кочевья ясачных самоедов» 1745 годом. На том основании, что как раз в том году Сибирский приказ полным ходом готовил первую широкомасштабную перепись ясачного населения Российской империи (см. А.Ю. Конев «Переписи ясачного населения Сибири первой половины XVIII века», Вестник РУДН, 2009, №4). В результате, уже летом 1746 года Пётр Ушаков с командой переписчиков отправился на места проведения этой акции (РГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 8, док. 6942, «О составлении положения проекта о сборе ясака»). Для чего он должен был быть снабжён соответствующей картой.

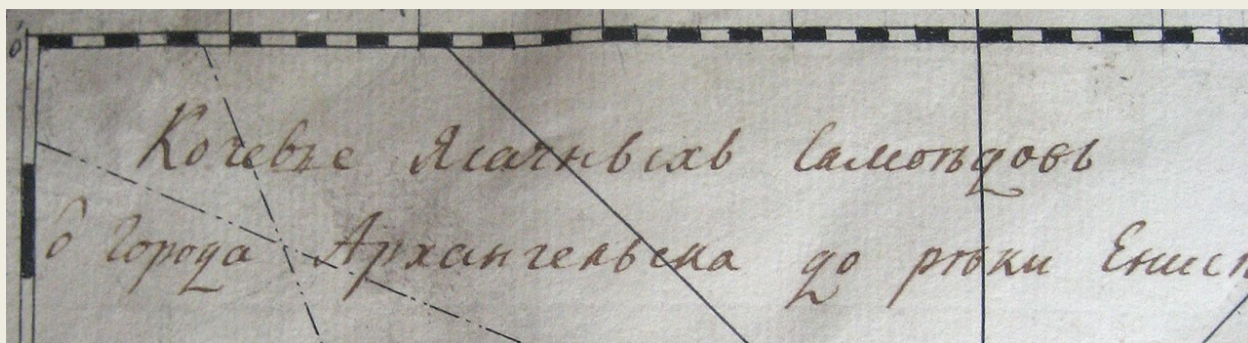
Карта «Кочевья ясачных самоедов» никогда не публиковалась, а потому сейчас я попробую частично восполнить этот пробел.

Хорошо видно, что топонимы «карты Селифонтова» переносились на карту «Кочевья ясачных самоедов» не слишком внимательно. Этим определяются множественные ошибки в названиях – «Маскихина» вместо «Машигина», «Грабова» вместо «Грибова», «Варангой» вместо «Варандей» и т.п.

Составитель карты «Кочевья ясачных самоедов» умудрился исказить даже топоним, уже искажённый до него Селифонтовым. Так, вместо губы «Мить башиха» здесь появилась губа (или – гора, уже трудно сказать) «Митбашихъ».

Что, впрочем, в случае «горы» как нельзя лучше вписывается в древнюю и вечно юную традицию великой туркменской картографии («Мит-баши»).

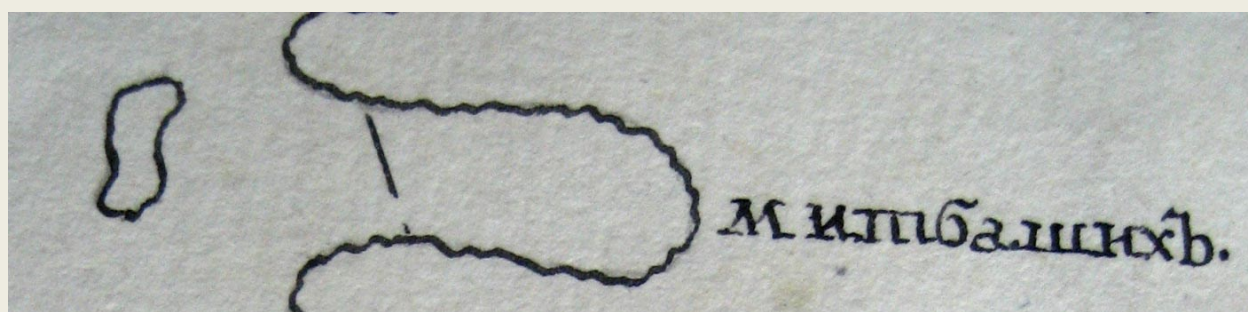
«Митюшëв остров» на данной карте также имеется, хотя он и не подписан. А вот вытянутый коричневый контур в открытом море напротив Костина Шара – это не остров, а след от заржавевшей скрепки.

[Илл. 04-10-03-2. Карта «Кочевье ясачных самоедов, ориентировочно 1745. РГАДА, ф. 192, оп. 1, Тобольская губерния, д. 31. Фрагмент. «Кочевье ясачных самоедов...»]

[Илл. 04-10-03-3. Там же. Фрагмент. Новая Земля.]

[Илл. 04-10-03-4. Там же. Фрагмент. Митюшев остров (не подписан) и топоним «Митбашихъ» (губа Митюшиха).]

Документы:

- Карта Василия Селифонтова «При благополучной державе Самодержицы Всероссийской ея Императорского величества Анны Иоановны. Сочинена сия морская карта от города Архангельскаго до означенной во оной по северному берегу, лежащему к реке Обь, северной ширины, показанной в Карском море», январь 1736 года (РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, док. 7)

- Карта «Кочевье ясачных самоедов от города Архангельска до реки Енисея» (РГАДА, ф. 192, оп. 1, раздел «Реестр карт Российского государства по губерниям – Тобольская губ.», док. 31), 100х60 см. Год, составитель и исполнитель не указаны. Предположительно – это одна из реплик «карты Малыгина-Скуратова» 1740 года. Публикуется впервые.

1687: Витсен

Контекст:

Однажды в город Хиросиму приехал из столицы известный мастер игры в ножной мяч Карэки Такуми. Он обучал этой игре всех, кому была охота учиться, и вскоре среди самураев не осталось ни одного, кто не увлекся бы ею, так что в тихие безветренные вечера везде были слышны звуки ударов по мячу. <...>

День уже клонился к вечеру и игра подходила к концу, когда кто-то напоследок не рассчитал силу удара и мяч улетел в соседний сад.

Мураноскэ подбежал к забору и увидел, что мяч застрял в ветках кустарника хаги.

А ещё он увидел близ моста, перекинутого через озерцо с чистой водой, девушку. <...> Поверх нижнего кимоно из узорчатого белого шёлка на алом исподе на ней было надето нарядное фурисодэ с рисунком в виде кипарисовых вееров, подвязанное поясом, сплетённым из крученых лиловых нитей. Небрежно уложенные волосы посередине перехвачены золоченым шнурком мотоюи. В руке вместе с веером, украшенным кистями, она держала листья тутового дерева.

«Должно быть, на этих листьях написаны стихи <...> », – подумал Мураноскэ.

(Ихара Сайкаку, «Записки о хранителях самурайской славы»)

Следы кластера:

| Mntuschov nos – Mitoesziga goeba |

1687-1692 (не позднее). Карты Витсена.

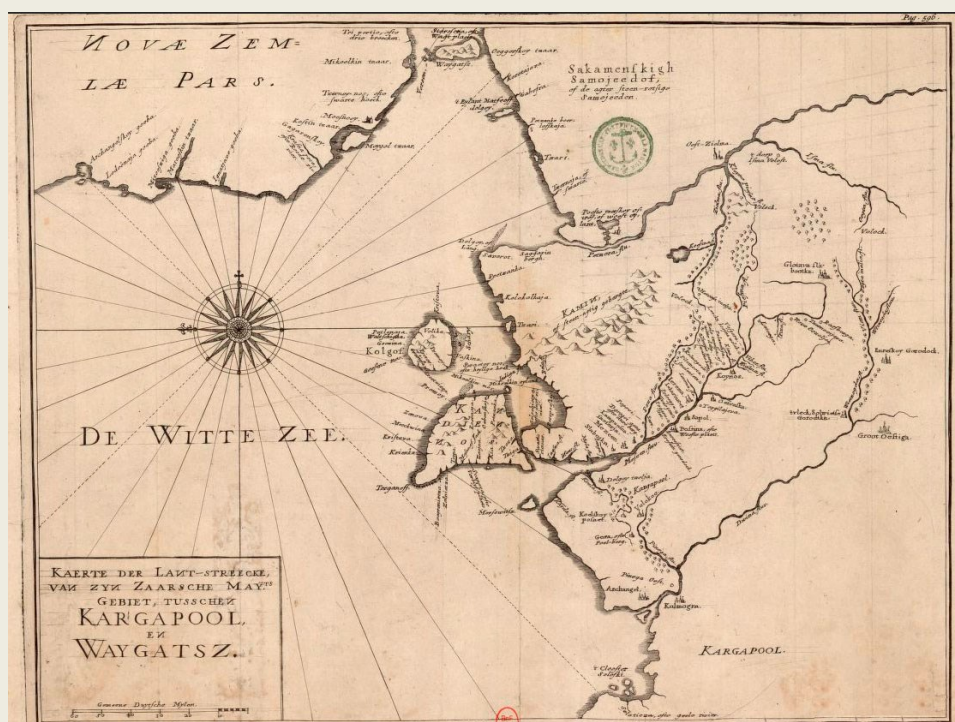
Три самые ранние европейские карты, из числа предназначенных для «широкого хождения», содержащие название «мыса» и «залива» новоземельского «топонимического кластера». Кроме того, на одной из этих карт («Земля Самоедов») нанесён, без указания названия, также и Митюшёв остров.

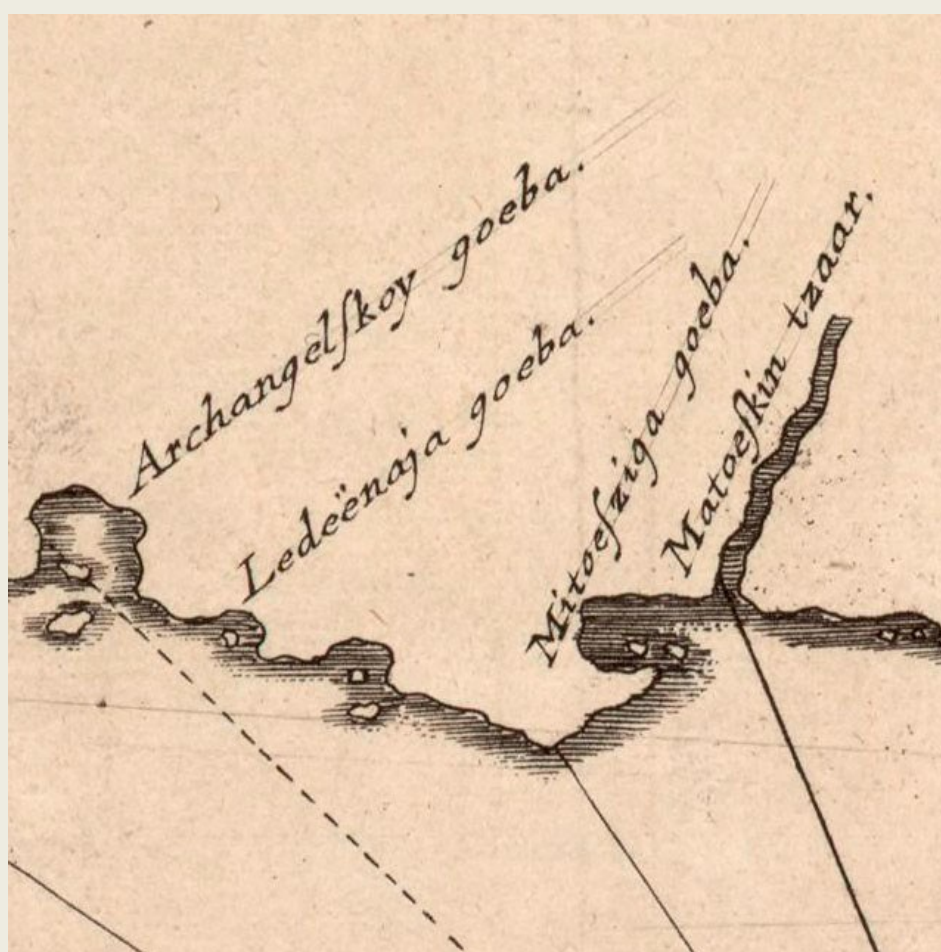
[Илл. 04-11-02-1. Вумсен, карта №1 «Nieuwe Lantkaarte van het Noorder...», 1687.]

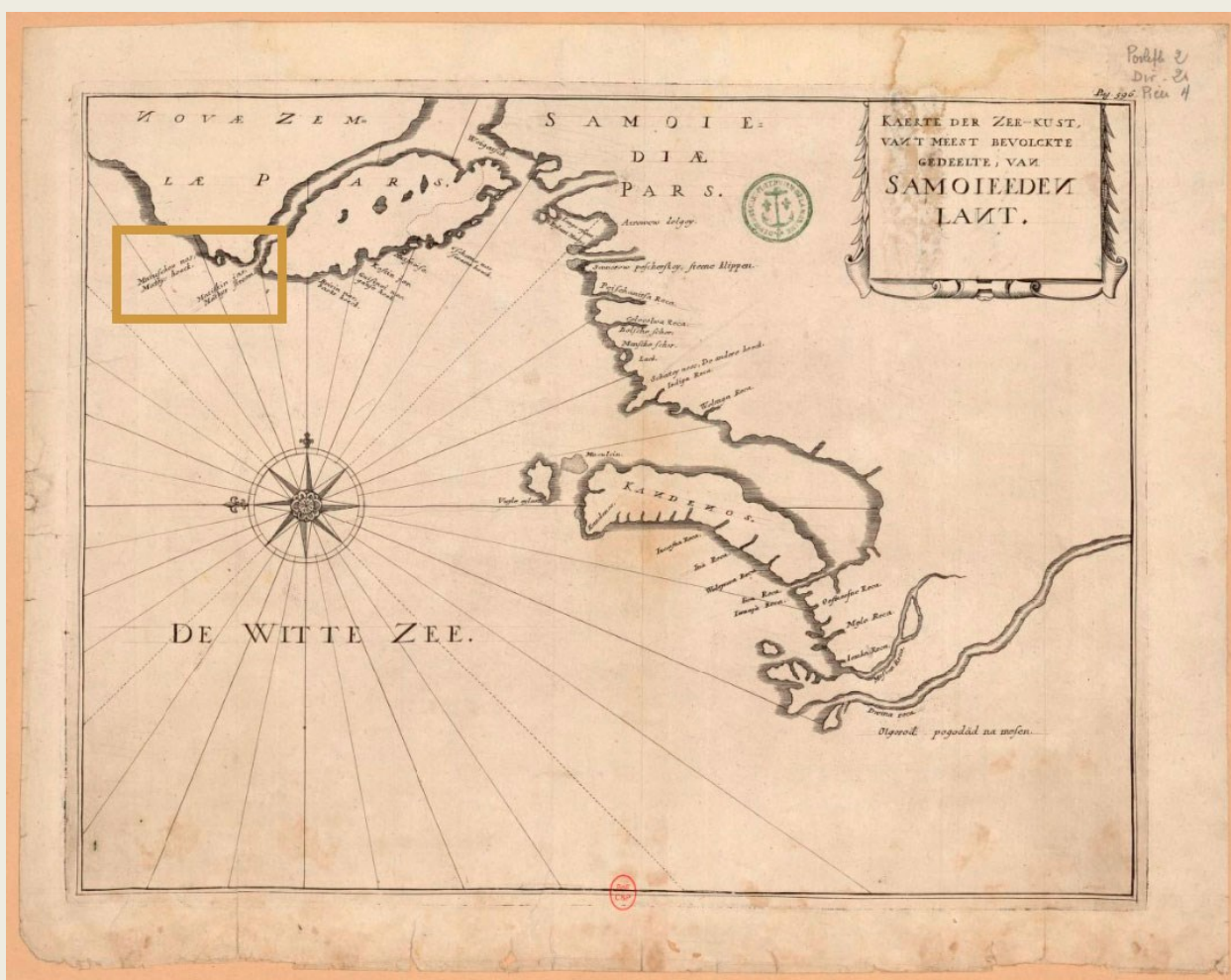
[Илл. 04-11-02-3. Там же. Фрагмент. «Mitoesziga Goeba».]

[Илл. 04-11-03-1. Витсен, Карта №2 («Каргополь и Вайгач»), из книги «Северная и Восточная Тартария», 1692. Вкладка-1 после с. 596.]

[Илл. 04-11-03-2. Там же. Фрагмент. «Mitoesziga goeba».]

[Илл. 04-11-04-1. Витсен, карта №3 («Земля Самоедов»), из книги «Северная и Восточная Тартария», 1692. Вкладка-2 после с. 596.]

[Илл. 04-11-04-2. Там же. Фрагмент. «Mituschov nos». На карте присутствует также и Митюшёв остров, но без указания названия.]

Детали:

В своём фундаментальном труде «Северная и Восточная Тартария», создававшемся и совершенствовавшемся в течение 40 лет, Николаас Витсен пользовался необозримым множеством источников. Следуя принципу предельной научной добросовестности, он не унифицирует географические названия, а приводит их точно в таком написании, как в источниках. Так, например, название пролива, разделяющего Северный и Южный острова Новой Земли, встречается у Витсена в пяти различающихся версиях. Причины многообразия этого названия мы обсудим в специальной части книги.

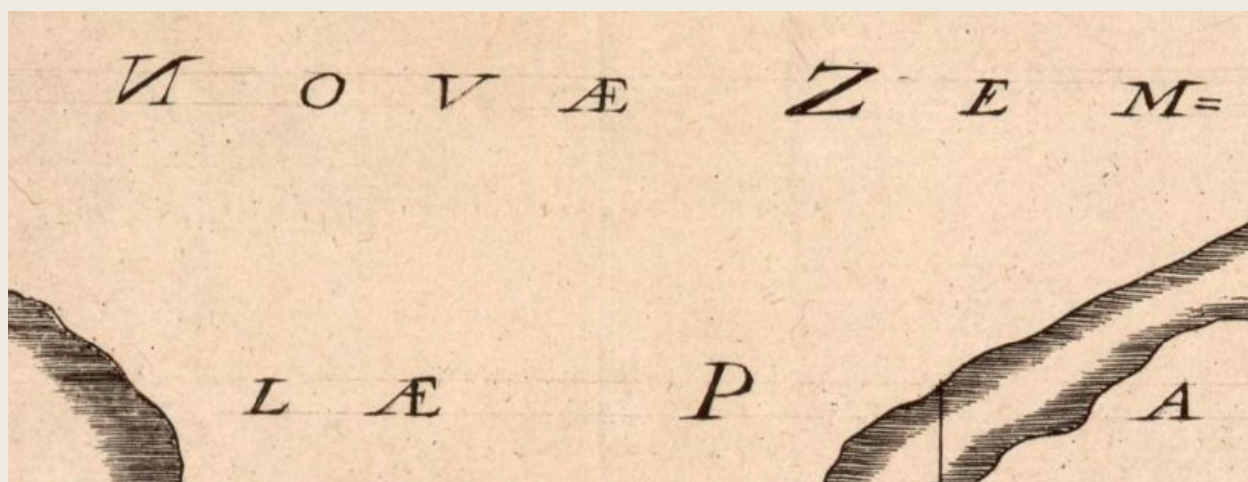
В данном разделе приведена одна карта (№1), вышедшая отдельным изданием в 1687, и две карты (№2 и №3), вошедшие в состав книги Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1692).

О языковой специфике. Автор книги – нидерландец, книга написана на нидерландском языке для нидерландского читателя. Соответственно, все названия на картах даются согласно фонетическим нормам нидерландского языка. В частности, нидерландское «ое» («гоеба») произносится, как русское «у» («губа»), а нидерландское «и» («Миту») – ближе к русскому «ю» («Митю»).

И об одной опiske, также связанной с языковой спецификой. На карте №3 («Земля Самоедов») название мыса «Митюшёв Нос» значится, как «Mntuschov nos» (вместо «i» стоит «n», см. иллюстрацию выше). Подобная описка вполне типична и достаточно естественна в практике нидерландизации русских топонимов.

Дело в том, что «n» заглавное в тот период часто писалось, как «И» (то есть зеркально нынешнему написанию), что точно совпадало по написанию с русским «и» заглавным (см. на той же карте: «ИОВА ZEMLAE», «SAMOIEEDEI LAIT» и т.п.).

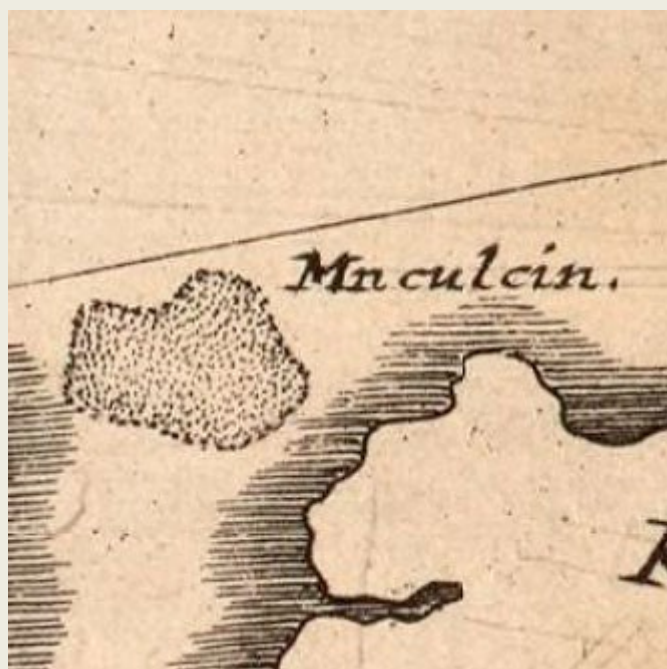
Таким образом, при нидерландизации русских названий «и» русское вызывало путаницу, смешиваясь с заглавным «n» нидерландским. Что мы и имеем в данном случае. Кстати, на той же карте имеется другой пример той же самой описки. «Миккулин» остров здесь значится, как «Mnculcin».

[Илл. 04-11-04-3. Примеры написания «N» как «И» на карте Витсена №3. «Иовае Zemlae».]

[Илл. 04-11-04-4. Примеры написания «N» как «И» на карте Витсена №3. «SAMOIEDEEN LAIT».]

[Илл. 04-11-04-5. Написание «Микулкин остров» как «Mnculcin» на карте Витсена №3.]

С авторством и датировкой карты №1 («Nieuwe Lantkaarte van het Noorder...») более-менее всё ясно. Её автор Николаас Витсен и её можно датировать моментом публикации – 1687.

Иначе обстоит дело с Картой №2 («Каргополь и Вайгач») и Картой №3 («Земля Самоедов»). Ни год их создания, ни их авторы не известны. Всегда предельно щепетильный в вопросах указания источников, Витсен в данном случае ограничивается скупой ссылкой на неких неназываемых «путешественников».

Две [эти карты] созданы путешественниками, которые были в тех краях, и представлены [в книге] в том самом виде, в каком они их мне [Витсену] прислали.

(De twee zyn ontworpen by reizigers, die in die gewesten hebben gereist, en zyn zo als ze my toegezonden zyn.)

(Витсен, с. 596, 1692)

Попытки датировать карты №2 и №3 предпринимаются уже более 300 лет, но удовлетворительных результатов здесь пока не достигнуто.

Академик Гамель полагал (1845), что эти карты могли попасть к Витсену либо от шкипера Виллема Фламинга (Willem de Vlamingh), который обошёл с севера Новую Землю в 1664 году, либо от шкипера Теуниса Эйса (Teunis Ys, Theunis Ys) чья карта области Канина Носа размещена в той же книге Витсена и датируется 1670 годом.

Увы, обе эти кандидатуры предложены были Гамелем единственно на том основании, что они часто упоминаются в книге Витсена в качестве его информационных источников по региону, а этого для надёжной атрибуции карт ещё недостаточно. Более того, из текста Витсена следует, что авторами этих карт как раз ни Фламинг, ни Эйс не являются.

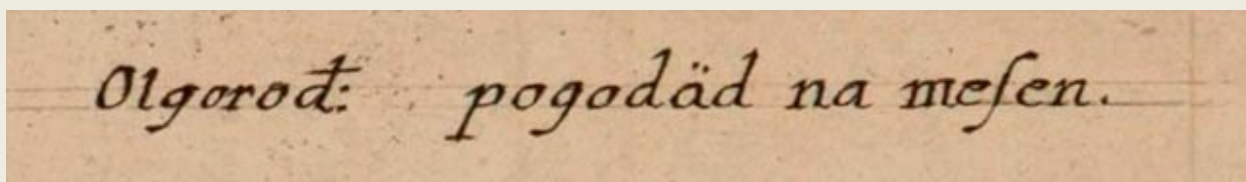
Если говорить об «оригинале» карты №3 (то есть о том рукописном экземпляре карты, имевшемся у Витсена, с которого гравировалась медная пластина для печати тиража книги) – то здесь есть два лёгких намёка на возможную дату его изготовления: 1) странная форма полуострова Канин Нос, и 2) странная приписка внизу карты. А именно:

1. Странная форма полуострова Канин Нос. Форма эта действительно очень нетипичная для картографической практики XVII века. Дело не в том, что она не соответствует действительности («типичные» изображения Канина Носа того периода также далеки от реальности) – она не совпадает ни с одним из «общепринятых» способов передачи данного объекта (изображавшегося либо как равносторонний треугольник остриём на север, либо неопределённо-эллиптической формы). Единственное, что я могу как-то сопоставить здесь по форме, это изображение Канина Носа, появляющиеся на картах нидерландского картографа Яна Янсона (Jan Janssen) начиная где-то с 1650 года. Так что если предположить, что именно оригинал «карты №3» повлиял на форму Канина Носа на картах Янсона, то это даст нам верхнюю границу её датировки: «до 1650».

[Илл. 04-11-05-1. Полуостров Канин Нос. Слева: «Карта №3» Витсена. Справа: «Pascaart van de Zee-Custen», Jan Janssen, Amsterdam, 1650 (Шведский национальный архив, KrA 0403:34:A:036).]

2. Странная приписка внизу карты. Написано здесь следующее: «Olgorod: pogodäd na mesen». Причём уже на печатной плате буква «d» исправлена на «t», так что «gorod» превратился в «goroot».

[Илл. 04-11-06-1. «Olgorod: pogodäd na mesen». Карта №3 Витсена.]

Тут я бы предложил следующий вариант прочтения: «[X]ол[мо]город: походят на Мезень».

«Холмогород» — это «Холмогоры», а «походят» — это «совершают походы», где русский звук «х» передан латинской буквой «g» (как она в нидерландской речи собственно и звучит). Все приведённые искажения характерны для фонетической записи слов, чей смысл непонятен записывающему («х» в начале слова часто проглатывается, «лм» воспринимается на слух как просто «л», а «о» редуцировано).

Смысл данной фразы сам по себе не несёт ничего нового: холмогорцы, как всем и так хорошо известно, действительно, «походят» на Мезень (предпочитая делать

волок, зато не идти по неверному Белому морю). Важно здесь другое: на карте помянуты Холмогоры, а Архангельск – нет.

В конце XVII века такое трудно было бы себе представить, зато в начале – легко. Архангельск, являвшийся государственным проектом и формально существовавший с 1584 года, неблагоприятным населением оценен не был. Насильно согнанные туда жители при первой же возможности разбегались обратно по деревням (Крестинин, «Краткая история о городе Архангельском»). Так длилось более полувека, но мало-помалу ситуация менялась. И ориентировочной датой, когда значимость Холмогор и Архангельска примерно сравнялись, можно условно считать 1650 год.

Так что рассматриваемая надпись на «карте №3» Витсена в плане датировки даёт то же самое, что и форма Канина Носа: «до 1650».

Кстати говоря, экземпляр «карты №3» из книги Витсена, хранящийся в Национальной библиотеке Франции (Bibliothèque nationale de France, département Cartes et plans, GE SH 18 PF 2 DIV 2P 4D), в информационной справке датирован похожим образом: «Date d'édition: 1640».

В данном случае речь идёт, конечно, об ошибке, поскольку таким образом датирован «печатный» экземпляр карты (изготовленный определённо в 1692 году), а не её рукописный «оригинал» – однако ошибка эта прямо-таки «вещая».

← → ↻ <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b59725992> ☆ ⓘ ⋮

BnF Gallica 🔍

Kaerte der Zee-kust van't meest bevolckte gedeelte van Samoeeden lant

Informations détaillées

NOTICE

Titre : Kaerte der Zee-kust van't meest bevolckte gedeelte van Samoeeden lant
Éditeur : [s.n.] [s.n.]
Date d'édition : 1640
Sujet : Russie, Empire de -- Nord -- Côtes
Type : carte
Type : image fixe
Langue : néerlandais
Format : 1 file ; 26 x 36,5 cm
Format : image/jpeg
Format : Nombre total de vues : 1
Description : Échelle(s) : [Ca 1:6 800 000]
Droits : domaine public
Identifiant : [ark:/12148/btv1b59725992](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b59725992)
Source : Bibliothèque nationale de France, département Cartes et plans, GE SH 18 PF 2 DIV 2 P 4 D

Kaerte der Zee-kus
meest bevolckte ge

[Илл. 04-11-07-1. «Date d'édition: 1640». Ошибочная датировка печатного экземпляра карты №3 из книги Витсена, указанная в каталоге Национальной библиотеки Франции. Когда на эту неточность я обратил внимание директора Картографического департамента библиотеки д-ра Саразина (Jean-Yves Sarazin), ошибочность французской датировки была признана. Но так и не была исправлена – что косвенно сигнализирует о наличии во всём этом некой «высшей правды».]

Напоследок ещё раз подчеркну: оба изложенные соображения по датировке не являются, строго говоря, доказательствами. Так что отнесение оригинала карты №3 к периоду «до 1650 года» остаётся предположительным. При этом, однако, из всех имеющихся гипотез данную следует признать основной.

По поводу возможного происхождения оригинала карты №2 («Каргополь и Вайгач») у меня тоже есть определённые соображения. Изложу их чуть позже.

Документы:

- Карта: «Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Ooster deel van Asia en Europa strekkende van Nova Zemla tot China, Aldus Getekent, Beschreven, in kaart gebragt en uytgegeven, Sedert een Nauwkeurig onderzoek van meer als twintig laaren / door Nicolaes Witsen», 1687, 118 x 129 см. Хранится: Bibliothèque nationale de France, département Cartes et plans, CPL GE DD-2987 (7372 В). Карта выпущена отдельным изданием за пять лет до выхода книги Витсена «Северная и Восточная Тартария».

- Книга: Nicolaas Witsen «Noord en Oost Tartarye», с. 571, 574, 596. Amsterdam, 1692. Соответственно, с. 924, 927, 952, том 2, по изданию в двух томах 1705 года. Эта книга включает в себя ряд карт, две из которых также содержат объекты «топонимического кластера»:

№2 – «Kaerte der Lant-streecke van zyn Zaarsche Mayts Gebiet, tusschen Kargapool en Waygatsz»,

№3 – «Kaerte der Zee-kust van't meest bevolckte gedeelte van Samoieeden lant».

В первом издании 1692 года эти карты расположены между страницами 596 и 597, при этом обе нумерованы также как страница 596.

1674: Пальмквист

Контекст:

Поэму стройную, чей гармоничен ход,
 Не прихоть лёгкая, не случай создаёт,
 А прилежание и целой жизни опыт:
 То голос мастера, не подмастерья шёпот.
 Но иногда поэт, незрелый ученик,
 В ком вдохновение зажглось на краткий миг,
 Трубит ретиво в рог могучей эпопеи,
 В заносчивых мечтах под небесами рея. <...>
 А труд его меж тем, покрытый пыли слоем,
 У продавца лежит, никем не беспокоим.
 Ну что ж, пускай себе в забвении лежит:
 Нам к теме прерванной вернуться надлежит.

(Николя Буало, «Поэтическое искусство»)

Следы кластера:

| Mituschowa nos – Guba Mituschiga |

1674. Карта из Альбома Пальмквиста.

Самое первое точно датированное упоминание какого-либо объекта «топонимического кластера» Новой Земли, за исключением «пролива». Альбом был создан Эриком Пальмквистом в 1674 году в единственном экземпляре, после чего на 200 лет полностью исчез из поля зрения. Я благодарен Национальному архиву Швеции, предоставившему мне возможность работать с этим уникальным (и феноменальным) документом.

Детали:

Об Эрике Пальмквисте и его знаменитом Альбоме я ещё не имел случая рассказать, а это стоит того. Шведский офицер, имевший больше склонности к рисованию, чем к стрельбе, погибший в 26 лет, Эрик Пальмквист сумел сделать для русской истории больше, чем тысячи русских воевод и вельмож того времени вместе взятых. Он эту историю сохранил.

С сентября 1673 по июнь 1674 в Московском царстве находилось шведское посольство, которое возглавлял Густав Оксенштерна (так, с «а» на конце – Gustaf Oxenstierna). В штате этого посольства состоял скромный фортификационный кондуктор из Риги, 23-летний инженер-капитан Эрик Пальмквист.

О реалиях этого путешествия можно составить представление по путевым запискам Николааса Витсена («Moscovische Reyse: 1664-1665. Journaal en Aantekeningen»), за десять лет перед тем побывавшем в Московии в составе аналогичного посольства (нидерландского), примерно в том же статусе, по тому же маршруту и точно в том же возрасте, что и Пальмквист.

По завершении посольства Пальмквист предоставил начальству отчёт. Отчёт этот он сделал в необычной для таких документов форме – в форме альбома рисунков с небольшими пояснительными подписями. Всего 48 листов in folio.

Отчитавшись, Пальмквист получил новое назначение, вскоре попал в датский плен, где и погиб в возрасте Лермонтова.

Поскольку посольство Оксенштерны 1673 года в Москву поставленных целей не достигло, то и отчёт Пальмквиста, выполненный в единственном экземпляре, особого внимания властей не привлёк. Он был отправлен в королевский архив, где благополучно затерялся.

Прошло 200 лет, прежде чем шведские архивисты обнаружили этот шедевр. В 1898 году альбом был издан Генеральным штабом Швеции в чёрно-белой версии тиражом аж 75 экземпляров, 2 (два) из которых попали в Россию в качестве личного подарка Николаю II.

С тех пор (то есть последние 118 лет) те или иные фрагменты Альбома Пальмквиста время от времени всплывают в научном обороте. И каждый раз это становится сенсацией.

И как-то незаметно пришло к тому, что какую область русской истории XVII века теперь ни возьми – важнейшим (а часто единственным) документом по ней является какой-нибудь да лист из Альбома Пальмквиста.

[Илл. 04-12-01-1. Альбом Пальмквиста, 1674. Переплёт.]

[Илл. 04-12-02-1. Там же. Титульный лист.]

Нужен план Новгорода? Смотрите у Пальмквиста. Интересует архитектурная его панорама? Пожалуйста, с точностью до дома. Хотите Тверь и Торжок? Там же. Развитие пушечного дела на Руси? Вот оно, с чертежами. Нужно узнать, как выглядел Иверский монастырь? Нет проблем, Пальмквист для вас каждую ступеньку прорисовал. Дипломатические ритуалы при царском дворе? Сколько угодно. Технология поднятия гигантских колоколов на звонницы? Всё зарисовано. Геральдика и униформа различных стрелецких полков? Да на здоровье, с деталями. Схема течения Волги от Казани до Астрахани? Есть и такая. Каспийское море? Вот вам Каспийской море. Организация солеварения? Запечатлено и снаружи и изнутри, чертежи механизмов прилагаются. Хотите узнать кто первым поднял вопрос о Волго-Балтийского канале? Правильно, Пальмквист. Интересуетесь особенностями русского национального самосознания? Читайте у Пальмквиста, точнее и ярче всё равно не скажешь. Хотите сравнить зарплаты иностранных специалистов в Московии? У Пальмквиста всё записано, до копейки. Легендарная гоудоновская карта Сибири, считавшаяся безвозвратно утерянной? Да вот она, у Пальмквиста, аж в двух вариантах, один другого лучше! И прочее, и прочее, и прочее.

И всё это не просто рисунки. Это рисунки изумительные – как по общему мастерству, так и по степени их детализации. Взять, к примеру, сцену царского приёма. В многофигурной панорамной сцене не только выдержана общая композиция, динамика движений каждой фигуры и специфика освещения – всем персонажам сообщено портретное сходство (царь Алексей Михайлович, князь Долгорукий, зад-

няя часть графа Оксенштерны), передана текстура тканей и материалов (парча, сукно, шёлк, кожа, мех), на бобровых шапках прописан каждый волосок (буквально), прописан каждый перстень на каждом пальце, каждая пуговица на кафтане, каждая заклёпка на алебарде, каждая ленточка на башмаке. Не забыты ни узоры ковров, ни стенная роспись. Каждое пёрышко на каждой шее каждого орла на каждой стороне царского трона – всё запечатлено Пальмквистом для Вечности. Да чего пересказывать – посмотрите лучше сами.

[Илл. 04-12-03-1. Там же. Рисунок «Приём у царя», л. 19.]

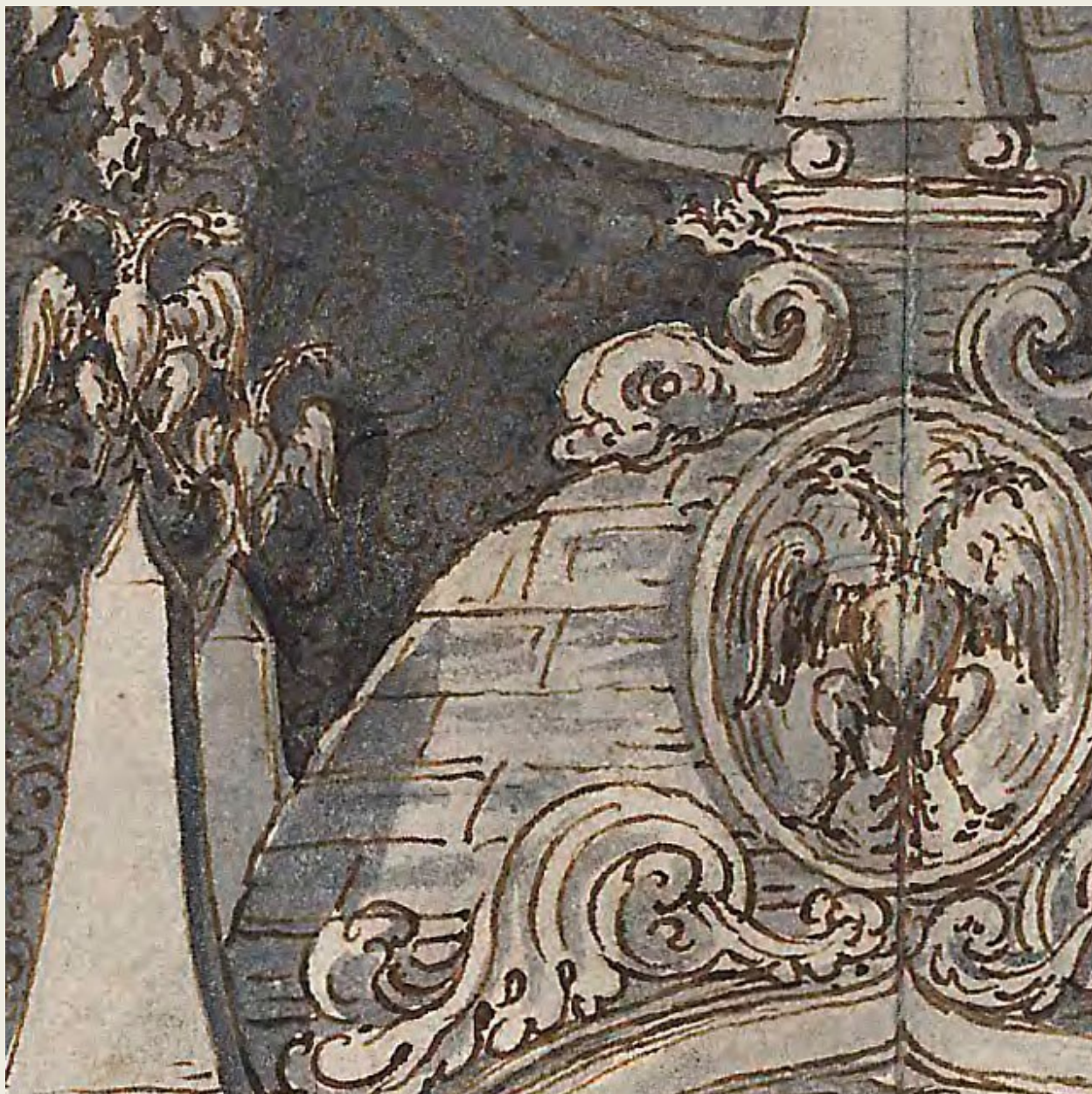
[Илл. 04-12-03-2. Там же. Фрагмент. меховая шапка.]

[Илл. 04-12-03-3. Там же. Фрагмент. Князь Долгорукий.]

[Илл. 04-12-03-5. Там же. Фрагмент. Посол Оксенштерна.]

[Илл. 04-12-03-6. Там же. Фрагмент. Орлы.]

Или взять рисунок, изображающий встречу шведского посольства у деревни Муравена русскими приставами.

При общем воспроизведении нельзя даже понять, что тут изображены сотни людей и десятки лошадей с санями. А ведь на оригинале можно разглядеть головной убор каждого персонажа (кто в меховой шапке, кто в широкополой шляпе) и видно, что некоторые лошади улыбаются, сиденья саней крепятся к полозьям тремя опорами, избы рублены «в шип» в двенадцать венцов, а у ангелов, изображённых в натуральную величину, на ногах по четыре пальца.

[Илл. 04-12-04-2. Там же. Фрагмент. Встречающие.]

[Илл. 04-12-04-3. Там же. Фрагмент. Посольство.]

[Илл. 04-12-04-5. Там же. Фрагмент. Вozок.]

[Илл. 04-12-04-6. Там же. Фрагмент. Ангел.]

Альбом Пальмквиста можно разглядывать часами. Однако из 48 листов Альбома к нашей теме отношение имеет лишь один – лист 36. На нём нарисована карта, озаглавленная так: «Copia aff den Charta som Tzaren, öfwer Fretum Waigatz, al: Nassoviûm, oos den deel aff Syberien, hafwer författa låtitt».

Карта эта (как и всё у Пальмквиста) знаменитая.

[Илл. 04-12-05-1. Альбом Пальмквиста, 1674. «Copia aff den Charta som Tzaren, öfwer Fretum Waigatz...», л. 36.]

Тут надо сказать, что большая часть текстов в альбоме написана на так называемом «раннем новошведском» языке. Язык этот знаменит среди скандинавистов своей не до конца устоявшейся грамматикой и не полностью сформировавшейся лексикой. Говоря по-простому, это – адская смесь голландских, французских, латинских, верхненемецких, фламандских, саксонских и ещё неведь каких слов, написанных на «шведский» манер (всегда по разному) с использованием никому неведомых грамматических правил, изобретаемых каждым автором на ходу. Так что понять из текста что имел ввиду тот или иной автор можно только в достаточно общих чертах.

После такого предупреждения, предлагаю буквальный перевод названия карты: «Копия карты [составленной] для Царя, залива [пролива] Вайгач, или Нассау, и части Сибири, созданная с позволения».

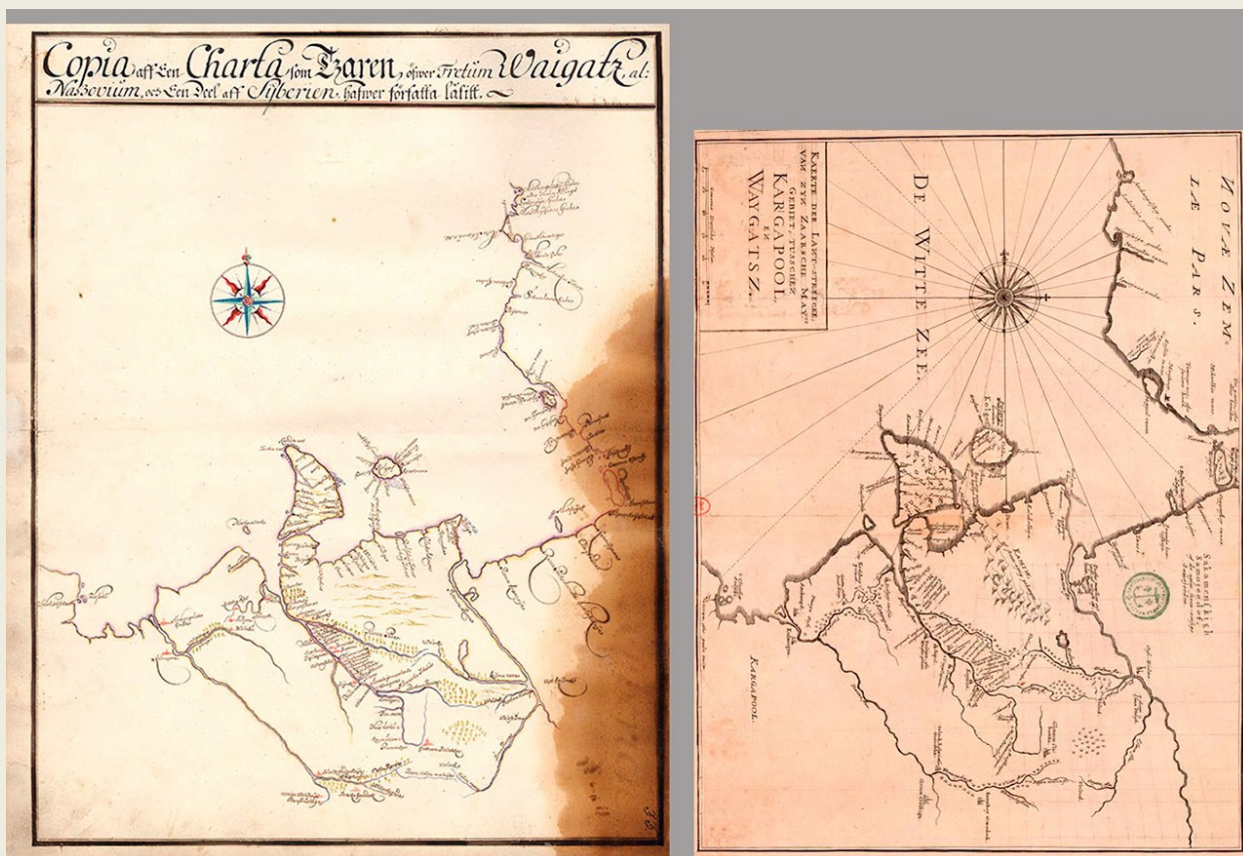

[Илл. 04-12-05-2. Там же. Фрагмент. Заголовок карты.]

Общий смысл такой: имелась некая «царская» карта Вайгача и части Сибири, а это – её копия. Однако из текста никак не следует – была ли исходная карта составлена «по распоряжению царя», или только «для царя», или она просто «царская» по принадлежности (то есть из царского картохранилища). Про копию также непонятно, то ли она была снята Пальмквистом с оригинала с чьего-то «позволения», то ли сам оригинал был составлен по «царскому приказу». Ясно только, что перед нами – копия, снятая с некой русской карты Эриком Пальмквистом.

Я говорю об этом заглавии так подробно, поскольку это единственная ниточка, позволяющая сделать хоть какие-то предположения о происхождении как данной копии, так и самого прототипа. Ведь никаких других следов прототипа, кроме этого листа из Альбома Пальмквиста, науке не известно.

За одним, впрочем, исключением. В предыдущем разделе я говорил о карте неизвестного происхождения «Каргополь и Вайгач» из книги Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» (опубликована в 1692). За последующие 300 лет никаких здравых идей о происхождении той карты из книги Витсена выдвинуто так и не было. А теперь давайте сравним карту Витсена («Kaerte der Lant-streecke van zyn Zaarsche Mayts Gebiet, tusschen Kargapool en Waygatsz») с данной картой Пальмквиста:

[Илл. 04-12-06-1. Сравнение «Карты Пальмквиста» (слева) и «Карты из книги Витсена» (справа).]

Очертания береговых линий и рек на этих двух картах изумительно совпадают между собой (и значительно расходятся с реальными). Общая концепция обеих карт также совершенно идентична: тщательно прописаны Канин Нос, река Мезень и волок с неё на Печору, хуже прописано побережье Новой Земли – и совершенно оставлен за рамками рассмотрения (хотя и включён в карту) бассейн Северной Двины.

Однако топонимика этих двух карт отнюдь не идентична. Так, вдоль западного побережья Новой Земли на «карте Пальмквиста» нанесено 32 топонима, в то время, как на «карте Витсена» – 15, из которых совпадают с «картой Пальмквиста» только 11. И то в написании этих 11-ти совпадающих топонимов имеются заметные расхождения («Gararinos» – «Gagarenskoy», «Grykresty» – «Tri portio» и т.п.).

Всё это позволяет мне предположить, что «карта Пальмквиста» и «карта Каргополя и Вайгача» из книги Витсена – две эти карты восходят к одному и тому же источнику, однако к разным его копиям. В любом случае, источник карты «Каргополь и Вайгач» Витсена теперь можно смело датировать «не позднее 1674 года».

По моему скромному ощущению, сама «карта-источник» с большой вероятностью была создана в начале 1650-х годов. На карте Пальмквиста определённо указано, что её источник относится к официальной (царской) картографии, а как раз на начало 1650-х приходится кратковременный всплеск государственного интереса к Новой Земле (осуществлён первый перевод на русский язык фрагментов дневника экспедиции Баренца и организована собственная – неудачная – экспедиция Неплюева). Далее, главной целью экспедиции Неплюева к Новой Земле была

разработка предполагавшихся там серебряных рудников. И на «карте Пальмквиста» мы как раз видим в районе нынешней губы Серебрянки (у Пальмквиста – «Bludnaia Guba») недвусмысленную пометку – «руда» («Ruda»).

[Илл. 04-12-05-3. «Карта Пальмквиста». Фрагмент. «Ruda».]

Теперь рассмотрим Новоземельскую часть «карты Пальмквиста» внимательнее. Анализ 32 имеющихся здесь топонимов показывает, что а) все они русского происхождения, б) писались Пальмквистом со слуха и не сличались с источником. Такое возможно, если некто, владеющий русским языком, но не знающий латинского алфавита, зачитывал Пальмквисту по русской карте названия объектов, а Пальмквист записывал их латинскими буквами, как услышал. О применении подобной технологии говорят такие ошибки в транслитерации, как «Ladenaya Guba» (Ледяная), Brittin nos (Бритвин), ostof (остров), Grykresty (Три креста), Oworon (о. Ворон) и подобные.

При первом употреблении термина «губа» (в смысле – «залив»), Пальмквист даёт пояснение, которое скорее сбивает с толку, чем помогает понять суть термина. Под словами «Archangelska Guba» он приписывает «oder Mündung» (то есть «или Рот»). Я так и вижу, как Пальмквист жёстками попросил русского помощника объяснить непонятный термин и в ответ тот потыкал указательным пальцем себе в область рта, имея ввиду при этом только губу.

Таким образом, хотя источник карты Пальмквиста был письменным, мы имеем здесь дело с фонетической записью топонимов.

А вот теперь – собственно Следы кластера:

Так вот, Карта Пальмквиста даёт два интересующих нас топонима: «Mituschowa nos» (написан «вверх ногами») и «Guba Mituschiga».

[Илл. 04-12-05-4. Там же. Фрагмент. «Guba Mituschiga».]

[Илл. 04-12-05-5. То же, при другой ориентации карты. «Mituschowa nos».]

И это – первое физически сохранившееся и точно датированное упоминание Митюшёвского топонима в точной грамматической форме – «Митюшёва Нос». Здесь же мы видим первое (сохранившееся и точно датированное) картографическое изображение Митюшёва острова (без указания названия). Дата – не позднее 1674 года. Сохранил для нас – Эрик Пальмквист.

[Илл. 04-12-07-1. Альбом Пальмквиста, л. 39.]

Документ:

Карта части Новой Земли из «Альбома Пальмквиста» (Erich Palmquist), лист 36.

Полное название Альбома: «Någre widh sidste kongl: ambasaden till Tzaren i Muskou gjorde observationer öfwer Rysslandh, dess wägar, pass medh fästningar och gräntzer sammandragne aff Erich Palmquist Anno 1674».

Хранится в Национальном Архиве Швеции, идентификатор хранения: SE/RA/81001/#/0636:00001.

Карта, расположенная на листе 36, озаглавлена так: «Copia aff den Charta som Tzaren, öfwer Fretum Waigatz, al: Nassoviüm, oos den deel aff Syberien, hafwer författa låtitt».

Неявные упоминания

(Пушкин – Ещё Пушкин – Фламинг – Баренц – Вагенаер – Меркатор – Бэрроу)

1820: Пушкин

Кроме явных исторических упоминаний объектов новоземельского «топонимического кластера», имеется ряд исторических свидетельств, в которых соответствующие топонимы хотя впрямую и не называются, однако речь там определённо идёт именно о них. Эти случаи я выделил в особую группу – «Неявные упоминания». Открывает этот раздел, как и положено, Пушкин.

Мы уже имели возможность убедиться, что в поэме «Руслан и Людмила» Пушкин расположил замок Черномора на вершине одной из гор Северного острова Новой Земли. Теперь же пришло время уточнить, что это была за гора.

Ещё раз перечитаем поэму. Вам не кажется, что вся эта история подозрительно что-то напоминает? Правильно, поэма Пушкина представляет собой ничто иное, как ремейк (возможно, неосознанный) истории об Иване-Царевиче и Кашее Бессмертном, изложенной в эротико-комическом ключе.

У Ивана-Царевича (Руслана) злой чародей Кашей Бессмертный (Черномор) похищает невесту Марию Моревну (Людмилу). Иван-Царевич пускается за ней на край света – ведь именно там по канону должен находиться замок Кашея, непременно полный сокровищ и всевозможных бытовых благ. Подельщица Кашея, колдунья Баба-Яга (Наина) пытается помешать герою. А Кашей, хоть и не может похвастаться большой физической силой, но волшебным образом неуязвим. Однако и у него имеется одно слабое место (иголка или яйцо, в данном случае – борода). Герой, узнав об этом от Кашеева недоброжелателя (в данном случае – гигантской Головы), побеждает Кашея, используя именно этот секрет, и вызволяет свою невесту.

Фабула «Руслана и Людмилы», как мы видим, вполне стереотипная – или, из уважения к автору, скажем – архетипичная. Где все образы, все мотивации и все обстоятельства следуют строгому мифологическому канону. Это относится, в частности, и к обстоятельствам места.

А именно, замок Кашея должен обязательно находиться на краю земли (чтобы герою «семь железных башмаков истоптать» пока дойдёт), а там – обязательно в самом труднодоступном месте – на острове либо на вершине высочайшей горы.

Теперь оставим мифы и обратимся к реальности. Главным информационным источником Пушкина (как и всех его современников) по географии Новой Земли было, как мы помним, сочинение члена-корреспондента Императорской Академии Наук Василия Крестинина «Географическое известие о Новой Земле» (знакомое Пушкину по публикации в книге «Путешествия академика Ивана Лепехина, часть IV, в 1772 году», СПб, 1805). В нём сообщается, что Северный остров Новой Земли весь покрыт горами, самая наивысочайшая из которых – гора Митюшёв Камень (Крестинин называет её «Митюшёв Нос»). И вообще, Митюшёв Камень – единственная из гор Новой Земли, чьё название приводится в обзоре Крестинина, все же остальные горы у него – безымянны.

Все берега северо-западной части Новой Земли покрывает непрерывный хребет. <...> Горы сии лежат по большей части подле самого моря: некоторые из них опускаются в морскую воду утёсом, стоят аки стена неприступны. (с. 128)

Митюшевъ носъ возносить свой верьхъ гораздо выше нижнихъ облаковъ въ атмосфере. (с. 130)

Митюшевъ носъ представляет самую высокую гору на Новой Земле; мореплавателямъ показывается оной за сутки <...> верьхъ сей горы закрывается по большей части облаками. (с. 186)

Более того, даже полвека спустя после написания «Руслана и Людмилы» гора Митюшёв Камень продолжала считаться в науке самой высокой на Новой Земле. Карл Свенске, самый крупный специалист по Новой Земле на то время, в 1866 году писал:

Северное плечо бухты Серебрянки образует Митюшёв Нос, на котором находится одна из высочайших гор Новой Земли. Вершина её по большей части скрыта в облаках.

(Карл Свенске: «Новая Земля в географическом, естественно-историческом и промышленном отношениях. Составил по поручению Императорского русского Географического общества К. Свенске», с. 57. СПб, 1866)

А чтобы не дать Пушкину обо всём этом случайно забыть, французский журнал «Journal des Voyages, ou Archives Geographiques» (продававшийся в Петербурге на каждом углу), в апреле 1819 года ему ещё раз напомнил:

S'élève le cap Mitouchew au delà des nuages inférieurs

(«Митюшёв мыс» возносится выше границы облаков)

(«Notice du Voyage de découvertes dans Nouvelle-Zemble, enterpris en 1807 par M. Ludloff», «Journal des Voyages, ou Archives Geographiques», 1819, т. 2, с. 143)

meuse baie Sérébrénka , s'élève le cap Mitouchew au delà des nuages inférieurs. En général, les caps et

[Илл. 04-13-01-1. «Journal des Voyages», 1819, т. 2, с. 143. Фрагмент. «Cap Mitouchew».]

Но как-будто и этого мало. Пушкину было ещё одно указание именно на эту гору, почти невероятное по стечению обстоятельств. Как мы помним, брат лучшего друга Пушкина, мичман Михаил Кухельбекер, как раз в 1819 году вернулся в Петербург из экспедиции к берегам Новой Земли. Сама экспедиция была не слишком успешной. Даже просто увидеть Новую Землю практически не удалось – либо плавучие льды не давали подойти к берегу, либо туманы мешали его увидеть.

И вот один раз всё сложилось как по волшебству: льды вдруг исчезли, туман – спал. И очарованным взорам путешественников открылся вид на высокую снежную гору. Но вскоре туман спустился опять и гора исчезла.

Это произошло 8 августа 1819 года. А уже на следующий день было принято решение возвращаться назад, в Архангельск.

В судовом журнале точно зафиксирована координата данного видения – 73° 21' северной широты. Это выглядит неправдоподобно, но это как раз и есть широта горы Митюшёв Камень (с точностью до четырёх угловых минут, что укладывается в погрешность измерений).

8 числа, будучи 73° 21' широты и 50° 8' долготы, увидели берег, покрытый снегом, но нашедший вскоре туман опять скрыл его от нас.

(Андрей Лазарев, «Плавание брига Новая Земля под начальством флота лейтенанта А. Лазарева в 1819 году», с. 55. СПб., 1820)

Невероятно, но факт: Кюхельбекер проплыл вдоль Новой Земли сотни вёрст, но единственный объект, который он увидел там своими глазами, была гора Митюшёв Камень.

А теперь сведём вместе следующие факты. В 1819 году Пушкин работает над «Русланом и Людмилой». Главным географическим событием того года в его кругу становятся рассказы мичмана Михаила Кюхельбекера, только что вернувшегося из экспедиции к берегам Новой Земли. Во многом под влиянием этих рассказов, Пушкин в своей поэме размещает замок Черномора на Новой Земле, на самой высокой там горе. И при этом единственным местом Новой Земли, которое Кюхельбекер видел своими глазами и о котором мог рассказать, была гора Митюшёв Камень.

Итак. Замок Черномора находится на высочайшей горе Новой Земли, а таковой во времена Пушкина безоговорочно (хотя и ошибочно) считается гора Митюшёв Камень. Кроме того, это – единственная гора Новой Земли, чьё название вообще известно на тот момент академической науке. И это – единственное место Новой Земли, о котором мичман Кюхельбекер мог поведать Пушкину.

Пушкин, «Руслан и Людмила», гора Митюшёв Камень. 1820 год.

Ещё Пушкин: 1830

1.

А вот ещё такое пушкинское стихотворение. Называется «Когда порой воспоминанье...» (коротко: «Воспоминанье»), 1830.

Когда порой воспоминанье
Грызёт мне сердце в тишине,
И отдалённое страданье
Как тень опять бежит ко мне (и т.д.)

При жизни автора оно опубликовано не было, существует только в черновике, не окончено. То что нужно.

Написано было «Воспоминанье» во время первой «Болдинской осени». В данном стихотворении говорится о том, что когда на автора в очередной раз накатывает волна некоего «отдалённого страдания», он переносится в мыслях не на лоно роскошной южной природы (как делал это раньше), а на суровый север.

О чём это вообще? В тексте предмет не назван, так что требуются дополнительные данные. Посмотрим для начала на корни и почву. Корни, из которых выросло это стихотворение, и почву, на которой оно произросло. Корней как минимум два.

2.

«Корень 1». Часто «корнем», из которого вырастает стихотворение, оказывается другое стихотворение. Таковым для «Воспоминанья» стало стихотворение «Погасло дневное светило» (коротко: «Светило»), написанное за десять лет до этого, в августе 1820.

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан (и т.д.)

Стихотворение это хрестоматийное, все учили. В нём мы видим всё то же самое, что и в «Воспоминании», только с поправкой на возраст и обстоятельства. Ключевое слово здесь (как и в «Воспоминании») – да-да, «воспоминанье». Чтобы избавиться от неких давешних «сердца ран», автор, «воспоминаньем упоённый», стремиться в мечтах вдаль, поскольку он «вспомнил» в этот момент «прежних лет безумную любовь» и так далее. Но в данном случае его привлекает как раз южная природа («земли полуденной волшебные края»), а вовсе не «берега печальные» севера, от которых он всеми силами «бежит». И ещё одна примета юности. Если в «Воспоминании» (1830) Пушкин пробивается к своему заветному «берегу» на «утлом челноке», то в «Светиле» (1820) он несётся к «берегу отдалённому» на всех парусах и на стремительном (ну, разумеется) «корабле».

3.

«Корень 2». Это тоже стихотворение, но совсем другого рода – «Кто знает край...» (коротко: «Край»), февраль 1828.

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море тёплой волной
Вокруг развалин тихо плещет (и т.д.)

Оно совсем уже незаконченное. Автор только начал нащупывать тему, но что-то потом, видимо, помешало. В этом стихотворении сначала вдохновенно превозносятся роскошная южная природа (несколько умозрительная «Италия» – с непременным «морем», «кипарисами», «лаврами» и т.п.), а потом автор приступает к вылепливанию образа некой совершенно ослепительной северной красавицы, которая затмевает собой всё вокруг. Честно говоря, образ этот получился не слишком удачным, поскольку не везде выдержана тонкая грань между превосходной степенью и карикатурностью – возможно поэтому Пушкин и не стал продолжать.

Так или иначе, но для нашего «Воспоминанья» это стихотворение стало ещё одним «корнем», поскольку первая его часть (та, что с колоритным описанием экзотической флоры) практически дословно была повторена потом Пушкиным в «Воспоминании» (при создании картины «южной природы»). Степень идентичности двух текстов доходит до того, что работая над «Воспоминаньем», Пушкин даже не стал заморачиваться с повторением уже написанных некогда в «Крае» строк, ограничиваясь одним-двумя начальными словами с пометкой «и так далее». Эта очень показательная деталь известна из черновика «Воспоминанья». Так что «Край» можно рассматривать даже не как самостоятельное стихотворение, а как пробный вариант «Воспоминанья».

4.

И наконец – в каком конкретно контексте вышеописанные два «корня» («Светило» и «Край») дали новый побег в виде «Воспоминанья».

«Почва». Тут всё просто. «Воспоминанье» появилось не само по себе, а в составе целого пакета стихов первой «Болдинской осени». Одним из доминирующих настроений которой являлось обращение поэта к поворотному моменту своей жизни – к 1813 году, когда он, четырнадцатилетний подросток, испытал мощный «взрыв сексуальности» синхронно с первым «творческим импульсом». Рассмотрим этот феномен чуть позже, а сейчас просто обратим внимание на график появления соответствующих произведений.

- 25 сентября 1830. Залпом написана последняя глава «Евгения Онегина» («В те дни, когда в садах Лицея...» и так далее). Подступался к ней Пушкин долго, но сдвинуться с мёртвой точки он смог только тогда, когда сформулировал и показал механику восхождения своей «творческой звезды». А именно – случайного совпадения в 1813 двух событий, одним из которых было узнавание «счастья тайных мук» (так в рукописи).

- 7 октября. «Паж, или Пятнадцатый год». Имеется ввиду не «1815-й» (как я простодушно полагал в школе), а маячащее где-то в отдалении пятнадцатилетие героя (то есть, применительно к Пушкину, речь идёт о 1813).

Пятнадцать лет мне скоро минет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет (и т.д.)

Здесь подросток, буквально сходящий с ума от любви к некой даме, ждёт не дождётся своего дня рождения, когда он станет «взрослым».

- 15 октября. Наше «Воспоминанье».

- 25 октября. «В начале жизни...».

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья (и т.д.)

Описан (с очень интересной конкретикой) самый момент вспышки сексуальности в герое-подростке на фоне лицейских реалий. В следующих главах ещё будет повод к этому вернуться.

- 29 октября. «Дельвигу».

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.
Киприда, Феб и Вакх румяный
Играли нашею судьбой (и т.д.)

Отсылка к лицейскому периоду – с конкретизацией, что в те дни «Киприда и Феб» (то есть «секс» и «творческое вдохновение») «играли судьбой» подростка Пушкина.

Из приведённых примеров хорошо видно, что специфические обстоятельства 1813-го года, во-первых, проходят красной нитью сквозь всю «Болдинскую осень», а во-вторых – берут в плотное кольцо наше «Воспоминанье».

5.

Итак, «корни» и «почва» расставляют на нашей доске следующие фигуры. Некое «отдалённое воспоминанье», мучавшее Пушкина в 1820 (и уже тогда бывшее «отдалённым»), от которого он в мечтах бежит на юг («Светило»). Ослепительная северная красавица, которая затмевает собой даже южную природу («Край»). Отсылка к взрывному пробуждению сексуальности автора, имевшем место в 1813 (целый ряд стихотворений первой «Болдинской осени»).

Вот такой вот набор. Сходу и не скажешь, что может связывать между собой все эти позиции.

Вроде как ничего. Если не принять одну достаточно перспективную гипотезу. Честь её выдвижения принадлежит не мне. Эта гипотеза относится к категории «недоказуемых и непроверяемых», и в обычных обстоятельствах я бы не стал прибегать к подобной. Но в данном конкретном случае на неё так хорошо ложатся наши факты, что я её всё-таки возьму в рассмотрение – а вы уж сами решайте.

Гипотеза заключается в том, что катализатором Пушкинской сексуальности и главным объектом её направленности в 1813 была императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра I.

На первый взгляд, эта версия выглядит слишком уж литературной. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что все возражения имеют простое и ясное объяснение, а принятие этой гипотезы позволяет в свою очередь объяснить на удивление много.

Отсутствуют упоминания в дневниках? Так там много о чём важном нет упоминаний. Достоверно известно (в том числе и со слов самого поэта) о нескольких волнах уничтожения Пушкиным своих дневников – на предмет компромата. А тут был бы компромат наитяжелейший. Если от «декабризма» можно было в принципе ещё отговориться (у многих получалось), то в случае одного только намёка на возможность связи с императрицей – тут даже и спрашивать никто ни о чём не стал бы: камень на шею – и в прорубь.

Большая разница в возрасте (14 и 34)? А что тут такого, совсем не помеха. Вспомним хотя бы Пушкина и ту же жену Карамзина (похожая разница), и не только. Пушкину вообще нравились постарше.

Пропасть в социальном положении? А это-то как раз ещё больше заводит. Одно слово чего стоит: «королева». Это вам не кухарку за зад ущипнуть. А тут даже не просто «королева» – «императрица».

Это что насчёт возражений. А при этом есть целый ряд обстоятельств, хорошо работающих на эту версию. Внешность Елизаветы Алексеевны более чем соответствовала. Когда смотришь на портреты дам из «донжуанского списка» Пушкина, то не оставляет ощущение, что поэт в этом вопросе был... скажем так, весьма демократичен. Возможно, его конфидентки отличались необычайной остротой ума, живостью характера, свежестью манер. Не сомневаюсь, что так оно и было. А вот императрица вдобавок ко всему этому была ещё и реально невероятно хороша.

Как ни странно, существовала и техническая возможность контакта Пушкина-лицеиста с императрицей. И именно в том самом 1813.

В том году с июля по середину сентября Елизавета Алексеевна жила в Царском Селе (а потом уехала на целых два года вообще из России). А у лицеистов весь июль тогда были каникулы – при том, что Пушкин домой не уезжал, а оставался в лицейском общежитии. Дни были свободными (не считая нескольких формальных экзаменов), так что Пушкин с друзьями отдыхали вовсю – гуляли в Царскосельских садах, купались, катались на лодке по дворцовым прудам и тому подобное. А императрица, со своей стороны, в эти месяцы много раз и практически одна «изволила иметь выход прогуливаться по саду пеша» (в сопровождении лишь одной доверенной фрейлины – как правило Екатерины Валуевой). Такое происходило, в частности, 21 и 25 июля; 2, 19, 21, 22, 28 августа; 8, 10, 11 сентября (согласно «Камер-фурьерскому церемониальному журналу» за 1813). Так что тут мы имеем сплошные «серые зоны».

Говоря о возможном контакте Пушкина с императрицей, следует понимать, что этот контакт если и имел место, то был односторонним. А теперь посмотрим какие следы оставила эта предполагаемая страсть. Пройдёмся по стихам.

«Паж, или Пятнадцатый год». Хотя сочинено это в 1830, но описываемая ситуация относится именно к 1813. В этом стихотворении говорится о некой зрелой даме – «строгой», «властолюбивой» и совершенно «недоступной». Между ней и четырнадцатилетним героем (автором) лежит социальная пропасть. Назвать её по имени никак нельзя. Ничего не напоминает?

А вот пушкинское стихотворение с длинным названием «Ответ на вызов написать стихи в честь Ея императорского Величества...», сочинено в 1818, уже во время работы над «Русланом и Людмилой».

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил (и т.д.)

Фактически, данное стихотворение – это признание в любви к Елизавете. Хотя формально это и сделано как бы в рамках жанра панегирика Высочайшей особе, но при этом автор откровенно выходит за эти рамки: «Я, вдохновлённый Аполлоном // Елисавету втайне пел. // Небесного земной свидетель, // воспламененною душой // <...> // Любовь и тайная свобода // внушали сердцу гимн...» и так далее.

Ещё один всем известный пример – поэма «Руслан и Людмила» (1820). Есть интересный взгляд на возможное происхождение образов Людмилы и Черномора. Описание препитий этой пары отмечено какой-то особой пристрастностью к «Обладателю полных гор». Видно, что рукой автора водила здесь глухая ревность. Кого к кому? Пушкина к им же придуманному карле? Право, смешно.

Но всё сразу становится по местам, если принять, что под «Черномором» Пушкин подразумевал императора Александра I, а, соответственно, под «Людмилой» – свою Елизавету Алексеевну, «воспламенившую» в своё время его, Пушкина, «душу». Мужу-императору, властителю лукавому и плешивому, этому похитителю его суженой – сделать ему Пушкин ничего не мог. Зато Черномор был в полной его власти, и тому пришлось отдуваться за Александра Палыча по-полной (сделавшись для начала лукавым и плешивым). Кстати, весьма показательно, что даже и много лет спустя, во время первой «Болдинской осени», у Пушкина вместе с очередным обострением воспоминаний о Елизавете и рефлексиями по соответствующим персонажам из «Руслана и Людмилы» – ровно синхронно с этим у Пушкина наблюдалось также и обострение антипатии к мужу-разлучнику, Александру I. «Властитель слабый и лукавый, плешивый щёголь, враг труда, нечаянно пригретый славой...». Написано ровно в те дни.

Теперь не-стихотворный «след». Май 1829. Елизавета Алексеевна уже три года как умерла. Умерла, как незадолго перед ней и её муж, при несколько туманных обстоятельствах, о которых сейчас не будем. Смерть настигла её в дороге, в Тульской губернии, при проезде через уездный город Белёв. В котором, согласно прописанной на этот случай процедуре, и были погребены её внутренние органы (тело же поехало дальше). И вот в 1829 Пушкин, направляясь на Кавказ, делает большой искусственный крюк (по его собственной оценке – в лишних «200 вёрст»), в результате чего оказывается проездом в этом самом Белёве. Зачем? Сторонники нашей версии отвечают – чтобы отдать последнюю дань любви погребённым здесь останкам Елизаветы. Тут важно ещё и время. Пушкин был в Белёве 3 мая (по старому стилю), а годовщина смерти Елизаветы – 3 или 4 мая (тут есть некоторая неопределённость). Таковую степень совпадения «места» и «времени» приписать простой случайности сложно.

Тем более, что буквально следом за этим, в том же году, Пушкин пишет своё знаменитое стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный» (1829).

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой (и т.д.)

Ведь о чём оно? Мимолётный и фантастически маловероятный контакт порождает в герое всепожирающую страсть к объекту, недоступному ему категорически. Как результат – о предмете своей страсти он не может даже и мечтать, а на что-либо другое не хочет теперь даже и смотреть. Со временем это обретает форму клас-

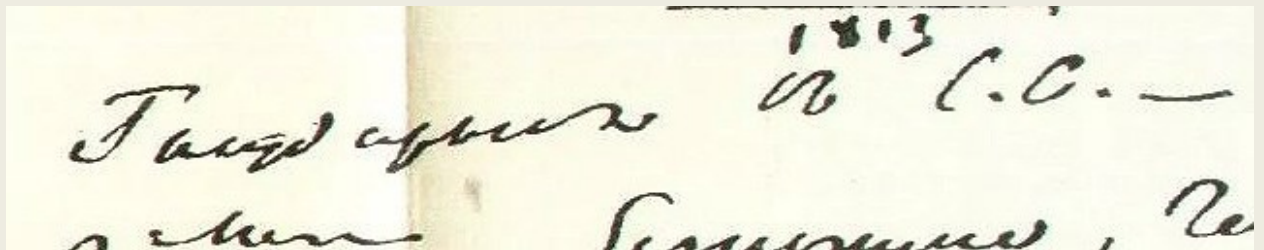
сического психического расстройства. И заканчивается, как и предсказывает медицина, печально – безмолвным и безнадежным «выгоранием», а там и невнятной кончиной. Решено всё это в средневековых декорациях.

Но если снять с данной истории рыцарскую шелуху, то перед нами оказывается реальный Пушкин, «безмолвно и безнадежно» страдающий по недоступной ему «королеве». Ему бы, что называется, «кого-нибудь попроще» – ан, нет. Правда, в отличие от своего «рыцаря», Пушкин на «прочих женщин» в общем-то «глядит», но недоступная мечта так никуда и не уходит, накатывая периодическими обострениями. Страсть гиблая, безнадежная, а потому неизбывная.

А вот ещё одна гиря на «весы истины». Пушкинский план так и не написанной им автобиографии. Его публикуют обычно под условным названием «Первая программа биографии». По общему смыслу этот план датируется осенью 1830, по использованной бумаге – 1833, но не суть. Здесь Пушкин очень сжато фиксирует по годам главные события своей жизни. Весь 1813 уместился у него в двух пунктах. Первый из которых гласит: «Государыня в Царском («Сарском») Селе». Заметим, что это – результат оценки Пушкиным важности для него разных событий, имевших место за 17 лет до составления «Программы» – то есть оценки, сделанной с высоты так сказать всей прожитой жизни. А ещё заметим, что летом 1813 никаких протокольных посещений императрицей Царскосельского Лицея не зафиксировано.

Выше я привёл пушкинскую «биографическую» запись в её традиционно публикуемом варианте («Государыня в Сарском Селе»). На самом же деле в рукописи (архив РГАЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 417) мы видим нечто другое. А именно: «Государыня въ С. С.».

Так в «чём» же на самом деле была «Государыня» в 1813? Может быть – «в Сиянии Совершенства». Или – «в Соблазнительной Сорочке». Или – «в Садах Страсти». Или же просто (что скорее всего) – «в стыдных снах».

[Илл. 04-14-01-1. «Государыня въ С. С.». Пушкин, «Программа биографии, год 1813» (написана в 1830). Предлог «въ» прочитывается здесь уверенно (ср. там же: «Фроловъ», «Чачковъ» и др.). Архив РГАЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 417]

6.

Итак, мы видим три волны обострения «чувств» (и «воспоминаний» о них), связанных у Пушкина с императрицей Елизаветой:

а) 1813 – собственно «сексуальный взрыв».

б) 1818-1820 – первая волна «воспоминаний» об этом «взрыве» (нашло отражение в «Руслане и Людмиле»). При отъезде в южную ссылку всё это усилилось ещё

и ощущением «расставания навсегда» (как оно в результате и вышло, чутьё не обмануло).

в) 1828-1830 – вторая волна «воспоминаний» (точнее, «воспоминания о воспоминании»). Сублимация сожалений о навсегда (после смерти Елизаветы в 1826) упущенной возможности.

В двух вышерассмотренных стихотворениях («Светило» и «Край»), давших толчок к написанию «Воспоминанья», эти фрустрации проявились в следующих формах.

«Край», 1828. Важнейшим смыслообразующим элементом этого стихотворения является античная статуя «Венеры». Драматургия стихотворения выстроена на сравнении «живой» женской красоты и красоты «произведения искусства». Первая, разумеется, побеждает. И это при том, что «красота произведения искусства» представлена у Пушкина двумя супер-тяжеловесами – античной статуей «Венеры» и рафаэлевой «Мадонной», из которых на первом месте стоит именно «Венера».

Хотя в стихотворении формально называется «Венера Медицкая» («флорентийская Киприда»), но есть все основания полагать, что Пушкин подразумевает при этом статую «Венеры», находившуюся в России и известную ныне как «Венера Таврическая». Которая во времена Пушкина ещё не была никакой «Таврической» и в петербургском культурном обиходе именовалась именно «Венерой Медицкой» («Записки» Храповицкого, запись от 20 октября 1792, опублик. в 1827), в крайнем случае – «Венерой, подобной Медицкой» («Отечественные записки», 1822, № 32, с. 403). В данном качестве эта статуя воспринималась с самого момента своего здесь появления (письмо Саввы Рагузинского к Петру I от 14 мая 1720).

Основания для такого уподобления имелись. «Венера Милосская» была ещё только-только обнаружена и не успела обрести статуса «главного античного шедевра». Из действительно древних «Венер» на слуху были две, чрезвычайно близкие по типу и художественному решению – «Венера из Флоренции» («Венера Медичи») и «Венера из Петербурга» («Венера» просто, она же «Венус»). Обе они, в равной степени, олицетворяли собой античность как таковую. И их не то чтобы путали, но часто считали как бы разными воплощениями одной и той же скульптуры.

При этом «Венеру из Флоренции» Пушкин видеть никак не мог, а «Венеру из Петербурга» – мог. И скорее всего видел, причём как раз незадолго перед написанием стихотворения «Край».

Хочу акцентировать внимание на исключительности этой статуи. При том, что Петербург набит под завязку бесчисленными «Венерами» и «Нимфами» – всё это либо копии (гипсовые или пусть даже мраморные), либо – «новодел» XVI – XVIII веков из той же Италии – порой вполне качественный, но никак не «древний». Собственно же «античные» статуи «Венер», обнаруженные в ходе раскопок и приемлемо сохранившиеся, можно в мире пересчитать по пальцам. И «Венера из Петербурга» – как раз одна из них.

На факте пересечения Пушкина с этой «Венерой» есть некоторый мистический налёт. Следует отметить, что и до Пушкина, и после него любой желающий мог

эту скульптуру легко осмотреть (до – в Летнем саду, после – в Эрмитаже). Но в течение всей жизни Пушкина (и даже чуть дольше, с 1803 по 1850) «Венера» эта находилась в малодоступном для обычных людей месте – в Таврическом дворце.

Правда, даже в этот период было одно «окно времени», когда «Венера» вновь выходила к широкой публике – во время её реставрации, начиная с лета 1822 и по июль 1827. Эти технические работы стали подарком всему пушкинскому поколению, не имевшему до этого возможности увидеть знаменитую скульптуру. Издатель Павел Свиньин в своём журнале тогда даже специально оповестил благородную публику о появившемся у всех шансе познакомиться с редчайшим шедевром («Отечественные записки», 1822, № 31, с. 403). В мастерскую Академии художеств, куда была перенесена «Венера», приглашались все.

Реставрация, на радость людям, затянулась. Но, по иронии судьбы (скорее даже – сарказму), из этих долгих 60 месяцев Пушкин находился в ссылке ровно 59. И только в течение одного месяца – июня 1827 – он имел физическую возможность увидеть эту уникальную скульптуру. Вернувшись затем опять на закрытую территорию – в Таврический дворец.

Проводил реставрацию скульптор Демут-Малиновский, в доме которого в 1832 будет снимать комнату Гоголь, после чего дом Демута выкупит «корона» – под снос, для строительства на этом месте Мариинского дворца.

Итак, в конце мая 1827 Пушкин впервые приезжает в Петербург после своей семилетней ссылки и останавливается в «трактире Демут» (бывшем, вопреки названию, весьма респектабельной гостиницей). А уже 10 июня он обедает у Свиньина, где читает свежие главы «Евгения Онегина» (письмо Свиньина к Михайловскому от 12 июня 1827). Свиньин же, некогда сообщивший всему миру о начавшейся реставрации «Венеры», продолжал и дальше следить за деятельностью Демута («Отечественные записки», 1827, №32, с. 132). Так что сейчас, в июне 1827, он был прекрасно осведомлён о том, что истекают буквально последние дни свободного доступа к «Венере». Разумеется, он не мог не предупредить об этом Пушкина.

Вас ничего во всём этом не смущает? «Трактир Демут», «скульптор Демут»?

И правильно, что не смущает. Это – чистое совпадение. Данные Демуты даже не родственники. Но то, что для обычного человека «совпадение», для поэта – «рифма». С которой шутить нельзя. Так что – надо бежать в мастерскую к Демуту, и – прямо сейчас. Скорый переезд статуи не оставлял Пушкину времени на раскачку.

Следует сказать, что Пушкин, долгие годы лишённый «вернисажной жизни», вообще с жадностью бегал в те дни по выставкам и мастерским. Например, не успев ещё толком приехать в город, он тут же, 25 мая (согласно «Выпискам» Андреева), понёсся в выставочный зал Прево смотреть вместе с Дельвигом и тем же Андреевым очередную модную новинку (кажется, картину Карла Брюллова «Итальянское утро»). А тут – скульптура действительно мирового значения.

Но самый необоримый мотив увидеть своими глазами данную «Венеру» состоял у Пушкина у том, что эта скульптура железно ассоциировалась у него с императрицей Елизаветой Алексеевной.

Таврический дворец, в котором скульптура находилась всё «пушкинское» время до реставрации, являлся главной резиденцией Елизаветы, её основным местом жительства.

Как следствие – никто из простых смертных не мог наслаждаться созерцанием «Венеры», а Елизавета – могла. И не только «могла», но и именно «наслаждалась». Об этом мы можем говорить с достаточной уверенностью на основании следующего. При разборе бумаг умершей императрицы был обнаружен один документ. Который представлял собой целое исследование на предмет этой статуи, полной амурной ауры («Сведения о статуе Венере...», РГИА, ф. 470, оп. 1 (93/527), д. 13, л. 6-9. В составе «Дела... о разыскании статуй Венеры и прочих вещей...»). На тему «Венеры» ничего сравнимого с этими «Сведениями» (по полноте и пристрастности) не было создано ни до, ни ещё сто с лишним лет после Елизаветы Алексеевны. Являвшейся, по всей видимости, вдохновителем и заказчиком этой работы.

Так что – листья шепчут: «Венера», а Пушкин слышит: «Елизавета».

Итак, у Пушкина имелись все необходимые компоненты – «информационная», «организационная» и «мотивационная» – для совершения конкретного действия – посещения мастерской Демута-Малиновского. И если уж у него нашлось тогда время даже для посещения мастер-класса по фехтованию, то должно было найтись время и на это.

Таким образом, мы видим чёткий пунктир, ведущий нас к пушкинскому «Воспоминанию»: стихотворение «Край» – Венера Таврическая – императрица Елизавета Алексеевна. В любой последовательности.

А вот ещё один пунктир. Стихотворение «Светило». В нём говорится о «сердечной ране» – но не о свежей (что подчёркивается особо: «наперсницы порочных заблуждений... вы забыты мной» и т.п.), а именно о застарелой («прежних лет безумная любовь» – это в двадцать-то один год). Написано в 1820 – так что речь, по всему, идёт здесь о «любовном кризисе-1813».

И ещё об этом же стихотворении. Время написания (август 1820) приходится на второй «период обострения». Который в целом протекал у Пушкина под эгидой «Руслана и Людмилы». Так что «слёзы в очах», «кипящая и замирающая душа», «былые страдания», «желаний и надежд томительный обман» из стихотворения «Светило» – всё это возшло на дрожжах пушкинских рефлексий по поводу отношений Александра I и Елизаветы Алексеевны... простите – Черномора и Людмилы.

Ну а теперь – вот вам Людмила собственной персоной. Опять стихотворение «Край» (1828). Героине, ослепительной северной красавице, Пушкин из всех возможных имён назначил ровно это: Людмила. В академических комментариях неизменно пишут, что «имя это условное». Не буду спорить с уважаемыми академиками, конечно «условное». Все имена условные. Более того – вообще все слова, как идентификаторы «понятий», являются условными – и при желании могут быть заменены практически чем угодно. И всё-таки. Людмилу в данном (не длинном) стихотворении Пушкин называет по имени аж три раза. А по черновику вид-

но, насколько обдуманно он это имя выбрал. В шорт-листе у него фигурируют четыре варианта – а победила единогласно «Людмила».

Я уже отмечал, что образ этой «Людмилы», если под ней подразумевать только русскую императрицу, получился у Пушкина не слишком убедительным. А вот если на него взглянуть сквозь призму «Руслана и Людмилы» (*той* Людмилы), то получается очень даже ничего. «Людмила» в нашем стихотворении «сынов Авзонии пленяет», «их пёстры волны... увлекает», «ничего... себя прекрасней не находит», «стоит... с важностью очей», она «мечты возвышенной полна», и тому подобное. Так что перед нами, да – странноватая смесь 34-летней реальной императрицы (в мечтах Пушкина ей всегда будет 34) и 17-летней схематичной (но симпатичной) книжной княжны. Впрочем, смесь покажется не такой уж и странной, если вспомнить, что с помощью «Руслана и Людмилы» автор как раз и избывал (не слишком, правда, успешно) свои комплексы по поводу государыни-императрицы.

И ещё одна мелочь, но уж скажу для порядка. Все три стихотворения – «Светило», «Край» и наше «Воспоминанье» – все они построены, с конструктивной точки зрения, на противопоставлении роскошной «полуденной» и скудной «полуночной» природы. А противопоставление это было заложено всё там же – в «Руслане и Людмиле» (тропический зимний сад – и полярный пейзаж за окном).

В очередной раз подытожим. На фоне случившейся во время первой «Болдинской осени» активизации неизбитых комплексов (растущих из 1813), Пушкин в своём «Воспоминании» (15 октября 1830) снова обратился к образу императрицы Елизаветы. Конкретно, к эпизоду 1819-1820 – времени завершения им поэмы «Руслан и Людмила» (замешанной на чувствах к Елизавете) и мысленного «прощания» с Елизаветой навсегда (ввиду убытия в ссылку).

7.

А теперь пришло время сказать, почему эта история вообще помещена в главу про «Топонимический кластер» Новой Земли.

В разбираемом нами стихотворении «Воспоминанье» (1830) Пушкин от своего мучительного «воспоминанья» бежит не просто «на север». Он бежит на некий северный остров. Читаем:

<...>
 Стремлюсь привычною мечтою
 К студёным северным волнам.
 Меж белоглавой их толпою
 Открытый остров вижу там.
 Печальный остров – берег дикой
 Усеян зимнею брусникой,
 Увядшей тундрю покрыт
 И хладной пеною подмыт.
 Сюда порою приплывает
 Отважный северный рыбак.
 <...>

(Пушкин, «Воспоминанье», 1830. Фрагмент)

Итак, мы видим некий «полярный остров» (тундра начинается уже на уровне моря), где нет постоянного населения, где бывают только редкие промысловики, и плавание куда сопряжено со значительной опасностью.

Вся предыдущая часть данного эпизода имела целью показать, что «Воспоминанье» восходит своими корнями к периоду работы Пушкина над поэмой «Руслан и Людмила». А теперь вспомним, что ключевая точка «Руслана и Людмилы» (в географическом смысле) – это гора «М-Камень», расположенная на Северном острове Новой Земли, на вершине которой Пушкин и поместил свой «замок Черномора». И что эта локализация произошла с лёгкой руки мичмана Михаила Кухельбекера, осенью 1819 вернувшегося в Петербург из плавания на Новую Землю.

Кухельбекер своими глазами видел гору «М-Камень» (зафиксировано в отчёте лейтенанта Лазарева), а значит он видел и находящийся перед ней «открытый остров», покрытый «увядшею тундрой». А именно – Митюшёв остров.

8.

Чудодейственная субстанция, называемая «поэзией», рождается у поэта на кончике языка. Там она и остаётся. Всем же прочим достаются только «тексты».

В бумажную эпоху «текст» стихотворения проживает в общем случае по трём адресам – в «черновике», «беловой рукописи» и «книжной странице». Последнюю учат в школе. «Беловая рукопись» является неким промежуточным «окончательным вариантом» – где, однако, могут присутствовать и множественные следы дальнейших улучшений. Но в целом «беловая рукопись» как-то коррелирует с «книжной страницей».

Другое дело «черновик». Когда он пишется, никто, включая поэта, ещё не знает, случится ли такое стихотворение вообще. Это – поле битвы в процессе сражения с неизвестным исходом.

Конкретно у Пушкина черновики выглядят не приведи Господи. Лишние варианты он имел обыкновение не просто вычёркивать, а густо замазывать чернилами, оставляя на месте слов непробиваемые кляксы. В результате, страницы эти выглядят как цветочные грядки, по которым похмельный моторист бессмысленно и беспощадно елозил всё утро на бульдозере. Если какие-то слова и остаются у Пушкина по недосмотру не зачёркнутыми, то радоваться тут ещё рано. Слова в его черновиках часто не дописаны до конца. Зачем, ведь и так всё понятно (ему). Вдобавок ко всему этому, порядок четверостиший и их состав часто в его черновиках никак не соотносятся с окончательными решениями.

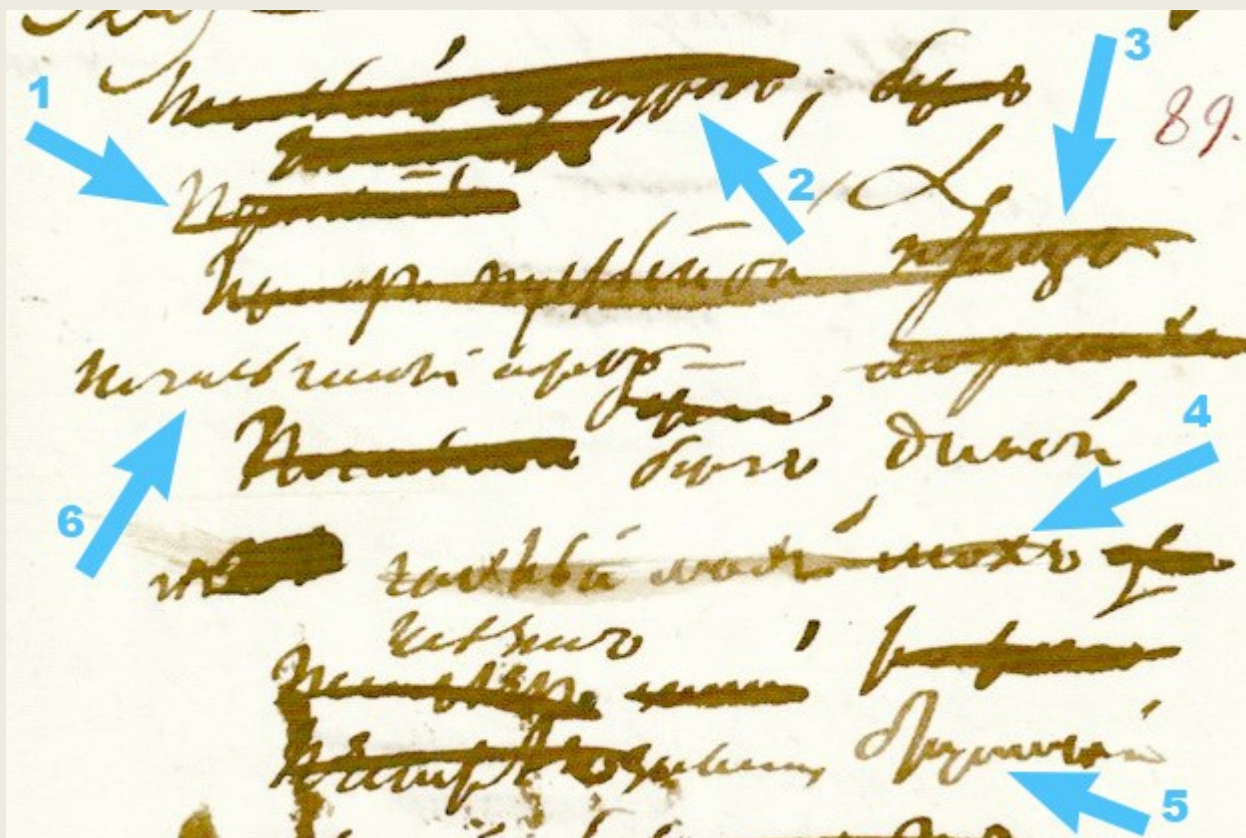
И при всём при этом – нет ничего лучше «черновика», если хочешь узнать истинные намерения автора. Мы читаем строку в книге и думаем: «Что поэт имел здесь ввиду?» А в черновике это прямо написано, чёрным по белому. Ведь в книге мы видим то, что у поэта получилось написать. А в черновике – то, что он написать хотел. Но – не нашлась рифма, не сложился ритм, не совпали образы, показалось тяжеловесно, просто накатила блажь. А с черновика какой спрос? Так что – черновик, черновик и черновик.

Так вот. Стихотворение «Воспоминанье» (1830) существует у Пушкина только в виде «черновика». Ни «беловой рукописи», ни прижизненной его публикации не существует. Отсюда неотвратимое следствие – текст, который мы учили в школе

по книжной странице – он насквозь гипотетичен. Половину слов в нём следовало бы снабдить пометкой: «нрзб.» или «предполож.», а другую половину переставить всю местами. Общий смысл послания был, я надеюсь, публикаторами ухвачен – но если кому нужны детали, то тут придётся снова лезть в черновик (архив РГА-ЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 138, л. 1-2) и смотреть самому.

А детали были бы интересны вот какие. Новоземельская локализация пушкинского «острова» поддержана в «книжном тексте» следующими позициями: «студёные северные волны», «открытый остров», «берег дикий», из растительности – только «увядающая тундра» с «зимнею брусникой». А не было ли там чего-нибудь ещё, что публикаторы на включили в печатный вариант по художественным, к примеру, соображениям?

Так вот: очень даже было. Сколь пушкинский черновик ни исчеркан автором, но в нём уверенно прочитывается следующее. На нашем «острове» нет ничего – ни жилья, ни растительности («пустынный остров»). Во-вторых, на нём находится «птичий базар» – в точности, как на близлежащих скалах «М-Камня» («приют пустынный птиц морских»). А, в-третьих, дополнительно уточняется характер растительности. А именно – это тундра, переходящая в полярную пустыню («чахлый мох едва растёт»). Это как раз соответствует 74-му градусу северной широты (на которой и лежит наш «М-остров»). Смотрите сами.

[Илл. 04-14-02-1. Черновик стихотворения Пушкина «Воспоминанье» (1830). Стрелками помечены: «Пустынный (1) остров (2)» (вычеркнуто), «Приют пустынный птиц морских» (3, вычеркнуто), и «где чахлый мох едва растёт» (4, вычеркнуто), «Усеян зимнею брусникой» (5), «Печальный остров» (6). Архив РГАЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 138, л. 1 об.]

На «новоземельскую» принадлежность пушкинского «острова» дополнительно указывает ещё и такой факт. За четыре дня до «Воспоминанья», в том же Болдине, поэт пишет стихотворение «Отрок».

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака (и т.д.)

Это всего четыре строчки на тему юности Ломоносова. Вместе со своим отцом, Ломоносов-подросток участвует в «путине». И здесь показательна степень сходства выражений, описывающих полярные реалии в «Отроке» и в «Воспоминании». «Невод рыбак расстилает» («Отрок»), «рыбак... невод мокрый расстилает» («Воспоминанье»). «Брег студёного моря» («Отрок»), «студёные волны... у берега дикого» («Воспоминанье»). При этом про Ломоносова хорошо известно, что на «морскую добычу» он с отцом ходил (как и вся их холмогорская страта) как раз к берегам Новой Земли, с предварительным волоком на Мезень. Так что стихотворение «Отрок» прямо подводит нас к «М-острову».

Одной из колоритных деталей «Воспоминанья», написанного 15 октября, является «зимняя брусника», весьма оживляющая текст (см. Илл. 04-14-02-1, стрелка 5). Но именно она иногда используется скептиками в качестве аргумента против новоземельской локализации пушкинского «острова». Брусника на Новой Земле по широтности, якобы, уже не растёт. Это не так. Вот вам от всех этих сомнений вакцина винных октябрьских ид – брусника именно с Новой Земли.

[Илл. 04-14-03-1. Брусника (*vaccinium vitis idaea*) с Новой Земли. Собрано 18 августа 1921 Михаилом Назаровым. Гербарий из коллекции Московского Университета, MW 0467315]

И напоследок. Незадолго перед написанием «Воспоминанья» Пушкин полностью заканчивает «Евгения Онегина», над которым он работал много лет. Ура, «книга всей жизни» завершена.

А давайте посмотрим – какими словами она завершена. Глава последняя, конец 48-й строфы (из всего 51). «Роман в стихах» здесь уподоблен странствию, а его завершение – достижению берега, к которому поэт, наконец, приплыл.

Довольно мы путем одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

(«Евгений Онегин», 8:48)

Это берег метафорический. А буквально через пару недель, в «Воспоминании», утлый челнок Пушкина причаливает к берегу физическому – берегу конкретного полярного острова.

Открытый остров...
<...>
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок.

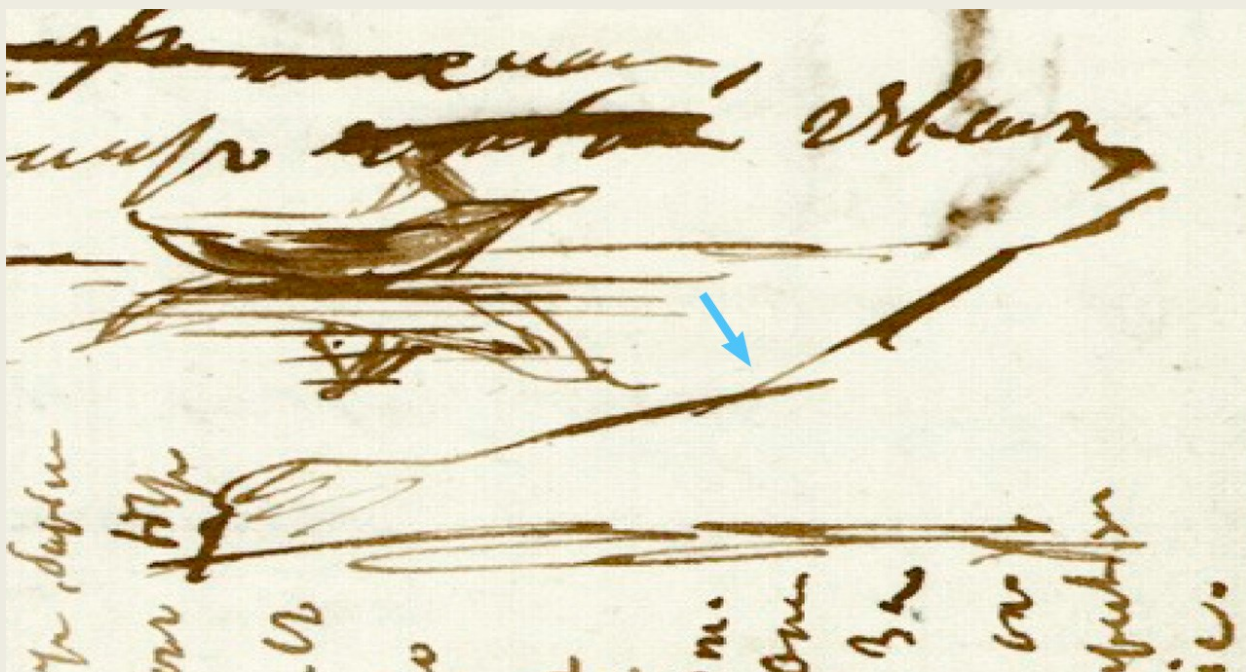
(«Воспоминанье», последние строки)

Вот и конкретизировались пушкинские ассоциации. «Евгений Онегин», похоже, завершает своё литературное плавание не абы где, а на «открытом М-острове» у берегов Новой Земли.

9.

А сейчас мы вплотную подошли к настоящей причине, подвигшей меня к написанию всего этого эпизода. Ведь не из-за одного только пушкинского упоминания «М-острова», пусть даже и неожиданного, я всё это затеял.

А вот из-за чего. Черновик «Воспоминанья» заканчивается совершенно невероятным рисунком. А именно – пушкинским рисунком «М-острова». Таким, каким поэт представлял его себе со слов Михаила Кюхельбекера. Судя по ракурсу, это, возможно, западная бухта у мыса «Рифовый».

[Илл. 04-14-04-1. Пушкинский рисунок берега «М-острова» (контур показан стрелкой). Автор стремится к нему на «утлом челноке». Черновик стихотворения «Воспоминанье», 15 октября 1830. Архив РГАЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 138, л. 2]

Тот самый случай, когда невидимое слово становится материальным.

[Илл. 04-14-05-1. «Остров» в пушкинском черновике стихотворения «Воспоминанье». Там же, л. 1 об.]

Пушкин, «Воспоминанье», Митюшёв остров. 1830 год.

1688: Фламинг

Продолжим «Неявные умоинания». Голландский шкипер Виллем Фламинг (Willem de Vlamingh) уже известен нам по книге Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария».

Как мы помним, в 1688 году Фламинг, оказавшись на Новой Земле где-то рядом с мысом Сухой Нос, поднялся на очень высокую прибрежную гору и увидел с её вершины нечто, чрезвычайно похожее на сквозной пролив.

Maer wel dat een deurtocht is tusschen Langenes en Groote-baai; want hy zeght, aldaer op zeer hooge bergen gestaen te hebben, en dat zyn oogh het water niet konde eindigen. De vaert die aldaer langs, landewaert in gaet, is breed omtrent vier myl.

(«Северная и Восточная Тартария», изд. 1692, с. 571)

Он [Фламинг] верит в то, что имеется проход [сквозь Новую Землю] между Лангенесом и Большой Бухтой, и он говорит, что он поднимался в этом месте на очень высокую гору и не смог обозреть [оттуда] всю воду [предполагаемого пролива, в смысле: на всю его длину]: фарватер, идущий вдоль него [предполагаемого пролива], довольно широкий.

И если Фламинг действительно видел сквозной пролив, разделяющий Северный и Южный острова Новой Земли, то единственная гора, с которой он мог обозреть данную картину – это гора Митюшёв Камень, действительно «очень высокая». И она находится как раз между входом в Пролив и мысом Лангенес (нынешний Сухой Нос).

В этом случае, в 1688 году Фламинг, сам того не ведая, совершил восхождение на гору Митюшёв Камень.

Похоже также, что в другом месте книги Витсена тот же Фламинг упоминает ту же самую гору, как гору «Хрустальную», на вершине которой он нашёл россыпи горного хрусталя.

1594: Баренц

Идёт первая экспедиция Виллема Баренца к Новой Земле, 1594 год. Взяв курс от норвежских берегов круто к северу, корабль Баренца 4 июля 1594 года утыкается в Новую Землю. В «Дневнике Де Фера» (1598) это описано так:

Плавание продолжалось <...> до утра 4 июля; <...> они повернули на север. <...> Тогда, в шести или семи милях от них, в направлении на SOtO показалась Новая Земля.

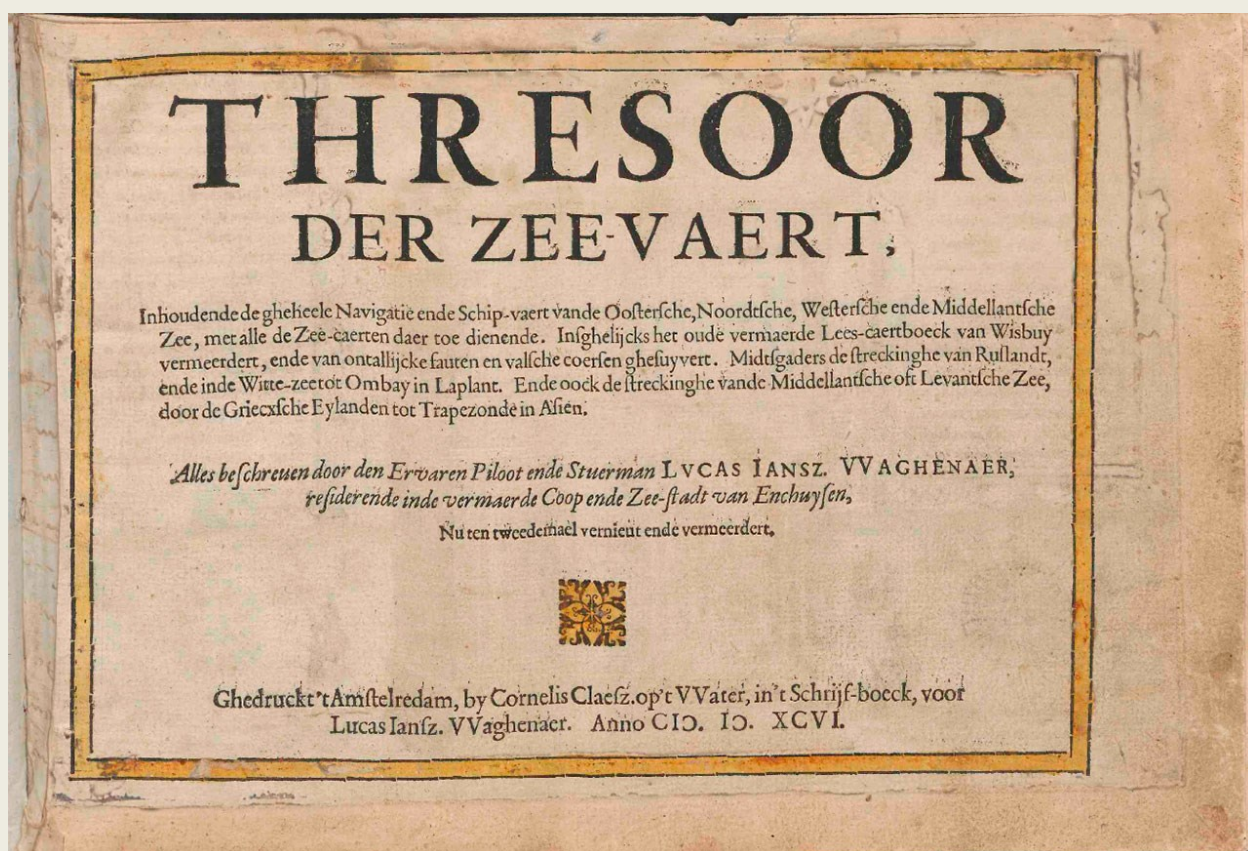
Место, в котором Виллем Баренц впервые вышел к берегу Новой Земли достаточно надёжно установлено. Это – мыс Сухой Нос (Баренц назвал его Langenes, Длинный Нос).

Так вот, мыс Сухой Нос с юга омывается ничем иным, как заливом Губа Митюшёва (Митюшиха).

А потому, Губа Митюшёва – это тот самый залив, который Баренц первым увидел у берегов Новой Земли в ходе своей первой экспедиции. Так сказать, «первая любовь».

1592: Вагенаер

Лукас Вагенаер (Lucas Waghenaer), великий нидерландский картограф. Его атлас «Thresoor der zeevaart» («Сокровище мореплавателя», 1592, Лейден) обозначил очередную веху в полном и безоговорочном описании мира.

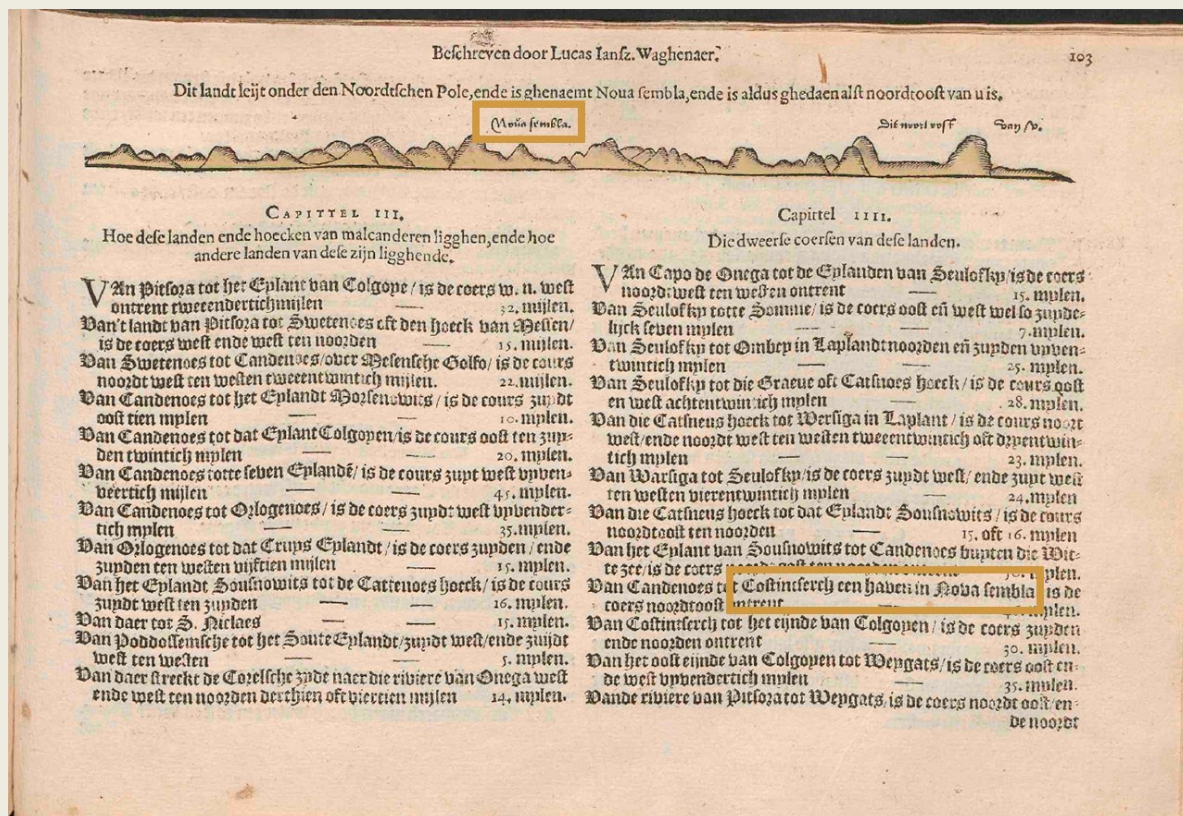
[Илл. 04-16-01-1. Вагенаер, «Сокровище мореплавателя», 2-е издание, 1596. Титульный лист.]

«Сокровище» Вагенаера, объёмом более 250 страниц, состоит не столько из карт (которых, впрочем, тоже хватает), сколько из словесных описаний берегов и рисунков береговых панорам.

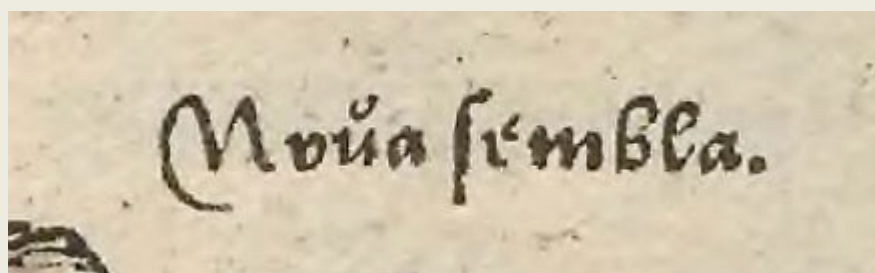
Последнее – особенно важно для практического мореплавания, поскольку даже в прямой видимости берега часто бывает сложно определить со своим местоположением. Ну да, мы где-то у берега Евразии – а где именно? И тут рисунок профилей береговых гор может очень помочь. А потому эти профили рисовались чрезвычайно тщательно и ответственно.

И вот в «Сокровище мореплавателя» Вагенаера, в главе третьей и четвёртой раздела «Мезень, Россия, Корелия», на странице 103 мы видим рисунок берегового профиля Новой Земли.

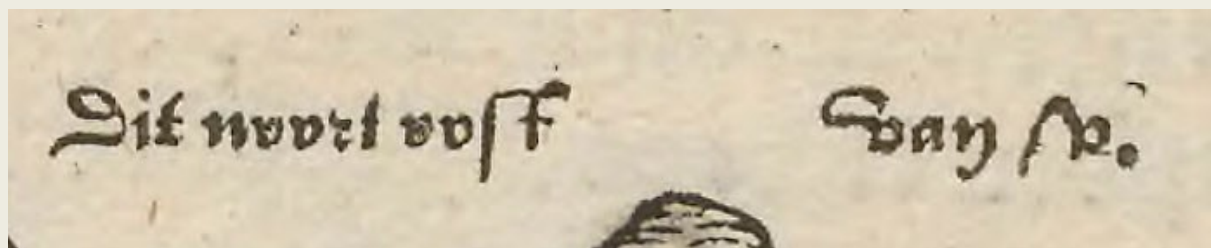
На рисунке имеются три надписи: «Noua sembla» («Новая Земля»), «Dit noort oost» («это – северо-восток») и «van u» («от вас»). Привожу по экземпляру «Сокровищ» из «Maritiem Museum Rotterdam» (шифр хранения MAG 7 F 31, 1125).

[Илл. 04-16-02-1. Там же, с. 103.]

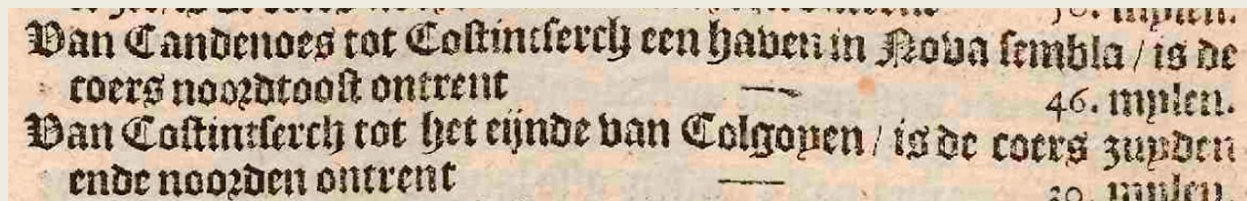
[Илл. 04-16-02-3. Там же. Фрагмент. «Nova sembla».]

[Илл. 04-16-02-4. Там же. Фрагмент. «Dit noort oost van u.»]

То, что это какой-то участок побережья Новой Земли – это понятно. Но – какой? На это счёт есть определённые соображения.

Единственный топоним Новой Земли, упоминаемый во всём «Сокровище» Вагенаера – это Костин Шар («Costintserch», стр. 103).

[Илл. 04-16-02-5. Там же. Фрагмент. «Costintsearch».]

Ввиду этого, логично предположить, что рисунок относится к участку побережья в районе Костина Шара – или того, что Вагенаер полагал за оный.

Последнее замечание существенно, поскольку известно (и скоро мы будем иметь возможность в этом убедиться сами), что в конце XVI века голландские и английские картографы часто ошибочно называли «Костиным Шаром» пролив, который разделяет Северный и Южный острова Новой Земли. Эта же ошибка присутствует и на отдельной (вне атласа) карте Вагенаера «Generale pascaerte van gantsch Europa» 1589 года.

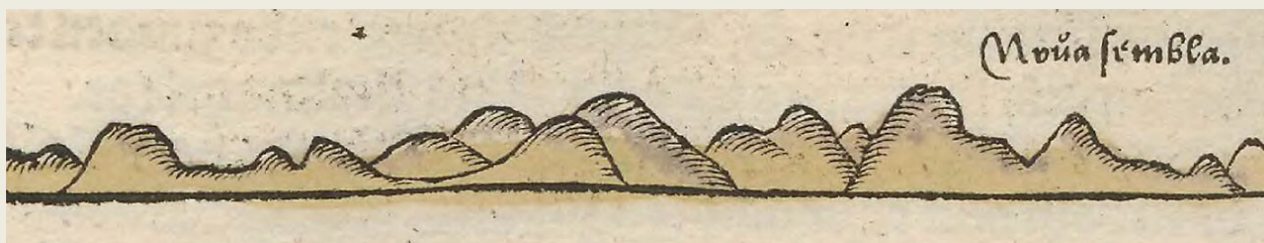
А потому есть основания полагать, что Вагенаер и в данном случае назвал «Костиным Шаром» пролив, разделяющий Северный и Южный острова Новой Земли и рядом с устьем которого находится гора Митюшёв Камень.

Но почему тогда «северо-восток» указан на рисунке Вагенаера справа, а не слева (как на самом деле)?

Возможно, потому, что в то время считалось, что берег Новой Земли (ещё неясно было – остров это или материк) идёт в целом с востока на запад. Это – ошибочное представление, но на тот момент оно являлось общепринятым в научном обиходе. А коли так, то если смотреть на побережье Новой Земли со стороны моря, то мы будем смотреть (согласно этим представлениям) строго на север. А значит северо-восток будет у нас справа, то есть – как раз как на рисунке.

Если все эти соображения верны, то в «Сокровище мореплавателя» Вагенаера на странице 103 мы видим первое в истории изображение горы Митюшёв Камень. 1592 год.

Хотя, по правде сказать, точно идентифицировать гору по данному рисунку я не берусь. Так что пусть результаты этой главы останутся пока гипотетическими. В любом случае это был хороший повод познакомиться с Вагенаером. Пригодится.

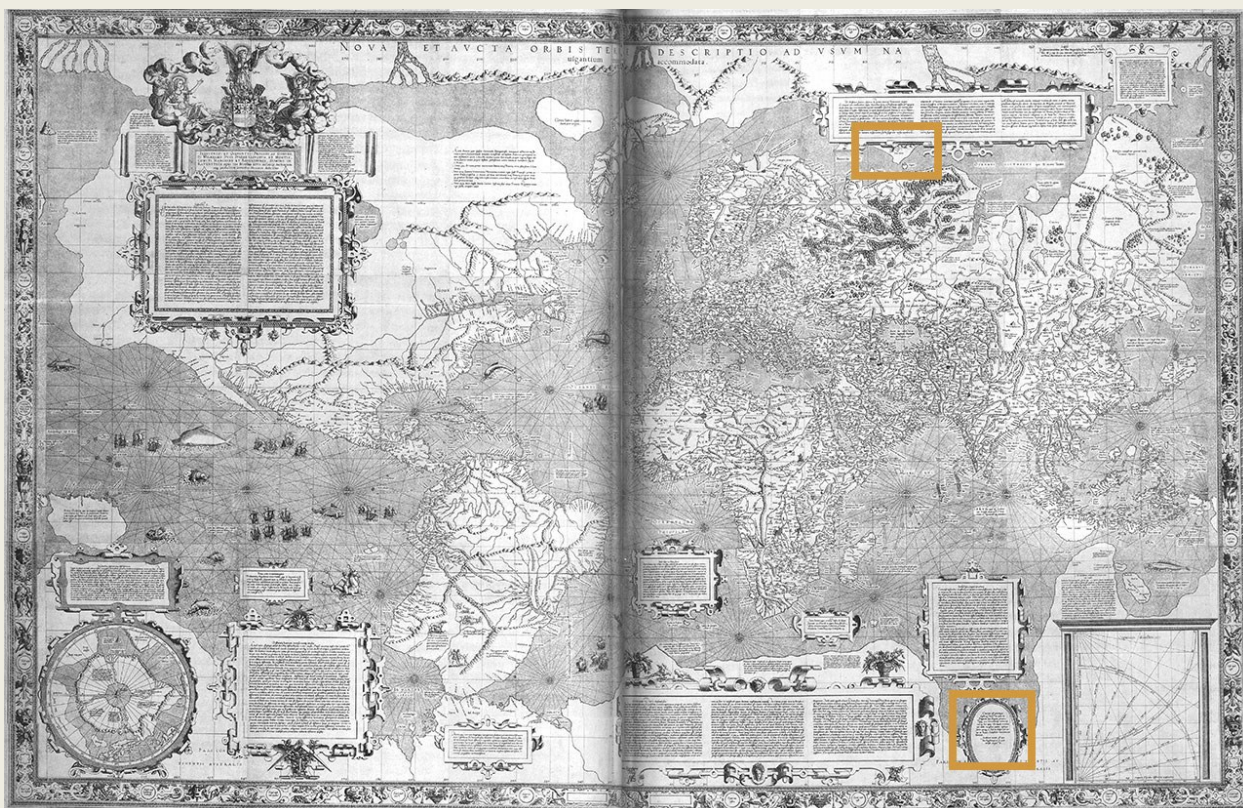
[Илл. 04-16-02-6. Там же. Фрагмент. Одна из изображённых гор – «Митюшёв Камень».]

1569: Меркатор

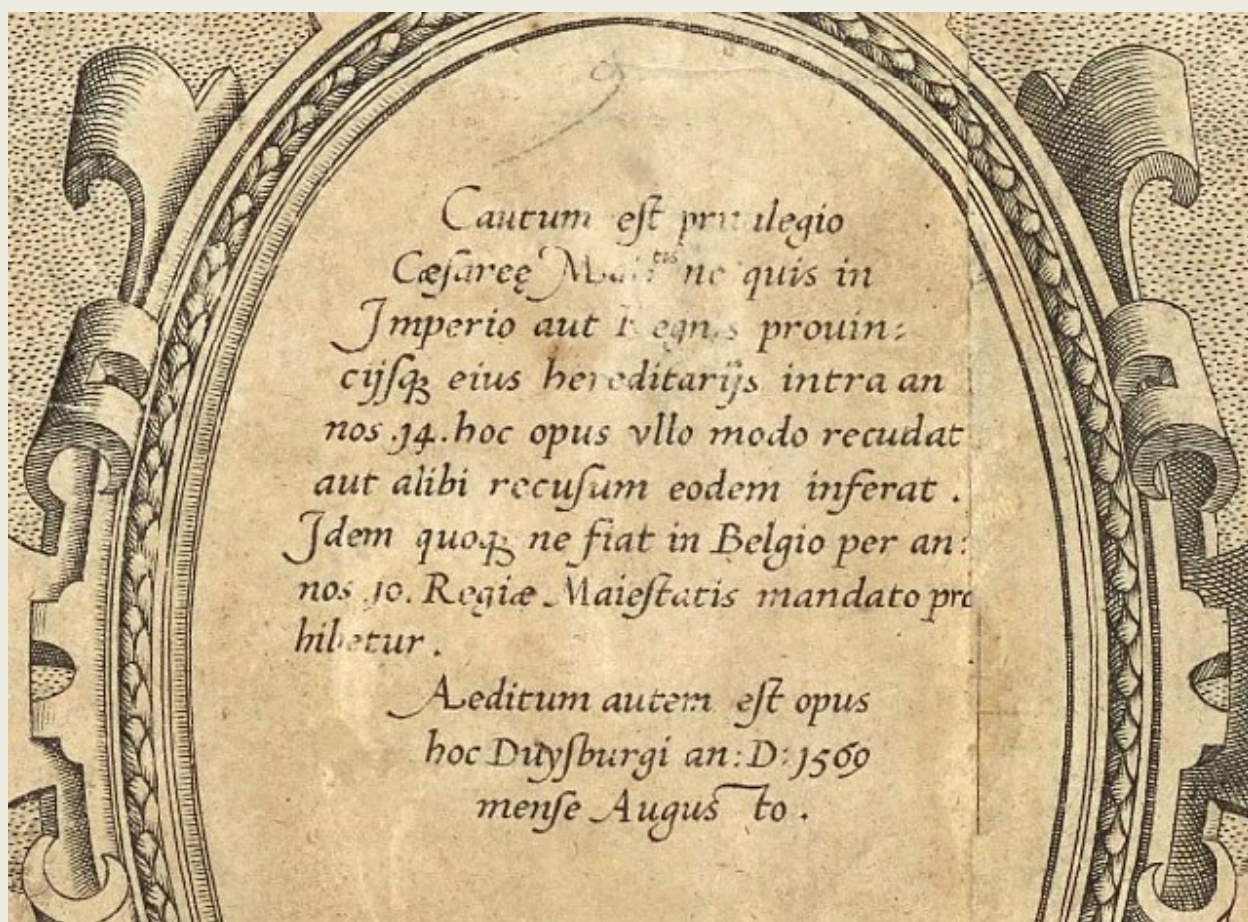
Впрочем, существует одно ещё более раннее предположительное изображение горы Митюшёв Камень. Хотя, в отличие от конкретного «вагенаеровского», это изображение носит заведомо условный характер. Тем не менее.

Я говорю о «Карте Мира» Герарда Меркатора («Nova et aucta orbis terrae descriptio ad usum navigantium emendate accomodata...»), отпечатанной в 1569 году. До наших дней дошли как минимум три её экземпляра, один из которых хранится в Национальной Библиотеки Франции (GE A-1064, ark:/12148/cb406117315).

На этой карте мы видим первое в истории изображение новоземельских гор вообще, и «высокой горы на западном побережье острова» – в частности. По всем понятиям, рисунок должен изображать ту самую «highest mountaine in the world», весть о которой незадолго до того принёс миру Стифен Бэрроу.

[Илл. 04-17-01-1. «Карта Мира» Меркатора, 1569]

[Илл. 04-17-01-2. Там же. Датировка]

Буквально на следующий год (1570) Меркатор выпустил отдельно Атлас Европы, в котором первый лист, показывающий Европу целиком, отпечатан с той же самой печатной платы, что и его прошлогодняя «Карта Мира» (1569). Показательно, что на этой «карте Европы» Меркатор оставил на Новой Земле уже только одну гору – нашу с вами. Атлас известен в единственном экземпляре (British Library, Maps, с. 28, с. 13).

Вот этот лист и эта гора:

[Илл. 04-17-02-1. Атлас Европы, Меркатор, 1570, f.1.]

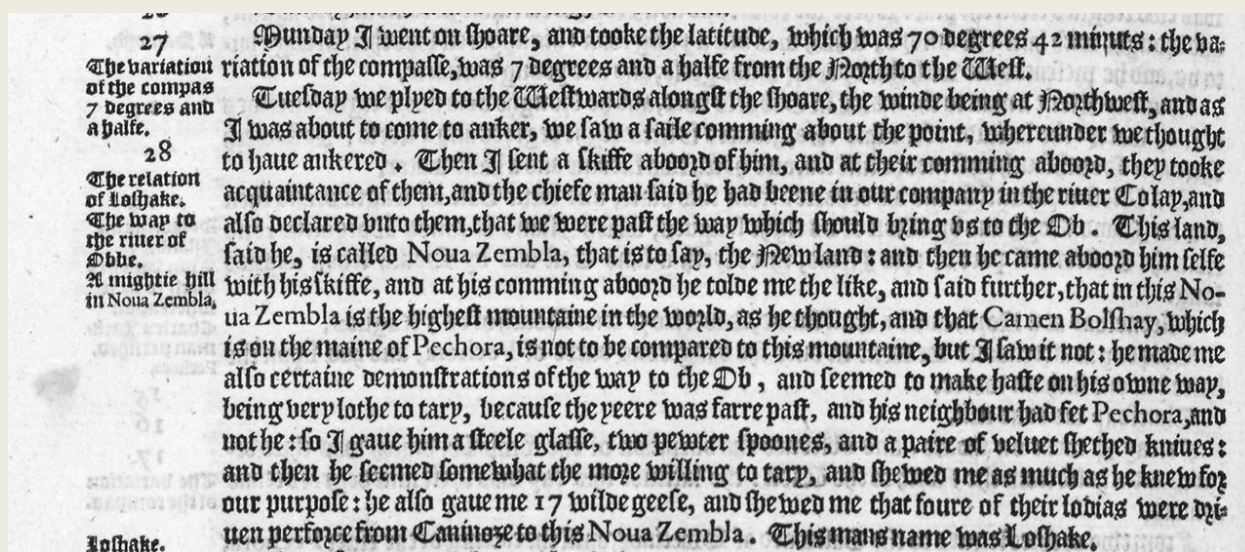
[Илл. 04-17-02-2. Там же. Фрагмент. Гора на Новой Земле.]

1556: Бэрроу

Впервые мир услышал слово «Новая Земля» от Стифена Бэрроу, капитана английской пинассы «Serchthrift», подошедшей 27 июля 1556 года к берегам безымянной ещё «земли».

На следующий день, 28 июля, Бэрроу встретил у тех берегов поморскую лодью. Первое, что сообщил кормчий этой лодьи, было название близлежащей суши – «Новая Земля». А второе, что он сообщил, было то, что «на этой Новой Земле находится самая высокая в мире гора» («In this Noua Zembla is the highest mountaine in the world»).

О данном эпизоде мы знаем из книги Ричарда Хаклюйта «The Principal Navigations...» 1589 года издания. Вот как это место выглядит в оригинале:

[Илл. 04-18-01-1. Хаклюйт, «The Principal Navigations...», 1589, с. 318. Стифен Бэрроу узнаёт о «самой высокой горе Новой Земли».]

Мы знаем, что «самой высокой горой» Новой Земли вплоть до экспедиции Фёдора Литке в 1821 году считалась гора Митюшёв Камень. Для этого, надо сказать, имелись свои основания. До эпохи настоящих геодезических съёмок высоты гор определялись «на глазок», по ощущению. А чем гора ближе, тем она кажется выше. Известно также, что вся хозяйственная деятельность на Новой Земле велась исключительно в узкой береговой полосе, внутренние территории оставались совершенно неизвестными вплоть до XX века. Таким образом «самой высокой горой» могла казаться только одна из прибрежных гор. Из которых Митюшёв Камень – действительно самая высокая.

Так что выходит, что мир впервые услышал о горе Митюшёв Камень ещё в 1556 году. Однако тогда он не понял этого. Что может было и к лучшему.

5. Шар

Пролив – Селифонтов (1736) – Витсен (1687) – Пальмквист (1674) – «Роспись из Неплюевского дела» (1652) – Тобольская грамота (1618) – Масса (1612) – Эпоха Великих картографических открытий – Глобус (1599) – Меркатор (1595) – Баренц (1594) – Планций (1594) – Де Йоде (1593)

Пролив

Видение Града Небесного в самом центре Топонимического Ядра – это, конечно, сильно.

Однако, на Новой Земле имеется ещё один активный объект, чьё соседство с «топонимическим кластером» должно было в 1873 году ещё больше усилить предчувствия Фёдора Достоевского.

Речь идёт о проливе, делящем Новую Землю на два острова – Северный и Южный. Данный объект я уже упоминал в этой книге, не называя однако его по имени во избежание путаницы. Дело в том, что пролив этот фигурирует в истории под несколькими разными названиями, как минимум пятью.

Все эти названия мы скоро подробно обсудим, однако пока, до выяснения обстоятельств, я буду называть данный объект «М-Шаром», поскольку все известные его названия одинаково начинаются на букву «М». А «шарами» на Севере стандартно называют проливы.

Начиная с XVIII века М-Шар фигурирует в документах преимущественно как «Маточкин Шар». Но так было, как мы увидим, не всегда. Ниже я приведу все известные упоминания «М-Шара» до XVIII века. А заодно уж и все случаи упоминания каких-либо иных новоземельских топонимов до 1674 года (то есть до «карты Пальмквиста»), благо их все (и случаи, и топонимы) можно пересчитать по пальцам. О первых трёх нижеследующих источниках (картах Селифонтова, Витсена и Пальмквиста) я уже подробно рассказывал, поэтому здесь ограничусь лишь краткой на них ссылкой.

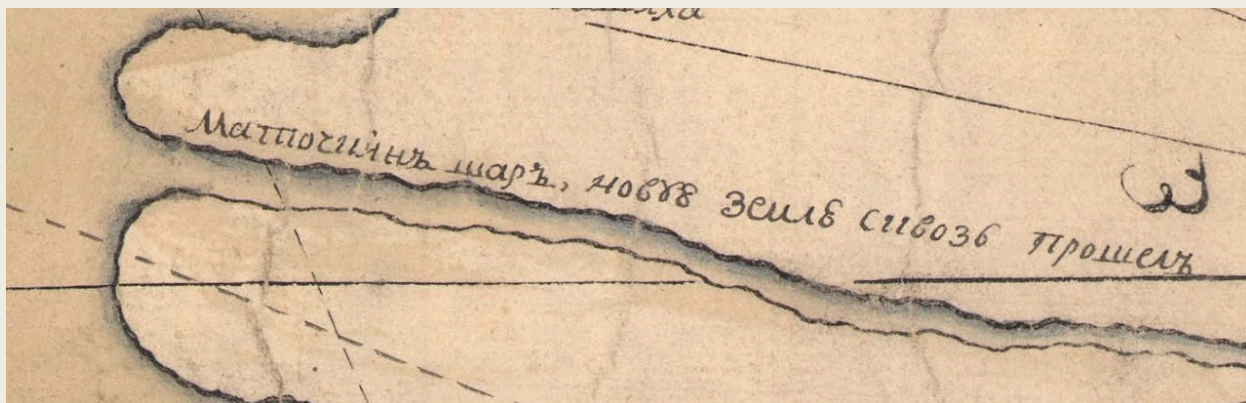
1736: Селифонтов

Следы шара:

| Маточкинъ шаръ |

1736. Карта Селифонтова.

Первое определённое утверждение о существовании на Новой Земле сквозного пролива.

[Илл. 05-02-01-1. «Карта Селифонтова», 1736. Фрагмент. «Маточкинъ шаръ, Новую Землю сквозъ прошелъ».]

Детали:

Хотя на карте Селифонтова сам пролив дотянут только до середины суши (а не до Карского моря), словами тут же сказано: «Маточкинъ шаръ, Новую Землю сквозъ прошелъ». Это – первое определённое утверждение на эту тему на русском языке.

Василий Селифонтов, согласно его же записи, Новую Землю перенёс на свою карту с некой другой карты, присланной ему из Адмиралтейств-коллегии, о которой ничего больше не известно.

Документ:

- Карта Селифонтова 1736 года (РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, док. 7)

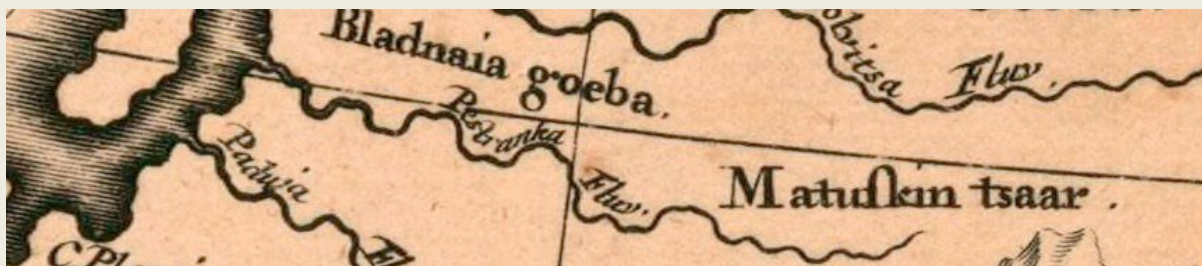
1687: Витсен

Следы шара:

| Matuskintzaar – Matiskinjar – Matuskin tsaar – Matoeskin tzaar – Matiskin jar |

1687-1692. Книга и карта Витсена.

В материалах Витсена данный топоним приводится в пяти разных формах написания.

[Илл. 05-03-04-1. Витсен, «Карта Севера и Востока Азии... Новой Земли и Кутая», 1687. Фрагмент. «Matuskin tsaar».]

**Matuskinzaar, mede een deurtocht is tot
in de binnen-zee ; zo als ik daer van al-**

[Илл. 05-03-01-2. Витсен, «Северная и Восточная Тартария», 1692, с. 571. Фрагмент. «Matuskinzaar».]

ning op Nova Zemla, van Matiskinjar of

[Илл. 05-03-03-2. Там же, с. 596. Фрагмент. «van Matiskinjar».]

[Илл. 05-03-05-1. Там же, Карта №2. Фрагмент. «Matoeskin tzaar».]

[Илл. 05-03-06-1. Там же, Карта №3. Фрагмент. «Matiskin jar».]

Детали:

Некоторые цитаты из книги Витсена «Северная и Восточная Тартария» (по первому изданию 1692 года):

Другие сообщают, что около <...> Матюшкина Шара также находится пролив к внутреннему морю, чего у меня имеются зарисовки.

...gelyk andere gevoelen, dat by <...> Matuskintzaar, mede een deurtocht is tot in de binnen-zee, zo als ik daer van alzulke afbeeldinge onder my hebbe...(с. 571)

Считают, что у бухты, или губы, на Новой Земле, известной под названием <...> Матюшкин Шар, имеется остров.

Aen de bocht, of Inham, op Nova Zemla, met de naem <...> Matuskintzaar bekend, wert geoordeelt een eilant te zyn. (с. 574)

На ней [карте №3] видны названия берегов и зарисовка Новой Земли и Матюшкина Шара <...>. Причем видно, что это проход, а не бухта или река.

Daer in is aen te merken, de kust-namen, en de aftekening op Nova Zemla, van Matiskinjar <...> waer by te zien is, dat de zelve is een vaert en door-gang, en geen Inham of rivier. (с. 596)

Документы:

- Карта: «Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Ooster deel van Asia en Europa strekkende van Nova Zemla tot China...», 1587

- Книга: Nicolaas Witsen "Noord en Oost Tartarye", 1692 (в её составе также и карты №2 и №3)

У Витсена встречаются следующие формы М-шара в следующих документах:

- «Matuskintzaar» (книга, с. 571, 574),
- «Matiskinjar» (книга, с. 596),
- «Matuskin tsaar» (карта 1687),
- «Matoeskin tzaar» (карта №2),
- «Matiskin jar» (карта №3)

1674: ПальмквистСледы шара:

| Matuskin Schar |

1674. Карта Пальмквиста.

[Илл. 05-04-01-1. Альбом Пальмквиста, л. 36. Карта Новой Земли, фрагмент. «Matuskin Schar».]

Документ:

- «Альбом Пальмквиста», 1674, лист 36

1652: «Роспись из Неплюевского дела»

Следы шара:

| «...в Маточкине Ша[ре]» |

1652, условно (но не позднее 1666). «Роспись из Неплюевского дела».

Самое раннее упоминание М-шара в форме «Маточкин шар».

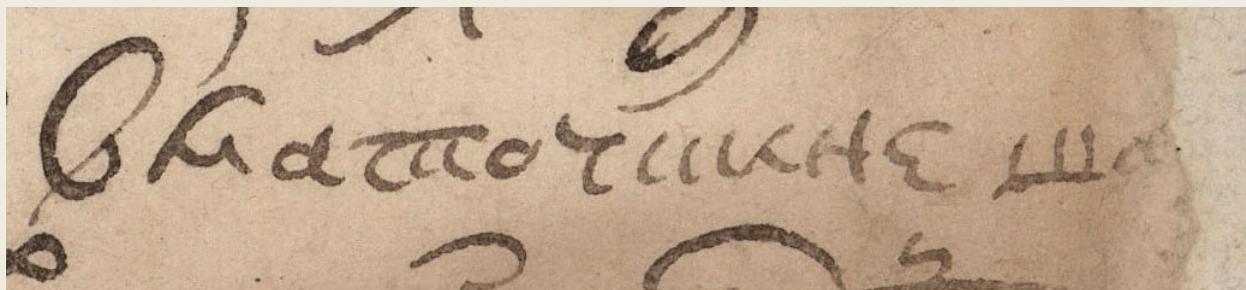
Этот документ никогда не публиковался и мне не известно ни одной печатной на него ссылки. Так что судя по всему исторической науке он до настоящего момента не известен. Поэтому расскажу о нём подробно, а заодно и опубликую.

Другие топонимы:

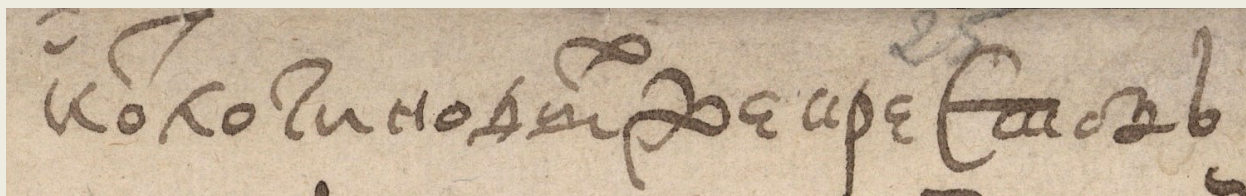
- Логиновы Кресты
- Мучной Нос
- Максим[ков] (остров)

Самое раннее упоминание «Логиновых крестов» и «Мучного Носа». Второе в истории упоминание «Максимкова острова».

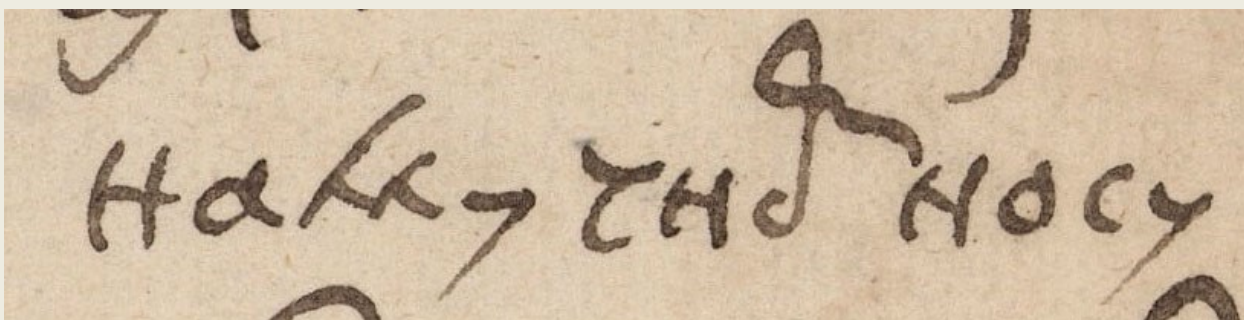
Конкретные проявления:

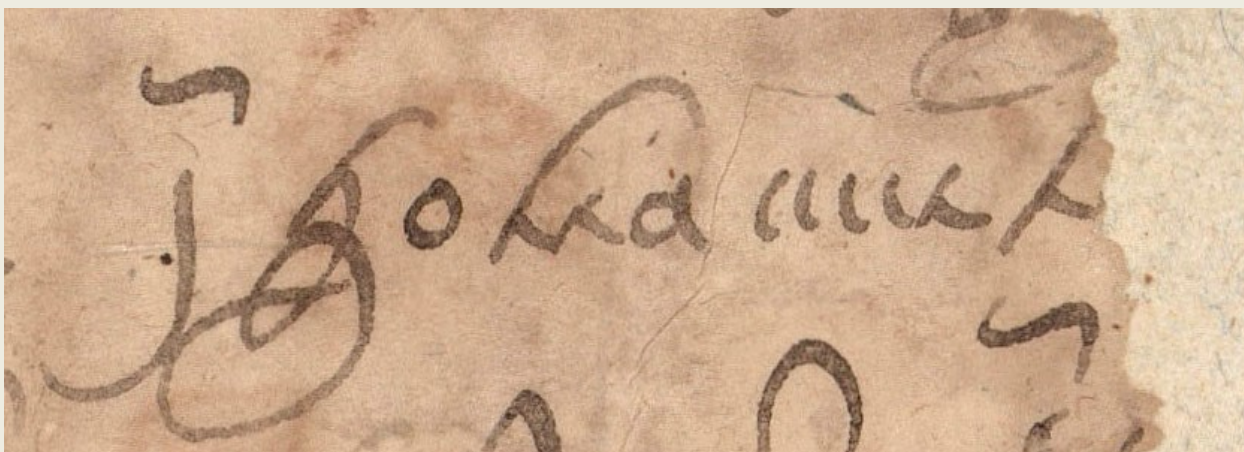
[Илл. 05-05-03-11. . «Роспись из Неплюевского дела», л. 25. (РГАДА, ф. 151, оп. 1, док. 12). Фрагмент. «в Маточкине ша[ре]»]

[Илл. 05-05-03-9. Там же, л. 25. Фрагмент. «...и от Логиновых же крестовъ»]

[Илл. 05-05-03-10. Там же, л. 25. Фрагмент. «...на Мучном Носу»]

[Илл. 05-05-02-6. Там же, л. 24. Фрагментю «...и до Максим[ков]»]

Детали:

Начиная с данного момента (1652) я буду приводить упоминания не только М-Шара, но и все упоминания любых других новоземельских топонимов.

Долгое время считалось, что первым русским документом, в котором упоминается М-Шар, является «Шканечный журнал» Фёдора Розмыслова (1769). Что, кстати, позволяло существовать мнению, что современное название пролива было введено персонально Розмысловым. Это мнение выглядело несколько экстравагантно, однако строго опровергнуть его было по большому счёту нечем.

«Карта Селифонтова» (1736) несколько отодвинула датировку, однако в целом оставила первое русское упоминание М-Шара в той же эпохе.

И вот, во время работы с архивными материалами по ранним горнорудным изысканиям, мне на глаза попался один крайне интересный документ. Его содержание радикально меняет соответствующие представления, отодвигая дату первого русского упоминания М-Шара ещё как минимум на 70 лет.

Я буду условно называть этот документ «Росписью из Неплюевского дела». При этом вполне возможно, что Роман Неплюев не только не является его автором, но даже и не имеет к нему прямого отношения.

Документ этот я обнаружил в Архиве Древних Актов среди рукописных копий 1661-1666 годов приказных дел о сыске золотых и серебряных руд (идентификатор хранения – РГАДА, ф. 151, оп. 1, док. 12, листы 24 и 25, в плохом состоянии). В этой же кипе приказных бумаг находятся также и дела об экспедиции Романа Неплюева 1652 года, благодаря которым я и натолкнулся на данную «Роспись».

Речь идёт о двух листах, представляющих собой рукописные копии соответствующих мест из книг Посольского приказа. Точнее даже не «копии» в строгом понимании этого слова, а «списки», поскольку в них исходный текст не столько копируется, сколько пересказывается, а местами даже «описывается». Обычная практика в до-фотокопировальную эпоху.

У «Росписи» нет ни названия, ни подписи, ни даты создания. То есть всё как обычно. Генезис же «Росписи» таков. Исходно существовали некие царские грамоты и отписки на них их адресатов. Ни те ни другие не сохранились, однако по установленному порядку делопроизводства текст этих документов сразу по их составлению записывался также и в Приказные книги. Которые тоже не сохранились. Но нам так повезло, что с 1661 по 1666 год составлялась отдельная подборка копий документов из этих Приказных книг по теме горнорудных изысканий. И эта-та подборка как раз перед нами.

Самой подборке предпосланы два заглавия, добавленных туда позже. А именно:

Из старых приказных дел. 7169–7174 / 1661-1666. Отпуски государевым грамотам в города и воеводам и приказным людям о сыску золотых и серебряных и иных всяких руд и алебастрового и иного узорочного камня по Волге и по иным рекам (без начала).

Посылка разных чиновников и мастеров на Новую Землю, Двину, Олонец, Нижний Новгород, Казань, Тулу и другие места для сыску серебряных и медных руд, алебастрового камня, слюды, солёных жил и проч.

Название в целом соответствует составу подборки документов – это пёстрая смесь. В которой лист 24 (вторая половина) и лист 25 (целиком) представляют собой копию нашей «Росписи».

Дата создания «Росписи» нам неизвестна, однако известно, что имеющаяся у нас копия с неё была снята не позднее 1666 года.

Далее. «Роспись» находится на второй половине листа 24 и листе 25. А первая половина листа 24 и листы с 26 и далее посвящены документам по экспедиции Романа Неплюева 1652 года. А именно, на первой половине листа 24 идёт финансовый отчёт Неплюева перед казной о своём несостоявшемся походе на Новую Землю в 1651 году, а на листе 26 идёт текст царской грамоты, предписывающей Неплюеву отправиться на Новую Землю в 1652 году для поиска приманочных руд. Кроме того, в первых же строках нашей копии «Росписи», на листе 24, сообщается, что оригинал «Росписи» физически представлял собой отдельный документ, вклеенный в Приказную книгу именно между документами по экспедиции Неплюева.

С большой вероятностью можно предположить, что Неплюев, находившийся в Москве зимой 1651/1652 года и пробивавший там государственное финансирова-

ние для своей будущей экспедиции, прилагал к своему проекту документацию с обоснованием самой возможности плавания на Новую Землю. И одним из таких «документальных обоснований» вполне могла служить наша «Роспись».

Содержание же копии «Росписи», которой мы располагаем, таково.

В самом её начале сообщается, что оригинал «Росписи» был вклеен в Приказную книгу между листов, как самостоятельный документ. Далее описывается морской путь на Новую Землю. А именно: устье реки Мезень – река Несь – мыс Канин Нос – остров Колгуев – Новая Земля. Сама Новая Земля представлена в этой части «Росписи» тремя топонимами: «Логиновы Кресты» на самом юге, некий залив посередине («...гина Губа», начало слова утрачено; можно предположить «Машигину Губу», но для уверенной идентификации объекта сохранившегося окончания не достаточно) и остров Максимков («Максим....») на самом севере.

Далее в «Росписи» даётся краткая характеристика Новой Земли. С материком Евразией она нигде не соединяется. Лесов на ней нет. Есть немного плавника. На ровных местах – голый камень.

Потом следуют сведения о практике посещений Новой Земли людьми. Постоянно на ней никто не живёт, утверждает составитель «Росписи». Что совпадает с приводимым тут же мнением неких неназванных «морских промышленников». Эти «морские промышленники» на Новой Земле людей не видели – за исключением того, что в неких прошлых «давних летах» они видели в «Маточкине Шаре» и «ыных Губах» немецкий корабль, который, по их мнению, находился там, однако, вовсе не для того (часть текста утрачена, прочтение предположительное), чтобы разведывать серебряные и иные рудные месторождения. И в любом случае уже давно никаких немецких кораблей у Новой Земли они («морские промышленники») не видели.

Далее автор повторяет, что лесов на Новой Земле нет, а есть только плавник, да и его немного. На «Мучном Носу» стоят «изб пять или шесть» и они топят то ли плавником, то ли привозят сюда дрова издалека (это место не до конца ясно.)

В конце текста переписчик оригинала «Росписи» особо подчёркивает, что авторство документа в оригинале не указано и что подписи в конце нет.

Таким образом, существование трёх новоземельских топонимов – «Маточкин Шар», «Логиновы Кресты» и «Мучной Нос» – документально подтверждено на 1666 год как минимум, а скорее всего и на 1652. Не забудем здесь и «Максимков остров» из нашей «Росписи» – это всего второе в истории его упоминание в русских документах.

Теперь же пора перейти к собственно публикации текста «Росписи», а потом и её самой.

Следует иметь ввиду, что правый край у обоих листов «Росписи» сильно повреждён, так что концы большинства строк отсутствуют. Предположительная реконструкция этих отсутствующих частей дана в квадратных скобках. Деление на строки в публикации соответствует оригиналу. Расшифровка рукописи и реконструкция отсутствующих фрагментов моя. Итак:

[«Роспись из Неплюевского дела, 1652»]

[Лист 24]

И во 160 году Генваря 15 [...] к Великому Государю к Москве приехал Роман Неплюев и взято у него в государеву казну в Новгородскую четверть денег 132 рубли

[Далее идут другие расчёты Неплюева с казной, здесь я их опускаю. Затем начинается собственно «Роспись»]

Да в столпу ж вклеена роспись куда к Новой Земли ход и на которой ве[...] от Мезенского устья до Неси р[еки] и от Неси реки до Канина Носу [и от Ка-]нина Носу до Колгуева остр[ова...] и от Колгуева д[о Но]вой Земли. До [...Ло-]гиновых Крестов на ко[т...] ветры в передней конец [...] гины Губы и до Макси[м...] Новая Земля лежит [...] Земля и в которых мес[...] и реки и сколько паруснаго ходу [...]

[Лист 25]

и от Логиновых же Крестов в русской конец до Ворот и до Вайгача острова и до Югорского шару и то в той росписи писано имя[-]нно

Да в той же росписи написано та Земля стала за морем к мате[-]рому берегу нигде не примкнулас и лесов никаких на ней нет кроме плавника и то небольшое и на ровных местах все камень голой

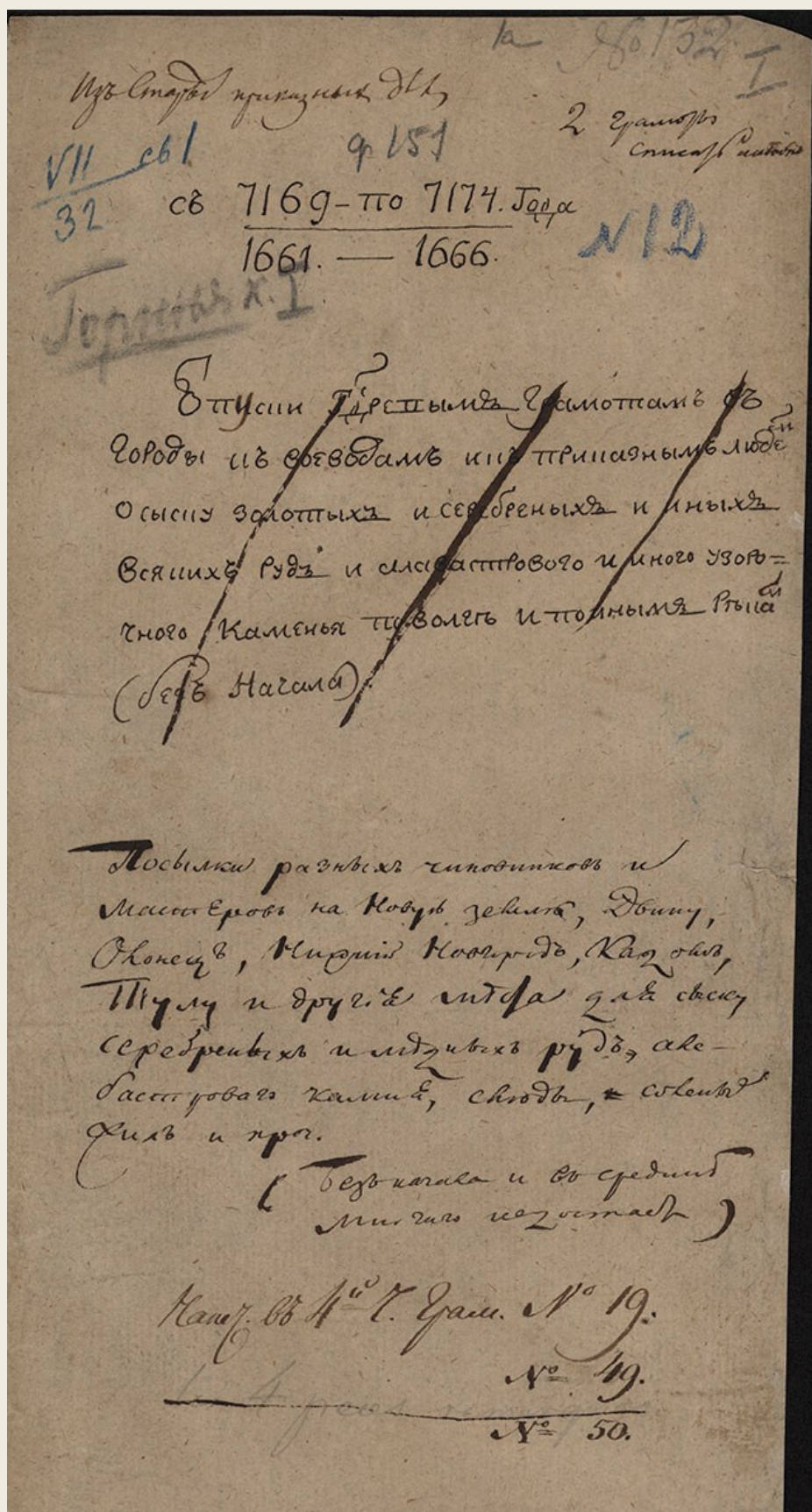
А жилых людей на той Новой Земли никаких нет и морские промы[-]шленики сказывали что никаких людей на той Новой Земли ни видали о кроме того в прошлых давн[о...] летех видали в Маточкине Ша[...] и в ыных Губах не по один год не[ме-]цкой карабль а чают де он не [...]

хаживал для сыску Серебр[...]
и иных назначных руд. А после [...]
они морские промышленник[...]
ких немецких людей на [...]
на Новой Земли не видал[...]

А лесов никаких на Новой Земл[...]
только есть по островам [...]
плавник и то небольшой только м[...]
на Мучном Носу изб пять или [...]
шесть топил(?) плавнику добуд[...]
хотя будет и далеко ездить в суд[...]

А кто тое роспись подал и того в то[й...]
столпу и в росписи не написано и ру[-]
ки у той росписи ничьей нету

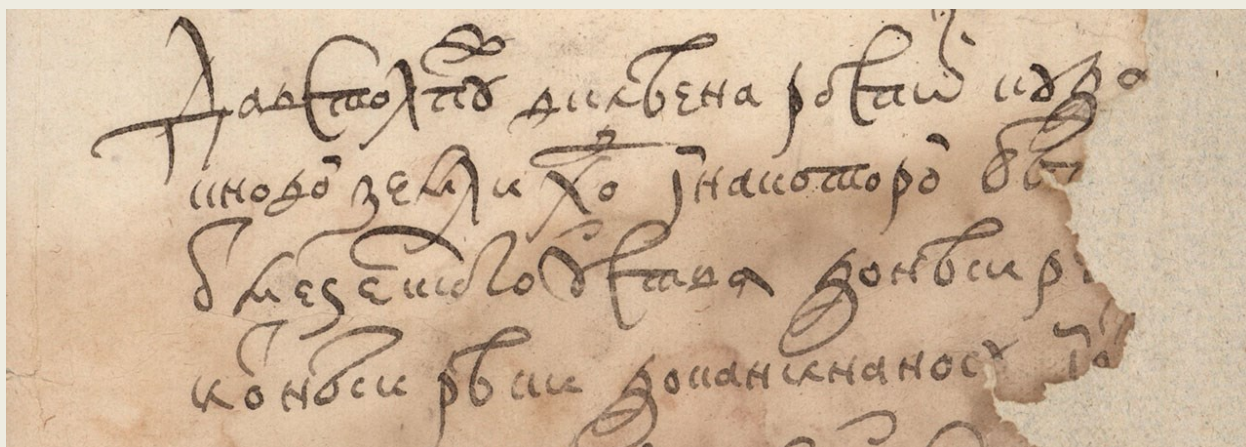
А вот и сама «Роспись», заменитые отныне листы 24 и 25.

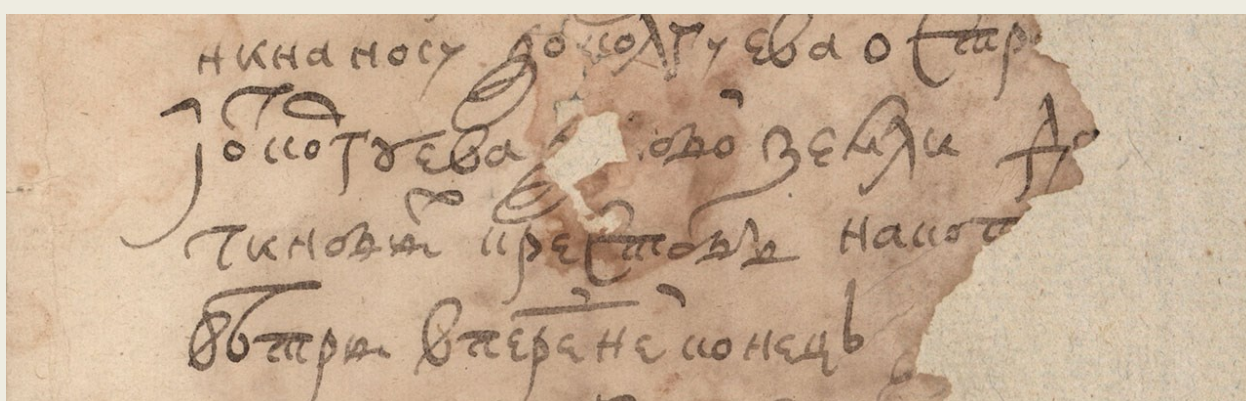
[Илл. 05-05-01-1. «Роспись из Неплюевского дела», л. 0. РГАДА, ф. 151, оп. 1, док. 12. Предпосланный заголовок позднего происхождения.]

[illegible]

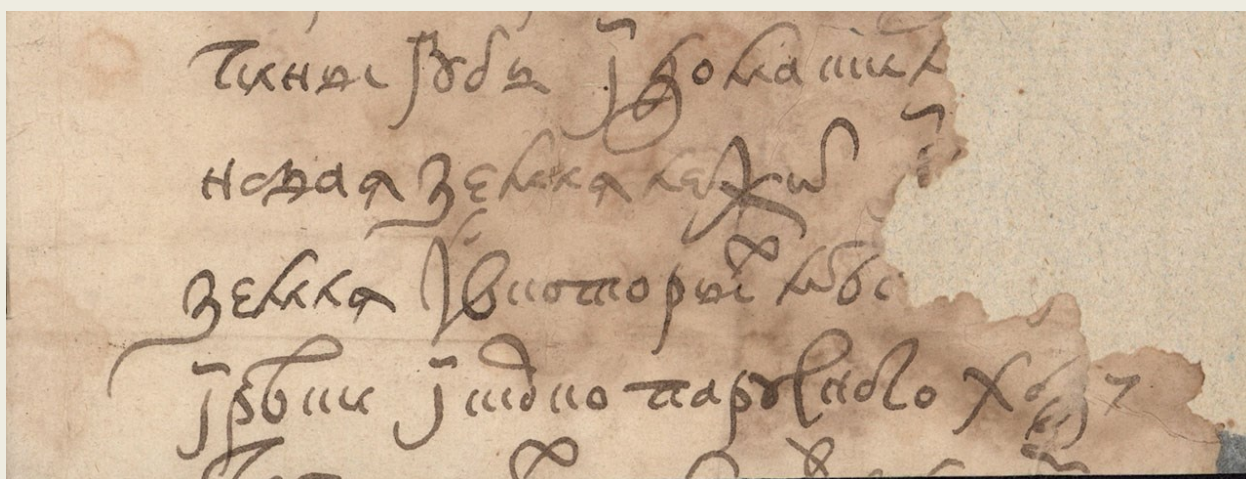
[Илл. 05-05-02-1. Там же, л. 24.]

[Илл. 05-05-02-2. Там же. Фрагмент 1.]

[Илл. 05-05-02-3. Там же. Фрагмент 2.]

[Илл. 05-05-02-4. Там же. Фрагмент 3.]

йоко и ноды де ире тао вь вродно
 конець додоротав йодата
 о фарава йодотришоуо
 йпо ато ро фансисано ина
 нно

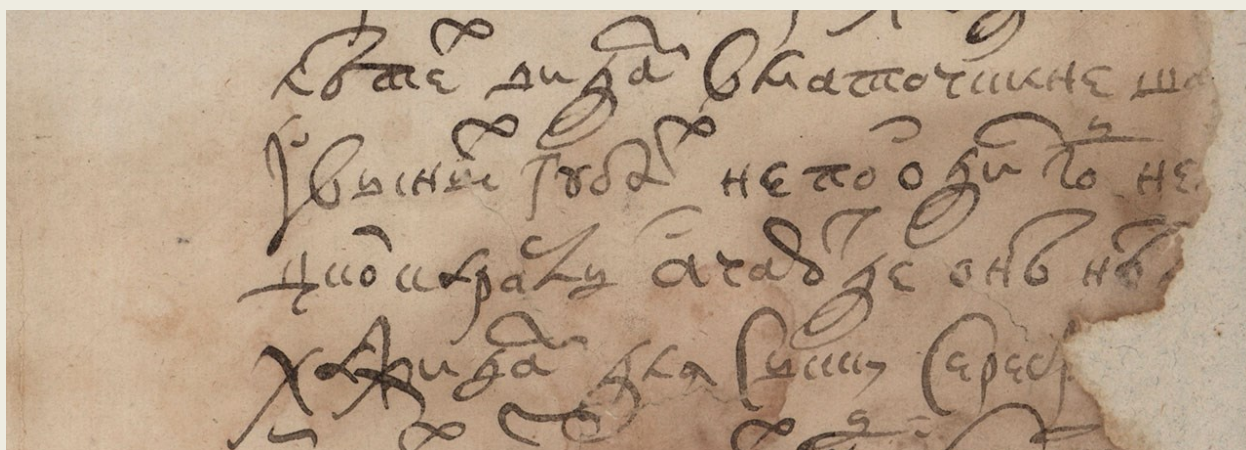
[Илл. 05-05-03-2. Там же. Фрагмент 1.]

Давпо жаро фансисано та
 зекса таа зохорем ина
 рокобери, ина не при инука
 йко ина ина ина ина ина
 таа ина йпо ина ина ина
 ина ина ина ина ина

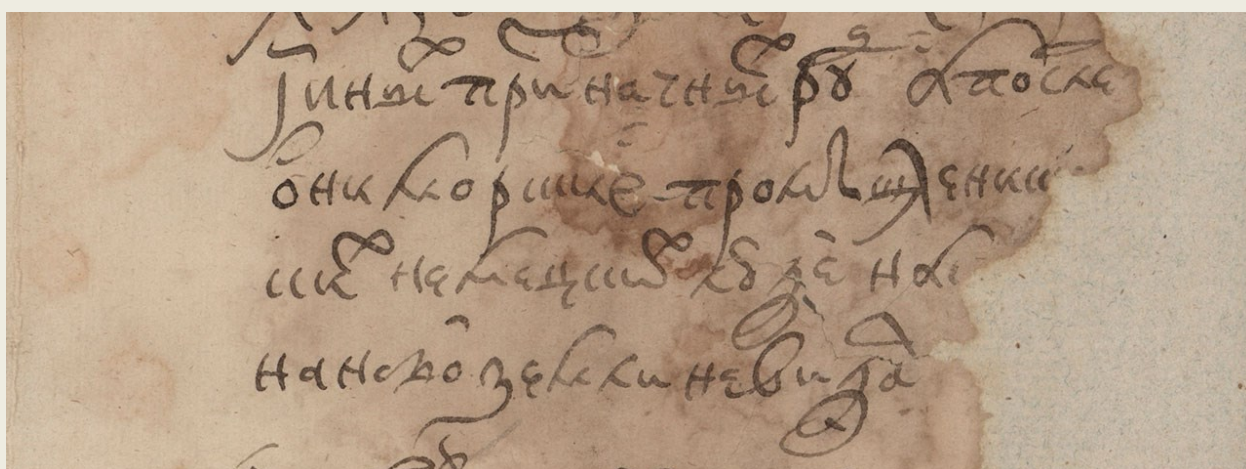
[Илл. 05-05-03-3. Там же. Фрагмент 2.]

Хикко вде ина ина ина
 ина ина ина ина ина
 ина ина ина ина ина
 ина ина ина ина ина
 ина ина ина ина ина

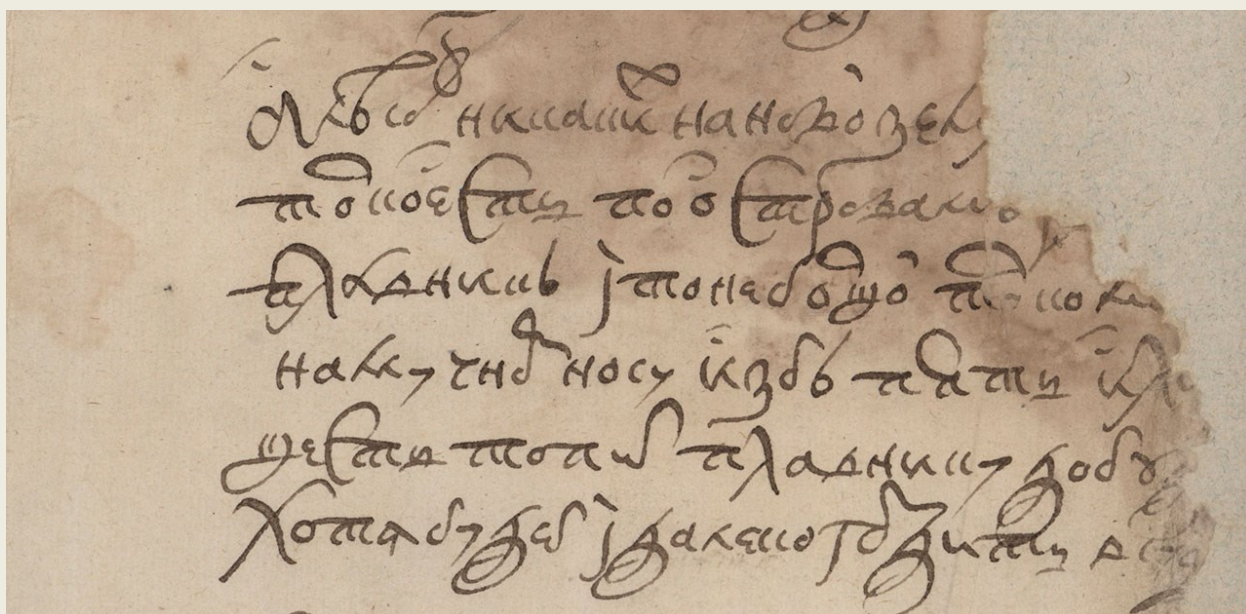
[Илл. 05-05-03-4. Там же. Фрагмент 3.]

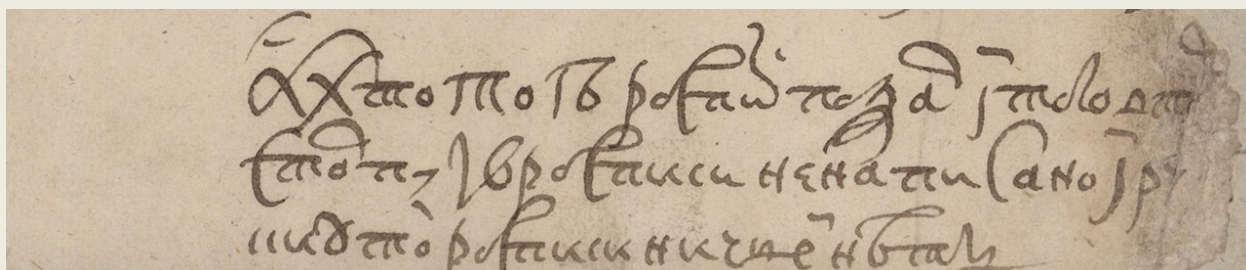
[Илл. 05-05-03-5. Там же. Фрагмент 4.]

[Илл. 05-05-03-6. Там же. Фрагмент 5.]

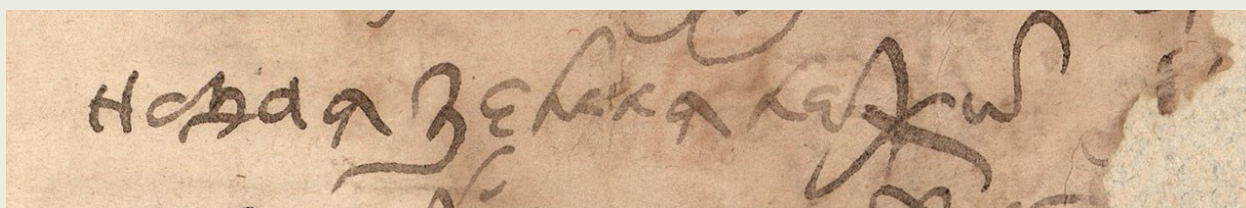

[Илл. 05-05-03-7. Там же. Фрагмент 6.]

[Илл. 05-05-03-8. Там же. Фрагмент 7.]

Ну и напоследок: «Новая Земля лежит...»

[Илл. 05-05-02-5. Там же, л. 24. Фрагмент. «Новая Земля лежит...»]

Документ:

- «Роспись из Неплюевского дела», рукопись. РГАДА, ф. 151, оп. 1, док. 12, л. 24-25.

1618: Тобольская грамота

Другие топонимы:

- Максимков (остров)

1618. Тобольская грамота.

Первое упоминание в русском документе какого бы то ни было новоземельского топонима (а именно «Максимков остров»).

**устью. А по Новой земли ходить до
Максикова, а приходить къ тому иѣ-**

[Илл. 05-06-01-1. Первое упоминание в русском документообороте Максимкова острова, 1618. «Тобольская грамота» в публикации 1875.]

Детали:

О переписке царя Михаила Фёдоровича Романова с Тобольскими воеводами на предмет закрытия морского пути в Мангазею я уже рассказывал. Так вот, в царской грамоте из этого цикла, отправленной из Москвы в Тобольск 16 февраля 1618 года, мы видим первое упоминание на русском языке какого бы то ни было новоземельского топонима. Это – остров «Максимков».

Да в роспросе же торговых людей три человека сказали: ходят де они на Новую землю. <...> А по Новой земли ходят до Максимкова.

Названия «Максимков остров» на современных картах Новой Земли нет, однако оно неоднократно встречается в русских исторических документах вплоть до конца XVIII века. По мнению Фёдора Литке так могли называть один из Оранских островов у северной оконечности Новой Земли.

Документ:

- Царская грамота от 16 февраля 1618 года воеводе Ивану Куракину в Тобольск. Опубликована в «Русской исторической библиотеке», т. 2, 1875, раздел № 254, с. 1064.

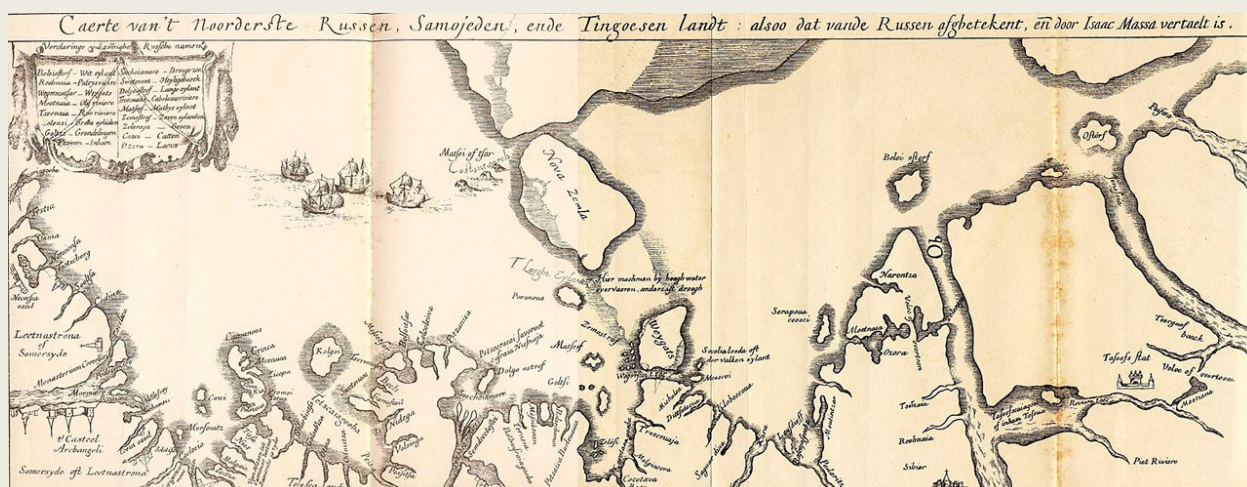
1612: Масса

Следы шара:

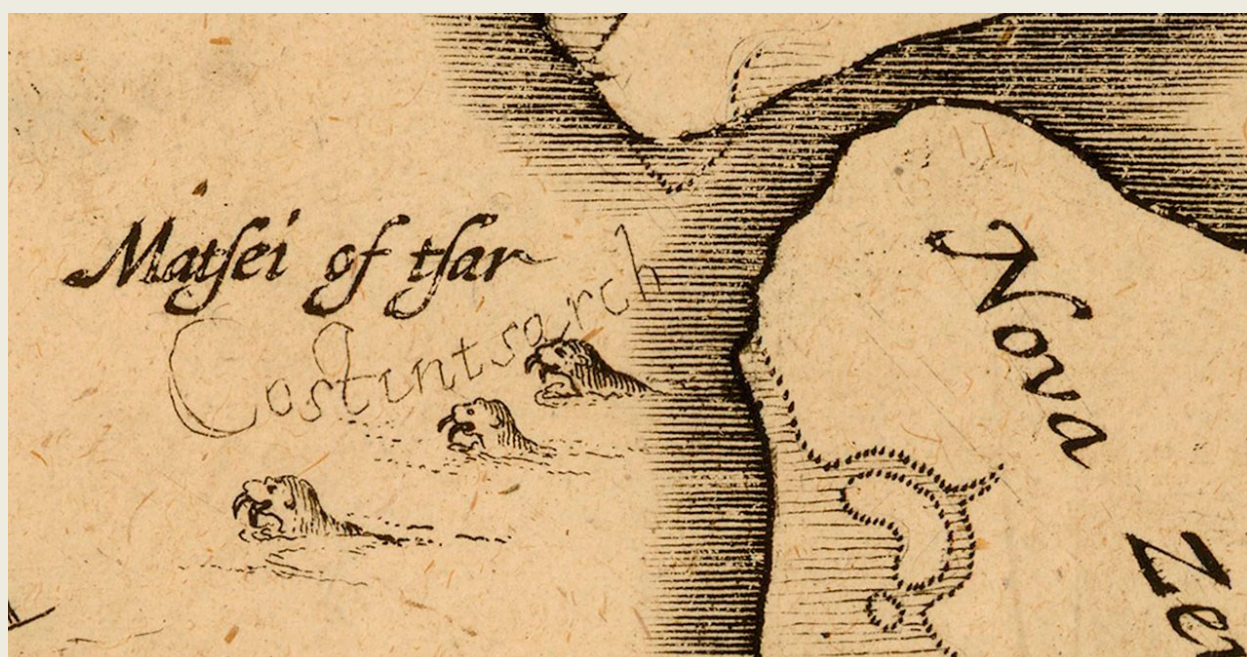
| Matsei of tsar |

1612. Карта Массы.

Голландец Исаак Масса, многократно бывавший в Москве и хорошо знакомый с местными реалиями, составил свою карту по нескольким источникам. Приведённое на карте наименование М-Шара – «Matsei of tsar» («Матвеев Шар») – встречается только на карте Массы и нигде больше. Тот же объект подписан на карте (другой рукой), как «Costintsarch» («Костин Шар»).

[Илл. 05-07-01-1. Карта Исаака Массы, 1612.]

[Илл. 05-07-01-2. Там же. Фрагмент. «Matsei of tsar».]

Документ:

- Карта Исаака Массы «Caetre van 't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt: alsoo dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is», 1612

Эпоха Великих картографических открытий

Двигаясь назад по шкале времени, мы входим сейчас в XVI век, а это – эпоха больших пистолетов и великих картографов. В первую очередь картографов нидерландских.

Один только звук таких имён, как Герард де Йоде, Герард Меркатор, Абрахам Ортелиус, Лукас Вагенаер, Петер Планций уже заставляет учащённо биться сердца людей понимающих. А ведь все они современники и работали практически синхронно. Острота конкуренции соответствовала результату.

В Нидерландах безумствовала инквизиция и шли одна за другой испанские полицейские и войсковые спецоперации. Но как-то так вышло, что многие картографы этого периода жили долго и плодотворно. Ортелиус, Вагенаер и Планций умерли своей смертью на восьмом десятке, Де Йоде и Меркатор – на девятом. Проработать 60 лет подряд в картографии было не то чтобы нормой, но и отнюдь не исключением.

А мир за несколько десятилетий вдруг сделался таким большим, что уже не уместился на одном листе бумаги. Чтобы отобразить все закоулки Вселенной, теперь требовалась целая стопа карт. И в практику вошли толстые картографические книги. Поначалу эти сборники карт назывались «Театрами». И лишь много лет спустя, с лёгкой руки Меркатора, это слово было вытеснено непонятным словом «Атлас» – так Меркатор почему-то назвал свой картографический «Театр» 1595 года.

Первым знаменитым картографическим «Театром» (Атласом) был толстенный том Абрахама Ортелиуса (Abraham Ortelius) «Theatrum orbis terrarum», впервые изданный в 1570 году в Антверпене на латинском языке. Этот труд подытоживал все знания человечества о поверхности нашей планеты.

«Театр» Ортелиуса оказался чрезвычайно успешным издательским проектом. С момента первого своего выхода он переиздавался практически ежегодно (31 переиздание за 42 года, на множестве языков), достигнув суммарного тиража более 8 тысяч экземпляров. Современные издатели оценят эту цифру.

Это был ошеломительный успех. И, надо сказать, заслуженный. Мир в «Театре» Ортелиуса предстал уже в виде, близком к современному. Здесь можно было видеть Европу, Азию, Индию, Японию, Китай, Индонезию, Африку, Мадагаскар, Северную, Центральную и Южную Америки. Даже Австралия и Антарктида (образующие пока единое целое) в «Театре» Ортелиуса уже имелись.

С Новой Землёй дело обстояло хуже.

Ранее в настоящей книге я рассказывал об истории открытия и исследования Новой Земли. История же отражения этой истории в картах – это отдельная история.

Название «Новая Земля» («*Nouo zemla*») в картографической практике впервые появилось на карте Уильяма Бэрроу, предположительно датированной 1557 годом (то есть четыре года спустя после открытия Новой Земли сэром Хью Уиллоуби и через год после завершения экспедиции Стифена Бэрроу – в которой участвовал и Уильям – к Новой Земле).

[Илл. 05-08-01-1. Карта Уильяма Бэрроу, 1557. Фрагмент. «Nouo Zemla».]

Именно с этого момента слова «Новая Земля» начинают присутствовать на многих вновь издаваемых картах. Однако никакой другой топонимической конкретики Новой Земли так и не появляется. Новая Земля, несмотря на английские экспедиции, на вновь издаваемых картах по-прежнему остаётся абсолютно белой (у Ортелиуса – розовой) зоной, где не поименован ни один мыс, ни один залив, ни одна гора. И так продолжается на протяжении целых 30 лет. Это выглядит странным, но это так.

И только в 1587 году впервые появляется карта, на которой берег Новой Земли оживает топонимами, причём сразу целым букетом. Вдоль побережья некой неопределённой суши (то ли Новой Земли, то ли Гренландии, то ли мифического Полярного Материка) на этой карте мы видим сразу восемь определённо новоземельских названий (а также и прорисованное устье некоего узкого глубокого залива – а может даже и пролива, из рисунка не ясно).

Речь идёт о карте «Septentrionalium Terrarum Descriptio» из очередного, 1587 года издания, «Театра» Ортелия (на этот раз на французском языке, разворот между с. 90 и 91).

Надо сказать, что эта же самая карта («Septentrionalium...»), печатавшаяся с той же самой печатной формы («plate 160»), имелась во всех предыдущих полутора десятках изданий «Театра». Однако во всех этих изданиях данные топонимы отсутствовали – на их месте на данной карте мы видим пустое место.

Более того, даже и в издании 1587 года новоземельские топонимы наличествуют далеко не во всех экземплярах книги, а только в некоторых. Как, кстати, и в следующем издании «Театра» 1588 года (на испанском языке). И только начиная с издания «Театра» 1592 года (на латинском языке) новоземельские топонимы присутствуют во всех экземплярах соответствующих тиражей (по крайней мере тех, которые встречались мне).

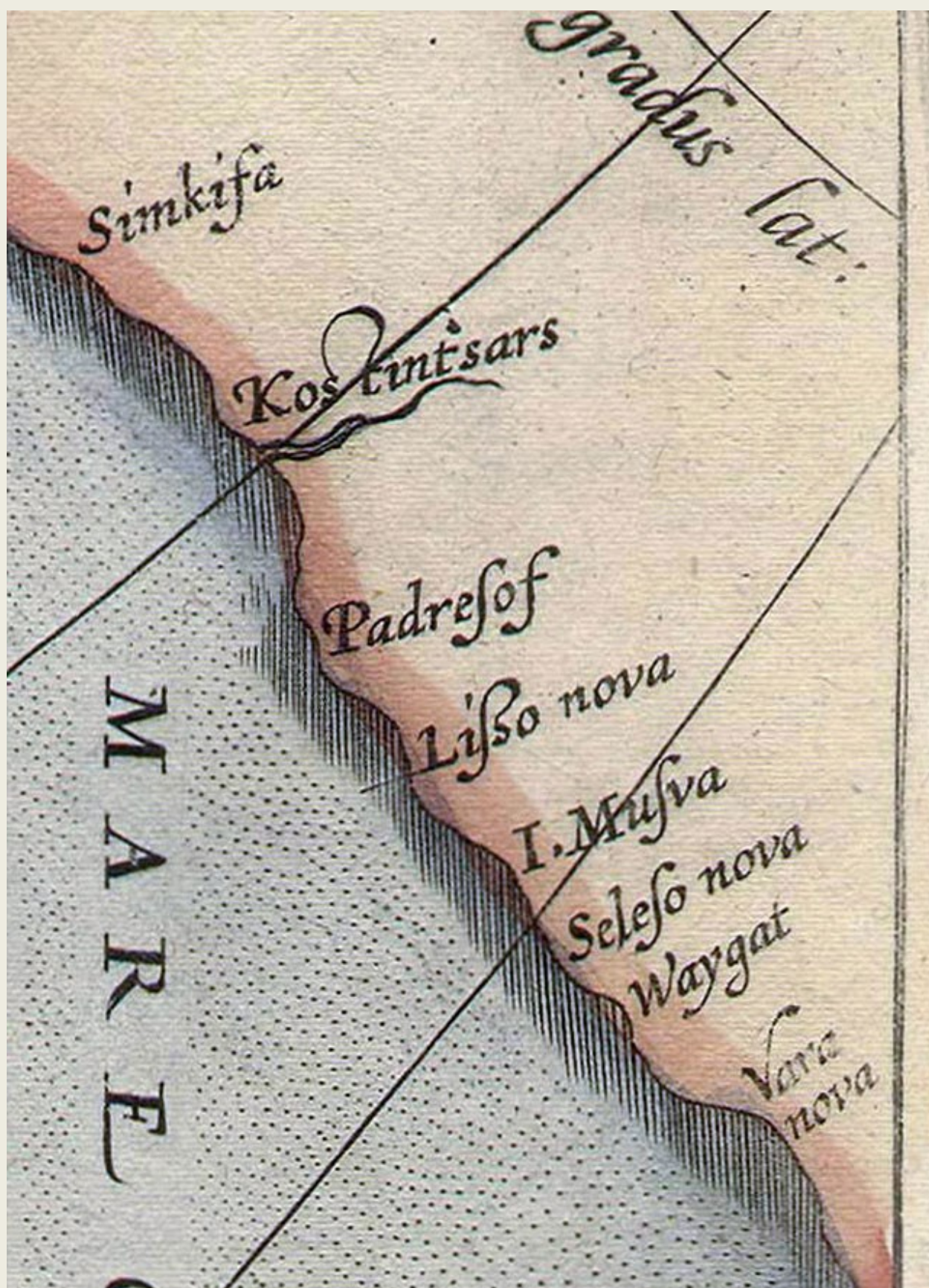
Ситуация, когда разные экземпляры одного и того же издания книги отличаются содержанием какой-то одной своей страницы, встречается отнюдь не редко в книгах того времени. Количество отпечатанных копий текстовых страниц и страниц с картами часто не совпадало даже исходно. Карт печаталось больше в расчёте на отдельный сбыт. А если от предыдущего тиража некоторые карты оставались нераспроданными, то их пускали в дело при производстве следующего издания (допечатывая соответствующую карту только в недостающем количестве). При этом сама печатная форма с гравированной картой (физически – та же самая) могла несколько «дорабатываться» в соответствии с новополученными знаниями. Нужная область медной пластины аккуратно зашлифовывалась – и на этом месте делалась новая гравировка. Обычное дело.

Как раз эта ситуация и имела место в «Театре» Ортелия 1587 года издания. На карте «Septentrionalium...» в одних экземплярах книги новоземельских топонимов ещё нет, а в других экземплярах – они уже есть.

Конкретно, экземпляр «Театра» 1587 года с новоземельскими топонимами (печатавшийся с 5-й реинкарнации печатной формы, «160.5», гравёр Christofle Plantin) имеется в коллекции «Scheepvaart Museum» в Амстердаме, инв. номер А.0145(048), о чём мне любезно сообщил доктор Брюке (Marcel van den Broecke), один из крупнейших специалистов по картам Ортелия.

[Илл. 05-08-02-1. Карта «Septentrionalium Regionum Descrip.» из 17-го издания Атласа Ортелиуса (на французском языке), 1587. Место хранения: «Scheerwaart Museum», Амстердам, инв. номер А.0145(048). Первое появление новоземельских топонимов на картах.]

[Илл. 05-08-02-2. То же. Фрагмент. Первые в картографии новоземельские топонимы.]

А так это место выглядело в предыдущем издании «Театра» Ортелия, 1584 года:

[Илл. 05-08-03-1. Так же карта «Septentrionalium Regionum Descrip.» из предыдущего (16-го) издания Атласа Ортелия, 1584. Новоземельские топонимы ещё отсутствуют.]

[Илл. 05-08-03-2. То же. Фрагмент. В 16-м издании Атласа Ортелиуса новоземельские топонимы ещё отсутствуют.]

Итак, в 1587 году впервые в истории на карте появились первые топонимы Новой Земли – шесть относящихся к собственно Новой Земле и ещё два – к близлежащим географическим объектам. А именно: «Simkifa», «Kostintsars», «Padresof», «Lisso nova», «I. Musva», «Seleso nova», «Waygat», «Vara nova».

То, что это именно топонимы Новой Земли, не вызывает никаких сомнений.

Пять названий мы идентифицируем легко: «Kostintsars» – это Костин Шар, «Padresof» – остров Подрезов, «I. Musva» – Мучной остров, «Waygat» – остров Вайгач, «Vara nova» – Воронов остров.

Шестое название – «Seleso nova» – выглядит несколько загадочно. Какое-такое «Новое Сельцо», если на Новой Земле не известно сёл вообще, ни новых ни старых?

Ключ к разгадке данного топонима неожиданно (в который раз!) дала мне карта Пальмквиста, на которой в том же месте находится не менее загадочная надпись «Selesnoy = worob».

Однако решилось последнее уравнение проще, чем это казалось на первый взгляд. Поскольку в надписи «Selesnoy = worob» уже хорошо прочитывается название «Железные ворота».

«Железных ворот» на картах Новой Земли сейчас нет, но именно так, согласно Крестинину («Географическое известие...» 1789), в его время называли один из проливов у острова Междущарский. Упоминание пролива «Железные ворота», находящегося у Костина Шара, есть также и в отчёте Лудлова-Берга об экспедиции 1807 года (опубликован в «Сыне отечества», 1818, № 45, с. 295), и на карте Литке («Плоская карта юго-западного берега Новой Земли, 1823 года», «Четыре-кратное путешествие...» ч. 2, с. 81, 1828). Отсюда же, очевидно, произошла и «Железная гавань», значащаяся на Генеральной карте Российской Империи 1745 года.

[Илл. 05-08-04-1. Литке, «Плоская карта юго-западного берега Новой Земли», в книге «Четыре-кратное путешествие...», 1828, ч. 2, вкладка после с. 81. Фрагмент. Обозначен пролив «Железные вотора».]

[Илл. 05-08-05-1. Генеральная карта Российской Империи, 1745. Фрагмент (с западным берегом Новой Земли). «Железная гавань».]

Итак, «Seleso nova» следует читать, как «Железные [ворота]».

Следующий, седьмой, топоним с карты Ортелия – «Simkifa» – идентифицируется совсем уж тяжело. Но раз уж у нас сегодня «вечер вопросов и ответов», то и тут рискну предложить свою версию.

Вспомним 1618 год, 16-й день февраля. В этот стылый зимний день из Москвы в Тобольск полетела царская грамота воеводе Ивану Куракину с первым в русском документообороте новоземельским топонимом – островом «Максимков».

А по Новой земли ходят до Максимкова, <...> а дале де того до Новой земли нельзя бывать, великих ради непроходимых льдов.

Существенно, что «Максимков» указан здесь, как самое дальнее место Новой Земли, куда возможно пройти по морю.

Кстати, ещё за четверть века до упоминавшейся царской грамоты, в 1594-95 годах сразу на двух голландских картах (Планция и Меркатора, о них я расскажу в следующих главах) у самой северной оконечности Новой Земли обозначен «Macsin of Island», то есть «Macsinof Island», то есть «Максимов остров».

Итак, «Максимов» или «Максимков» остров. Крайняя доступная точка Новой Земли.

А теперь присмотримся к топониму из Атласа Ортелия. Это тоже – самая крайняя из доступных северных точек Новой Земли, и названа она «Simkifa», то есть практически «Симкова».

Вспомним, что данное название досталось и Ортелию, и Планцию, и Меркатору с высокой вероятностью из английского источника. А Англия – это вам не Шотландия. Это – два совершенно разных государства, находящихся, между прочим, в состоянии войны.

Ещё немного напряжём воображение и допустим, что некий английский шкипер услышал и записал название «Максимков», как «MacSimkof». А потом в английском же обиходе ненавистная шотландская фамильная приставка «Мас» была попросту отброшена, как излишняя. Действительно, шотландская фамилиеобразующая приставка «Мас» не означает ничего иного, кроме как «сын такого-то» (например, «МакДуглас», это – «сын Дугласа»). И в реальной жизни МакДугласы часто со временем становились просто Дугласами, обычная практика.

Взглянем окончательно на предположительную цепочку развития данного топонима: «Максимков» – «MacSimkof» – «Simkof» – «Simkif» – «Simkifa». Собственно, почему бы нет?

И – барабанная дробь! – последний неразгаданный топоним с карты Ортелия – некое загадочное «Lisso nova». По этому поводу могу поделиться лишь следующими соображениями.

На языке поморов «лысун» (или «лысан») – это «тюлень» (Словарь Дурова, 2011, с. 213). Это слово в этом же значении знакомо и Челищеву («Путешествие по Северу России в 1791»), и Крестинину («Географическое известие...», 1788) – как важная промысловая статья Новой Земли.

Что даёт некоторые основания прочесть надпись «Lisso nova», как «Лысунова» («Лысунная», «Лысунья»), то есть – «Тюленья губа».

То ли случайно, то ли как – но Ортелий поместил недалеко от этой «Тюленей губы» изображение лежащего на льдине тюленя-«лысуна», позаимствовавшего свой хвост у белухи, спинной плавник у касатки, а водяные фонтаны у кашалота.

[Илл. 05-08-02-3. Карта «Septentrionalium Regionum Descrip.» из 17-го издания Атласа Ортелиуса, 1587. Фрагмент. Тюлень-«лысун» с чертами других морских животных.]

Теперь о том, чему могла бы соответствовать эта «Лысунова губа». На карте Ортелия объект «Lisso nova» нанесён между «островом Подрезов» и «Мучным островом», то есть – в современных реалиях – между северным и южным концами пролива Костин Шар. В настоящее время «Тюленьей губы» здесь не значится. Однако здесь имеется «Белушья губа» и река Саучиха (Сивучиха). Если принять во внимание, что «сивуч» – это именно «тюлень», а «белуха» – промысловое морское животное, которое и у Челищева и у Крестинина часто фигурирует в паре как раз с «лысуном» – то предположение о том, что «Lisso nova» – это, возможно, и есть нынешняя «Белушья губа» – такое предположение не покажется совсем уж необоснованным.

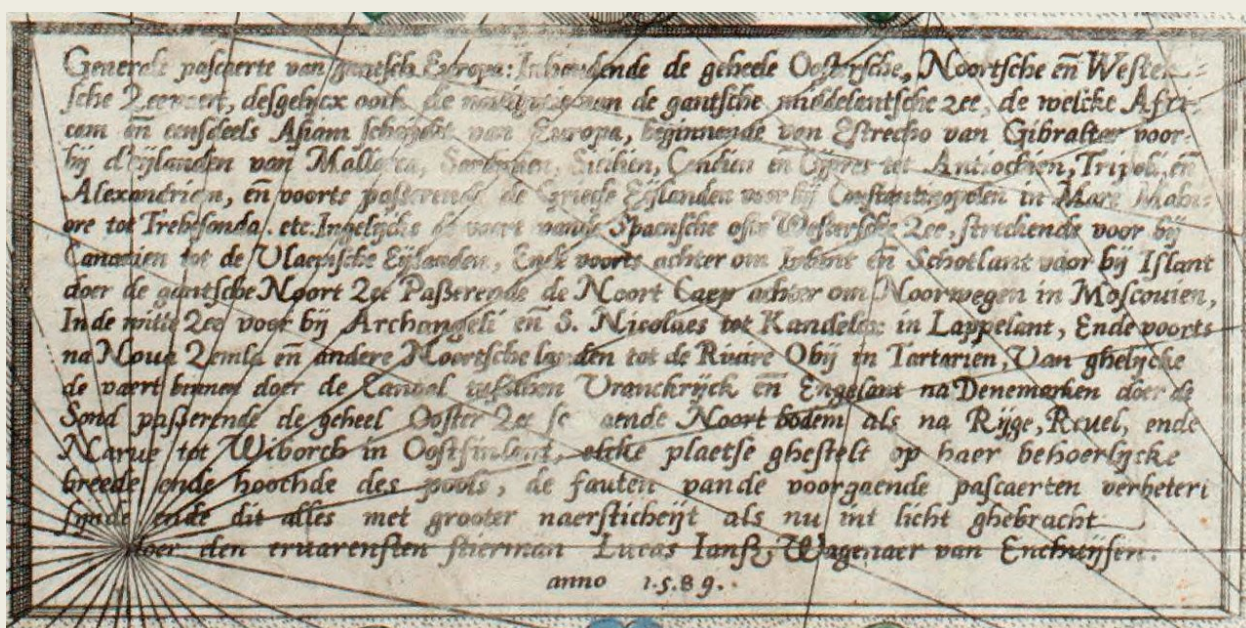
Кстати, подобная локализация «Лысуновой губы» ещё раз подтверждала бы гипотезу о том, что на карте Ортелия на самом деле нанесён пролив «М-шар», который при этом ошибочно обозначен (очевидно, не без опосредованного влияния Брюнеля), как «Kostintsars» («Костин Шар»).

Худо-бедно идентифицировали всё.

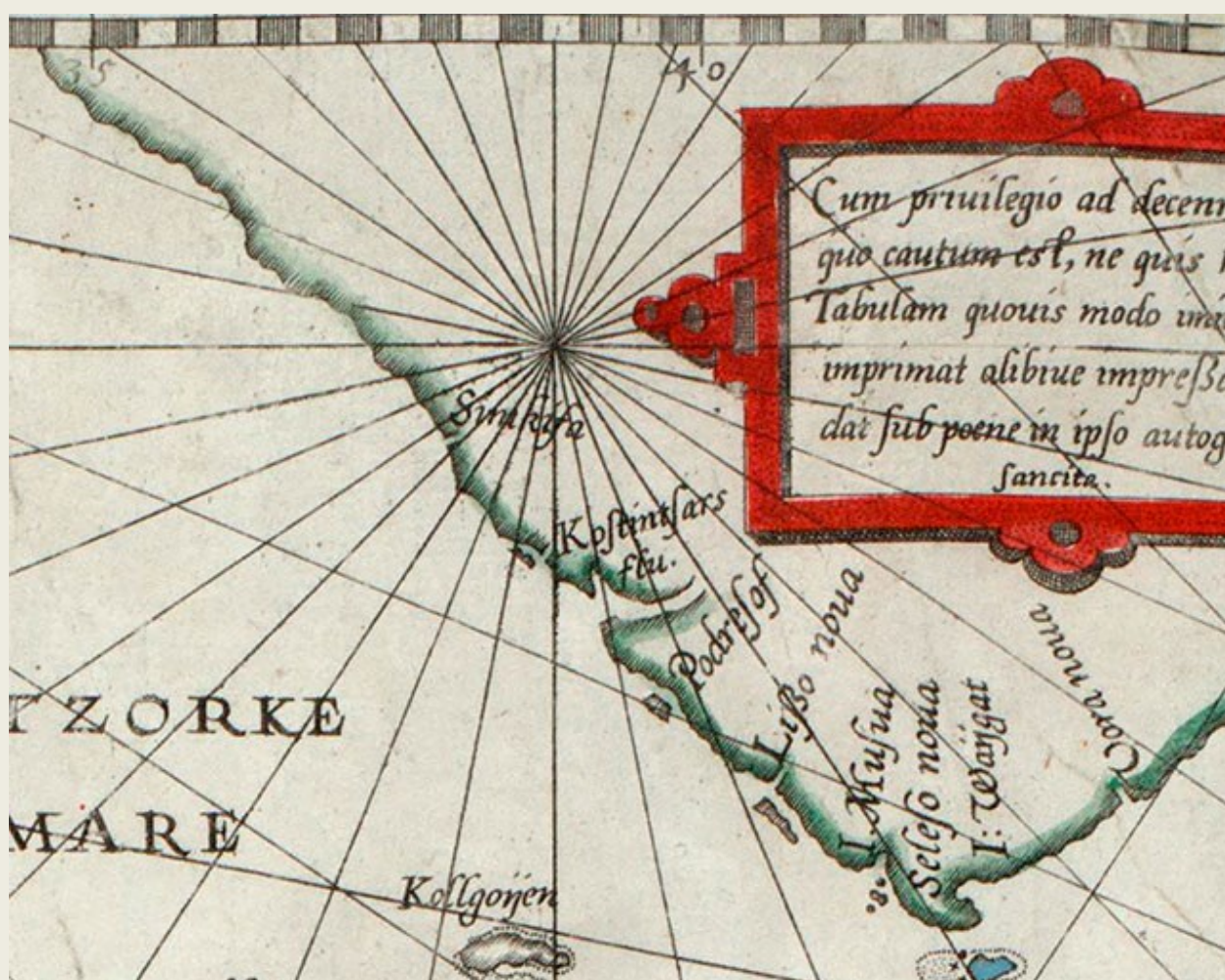
После 1587 года все вышерассмотренные новоземельские топонимы начали активно входить в картографический обиход. В частности, всего через два года они в точности повторились на карте Европы Лукаса Вагенаера «Generale pascaerte van gantsch Europa», 1589, Амстердам. На этой карте обсуждавшаяся ранее «Lisso nova» («Лысунова губа») уже точно обозначает залив, который по окружающей геометрии соответствует нынешней «Белушьей губе» (то есть находится напротив северной части острова «Междушарский»).

[Илл. 05-08-06-1. Карта Вагенаера «Generale pascaerte van gantsch Europa», 1589.]

[Илл. 05-08-06-2. Там же. Фрагмент. Датировка.]

[Илл. 05-08-06-3. Там же. Фрагмент с Новой Землёй.]

Итак, процесс топонимизации Новой Земли начался. И всё бы хорошо, но вскоре процесс распространения «Ортелиевских» новоземельских топонимов пресёкся – и надолго. Уже через 11 лет, весной 1598 года поступила в продажу знаменитая «Карта Баренца – Де Фера», ставшей новоземельским картографическим эталоном на последующие полтора столетия. А в ней были использованы оригинальные голландские названия, данные Баренцем мысам и заливам Новой Земли.

Слабые отблески первых шести новоземельских топонимов встречаются в мировой картографии XVII века лишь эпизодически – например, на карте Пальмквиста (1674) или на картах Витсена (публикация 1692).

Ещё раз. Вот шесть ранних новоземельских топонимов (1587 Ортелий и др.):

- «Simkifa» (остров «Максимков»)
- «Kostintsars» («Костин Шар», имеется ввиду при этом скорее всего М-Шар)
- «Padresof» (остров «Подрезов»)
- «Lisso nova» (некая «Лысунова (тюленья) губа», возможно – нынешняя «Белушья»)
- «I. Musva» (остров «Мучной»)
- «Seleso nova» (пролив «Железные Ворота» у северной части острова Междушарский)

Теперь, наконец, можно вернуться к нашей основной теме – М-Шару. В предыдущей главе мы остановились на карте Исаака Массы, 1612.

Документы:

- Карта «Septentrionalium Terrarum Descriptio» из атласа Ортелия «Theatrum orbis terrarum» (между страницами 90 и 91) начиная с издания 1587 года.
- Карта Вагенаера «Generale pascaerte van gantsch Europa», 1589, Амстердам.

Глобус: 1599

О том, что связывает драматурга Джона Флетчера (написавшего в соавторстве с Шекспиром «Генриха VIII», «Двух знатных родичей» и «Карденио») с новоземельским «М-шаром», я доложу отдельно. А сейчас хочу в той же связи сказать пару слов о его знаменитом соавторе.

Вообще-то, говорить о Шекспире что бы то ни было наверняка – дело чрезвычайно рискованное по причине крайней ограниченности документальной базы. Уровень документированности жизни великого драматурга столь низок, что позволяет безнаказанно существовать версии о том, что Шекспира вообще не было. На этом фоне наши проблемы с отсутствием оригиналов записок Шекспира с упоминанием М-Шара кажутся попросту смехотворными.

С другой стороны, насколько слабо известны детали жизни Шекспира, насколько же хорошо сформировано понимание его личности «в целом». Например, мало кто из исследователей сомневается, что великий драматург большой склонности к путешествиям не имел и пределов Англии ни разу в жизни не покидал.

И, вообще, география как таковая, по-видимому, мало интересовала Шекспира (в отличие, скажем, от Пушкина). При существовавшем в ту эпоху уровне понимания устройства Земли, гео-реалии шекспировских пьес выглядят мягко говоря не слишком серьёзно. «Богемия» у него – порт, «Афины» окружены роскошными субтропическими лесами, «Индия» – это всего лишь хорошая рифма к слову «Розалинда», и так далее. Да ну и на здоровье, никаких проблем, просто я хотел показать, что география – это «не его». Пьесы-то сами чудо как хороши.

Нельзя при этом не обратить внимание на следующее. Хотя действие шекспировских пьес происходит преимущественно в экзотических местах, географическая конкретика в них представлена крайне скупо или вовсе отсутствует. Например самая «итальянская» из всех «итальянских» его пьес – «Ромео и Джульетта» – напрочь лишена «признаков места», кроме разве что «итальянских» фамилий героев – Монтеки и Капулетти. Да и то, эти фамилии стали сугубо «итальянскими» исключительно благодаря русскому переводу, в оригинале же они звучат вполне на франко-саксонский лад – Монтегю и Капулет (Montague and Capulet) – что, кстати, подозрительно напоминает имя комического персонажа из «Двенадцатой ночи» и имя его лошади – сэр «AGUEcheek» (Геогрий Вицин) и его лошадь «Саролет» (настоящее имя мерина Кобчика для истории утеряно).

Так вот, «Ромео и Джульетта». В титрах указано: «место действия Верона». А теперь в уме замените Верону на, скажем, Краков – и перечитайте пьесу под этим углом зрения. Много ли в тексте придётся поменять? Ответ: ничего. Просто ничего. И «балкон Джульетты» (в тексте пьесы, кстати, отсутствующий) в Кракове легко найдётся, даже два.

Общий вывод таков: заниматься гео-привязкой сочинений Шекспира – дело пустое. Достаточно понимать, что действие помещено в «некое экзотическое место». И практически всегда это – Средиземноморье (условные Верона, Генуя, Венеция, Сицилия, Афины, Рим, Хорватия, Египет). Лимоны-апельсины, виноград-маслины, благоухающие цветами доли и прохладные в жару дубровы. Шекспир однозначно (хотя и заочно) любит Юг.

А вот Север он не любит. Всё хорошее происходит на Юге, а всё плохое – на Севере. Если Юг – это царство комедий, то Север у него – трагедий юдоль.

И то. Крайний Север в понимании Шекспира – это Дания. Та самая Дания – милая, уютная, тёплая Дания – которую дал нам в ощущениях великий Херлуф Бидstrup.

Но для Шекспира Дания – мрачная страна Холода и Тьмы. Одно слово, «тюрьма народов». Севернее Дании уже нет ничего. Разве что Польша.

Всё это – исходная диспозиция для любого гео-анализа шекспировских сочинений.

Так вот, при таком базовом раскладе, примерно с 1599 года, в текстах Шекспира начинают появляться странные смысловые образования. Их не так немного, но в силу вышесказанного, каждое из них заслуживает пристального внимания.

Во-первых, вдруг массивно возникает тема холода как такового. В «Гамлете» (1600) все непрерывно мёрзнут. «'Tis bitter cold» (Франциско, 1:1); «The funeral barked meats did coldly furnish forth the marriage table» (Гамлет, 1:2); «The air bites shrewdly; it is very cold» (Гамлет, 1:4); «lay him i' th' cold ground» (Офелия, 4:5); «our cold maids do dead men's fingers call them» (Гертруда, 4:7); «believe me, 'tis very cold; the wind is northerly» (Гамлет, 5:2); «It is indifferent cold» (Осрик, 5:2).

На этом общем фоне (отчасти, возможно, связанном с небывало холодной зимой 1598) временами возникают и более конкретные образы. Которые Шекспир вряд ли мог выудить из личного опыта – они к нему определённо приплыли откуда-то со стороны. Эскалус («Мера за меру», 1603), рассуждая о несправедливости Судьбы, которая позволяет одним выпутаться из самых безнадёжных ситуаций, а других казнит за сущие пустяки, произносит следующее:

Some run from brakes of ice, and answer none

«Одни спасаются из крушащихся льдин – и ничего»
(буквально: «сбегают из обломков льда»)

(«Мера за меру» 2:1)

Это – чисто фигура речи, никаких «льдин» в пьесе нет и в помине. Однако автор, вкладывая это выражение в уста персонажа, должен был держать перед своим внутренним взором какой-то конкретный образ. Интересно, какой? И откуда он мог взяться?

Ещё одна проговорка того же плана, на этот раз у Клаудио. Когда тому становится нужно привести пример «ужасного места на земле», он из библиотеки образов своего сознания (а на деле – сознания Шекспира) извлекает следующий образ:

...thrilling region of thick-ribbed ice

«Ходящая ходуном область ледяных торосов»
(буквально: «вибрирующий регион толсто-рёберного льда»).

(«Мера за меру» 3:1)

Пример и в этом случае абстрактный – но уж больно он конкретен, чтобы быть чистым плодом воображения.

Или вот ещё, для комплекта. Всё в той же «Мере за меру» Люцио, говоря о возможном происхождении одного из персонажей, заявляет следующее:

Some report a sea-maid spawned him; some, that he was begot between two stock-fishes. But it is certain that when he makes water his urine is congealed ice.

«Некоторые утверждают, что его родила русалка, некоторые – что он был зачат («begot between») двумя вялеными рыбинами («stock-fishes»). Но нет никакого сомнения в том, что когда он мочится, его моча мгновенно превращается в лёд («congealed ice»)

(«Мера за меру», 3:2)

Запомните эти «stock-fishes» и «urine is congealed ice», пригодятся.

Все приведённые примеры – явные осколки описания бытовых реалий какой-то морской полярной экспедиции. И в одном месте Шекспир проговаривается – какой именно.

Комедия «Двенадцатая ночь» (1600). Кстати, о названии. Никакого «отсчёта ночей» в пьесе нет. Просто она создавалась под конкретный заказ, приуроченный к празднику Богоявления, то есть – к двенадцатому дню (вечеру) после Рождества. Так что данное название – чисто маркетинговый ход, ничего больше. Если бы антрепренёры заказали эту пьесу, скажем, для утренней постановки на Троицу, то она называлась бы «Пятидесятое утро».

Основной драйв «Двенадцатой ночи» – это игра словами. Герои каламбурят непрерывно и так густо, что местами становится трудно отслеживать суть их вербальных коммуникаций. Но, собственно, суть коммуникаций и заключается здесь в каламбурах. Типа: «– Ох, поколочу! – Лучше бы вы нам по ситнику. – Вот как дам в репу! – Ну, это вы в яблочко. – Ты прохвост! – Нет, я пророк. – Если ты пророг, то я тогда – прорук!» – и тому подобное.

И вот конкретное место: третий акт, вторая сцена. Слуга Фабиан, описывая сэру Эндрю общий расклад в любовной интриге, характеризует текущее положение своего собеседника, как провальное. Смысл сообщения прост: «Только что Вы упустили свой шанс завоевать расположение моей госпожи». А вот – в каких выражениях Фабиан (городской слуга знатной дамы в Хорватии, напомню) это делает:

...you are now sailed into the North of my Lady's opinion; where you will hang like an icicle on a Dutchman's beard

«Вы сейчас оплываете с Севера благорасположение моей Госпожи, где вы и повисните, как сосулька на бороде Голландца.»

(«Двенадцатая ночь», 3:2)

Заковыристость речи всех героев пьесы и так запредельная, но данное место выбивается даже из этого ряда.

Вообще-то, в текстах Шекспира немало мест, традиционно считающихся «тёмными». Переводчики их переводят как на душу положит, а шекспироведы молча хватаются за головы, но ничего не могут противопоставить. И таким «тёмным» местом в течении трёх с половиной столетий считалась и данная реплика.

Пока филолог Сара Нут (Sarah M. Nutt) в честь предстоящего дня рождения сэра Пола не ткнула мир носом в очевидное – и пелена словно с глаз спала. В своей работе «The Arctic voyages of William Barents in probable relation to certain of Shakespeare's plays» («Studies in Philology», т. 39, №2, с.241-264) она с текстом в руках строка за строкой показала, что Шекспир в своих пьесах во многих местах практически дословно цитирует «Дневник» Де Фера о плавании голландцев с Виллемом Баренцем к Новой Земле и их там зимовке.

Об этом знаменитейшем «Дневнике» Де Фера, опубликованном в Амстердаме весной 1598 года и мгновенно переведённом на многие языки, я уже подробно говорил, так что не буду повторяться.

Не все примеры, приведённые Сарой Нут, представляются мне одинаково убедительными, но основной вывод бесспорен – Шекспир в том или ином объёме был знаком с «Дневником» Де Фера.

А «Дневник» этот с самого момента своего выхода стал действительно хитом. Ещё бы – ведь из него даже ребёнку становилось понятно, что с этого момента кардинально меняется всё мировое устройство. Поскольку Новый Короткий Путь В Китай практически (как следовало из текста) открыт. То, что Колумб сделал для Испании сто лет назад, то же самое сделал только что Баренц для Нидерландов и (по факту) для Англии.

На английском языке «Дневник» был опубликован по ряду причин только в 1609 году, но это ничего не меняет, поскольку в Англии он был в широком ходу начиная с 1598 года во французской и латинской версиях.

Сара Нут приводит в своей работе множество примеров использования Шекспиром «Дневника» Де Фера. Добавлю к этому свои пять копеек. Взглянем ещё раз на шекспировскую реплику:

Вы сейчас оплываете с Севера благорасположение моей Госпожи, где вы и повисните, как сосулька («icicle») на бороде Голландца.

Если задаться целью пересказать «Дневник» Де Фера одной фразой, то получится следующее: «При попытке обогнуть Новую Землю с севера, голландцы во время зимовки чуть было не замёрзли насмерть.»

А теперь взглянем на картины быта голландцев из «Дневника» Де Фера, писанные им с натуры.

12 декабря. <...> потолок, стены и наши койки были покрыты льдом почти в палец толщиной. Даже надетые на нас платья стали белыми от мороза и инея («with frost and icicles»).

26 декабря. <...> утром все койки были белы, как будто они были покрыты инеем («frozen white»).

27 декабря. <...> в доме же стояла такая сильная стужа, что даже когда мы сидели перед большим огнем <...> то спины <...> были покрыты инеем.

С «сосульками в бородах голландцев» теперь вроде бы всё понятно. А вот – место, откуда к Шекспиру приплыли «вяленые рыбины» («stock-fishes») в одной связке с картиной «мгновенно замерзающей мочи» («urine is congealed ice») в пьесе «Мера за меру» (3:2): Читаем «Дневник» Де Фера:

2 января: Расщепили [на дрова] пень, на котором привыкли колотить вяленую рыбу («stock-fish»).

5 января. Вырыли <...> в снегу подобие свода <...> для облегчения <...> мочевого пузыря («hole in the snow <...> to ease our selues»).

Излишне говорить, что «Дневник» Де Фера переполнен детальными описаниями как «крошащегося льда» («brakes of ice»), так и «ледяных торосов» («thick-ribbed ice»). Чтобы впечатлиться этими образами книгу даже и читать не нужно – эти картины доходчиво доведены до читателя в многочисленных иллюстрациях.

Итак. В 1598 году выходит и получает широкий резонанс «Дневник» Де Фера с яркими описаниями полярных реалий Новой Земли – и именно с 1599 года в пьесах Шекспира начинают регулярно возникать очень конкретные «полярные реалии», текстуально совпадающие с «Дневником» Де Фера. Тут всё ясно.

Всё, но не до конца. Потому что существуют ещё как минимум два источника по Новой Земле, которыми с большой вероятностью также пользовался в том году Шекспир.

Я уже говорил, что Шекспир по своему складу не был ни путешественником и географом. Но это только половина правды. А вся правда состоит в том, что Шекспир, похоже, был истинный писатель. В том смысле, что «не-читатель».

В большом и подробнейшем его завещании перечислено множество видов движимого и недвижимого имущества. Дома, сельхоз угодья, хозяйственные постройки, кровати, посуда, пустяковые украшения и прочая и прочая. Всё, что угодно – кроме книг. Ни единой книги среди солидного имущества Шекспира не значится.

Я не буду никак комментировать данный факт. Упомянул я о нём единственно для того, чтобы объяснить тот повышенный интерес шекспироведов к каждому установленному случаю пользования Шекспиром той или иной книгой. И интерес этот удваивается, когда речь заходит о книге географической.

Так вот, именно в районе 1599 года чуткими семантическими сейсмографами зафиксировано целых три картографических телодвижения Шекспира.

Во первых, в пьесе «Двенадцатая ночь» (1600) появляется единственная во всём творчестве Шекспира аллюзия на некую конкретную (а не условную, как во всех остальных случаях) карту. Естественно, это происходит в рамках игры словами. Служанка Мария, рассказывая о том, в какой степени лицо камердинера Мальволио скривилось в самодовольной улыбке, облекает это в следующие слова:

He does smile his face into more lines than is in the new map with the augmentation of the Indies

«Он так заулыбался, что на его лице появилось складок больше, чем линий на новой карте с добавлением Индий [то есть – Вест-Индии, то есть – обеих Америк]»

(«Двенадцатая ночь», 3:2)

По поводу этой знаменитой строки написано множество диссертаций, в которых на роль пресловутой «новой карты» выдвигаются самые разные претенденты. Не будем сейчас в это глубоко вдаваться и лишь отметим факт обнаружения у Шекспира в 1600 году определённого картографического интереса, в целом ему не свойственного.

Тема Вест-Индии встречается у Шекспира практически в том же году и в другой пьесе – «Как вам это понравится» (1599). Розалинда читает обнаруженные ею стихи про неё саму:

From the east to western Inde,
No jewel is like Rosalinde.

«От Востока и до Вест-Индии
Нет ничего драгоценней Розалинды»

(«Как вам это понравится», 3:2)

Но это всё – так, мелочи. А вот уже кое-что посерьёзней. Всё та же пьеса «Как вам это понравится». В целом, это не самая репертуарная комедия великого драматурга, однако в ней есть монолог, который часто называют «самым знаменитым монологом Шекспира». «Самый» он или «не самый» – но уж к тройке наиболее известных монологов он относится определённо (наряду с «Быть или не быть», ну и ещё с чем-нибудь). Начальные слова этого монолога знают все: «Весь мир – театр».

Строго говоря, начало «монолога Жака» в оригинале звучит несколько иначе:

All the world's a stage

«Весь мир – подмостки»

(«Как вам это понравится», 2:7)

Но в целом смысл в русском переводе передан верно. Тем более, что «театр» прямым текстом поминается тут же и в том же смысле, строкой выше: «This wide and universal theatre», – говорит старый герцог о мире.

Итак, «Мир – это театр», о чём после пьесы Шекспира 1599-го года знают все.

Однако, как бы это ни звучало кощунственно, но и до пьесы Шекспира 1599-го года это знали все. Причём не то, что «могли знать», а именно «знали». Поскольку самый-самый-самый знаменитый сборник карт, непрерывно переиздававшийся к тому времени уже в течение 30 лет, так и назывался – «Театр всего мира». Помните «Theatrum orbis terrarum» Ортелия? Шекспиру ещё семи лет не было, а «Театр всего мира» уже читал и перечитывал весь мир.

Когда Шекспир подросток, он тоже познакомился с книгой Ортелия (по всей видимости около 1599 года) и под её впечатлением написал свой знаменитый монолог.

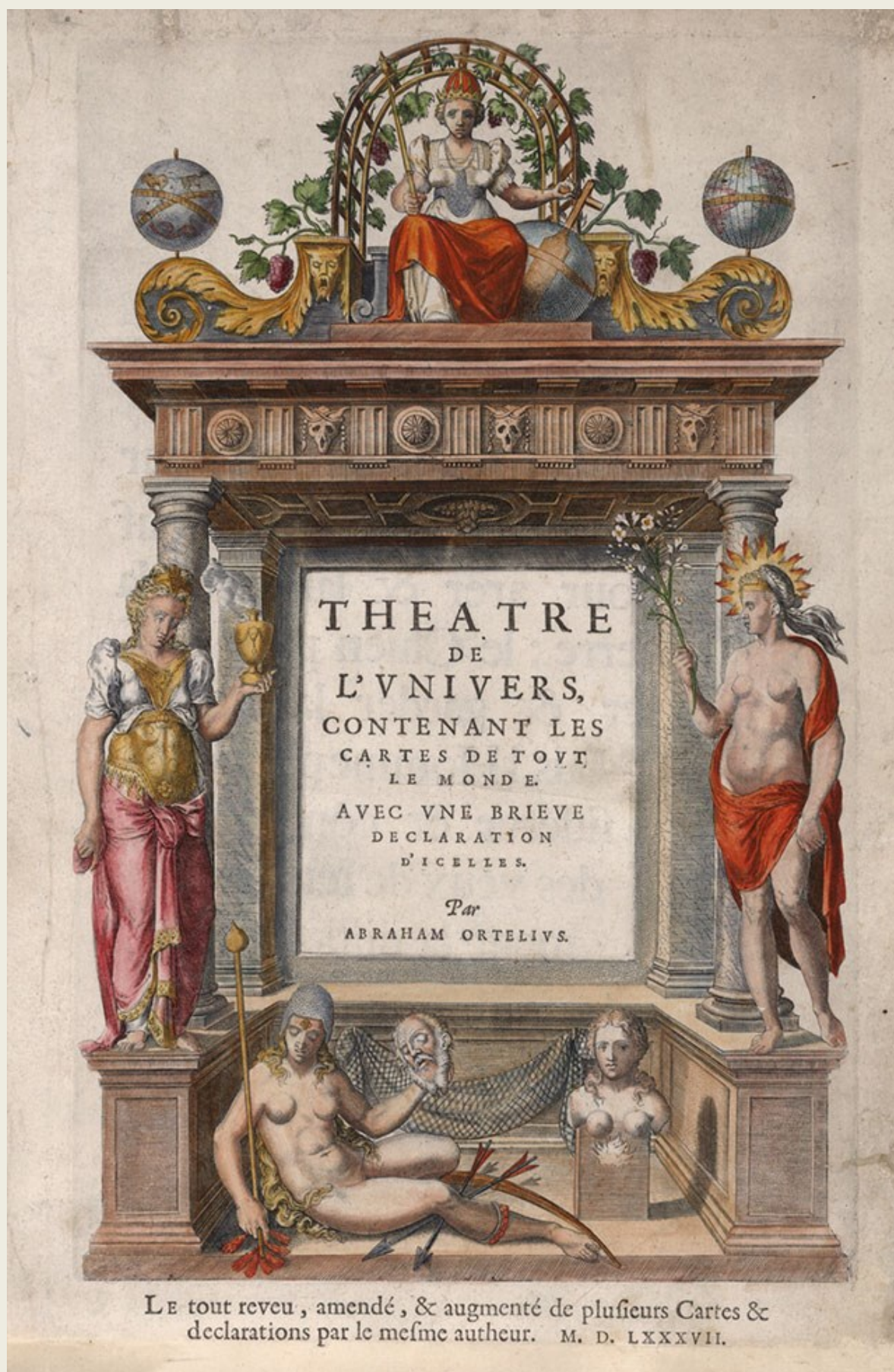
Однако, этой аллюзией на географическую книгу Ортелия, проявившейся в «монологе Жака», связь Шекспира с географическими изданиями в 1599 году не ограничивается.

Достаточно вспомнить, что парадигма «Мир = Театр» была закреплена и в самом названии нового шекспировского театра, учреждённого в том же 1599 году. Название это, как вы знаете, было «Глобус».

И вот тут-то на сцене появляется ещё один географический игрок. Он не столь знаменит, как книга Ортелия, но давайте поприветствуем и его.

Название театра Шекспира было архитектурно отражено в его интерьере. А именно – в виде скульптуры мифологического «титана», держащего земной шар. Имя этого титана – Атлас (он же – Атлант).

Теперь смотрим. Картографическое издание Ортелия называлось «Театр» и не содержало никаких изображений «титанов» с земными шарами. А вот конкурирующее картографическое издание Меркатора, называлось как раз «Атлас» (что было в диковинку и бросалось в глаза) и имело на титульном листе изображение «титана» Атласа (отсюда название всей книги), держащего в руках земной шар.

[Илл. 05-09-01-1. Титульный лист «Театра» Ортелиа, 1587.]

[Илл. 05-09-02-1. Титульный лист «Атласа» Меркатора, 1595.]

При этом не следует задаваться вопросом – Ортелий или Меркатор подкармливал в тот год музу Шекспира? Правильный ответ будет – оба. Со всей очевидностью имело место переосмысление названия книги Ортелия, но также имело место и заимствование дизайна книги Меркатора – и всё это на фоне кратковременного всплеска интереса Шекспира к картографии в целом.

Однако конкретная форма (и степень) «знания» Шекспиром «Атласа» Меркатора могла быть самая разная. Например такая:

ШЕКСПИР: Какой ещё «Атлас»? Первый раз слышу!

МЫ: Скажите, вы сами придумали название для своего театра?

ШЕКСПИР: Кто ж ещё?

МЫ: А оформление для фойе вы тоже сами выбирали?

ШЕКСПИР: Конечно, сам.

МЫ: Пользовались ли вы при этом какими-нибудь печатными материалами?

ШЕКСПИР: А я помню? Да даже если и попадалась какая картинка...

МЫ: Случайно не эта? (Показываем титульный лист «Атласа» Меркатора)

ШЕКСПИР: Всё может быть.

МЫ: Так эта – или не эта?

ШЕКСПИР: Ну эта, эта... И – что с того?

МЫ: Значит, вы подтверждаете, что в 1599 году вы пользовались «Атласом» Меркатора?

ШЕКСПИР: Да достали уже! Чума на оба ваших дома!

Данный гипотетический диалог означал бы, что вся информация из «Атласа» Меркатора при её поступлении в мозг Шекспира была помещена в особый отдел памяти – «условно обезличенных данных». Информация, содержащаяся в этом отделе, получает статус «собственного первичного опыта» – при том, что на самом деле имеет вполне определённый источник. То есть – Шекспир «знал» какие-то географические сведения из «Атласа» Меркатора, а откуда он их знал – этого он сказать не смог бы.

Но как бы там ни было, а в результате информационного контакта с Ортелием и Меркатором появляются «монолог Жака» («Весь мир – театр») и название у нового юридического лица («Глобус»). А кроме того – ещё одна географическая аллюзия, крайне любопытная.

«Двенадцатая ночь»: акт второй, сцена пятая. Неважно кто (ну, хорошо – сэр Тоби, пьяница и бузотёр, Яншин) говорит, что он готов пойти за служанкой Марией куда угодно, «как угодно далеко». А звучит это так:

To the gates of Tartar

«До Тартарских Ворот»
(буквально: «До Ворот Тартарина»)

(«Двенадцатая ночь», 2:5)

Итак, слово произнесено: «gates of Tartar».

Теоретически, два эти слова могли означать три совершенно разных понятия: 1) мифологический «вход в Подземный мир», 2) мифические «ворота Искандера Зул-Карнайна в страну Гог и Магог» и 3) гипотетический «реальный проход в Тартарию».

Понятие «Тартарии» в конце XVI века было вполне определённым, хотя оно и не имело ничего общего с современной Татарией. «Тартарией» тогда называли северную часть Западной Сибири – то, что лежит сразу за Уралом (Обь, Ямал, Таймыр, Енисей).

Само же слово «Tartaria» прошло значительный путь развития, и ко времени наших событий одна из его производных – «Tartar» (то есть «человек Тартарии, тартариец») – практически вытеснила, в результате контаминации, исходное слово «Тартар» («глубинная часть Подземного мира древнегреческой мифологии»), породившее некогда название самой «Тартарии». Такая вот ирония.

К востоку же от «Тартарии», то есть там, где должны бы находиться Якутия и Чукотка, картография XVI века помещала уже либо страну «Mongol», либо сразу Китай («China», «Cataio»).

Шекспир не оставил нам указаний, какое из трёх возможных значений словосочетания «gates of Tartar» («Подземный мир», «Гог и Магог» или «Тартария») он имел в виду. А потому для установления правильной версии нам придётся встроиться в контекст – не пьесы даже, а исторического момента в целом. Вдохнуть полной грудью бурлящую лондонскую атмосферу образца 1599 года.

Чувствуете, как всё вокруг залито золотым сиянием? Правильно – на дворе в самом разгаре Золотой (но недолгий) век Елизаветинского театра. Пишут – все. Охранники, лорд-камергеры, торговцы свининой, шлифовщики кнехтов, белошвейки – все, как могут, кропают при свечах свои «моралитэ» и «фарсы». Спрос на пьесы огромен, но и конкуренция – бешенная. Стоит опоздать к заказчику на одну минуту – и ты оказываешься в хвосте огромной очереди авторов, истово и беспощадно проталкивающих свои бессмертные творения. Здесь расслабляться нельзя.

Если бы фраза «gates of Tartar» была написана, скажем, лет на двести раньше, то я бы, пожалуй, склонился здесь к варианту «вход в Подземный мир». Или, если бы это случилось лет хотя бы за сто до нашего случая, в конце XV века, то стоило бы внимательней присмотреться к варианту «ворота в страну Гог и Магог». Но в 1600 году подобные штуки уже не проходили.

Никаких пыльных аллегорий, никаких затёртых клириказмов, никакой набившей оскомину птолемейщины – зритель требовал зрелища забористого и актуального. Если сценарист не мог работать по принципу «утром в газете – вечером в куплете» – за две минуты находили такого, который мог.

Смысл любой реплики состоял не в её «смысле», а в её способности произвести в партере одобрительный гоготок. Где, по Лойле, старые моряки, что плавали еще с Дрэйком, жевали колбаски среди публики на стоячих местах. Так что сначала рождался сочный оборот, а уж под него верстался сюжет.

Так что любое словечко в пьесе, чтобы заслужить одобрение потребителя (и, соответственно, заказчика), должно было быть «модным». А «Тартария», в свете только что завершившейся экспедиции голландцев, как раз стала словом просто «звёздным».

Точные семантические замеры полностью подтверждают эти общие соображения. Так, у Шекспира только в двух случаях из десяти слово «Tartar» встречается в значении «Подземный мир», а в значении «ворота в страну Гог и Магог» – вообще ни разу. Во всех же остальных случаях «Tartar» у Шекспира связан исключительно и только с модной «Тартарией», поминаемой к месту и не к месту – «Всё хорошо, что хорошо кончается» (4:3, 4:4), «Макбет» (4:1), «Венецианский купец» (4:1), «Виндзорские насмешницы» (4:5), «Ромео и Джульетта» (1:4), «Сон в летнюю ночь» (3:2, 3:2).

Ну так оно и понятно – ведь публика просто помешалась тогда на Северном Пути в Китай, якобы открытом наконец голландцами. Путь этот проходил в аккурат через пресловутую «Тартарию», и каждая лондонская прелестница летела на крыльях Гермеса перечитать пару надушенных лавандой страниц «Дневника» Де Фера между контрдансом и куранте.

Так что «Тартария» неотвратимо должна была появиться в тексте модной пьесы в театральный сезон 1600 года – и она появилась. Конкретно, в форме «*gates of Tartar*».

Само выражение «Тартарские Ворота» на тот момент не было при этом общеупотребимым. Похоже, что это – очередной Шекспировский неологизм, изобретённый им на ходу под конкретные нужды. Но каково бы ни было его происхождение, наша задача – инструментально определить, какую микро-географическую конкетику Шекспир при этом подразумевал. И тут для начала следует уяснить – что он мог вообще знать о «Тартарии» и из каких конкретно источников.

В самой «Тартарии» на тот момент мало кто бывал, однако она уверенно значилась на картах – в тех же атласах Ортелиуса и Меркатора. Чем говорить, проще показать.

[Илл. 05-09-03-1. «Тартария» в Атласе Меркатора (карта Евразии, f. D).]

[Илл. 05-09-04-1. «Тартария» в «Театре» Ортелиуса, лист «Tartariae sive magni Chami regni».]

«Тартария» активно присутствует и в «Дневнике» Де Фера, будучи вынесена даже в заглавие книги. Привожу это заглавие во французском переводе – том самом, который был доступен Шекспиру в 1599 году.

Vraye description de trois voyages <...> au Nord par derrier Norwege, Moscovie, et **Tartarie**, ver Royaumes de China & Catay: ensamble les decouvrements du Waygat, **Nova Sembla**

«Правдивое описание трёх путешествий <...> с севера вокруг Норвегии, Московии и Тартарии к Китайскому королевству, с попутным открытием Вайгача и Новой Земли»

(Титульный лист «Дневника» Де Фера в издании 1598 года на французском языке)

[Илл. 05-09-05-1. «Дневник» Де Фера. Титульный лист первого издания на французском языке, 1598.]

MOSCOVIE, ET TARTARIE,

[Илл. 05-09-05-2. Там же. Фрагмент. «Moscovie et Tartarie».]

Собственно, экспедиция Баренца и рассматривалась, как попытка пройти в Китай, огибая «Тартарию» – сразу за которой и должно было обнаружиться «Китайское королевство Канбалык». Карское море фигурирует в «Дневнике» Де Фера исключительно, как «Тартарское море». Аналогично оно обозначается и в «Атласе» Меркатора – «Oceanus Tartaricus».

[Илл. 05-09-06-2. «Ocean Tartaricus» – «Тартарский океан». Атлас Меркатора, 1595, f. XXVI, «Russia».]

С «Тартарией» мы вроде разобрались. Теперь попробуем локализовать загадочные шекспировские «Тартарские Ворота» (то есть – «проход в Тартарию»).

Напомню, что действие происходит в самом конце XVI века, Англия – владычица морей. И путешествия по тем понятиям бывают только морские, других путешествий просто не существует.

А теперь посмотрим по картам, которыми в 1599 году пользовался Шекспир, как можно из Англии пройти морем в «Тартарию». Тут, действительно, «лучше один раз увидеть».

[Илл. 05-09-07-1. Северный путь из Англии в Китай по морю. Атлас Меркатора, карта обеих полушарий, f. А (без указания).]

Единственный возможный морской путь из Англии в Тартарское (Карское) море и к берегам «Тартарии» очевиден. Это – путь вдоль северного побережья Евразии. И на этом пути имеется только одно узкое место («ворота») – проход около Новой Земли.

[Илл. 05-09-08-1. Атлас Меркатора, карта Европы, f. В.]

Тут мы переходим к последнему акту нашей пьесы. И попробуем понять, какие варианты проходов в Карское море около Новой Земли предлагала кабинетному «географу» (каковым и являлся Шекспир) передовая картография конца XVI века.

А передовая картография (с учётом показанной Баренцем невозможности обогнуть Новую Землю с севера из-за льдов) предлагала два возможных варианта прохода – через так называемый «пролив Нассау» («Fretum Nassovium», с юга от Новой Земли), либо через пролив, разрезающий Новую Землю посередине. Пролив этот на карте Меркатора значится как «Матюшин пролив» («Matuchin straight»)

[Илл. 05-09-09-2. Атлас Меркатора, лист «Арктическая зона», f. I. Извилистый пролив сквозь Новую Землю – нынешний М-Шар. На карте – «Matuchin straight».]

Откуда составитель «Атласа» знал о существовании «Матюшина пролива» – не спрашивайте. Я не знаю. И никто этого не знает. Но пролив этот на карте есть. Его название нанесено несколько в стороне от западного устья пролива, но эта неточность исправлена на другой карте того же Атласа – на листе «Russia», который мы рассмотрим чуть позже.

Итак, два пролива, Сцилла и Харибда. И при сравнении их шансов привлечь внимание Шекспира, очевидное преимущество будет на стороне более северного «Матюшина пролива». Если ориентироваться на приведённую карту из «Атласа» Меркатора (а Шекспир на неё и ориентировался), то «Матюшин пролив» – прямее, выраженной и в целом «логичней», чем «пролив Нассау». А, главное, он на порядок эстетичней – даже в чём-то «театральней». Понятно, что «театральная эффектность» пролива – это не та категория, на которую ориентируется опытный моряк. Но давайте вспомним – кто именно делал в данном случае свой, чисто репертуарный, выбор.

А теперь – «заключительные куплеты Шута», в которых, по законам жанра, автор кратко формулирует основные выводы рассказанной истории. Расслабимся и слушаем.

Куплет 1: Географические реалии являлись для Шекспира чисто художественными абстракциями.

Куплет 2: А потому при гео-анализе шекспировских пьес предметом исследования является не реальная география, а «представления Шекспира о географии».

Куплет 3: В 1599 году Шекспир пользовался «Дневником» Де Фера с описанием Новой Земли, а также атласами Ортелия и Меркатора.

Куплет 4: Из всех теоретически возможных вариантов значения слов «*gates of Tartar*», наиболее вероятным в данном случае является значение «Тартарские Ворота» – что находится в полном соответствии с практикой использования Шекспиром слова «*Tartar*» в целом.

Куплет 5: Выражение «Тартарские Ворота» не являлось тогда устоявшимся географическим термином – это неологизм, придуманный Шекспиром для обозначения понятия «крайне труднодоступное место».

Куплет 6: Само же понятие «Тартарии» было вполне определённым и относилось к северной части Западной Сибири.

Куплет 7: Для «кабинетного путешественника», каковым являлся Шекспир, путь в «Тартарию» пролегал исключительно по морю – вдоль северных берегов Норвегии и Московии.

Куплет 8: Тема «северного морского пути в Тартарию» была сверх-модной темой именно в районе 1600 года – из-за только что окончившегося путешествия Баренца (1597) и публикации «Дневника» Де Фера (1598).

Куплет 9: Для обывателя, «путешествующего по картам», единственным затруднительным местом на пути из Англии в «Тартарию» могла представляться только Новая Земля.

Куплет 10: Согласно карте из «Атласа» Меркатора, которым пользовался Шекспир, и согласно выводам экспедиции Баренца (невозможность обойти Новую Землю с севера из-за льдов), существовало (в теории) только два возможных прохода из Баренцева моря в море «Тартарское» – «пролив Нассау» и «Матюшин пролив».

Куплет 11: Человеку, далёкому от морского дела, при разглядывании «Атласа» Меркатора более «выигрышным» и «очевидным» проходом из Баренцева моря к берегам «Тартарии» из двух названных проливов должен был казаться «Матюшин пролив» («Matuchin straight»).

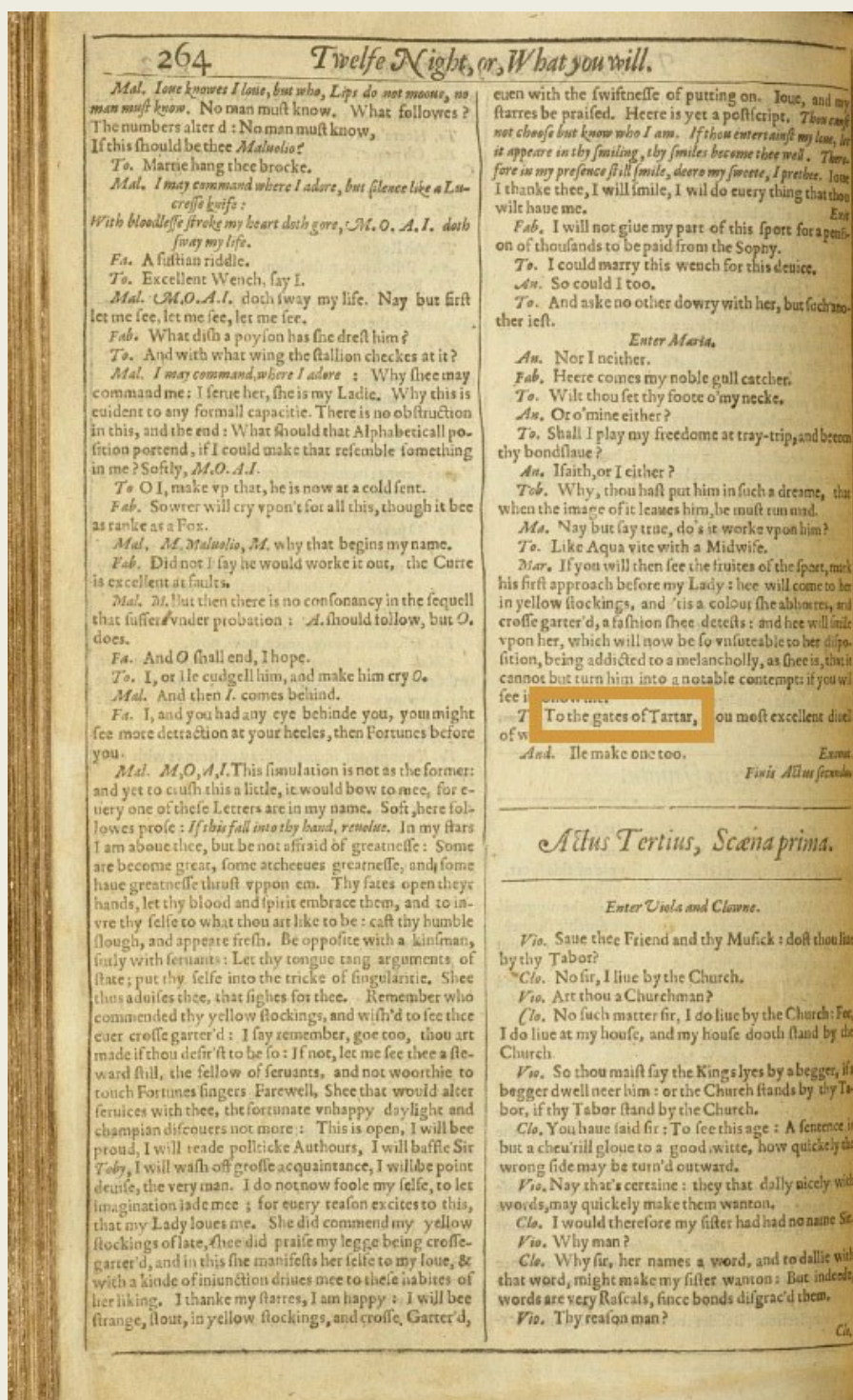
Куплет 12: Всё вышесказанное позволяет с большой вероятностью говорить о том, что Шекспир, используя выражение «gates of Tartar» («Тартарские Ворота») в «Двенадцатой ночи», имел ввиду «Матюшин пролив», который он видел незадолго до того на карте Меркатора.

При всём при том, лично я не склонен думать, что «Матюшин пролив» занимал в 1599 году много места в мыслях Шекспира. Судя по всему, слова «gates of Tartar» выскочили у него из служебного отдела памяти сами собой, без всякой задней мысли.

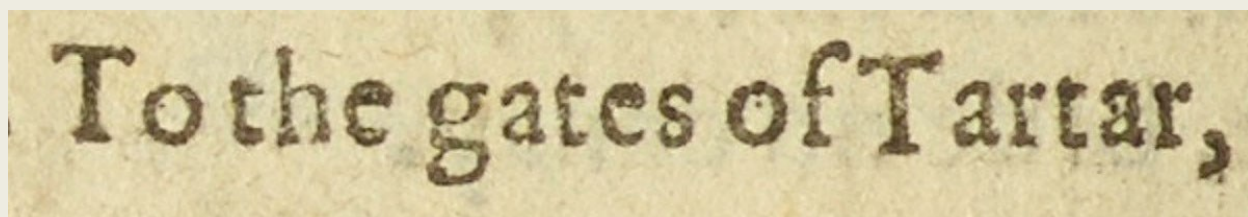
Всё, что я хотел сказать, это то, что мы сняли слепок с сознания Шекспира – и на этом слепке отчётливо обнаружилась царапина, оставленная на его сознании алмазной гранью «М-шара» – пролива, разрезающего Новую Землю надвое.

«With hey, ho, the wind and the rain».

Занавес.

[Илл. 05-09-10-1. Шекспир, «Двенадцатая ночь», конец Второго акта. «Первое фолио», 1623, с. 264.]

[Илл. 05-09-10-2. То же. Фрагмент. «To the gates of Tartar».]

1595: Меркатор

Следы шара:

| Matuchin straight – Matens kinsarch |

1595. Карты Меркатора.

Другие топонимы:

- Sunkyfa
- Podrehof
- Fissa noua
- Rustiutsars
- Musua
- Goozin flu.
- Promay flu.

Конкретные проявления:

[Илл. 05-09-09-2. Атлас Меркатора, 1595. Карта «Septentrionalium Terrarum descriptio», f. I. Фрагмент. «Nova Zemla» и «Matuchin straight».]

[Илл. 05-09-06-3. Карта Меркатора «Rvssia cum confinijs» из Атласа 1595, f. XXVI. Фрагмент. «Matens kinsarch».]

Детали:

Меркатор прожил долгую плодотворную жизнь гуманиста, из которой почти 60 лет он создавал лучшие карты своей эпохи. Создал глобусы Земли и Луны. Изобрёл и применил «равноугольную цилиндрическую проекцию» для изображения сферы на плоскости, которая получила впоследствии название «меркаторовской» и широко применяется до сих пор. Ввёл в картографический обиход унифицированное курсивное письмо. Внедрил в мировой язык слово «Атлас» для обозначения сборника карт, изданного в виде книги. И вообще, оказал огромное влияние на всё, что так или иначе было связано с путешествиями, включая поиски Северо-Восточного Прохода.

В числе прочих своих первенствований, Меркатор впервые составил единую карту всей Арктической области Земного шара, с учётом самых передовых заблуждений своего времени. На этой карте «Septentrionalium Terrarum descriptio» мы и видим интересующий нас топоним «Matuchin straight» («Матюшин пролив»). Который, правда, нанесён на карту не у самого пролива, разделяющего Новую Землю надвое, а прямо в открытом море (между мифической Землёй Уиллоуби и Новой Землёй).

Обращает на себя внимание английское написание слова «пролив» («straight») на данной нидерландской карте, изданной в Германии. При том, что на картах Меркатора английские термины, вообще говоря, чрезвычайно редки.

Однако тут следует вспомнить, что сын Герарда Меркатора, Румолд, который собственно и издал этот Атлас через год после смерти отца – так вот, Румолд, сам опытный картограф, провёл много лет как раз в Англии. И та часть Атласа, в которой размещена данная карта, предпослана в предисловии никому иному, как английской королеве Елизавете. Таким образом, можно с большой вероятностью предположить в истории появления данного топонима (и вообще, во всей Новоземельской части карты) английский след. Это тем более правдоподобно, что именно англичане открыли Новую Землю и были её главными исследователями первые 40 лет (вплоть до экспедиций Баренца 1594-97 годов).

Внимание: внешне очень похожие последующие издания того же «Атласа» Меркатора (1606, 1613 и другие) содержат отличающийся вариант карты «Septentrionalium Terrarum descriptio», а именно – с заменой «старой» новоземельской топографии и топонимики на «новую» (голландскую), в соответствии с новополученными данными экспедиций Баренца, отражёнными на карте Баренца – Де Фера (1598).

[Илл. 05-09-09-1. Атлас Меркатора, 1595. Карта «Septentrionalium Terrarum descriptio», f. 1.]

[Илл. 05-09-09-2. Там же. Фрагмент. «Nova Zemla» и «Matuchin straight».]

Интересна и другая карта из того же «Атласа» Меркатора – «Rvssia cum confinijs» (f. XXVI, разворот), которая в своей новоземельской части явно коррелирует с соответствующей картой («Septentrionalium Terrarum Descriptio») из географического «Театра» Ортелия 1587 года издания. С тем существенным отличием, что вместо Ортелиевского «Костина Шара» («Kostintsars») у Меркатора мы видим «Матюшкин Шар» («Matens kinsarch»).

[Илл. 05-09-06-1. Карта Меркатора «Rvssia cum confinijs» из Атласа 1595, f. XXVI.]

[Илл. 05-09-06-3. Там же. Фрагмент. «Matens kinsarch».]

Принято считать, что Ортелий активно «заимствовал» сведения из карт Меркатора, а не наоборот. Однако в данном случае цифры говорят скорее об обратном: карта Меркатора – 1595, карта Ортелия – 1587, восемь лет разницы. Сведений о существовании какой-то более ранней карты Меркатора с Новоземельскими топонимами у меня нет.

Документы:

- Карта Герарда Меркатора (Gerardus Mercator) «Septentrionalium Terrarum descriptio. Per Gerardum Mercatorem Cum Privilegio», 36,6 x 39 см., f. I, разворот, первое издание (1595, Duisburg) Атласа «Atlas siue Cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura. Duisburgi Cluorum». Экземпляр хранится в Библиотеке Конгресса США, индентификатор физического хранения: G1007.A7 1595, каталожный номер: map55000728.

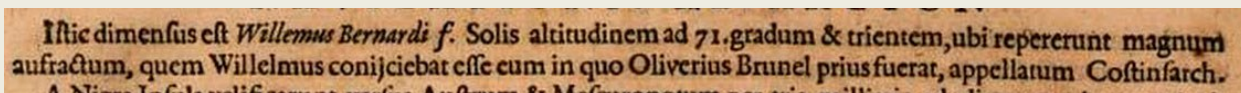
- Карта «Rvssia cum confinijs» из того же Атласа Меркатора (f. XXVI, разворот).

1594: Баренц

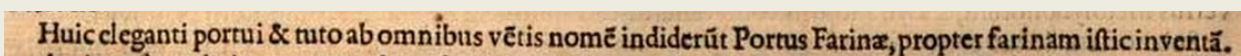
Другие топонимы:

- «Costinsarch» («Костин Шар»)
- «Meel-haven» («Мучная Губа»)

1594, август. Дневник Де Фера.

[Илл. 05-11-01-1. «Дневник де Фера», первое латинское издание, 1598. Запись за 8 августа 1594. Упоминается «Костин шар».]

[Илл. 05-11-01-2. Там же. Запись за 11 августа 1594. «Meel-haven», на латыни – «Portus Farinae».]

Детали:

Виллем Баренц, первым произведший картографическую съёмку западного берега Новой Земли, давал, как мы знаем, собственные названия мысам, заливам и островам. Его голландская топонимика прочно утвердилась на следующие 150 с лишним лет.

Однако среди голландских названий Баренца встречаются два топонима явно русского происхождения. Это – пролив «Костин Шар» и залив «Мучная Губа». Механизм их появления таков.

О существовании Костина Шара (также как и о его русском названии) Баренц узнал от Оливьера Брюнеля – первого голландца, организовавшего собственную морскую экспедицию вдоль берегов «Печорского моря» и лично побывавшего в 1584 году на Новой Земле. О Брюнеле я расскажу ниже, а сейчас посмотрим соответствующее место из «Дневника Де Фера»

[8 августа 1594]

Тут Виллем Баренц определил по высоте солнца широту, оказавшуюся $71\frac{1}{3}^{\circ}$. Здесь же нашли они большой залив. Виллем предполагал, что это тот самый, где раньше был Оливьер Брюнель и который назывался «Costinsarch».

С «Мучной Губой» дело обстоит ещё интересней. Нет никаких свидетельств того, что Баренцу до его плавания был известен этот русский топоним. Существует даже противоположное свидетельство – рассказ о том, как голландцы обнаружили неизвестную им бухту и назвали её «Meel-haven» (в первом издании, вышедшем на латинском языке – «Portus Farinae», «Мучная гавань»), поскольку обнаружили там, действительно, несколько закопанных в землю мешков с мукой.

[11 августа 1594]

Добравшись на лодке до берега, они наткнулись на следы людей, которые, очевидно заметив моряков, успели убежать. Именно там оказалось шесть полных мешков ржаной муки, спрятанных в земле, и куча камней у креста, а в расстоянии ружейного выстрела стоял ещё другой крест с тремя деревянными домами. <...>. Однако людей они не видели.

Этой превосходной и защищенной от всех ветров гавани они дали название «Portus Farinae» («Meel-haven», «Мучной гавани») из-за найденной там муки.

Нет никаких оснований подозревать Де-Фера в неточности. Так что я полагаю, что тут мы имеем дело с редчайшим случаем независимого присвоения одного и того же названия одному и тому же объекту двумя разными субъектами – уж больно характерная и в то же время неожиданная (учитывая местоположение) деталь там имелаась. В «Мучной Губе» поморы действительно держали запас муки, и эта-та мука, обнаруженная на совершенно диком побережье, в первую очередь и обратила на себя внимание голландцев.

А теперь два слова об Оливьере Брюнеле – легендарной фигуре ранней истории Новой Земли. «Легендарной» буквально, поскольку некоторые факты его биографии некоторые исследователи склонны считать легендой.

Но как бы там ни было, Оливьер Брюнель (Olivier Brunel) – это, судя по всему, первый европеец, прошедший морем из устья Печоры до устья Оби (где-то в 1570-е годы), а также – первый голландец, видевший в 1584 году своими глазами Новую Землю.

Биография Брюнеля сколь ярка, столь и слабо документирована. О нём знали и на него ссылались многие выдающиеся его современники (Меркатор, Вагенаер, Хаклюйт, Линсхотен, Баренц, Гудзон), однако никаких его собственных записок о его путешествиях до сих пор так и не обнаружено.

Так что о жизни Брюнеля до 1581 года известно преимущественно из его устного рассказа голландскому купцу Иоганну Балаку (Johann Balak). Последний записал всё как он понял и послал письмом Герарду Меркатору. Согласно этому письму, Брюнель ещё юношей попал в Колу, затем в устье Двины. Отсидел, как полагается, несколько лет в русской тюрьме. Был оттуда вызволен кем-то из Строгановых и затем некоторое время вёл в их интересах торговые дела с Амстердамом. Но что самое интересное, Брюнель во время службы у Строгановых ходил в торгово-закупочные экспедиции на Обь – как посуху через Урал, так и по «большому морю» (из устья Печоры).

В 1581 году Брюнель в очередной раз объявился в Голландии. На этот раз – с целью организовать собственную морскую экспедицию к устью Оби, а оттуда – в Китай. Это был точно такой же проект экспедиции по открытию «Северо-Восточного Прохода», как и у Баренца, только на 13 лет раньше Баренца.

На полноценную «Китайскую» экспедицию раскрутить голландских инвесторов Брюнелю так и не удалось. Однако просто сплавать в Югорию с товаром – на это корабль он получил (разумеется, у Балтазара Мушрона, у кого же ещё).

Плавание состоялось в 1584 году. Прошло оно не слишком удачно – дальше Югорского шара пробиться через льды на этот раз не удалось. Однако, именно в это плавание Брюнель посетил берега Новой Земли и привёз в Европу (кроме полного трюма самоцветов) ценнейший новоземельский топоним – «Костин Шар» («Costinsarch»).

Открытие миру этого названия (попавшего затем на карту Баренца) прочно связывается с именем именно Брюнеля. Кроме Баренца, первенство Брюнеля подтверждает также и Генри Гудзон. Перед тем, как открыть Манхэттен, Гудзон в ходе второй своей арктической экспедиции в 1608 оказался у западных берегов Новой Земли, обнаружил там нечто по всем признакам похожее на пролив и в течение нескольких дней безуспешно пытался пройти по нему сквозь Новую Землю на восток. О чём он написал в своём дневнике, опубликованном в 1625 году Самюэлем Пёрчесом:

[6 июня 1608] This place upon Noua Zembla, is another then that which the Hollanders call Costing Sarch, discovered by Oliver Brownell: and William Barentsons observation doth witnesse the same.

(Генри Гудзон, Дневник. Запись от 6 июня 1608)

Документы:

- Дневник Геррита Де Фера «Diarium nauticum», 1598, Амстердам. Записи от 8 августа 1594 («Costinsarch») и 11 августа 1594 («Meel-haven»).

- Генри Гудзон, Дневник, запись от 6 июня 1608. Опубликовано в: Samuel Purchas «Purchas His Piligrimes» 1625, Лондон. Часть 3, глава 15, с. 579.

1594: Планций

Следы шара:

| Straight of Matuchin |

1594, август. Карта Планция.

Другие топонимы:

- Sunkifa
- Kostint
- Podrehof
- Fissa nova
- I. Musua
- Seleso nova
- Goozin R.
- Promay Rio
- Mascin of islands

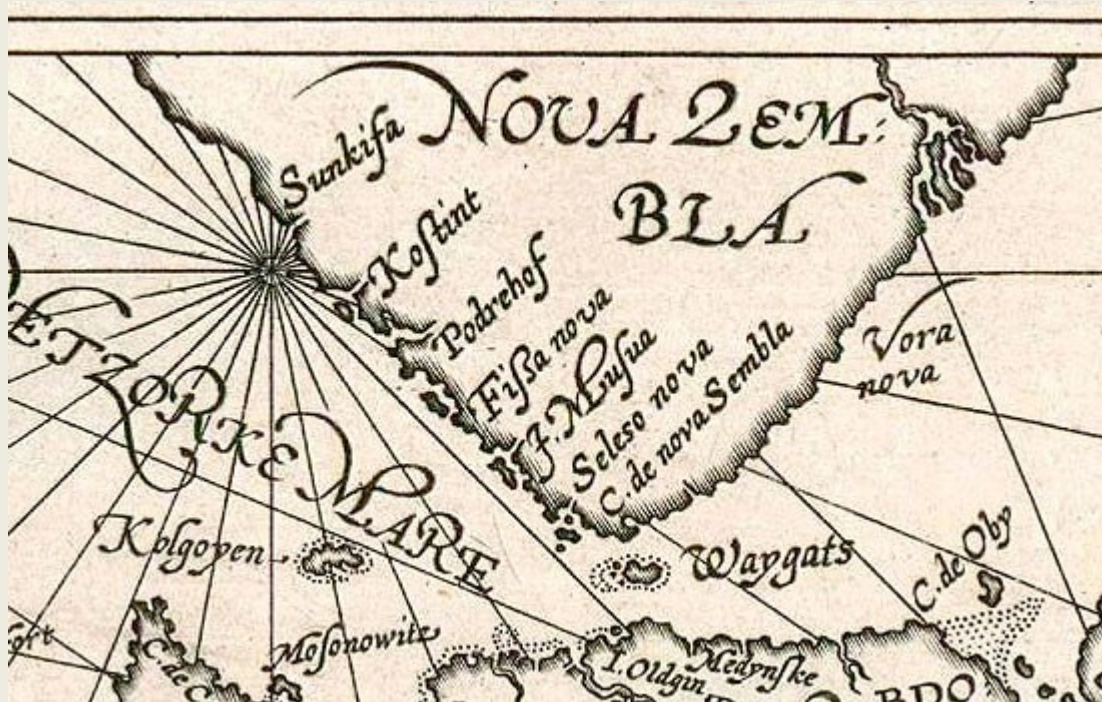
Конкретные проявления:

[Илл. 05-12-01-1. Карта Планция, 1594.]

[Илл. 05-12-01-3. Там же. Врезка в правом верхнем углу.]

[Илл. 05-12-01-2. Там же. Основная карта. Фрагмент с Новой Землёй.]

Детали:

Данная карта Планция содержит сразу две версии Новой Земли, сильно различающиеся между собой.

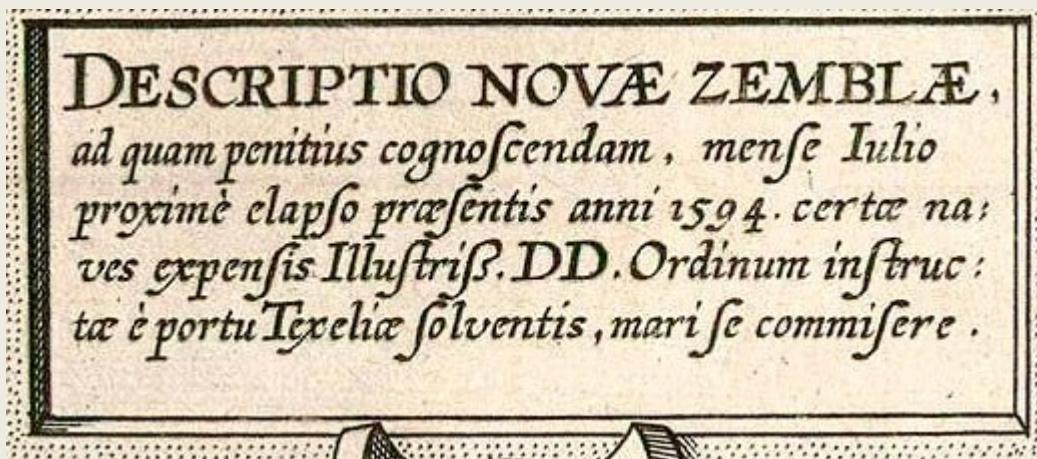
Первая версия, представленная на основной части карты, своим топонимическим рядом практически полностью совпадает с соответствующей областью карты «Septentrionalium Terrarum Descriptio» из атласа Абрахама Ортелиуса «Theatrum orbis terrarum» начиная с 1587 года издания.

Другая версия Новой Земли на карте Планция представлена на отдельной врезке в правом верхнем углу карты. Здесь мы видим практически ту же картину Новой Земли, что и на карте Меркатора «Septentrionalium Terrarum descriptio» из его Атласа 1595 года. Единственное содержательное отличие состоит в том, что на месте Меркаторовского «Promay flu.» у Планция значится «Promay Rio Where the fish for samon».

Важность карты Планция состоит в том, что она датируется годом раньше, чем аналогичная карта из Атласа Меркатора, а именно – 1594 годом.

О датировке следует сказать следующее. Под «новоземельской» врезкой на карте Планция имеется надпись, сообщающая, что для «более глубокого» исследования Новой Земли из голландского Текселя вышла экспедиция (далее цитирую) «ориентировочно в прошедшем июле текущего года»:

Descriptio Novae Zemblaë, ad quam penitus cognoscendam, mense Iulio proxime elapso præsentis anni 1594 certæ naves expensis Illustriss. DD. Ordinum instructæ e portu Texelie solventis, mari se commiserere.

[Илл. 05-12-01-4. Там же. Фрагмент. Картуш под врезкой с Новой Землёй.]

Известно, что первая экспедиция Баренца вышла «из Текселя» в начале июня 1594 года. Известно также, что Планций внимательно следил за ходом подготовки этой экспедиции и с нетерпением ждал её результатов.

Таким образом, время составления Новоземельской врезки карты Планция можно отнести к интервалу между 1 августом 1594 (поскольку, как следует из надписи, «июль» был уже месяцем «прошедшим») и 10 сентября 1594 (день возвращения корабля Баренца в Амстердам, «как раз в день ярмарки»).

Документы:

- Врезка к карте Европы Питера Планция (Petrus Plancius)
 «Europam ab Asia & Africa segregant Mare mediterraneum, Euxinus Pontus (nunc Mare Majus) Palus Meotides, Fluminaque Tanais et Duina, continet celeberrimas regiones, Germaniam, Italiam, Galliam, Hispaniam, Daniam, Norvegiam, Suediam, Moscoviam, vel potius Russiam, Poloniam, cum Lituania, Hungariam, Illiricum et Graeciam: Insulasque insignes, Angliam & Scotiam, Hyberniam, Sardiniam, Corsicam, Siciliam, Candiam, Eubocam & Lemnum, [отдельно указано] Baptista a Doetechum fecit.», изданной в 1594 году в Амстердаме (автор Petrus Plancius, издатель Cornelis Claeszoon, гравёр Baptista Doetechum).

1593: Де Йоде

Следы шара:

| Mates kinsark |

1593. Карта из атласа Де Йоде.

Другие топонимы:

- Sunkysa
- Podrehof
- Fissa noua
- Rustiutsarc
- Musna

Конкретные проявления:

[Илл. 05-13-02-4. Атлас Де Йоде «Speculum Orbis Terrae», 1593. Карта «Nova Totius Europae Tabula ex magnis Gerardi de Iudaeris P. desumpta», fol. 7. Фрагмент. Пролив, пересекающий Новую Землю.]

Детали:

Данный источник особо важен для нашей темы, поэтому остановлюсь на нём чуть подробнее.

Герард Де Йоде (Gerard de Jode) – старейший из плеяды Великих нидерландских картографов, 1509 года рождения. Его судьба в отдельных моментах удивительно схожа с судьбой другого великого картографа, Герарда Меркатора. Зовут их одинаково – Герард. Они почти ровесники (Меркатор всего на три года младше). Оба прожили долгую жизнь и оба умерли в 82-летнем возрасте. Оба прославились своими географическими Атласами (Де Йоде их называл, правда, «Зеркалами»). Оба имели неоднозначные отношения с Абрахамом Ортелием, издателем Атласа («Театра») 1570 года. Оба чуть-чуть не дожили до издания главных версий своих Атласов, что за них выполнили их сыновья (Румолд Меркатор и Корнелий Де Йоде соответственно). Коммерческий успех этих посмертных изданий у обоих картографов был также одинаково скромным.

Хотя тут я не совсем точен. Если коммерческий успех Атласа Меркатора 1595 года был, действительно, скромным, то у Атласа («Зеркала») Де Йоде 1593 года коммерческого успеха не было вовсе, а был полный провал. Причины которого даже не очень и понятны, просто так иногда бывает.

Следствием этого провала стало то, что атлас Де Йоде «*Speculum Orbis Terrae*» 1593 года (не путать с его же «*Speculum Orbis Terrarum*» 1578 года) не переиздавался больше ни разу. Нетрудно догадаться, что сейчас «*Speculum Orbis Terrae*» является одним из самых редких (и соответственно – ценных) географических Атласов своего времени. Известно всего несколько сохранившихся его экземпляров. И нам так повезло, что один из них находится в Российской Национальной Библиотеке (СПб).

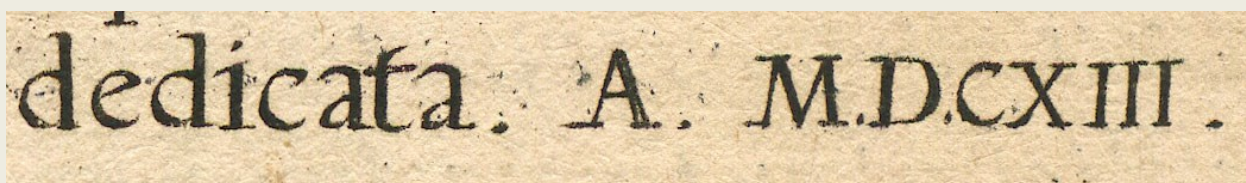
[Илл. 05-13-01-1. Атлас Де Йоде «*Speculum Orbis Terrae*», 1593. Титульный лист.]

Интересующая нас карта «Nova Totius Europae Tabula ex magnis Gerardi de Iudaeris P. desumpta.» располагается на развороте fol.7 (седьмого листа) данного Атласа. А вот тут нам не повезло – в Петербургском экземпляре Атласа именно этот лист отсутствует. Когда и кем он был изъят – не берусь сказать, но по факту его нет. Хорошо ещё, что эта карта сохранилась в аналогичном Атласе в Национальной библиотеке Финляндии (№ 1051799).

[Илл. 05-13-02-1. Там же. Карта «Nova Totius Europae Tabula ex magnis Gerardi de Iudaeris P. desumpta», fol. 7.]

При датировке этой карты часто допускают одну вполне объяснимую ошибку. На картах, находящихся в составе атласов, дата их создания гравировается редко. Но это – как раз тот редкий случай. В конце текста на верхнем картуше мы видим дату – «A. M.D.CXIII.», то есть «Anno 1613».

[Илл. 05-13-02-2. Там же. Фрагмент. Дата (ошибочная).]

Эта-та надпись и вводит в заблуждение.

Дата на карте указана вроде бы определённо, однако все специалисты единодушны во мнении, что здесь мы имеем дело с банальной опiskой – гравёр ошибся

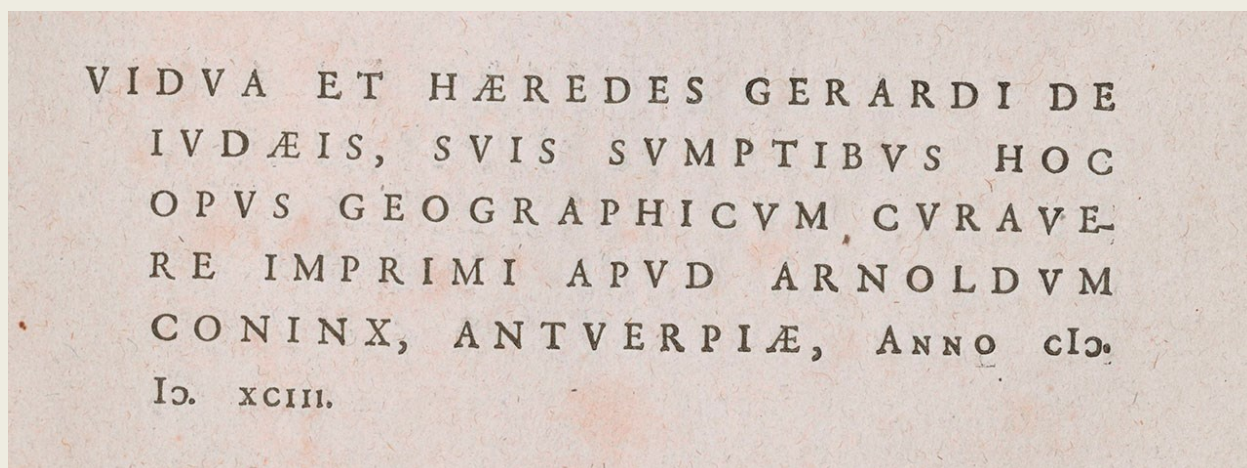
и поменял римские цифры «С» и «Х» местами. То есть вместо нужного «M.D.XCIII» (1593) он написал «M.D.CXIII» (1613).

То, что это описка – нет никаких сомнений, поскольку карта «Nova Totius Europae Tabula...» известна только в составе атласа Де Йоде «Speculum Orbis Terrae». Атлас же издавался всего один раз, в 1593 году. Что указано, в числе прочего, и в выходных данных в самой книге (на этот раз без ошибок):

Vidua et haeredes Gerardi de Iudaes, suis sumptibus hoc opus geographicum curavere imprimi apud Arnoldum Coninx, Antverpie, Anno M. D. XCIII.

«Вдова и наследники Герарда де Йоде отпечатали данное географическое сочинение за собственный счёт в [типографии] Арнольда Конинкса, Антверпен, в 1593 году».

Римские цифры, обозначающие 1000 и 500 я при цитировании написал в их более распространённом варианте. В оригинале же это выглядит так.

[Илл. 05-13-03-1. Там же, выходные данные в конце книги – на этот раз с правильным указанием года издания – 1593.]

Да и по существу вопроса, изготовление такой карты, как «Nova Totius Europae Tabula...» трудно себе вообразить в 1613 году, когда подобные представления о Новой Земле были уже абсолютным анахронизмом.

Новоземельская картография за истекшие с 1593 года 20 лет изменилась неузнаваемо. То, что 1593 году являлось последним словом науки (смутные сведения о нескольких объектах), после завершения третьей экспедиции Баренца (в сентябре 1597 года) выглядело безнадежно устаревшим. На карте Баренца уже было детально прорисовано всё западное, северное и даже часть восточного побережья Новой Земли, с указанием каждого мыса, каждого залива и каждого острова. Карта была составлена по результатам непосредственных измерений на местности, с использованием самых совершенных на тот момент геодезических приборов.

В своей Новоземельской части карта Де Йоде представляет собой своеобразный сплав двух различных представлений о Новой Земле, одно из которых мы видели на карте «Septentrionalium Terrarum Descriptio» из Атласа Ортелия (начиная с 1587 года изданий), а другое – на карте «Rvssia cum confinijs» из Атласа Меркатора 1595 года. Обе эти карты я уже рассматривал выше.

Согласно «карте Ортелия», Новая Земля (не называемая) – это сильно вытянутый полярный материк, идущий параллельно северному берегу Евразии. Который на востоке начинается неизвестно где, а на западе тянется до Гренландии и Америки.

Согласно же «карте Меркатора», Новая Земля – это небольшой треугольный остров, предположительно отделённый от гипотетического Полярного Материка узким проливом. При этом на карте восточный конец этого пролива уходит за обрез, так что не понятно, пролив ли это вообще или только длинный фьорд.

И вот «карта Де Йоде» соединяет эти два представления. Да, Новая Земля – это длинный Полярный Материк, переходящий в Гренландию. И – да, южная часть Новой Земли – это относительно небольшой треугольный остров, отделённый от северной её части узким длинным проливом. Причём на «карте де Йоде» этот пролив указан со всей определённой – впервые в истории картографии.

Теперь о топонимике. В предыдущих главах мы рассматривали много разных карт с разными географическими названиями, легко запутаться. Для наглядности, я свёл топонимы Новой Земли с шести карт 1587-95 годов в единую таблицу.

Ортелиус 1587	Вагелар 1589	Де Йоде 1593	Планций (осн. карта) 1594	Планций (врезка) 1594	Меркатор (Rvssia) 1595	Меркатор (Septentrio.) 1595
Simkifa	Simkifa	Sunkysa	Sunkifa	-	Sunkyfa	-
Kostintsars	Kostintsars	Mates kin-sark	Kostint	Straight of Matuchin	Matens kinsarch	Matuchin straight
Padresof	Padresof	Podrehof	Podrehof	-	Podrehof	-
Lisso nova	Lisso nova	Fissa noua	Fissa nova	-	Fissa noua	-
-	-	Rustiutsarc	-	-	Rustiutsars	-
-	-	-	-	Goozin R.	-	Goozin flu.
-	-	-	-	Promay Rio	-	Promay flu.
I. Musva	I. Musva	Musna	I. Musua	-	Musua	-
Seleso nova	Seleso nova	-	Seleso nova	-	-	-
-	-	C. de noua Sembla	C. de nova Sembla	-	C. de noua sembla	-

[Табл. 05-13-01. Новоземельские топонимы на картах конца 16 века.]

Из таблицы хорошо видно, что топонимы «карты Де Йоде» полностью совпадают с аналогичными топонимами «карты Меркатора» («Rvssia») по своему составу и почти полностью – по написанию (несколько мелких отличий в отдельных буквах).

А вот с «картой Ортелиуса» топонимические отличия у Де Йоде есть. И главное из них – это название сквозного пролива между Северным и Южным островами Новой Земли.

Если у Ортелия этот (гипотетический) пролив ошибочно обозначен, как «Костин Шар», то у Де Йоде мы видим уже именно «Матюшкин Шар» («*Mates kinsark*», то есть, поправив местоположение пробела, «*Mateskin sark*»). Надо сказать, что проливы Костин Шар и М-Шар картографы будут путать ещё долго.

[Илл. 05-13-02-4. Там же. Фрагмент. Пролив, пересекающий Новую Землю.]

[Илл. 05-13-02-5. Там же. Фрагмент. «*Mates kinsark*».]

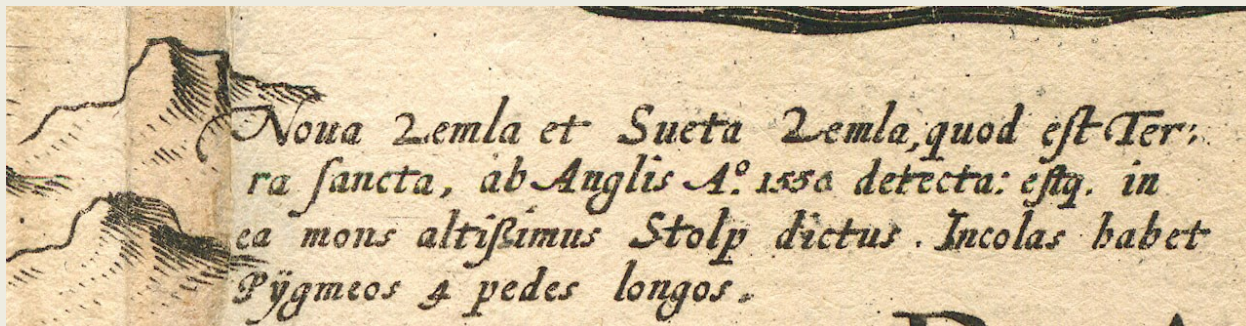
Итак, «*Mates kinsark*».

Здесь прошу на минутку остановиться и прочувствовать момент. Мы сейчас видим первое в истории картографии изображение сквозного пролива между Северным и Южным островами Новой Земли, а также – первое в истории картографии указание названия этого пролива.

И последний штрих. На карте Де Йоде на чистом пространстве Новой Земли имеется следующая надпись.

Noua Zemla et Sueta Zemla, quod est Terra Sancta, ab Anglis A[nno] 1550 detecta; estq[ui]bus in ea mons altissimus Stolp dictus.

«Новая Земля и «Sueta Zemla», что означает Святая Земля, открыта англичанами в 1550 году; здесь, в её горах, находится, как говорят, высочайшая [в мире] вершина («Столб»)).

[Илл. 05-13-02-6. Там же. Фрагмент. Надпись о высочайшей горе (Stolp) Новой Земли.]

Вот так. Новая Земля, она же – Святая Земля, и здесь находится высочайшая вершина мира. Так говорит карта Герарда Де Йоде «Nova Totius Europae Tabula». 1593 год.

Документы:

- Карта «Nova Totius Europae Tabula ex magnis Gerardi de Iudaeris P. desumpta.», из атласа Герарда Де Йоде «Speculum Orbis Terrae», fol. 7 (разворот), 1593 года издания, Антверпен. Экземпляр из Национальной библиотеки Финляндии, идентификационный номер: helka 1051799.

Однако, это ещё не крайняя точка нашей истории.

Самое первое известное упоминание «М-Шара» связывается с именем Антония Мерша, сотрудника английской «Московской компании».

6. Лоция Мерша

Открытие Ченслера – Московская компания, Лондон – Дженкинсон – Тёрбервиль – Горсей – Третий интерес – Флетчер – Народ против Антония Мерша – Лоция – Контекст – Космос – Короче

Открытие Ченслера

Мы помним, как корабли экспедиции сэра Хью Уиллоуби, направлявшиеся открывать Китай, во время шторма у берегов Норвегии 30 июля 1553 разделились и больше никогда уже не встретились. Два корабля под командованием Уиллоуби продолжили тогда путь на восток, открыли Новую Землю и на обратном пути зазимовали у берегов Кольского полуострова, где вся команда во время зимовки погибла.

Третий же корабль свернул в Белое море и дошёл там до устья Северной Двины. Здесь моряки впервые столкнулись с жителями неведомой цивилизации – некого «Московского царства».

Так вместо «Китая» была открыта «Московия». Сделал это капитан Ричард Ченслер (Richard Chancellor), 24 августа 1553.

Приход на Двину первого настоящего корабля произвёл здесь такой фурор, как если бы в Холмогорах опустился звездолёт пришельцев. Да так оно, собственно, и было.

Пришельцев, холодея от ужаса и умирая от любопытства, посетило местное начальство. Тут же холмогорский голова Фофан Макаров (нутром чуя недоброе) отправил в Москву тайное донесение – и в ожидании руководящих указаний начал тянуть время.

Не буду задерживаться на колоритных деталях первого контакта. Здесь важно лишь то, что Ричард Ченслер оказался правильным человеком в правильном месте в правильное время.

Немного разобравшись в ситуации, Ченслер, не дожидаясь решения властей, сам отправился к Москве к местному – как его там – правителю и представился послом своего короля (коим он, разумеется, не являлся). В качестве подтверждения, Ченслер предъявил открытую королевскую грамоту (в общем-то, «филькину»), какими снабжался любой английский корабль, отправлявшийся в неведомые земли – в целях юридической (а скорее моральной) поддержки мореплавателей при возможных контактах с туземцами.

В результате своей настойчивости и умения вести дела, Ченслер встретился с 23-летним Иваном IV, ещё не столь Грозным. Царь, быстро всё смекнув, выказал большой интерес к продолжению контакта – и Ченслер повёз в Лондон благую весть: им открыт большой новый рынок, где с местными властями он наладил вполне конструктивные отношения.

В каком-то смысле это было даже лучше, чем Китай. Хотя бы тем, что находилось много ближе. А открытое царство было, надо сказать, тоже не маленьким:

Москва <...> столь же велика, как и Лондон с предместьями.

(Mosco <...> in bignes it is as great as the Citie of London with the Suburbes thereof.)

(«The newe Navigation and discoverie in the Kingdome of Moscovia... performed by Richard Chanceler», в сборнике Хайлюйта, 1589, с. 286)

Ченслер вернулся в Лондон летом 1554. И следующей весной (1555) он по проложенному маршруту снова плывёт в устье Двины, уже с целой командой предпринимателей – делать большие дела.

Зиму он плодотворно проводит в Москве, закрепляя прошлогодний успех. А весной 1556 опять отплывает домой на присланном за ним всё том же корабле «Edward Bonaventure», прихватив с собой первое русское посольство в Англию – с Осипом Непеей в главе.

К тому времени уже стала известна трагическая судьба, постигшая экипажи двух остальных кораблей экспедиции Уиллоуби. Экипажи полностью погибли – но сами корабли целы-невредимы покачивались на волнах, чудесным образом избежав своей судьбы.

А потому сюда из Англии были присланы два новых экипажа – перегнать эти корабли обратно.

И вот 2 августа 1556, три года спустя после того, как они под командованием сэра Хью Уиллоуби вышли из Рэттлифа для открытия Китая, те же самые три «добрых» корабля – «Bona Confidentia», «Bona Speranza» и «Edward Bonaventure» – вышли из устья Северной Двины и – снова вместе – отправились уже хорошо известным маршрутом в обратный путь, домой, в тихую гавань.

Корабль «Bona Confidentia» в этом плавании разбился у берегов Норвегии, у Тронхейма, и новый экипаж полностью погиб.

Корабль «Bona Speranza», с холмогорским головой Фофаном Макаровым на борту (вот угораздило), пропал без вести, даже обломка мачты не выбросила на берег волна. Не обмануло Макарова давешнее предчувствие.

Корабль же «Edward Bonaventure» разбился уже у берегов Шотландии, у Эбердиншира. При крушении половина экипажа погибла – включая самого Ченслера и его сына, которого он брал с собой показать Москву. Осип же Непея до берега доплыл, и жил потом долго и счастливо (почему нет).

Что ещё сказать? Фамилия «Ченслер» в английских источниках встречается в четырёх разных написаниях, в русских – в восьми.

К чести Архангельска, в месте первой высадки Ричарда Ченслера на русский берег ему установлен памятник (1998). И это правильно.

Московская компания, Лондон

Из первого своего плавания Ченслер вернулся в Лондон летом 1554. А уже через несколько месяцев акционерная компания, созданная незадолго до того для планировавшейся торговли с Китаем, была переименована в «Московскую компанию» («Muscovy company») для торговли в новооткрытых землях. Синицу в руках пока горячо баснями не кормят.

Следующие как минимум 40 лет «Московская компания» являлась весьма заметным фактором русской жизни. Хотя и не определяющим. Переломить общий нисходящий тренд её приход в страну не смог. Почему – это большой отдельный разговор, требующий детального рассмотрения механизмов взаимодействия цивилизаций, находящихся на разных уровнях развития, с учётом конкретных значений многих параметров.

Но по факту получилось так. «Форточка в Европу», прорубившаяся в 1553 сама собой, без какого бы то ни было усилия со стороны России, так и осталась всего лишь ярким историческим казусом, а по сути – фальстартом. Следующее «окно возможностей» откроется тут только через 150 лет.

Но в любом случае, «Московской компании» мы обязаны целым рядом важных свершений и появлением многих ярких действующих лиц на русской сцене.

Был обнаружен сухопутный путь в Китай, введена в картографический оборот Новая Земля, налажены первые высокотехнологичные производства (канатное в Холмогорах, железоплавильное на Вычегде), предприняты попытки производства бумаги. А люди! Ченслер, Бэрроу, Дженкинсон, Горсей, Флетчер – обо всех и не расскажешь. Но что смогу сделаю.

Что же касается интереса Ивана IV к Англии, то он был значителен и отчётлив. Даже целых три интереса. Все они устойчиво прослеживаются на протяжении всех лет контакта.

Во-первых, Англия была жизненно важна для России, как источник драгоценных камней для услады царских глаз.

14 апреля 1558 ему [Ричарду Грею], вместе с Робертом Бестом, показывали в Москве <...> драгоценные камни. <...> При этом его просили наведываться в Англии <...> нельзя ли там покупать подобные или ещё лучшие камни.

(Гамель, «Англичане в России. Статья первая», с. 39, СПб., 1865)

Послали мы есмь в пределы твоей земли наших гостей <...> и должны они в твоей земле купить для нашей казны сапфиров и рубинов.

(Письмо Ивана IV – Елизавете I от 10 апреля 1567. «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. Грамоты собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым», с. 35, СПб., 1875)

Во-вторых, интересовало, разумеется, оружие и высокотехнологичные компоненты для его производства.

Я должен <...> для императора [Ивана Грозного] <...> изготовить такие орудия для его войн, чтобы он мог покорить ими всякого.

(Humphry Lock, письмо из Москвы Вильяму Сессилию от 4 марта 1568. Цит. по Гамелю, статья 1, с. 77)

Что б еси велела к нам <...> привозити доспеху и ратного оружья и меди и олова и свинцу и серы горячие.

(Письмо Ивана Грозного к Елизавете от 20 августа 1574)

Царь <...> взял в казну привезенные товары: медь, свинец, порох, селитру, серу.

(Джером Горсей, «Путешествия», относится к событиям 1581)

И Фёдор и Неудача говорили: «Государь наш <...> хочет <...> то б королева Елизавет велела <...> привозити и серу, и нефть, и медь, и олово, и свинец, и всякое оружье, что к ратному делу пригожаетца...»

(«Список посольства Фёдора Писемского да подьячего Неудачи Ховраleve как ся у них в Аглинской земле государево дело делалось», 1583. Цит. по Сб. ИРИО, т. 38, с. 37, СПб., 1883)

Да ещё я клал на корабль <...> тринадцати бочек емчюги (селитры), <...> наряду двенадцать волконетов (фальконетов) железных, да пятнадцать пушечок железных миниянсов.

(«Письмо Валентина Памера к Антонию Мершу от 9 мая 1585», об отправлении товаров в Россию, ИРИО, т. 38, с. 228)

И мы учинили указ <...> кто не вывезет (не привезёт) <...> зелья (пороху), и ямчюги (селитры), и свинцу [в Россию] – тем гостем (купцам) воску из нашего государства не выпускать.

(«Письмо царя Фёдора Ивановича королеве Елизавете, июнь 1589», ИРИО, т. 38, с. 203)

Третье – и главное – чем Англия интересовала Россию, это... Впрочем, говорить все об этом третьем интересе как-то жалко, этому я пожалуй посвящу отдельную (не следующую) главу.

Во второй и последний свой приезд в Россию Ченслер выступал от лица уже новообразованной «Московской компании». Тогда же были учреждены и три её российских филиала – в Москве, в Вологде и в Холмогорах. И это был только второй год контакта.

Дженкинсон

Антоний Дженкинсон (Anthony Jenkinson), известный в шекспироведении как предполагаемый отец мнимой невесты Шекспира, Анны Вэйтли (Anne Whateley), свадьба с которой, согласно документам, была уже было назначена на 27 ноября 1581, нам интересен совсем другим.

На протяжении пятнадцати лет Дженкинсон был «лицом» молодой «Московской компании», и оставил три очень ярких следа.

Во-первых, он открыл-таки дорогу Китай. Хоть и не ту и не там, где хотелось.

Приплыв на Двину в 1557 и привезя с собой молящегося всем морским дьяволам Непею, уже и не чаявшего увидеть родную землю, он прошёл обычным для всех английских путешественников путём до Москвы, проскребя днищами дощаников сухонские перекаты. А вот дальше было кое-что особенное.

Перезимовав в Москве, он в конце апреля 1558 с оказией доехал до Коломны и оттуда пустился вниз по течению – сначала Оки (до Нижнего Новгорода), а потом и Волги (до Астрахани).

Только что покорённая (точнее – полностью уничтоженная и основанная в другом месте) Астрахань была тогда краем света. Но для Дженкинсона она стала лишь отправной точной «путешествия в неведомое».

Ни малейшего представления, что находится «там дальше» не было тогда ни у кого. И Дженкинсон двинулся просто «на восток», по компасу.

Сначала было какое-то море. Потом море кончилось и началась какая-то пустыня. Нигде не было ни души, и все постоянно пытались его грабить.

Вообще, грабить Дженкинсона будут непрерывно. Просто удивительно, как он умудрился остаться при этом жив и даже что-то с собой провезти.

Дорожные поборы при этом почему-то исчислялись неизменно в «девятках» – за право прохода через очередную территорию нужно было отдавать грабителям столько-то раз по «девять штук товара», практически неважно какого. Грабили не до конца – а чтобы караваны в принципе продолжали ходить.

Так, малыми перебежками, от колодца к колодцу, Дженкинсон к Новому году добрался до Бухары. Здесь уже отчётливо пахло Китаем. Местные купцы знали про Китай, ходили в Китай, торговали в лавках китайским ширпотребом и потихоньку почитывали «Речные заводы» на фарси.

Но пахнуть-то пахло, а ходу в Китай на тот момент никакого не было – по причине разгулявшегося разбоя, беспредельного по сравнению даже с предыдущим путём. Раньше из Бухары в Китай ходили, позже тоже будут ходить, но в тот момент – никто и никак.

Дженкинсон в Бухаре посидел-посидел – и решил, раз так, отправиться в Персию. Но тут как раз из Персии пришли купцы и привезли в Бухару английское сукно – по

цене дешевле, чем выходило у Дженкинсона. Как он от этого не разрыдался, я не знаю.

Так что пришлось тем же путём возвращаться назад к Каспийскому морю, с математической точностью подвергаясь в обратной последовательности тем же грабёжам.

На берегу, к немалому своему удивлению, он нашёл свой корабль, хоть и наполовину засыпанный песком. Разумеется, полностью разграбленный.

Но для опытного путешественника это была не проблема. Все снасти быстро смастерили из английского сукна, хоть так не зря съездившего в Бухару. Единственное, что изготовить из сукна не удалось – это была одна, но самая важная в мореплавании вещь: якорь. Который важнее всех парусов вместе взятых. Потому что без якоря не то что плыть, и стоять-то нельзя.

Кое-как приспособили было под эти цели деревянное колесо от арбы, утяжелённое камнями – как вдруг на горизонте появился спаситель в виде «джинна коммерции». Неведомо откуда взявшееся неведомо чьё судно с удовольствием продало свой отличный запасной железный якорь – и растаяло в предутреннем тумане. А возможно, просто втянулось обратно в медную лампу. Дженкинсону определённо везло.

В сентябре 1559 он был уже в Москве, а в летом 1560 – в Лондоне.

А уже весной следующего года он снова отправился в Москву – на этот раз прорубать окно в Персию.

За неполный год своих каникул в Англии (лето 1560 – весна 1561) Дженкинсон успел сделать очень много. А именно: внебрачную дочь Анну Вэйтли (предположительно) и Карту пути в Китай (определённо).

[Илл. 06-03-01-1. Карта Дженкинсона из Атласа Ортелиуса 1570 года, f. 46.]

Эта карта – знаменитейшая, её можно отнести к числу важнейших вех в картографическом освоении Евразии. Так что она заслуживает того, чтобы внимательно отнестись к вопросу её датировки. Тем более, что он немного запутан.

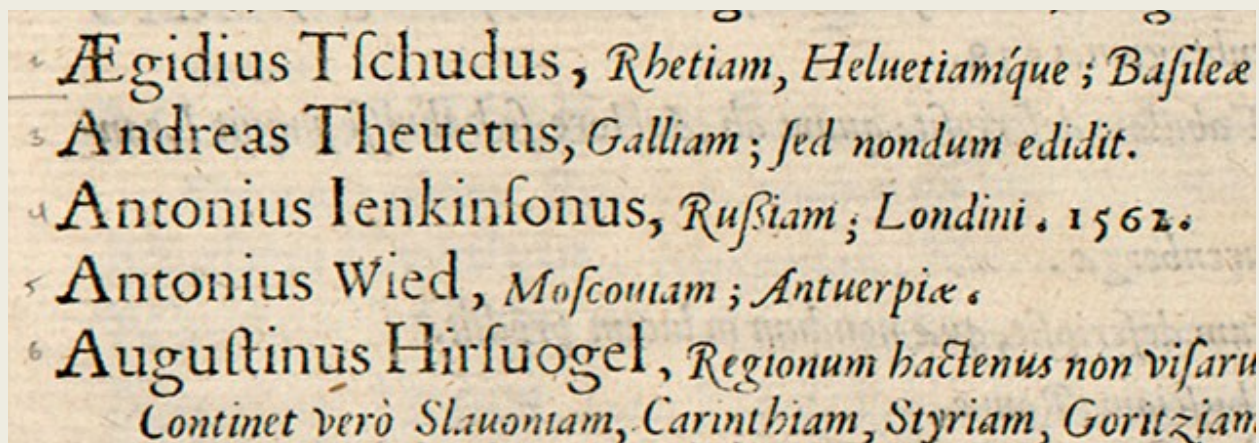
На самой карте – в том виде, в каком её сейчас знают все кому не лень – вроде бы вполне определённо значится: «Antonio Ienkinsono Anglo, edita Londini Anno 1562»

[Илл. 06-03-01-2. Там же. Фрагмент. Картуш с датировкой]

Но то, что мы при этом физически видим – это всего лишь «folio 46» из «Атласа» Ортелия, впервые изданного в 1570 в Антверпене и регулярно переиздававшегося в течение следующих 40 лет. Самой же «изданной в Лондоне в 1562» карты Дженкинсона в природе до сих пор не обнаружено – ни её самой, ни достоверных упоминаний её существования в прошлом.

Так что о датировке «1562» мы знаем только со слов Ортелия, продублировавшего эту информацию в том же Атласе на «folio C», в перечне источников использованных им материалов:

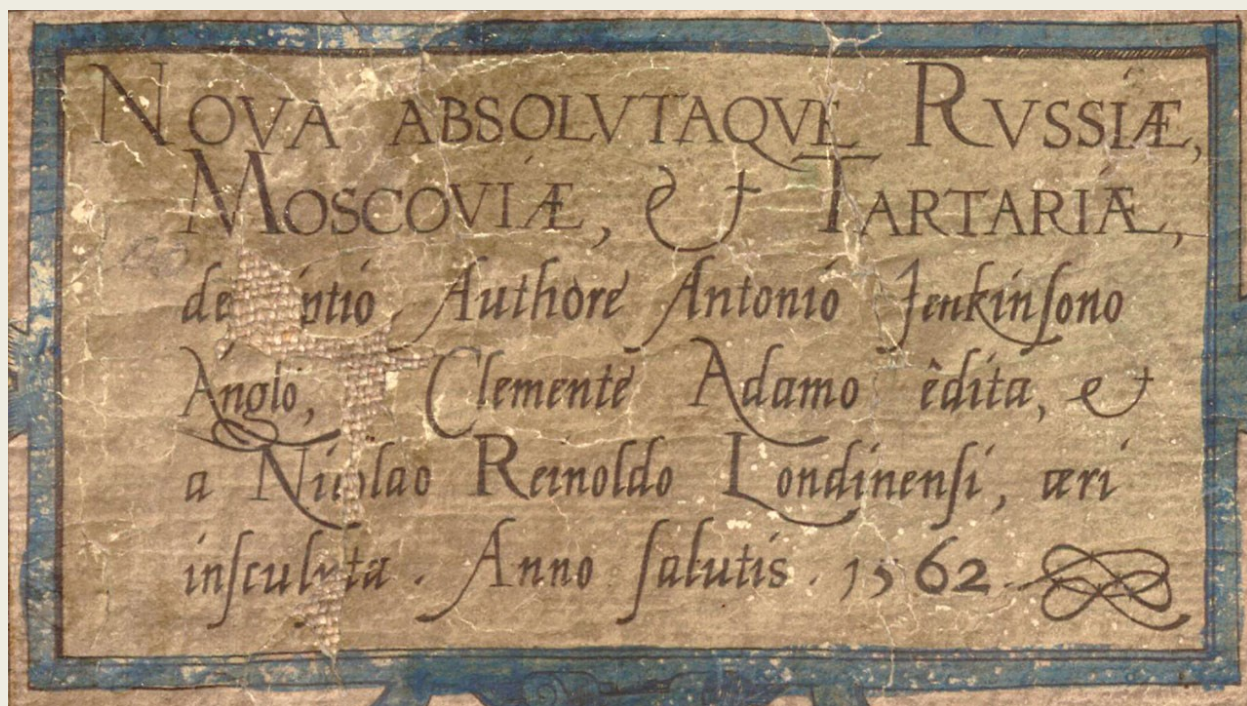
[Илл. 06-03-02-1. Атлас Ортелия 1570, f. «С». Указание авторства Дженкинсона и датировки его карты.]

Есть ли ещё какие-то источники по «карте Дженкинсона»? Да, есть ещё один. Это – выплывшая в конце 1980-х в Польше неизвестная до того науке карта, которая хранится сейчас в библиотеке Вроцлавского университета. До сих пор она известна всего в единственном экземпляре.

Данная карта представляет собой другую версию «карты Дженкинсона», практически совпадающую с картой из «Атласа Ортелия» в плане содержания, но решённую в несколько ином дизайне (картуши, рамка, стиль, размер и т.п.). Вот как она выглядит:

[Илл. 06-03-03-1. Вроцлавская Карта Дженкинсона». Библиотека Вроцлавского университета.]

[Илл. 06-03-03-2. Там же. Фрагмент с датировкой.]

Хотя Вроцлавская карта датирована вроде бы тем же «Anno salutis 1562», она тем не менее никак не могла быть издана раньше 1566, когда был утверждён имеющийся на ней герб Генри Сидни (внизу слева).

[Илл. 06-03-03-3. Там же. Фрагмент. Герб одного из издателей карты.]

Верхнюю границу датировки этой карты можно косвенно предположить по известному письму, отправленному из Лондона английским гравёром Николасом Рейнольдсом в Антверпен знаменитому Ортелию, в котором упоминаются 25 экземпляров некой «карты Московии» («25 charts geographicals prouinciaie Moscouitcae»). При том, что на картуше Вроцлавской карты этот самый Рейнольдс обозначен, как соисполнитель карты, а из текста означенного письма с очевидностью следует, что «25 карт Московии» имеют к Рейнольдсу самое прямое отношение. Год в письме не указан, но публикатор его текста отнёс его к 1573 («Ecclesiae Londino-Batavae Archivum», т. 1, с. 103-104, 1887).

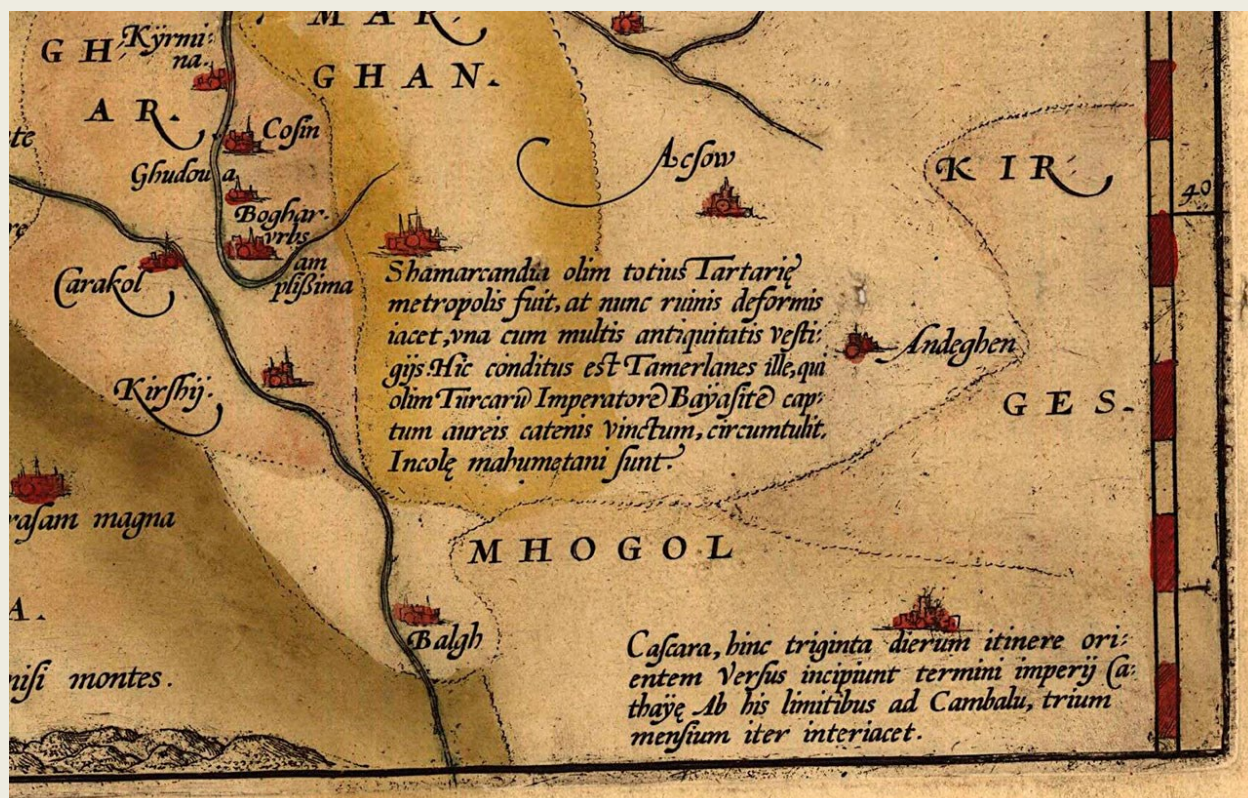
Так что вероятный интервал создания Вроцлавской «карты Дженкинсона» – между 1566 и 1573. Никаких других убедительных датировок этой карты мне не известно.

Так что в целом о «карте Дженкинсона» можно с уверенностью сказать лишь то, что она была создана «не ранее 1560 и не позднее 1570». А если учесть, что Дженкинсон появлялся в Англии в это период лишь наездами, то возможное время создания сводится к нескольким узким «окнам» внутри этого диапазона, пер-

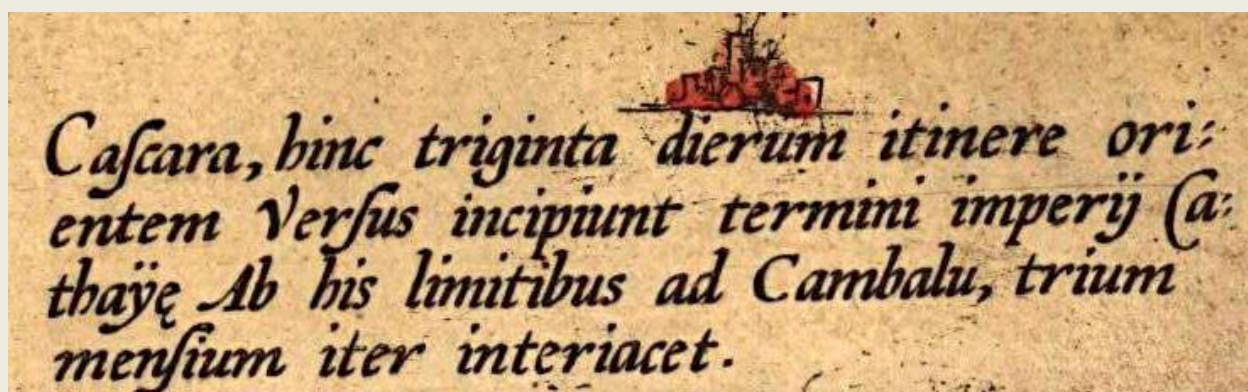
вое из которых – «лето 1560 – весна 1561», сразу после открытия Дженкинсоном сухопутного пути в Китай.

Теперь о самом пути. На «карте Дженкинсона» впервые со всей отчётливостью и с большой детализацией показан путь от Белого моря, через Москву, Волгу, Астрахань и Каспийское море – до Бухары, и дальше, вплоть до Кашгара. А это уже – фактически начало Китая.

Вот как это выглядит (привожу по более устоявшейся версии Ортелия):

[Илл. 06-03-01-3. Карта Дженкинсона из Атласа Ортелия. Фрагмент. «Бухара – Кашгар».]

[Илл. 06-03-01-4. Там же. Фрагмент. Сообщение о близости Кашгара к Китаю (Cambalu).]

На пояснительной врезке мы читаем:

Cascara, hinc triginta dierum itinere orientem versus incipiunt termini imperij Cathayae. Ab his limitibus ad Cambalu, trium mensium iter interiacet.

То есть:

Каскара (Кашгар), в тридцати дней пути отсюда на восток начинается граница империи Катайя (Китай). От этой границы до Камбалу (Ханбалык) три месяца пути.

Всё, Китай открыт. Хотя и непонятно зачем.

Это был первый важный вклад Дженкинсона в дело познания мира. А вторым его вкладом стало введение в широкий картографический оборот Новой Земли. Посредством всё той же карты.

[Илл. 06-03-01-5. Там же. Фрагмент. «Nouo Zemla».]

Вы скажете, что Стифен Бэрроу ещё в 1557, то есть как минимум за три года до Дженкинсона, нанёс на свою карту это название. Да, это так. Но кто тогда видел эту карту? Её и до сих пор-то мало кто видел.

А «карта Дженкинсона» в составе «Атласа» Ортелия пошла в люди тысячными тиражами, надолго став де-факто картографическим стандартом для обозначенной на ней территории.

Так что Бэрроу «добыл» и «зафиксировал» название «Новая Земля», а Дженкинсон разнёс его по всему миру.

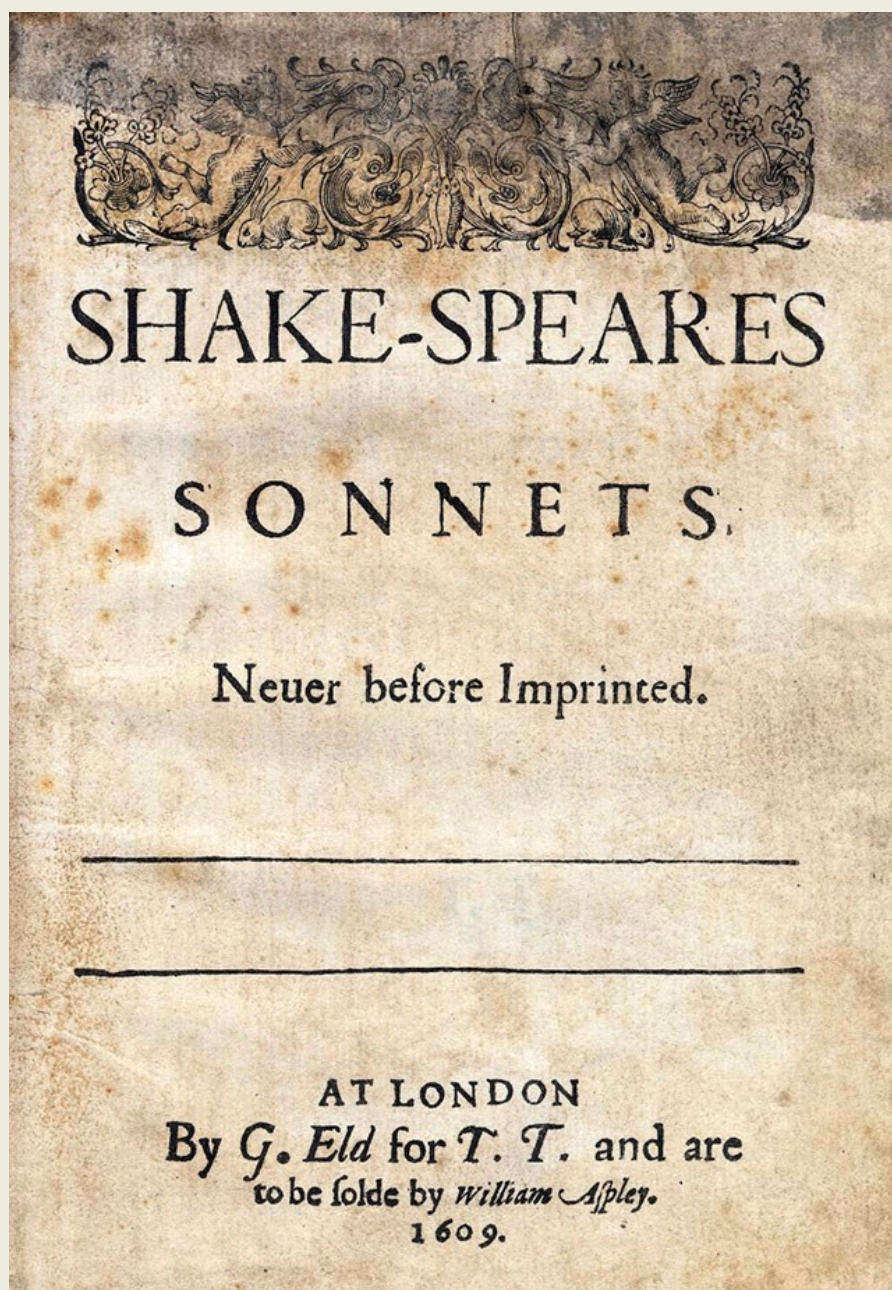
Единственно, здесь следует сделать одну оговорку. «Карта Дженкинсона» (в составе атласа Ортелия) в той своей части, что касается Новой Земли и северного берега Евразии, является практически точной копией «карты Бэрроу», никаких сомнений в этом нет. Но существует ещё одна карта, принадлежащая другому автору и опубликованная на год раньше Атласа Ортелия, на которой изображены те же самые области. Это – карта Меркатора «*Nova et aucta orbis terrae descriptio...*» 1569 года. Так вот, на ней данные регионы нанесены в целом хотя и похожим образом, но при этом с такими отличиями, которые не позволяют произвести её напрямую от карты Бэрроу. Одни ошибки, сделанные Бэрроу, у Меркатора исправлены (гипотетический пролив в основании Канина Носа), другие, наоборот, добавлены (положение устья Мезени). И в целом карта Меркатора топонимически насыщеннее карты Бэрроу, что делает вопрос о её происхождении вопросом открытым. С этим пока всё.

И, наконец, третья вещь, которой Дженкинсон вошёл в историю. Именно он привёз в Лондон в 1567 некое сверх-секретное предложение, сделанное Иваном Грозным королеве Елизавете. Деликатность этого предложения была столь велика, что обе стороны наложили полное вето на какую бы то ни было письменную его фиксацию. Даже намёки на его суть в документы не просочились. Однако сам факт существования этого «предложения» зафиксирован во множестве документов, в том числе и официальных. И по совокупности косвенных признаков можно с уверенностью судить о чём там шла речь. Разберём это позже.

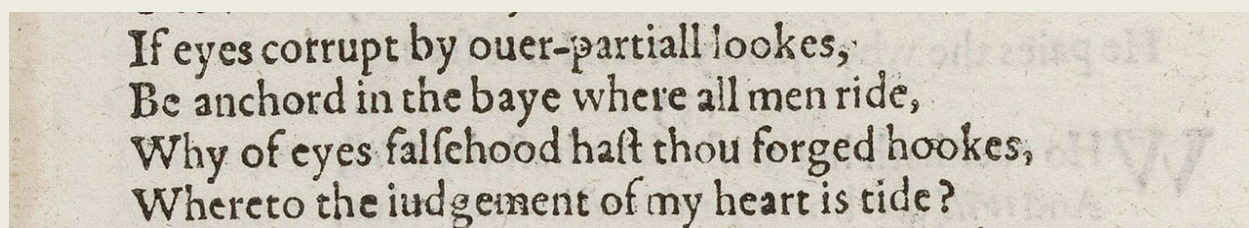
Когда 1560 Дженкинсон возвращался в Лондон из Бухары и Московии, вряд ли он предполагал, что тридцать лет спустя его якобы дочь, якобы невеста Шекспира и якобы соавтор его сонетов, анаграмматическая Анна, существовавшая возможно только на бумаге, якобы напишет более чем реальные строки, проходя бросив в них измученному каракумскими миражами путешественнику спасительный якорь в мангышлакском заливе. Не смотрите Маршака, переведите сами (подлежащее тут «thou», сказуемое «hast forged»):

If eyes corrupt by over-partial looks,
Be anchor'd in the bay where all men ride,
Why of eyes' falsehood hast thou forged hooks,
Where to the judgement of my heart is tied?

(«Сонет 137»)

[Илл. 06-03-04-1. Шекспир, «Сонеты», первое издание, 1609. Титульный лист.]

[Илл. 06-03-05-1. Там же. Сонет 137 (фрагмент). «If eyes corrupt...»]

Если желание видеть то, что хочешь видеть, замутняет взор и ставит его на якорь в заливе, который взад и вперёд бороздят другие – то зачем тогда вообще нужны эти крючки иллюзий, на которые неизменно попадает сердце?

Тёрбервиль

Раз уж о стихах. За исключением трёх рифмованных писем, творчество поэта Джорджа Тёрбервиля (George Turberville) практически неизвестно не только читателям, но и специалистам. Да и данные три письма попали в научный оборот лишь по стечению ряда случайных обстоятельств, никак не связанных с их поэтическими достоинствами.

Во-первых, момент их публикации удачно совпал с завершающей стадией подготовки знаменитого труда Ричарда Хаклюйта (о котором я уже говорил). А во-вторых, их тема (жанровые зарисовки русского быта) хорошо вписывалась в концепцию хаклюйтовского сборника.

Так что Хаклюйт перепечатал эти три письма в своих «The Principal Navigations...» (с. 408-413), и с этого момента (1589) они стали известны, как всё хайклюдское, всем и навсегда.

Переводились эти письма и на русский – и не раз. Переводчики охотно за них берутся, поскольку известные русские привычки были схвачены проницательным взглядом поэта точно и поданы ярко и свежо.

Тем более, что некоторые слова даже и переводить не потребовалось – «Rubaska», «Onoriadka», «Portkies» (так, во множественном числе), «Suba», «Armacha», «Colpack», «Kvas», «Meade», «Mowsicke», «Bough».

Хорошее знание предмета объяснялось тем, что Тёрбервиль провёл в России целый год – с августа 1568 по июль 1569 в составе английского посольства, отправленного королевой Елизаветой с целью упорядочить дела Московской компании.

Тёрбервиль не был профессиональным дипломатом и поехал в Московию, как и многие молодые люди в нашей книге, из любопытства и желания «посмотреть мир». Ну что, посмотрел.

Повторюсь: кроме помянутых трёх писем (Паркеру, Спенсеру и Эдварду Данси), творчество Тёрбервиля этому миру неведомо совершенно, будто его и не было вовсе.

А между тем оно было.

Во время одного только путешествия в Москву (вокруг Норвегии, через Баренцево и Белое море, Северную Двину, Сухону, Вологду и Ярославль) Тёрбервиль, 28, написал целый цикл замечательных дорожных стихотворений.

Достоверно известно только об одной их прижизненной публикации – в 1587, в качестве приложения к книге тёрбервилевских переводов античных авторов «Tragicall Tales». Эта книга дошла до нашего времени в единственном экземпляре, который хранится в особом фонде Британской библиотеки (BL, шифр: 017939701).

За прошедшие с момента этой публикации 430 лет данные стихи перепечатывались лишь единожды – в год смерти Пушкина, общим тиражом в 50 (пятьдесят) экземпляров. Из которых к настоящему моменту также осталось всего несколько.

Такая вот плотность присутствия данных стихов в мире.

Фактически, поэт полностью забыт. И совершенно на мой взгляд несправедливо. В знак моего уважения к таланту Тёрбервиля и признательности за его интерес к русским реалиям, предложу здесь мой скромный перевод одного его совершенно забытого «русского» стихотворения.

В котором, как некое наваждение, в который раз выплывают из поэтического тумана в единой связке: студёное «Море-Окиян», некий смутный «Пролив» и «Гора», уходящая в небо. Что это – личный опыт автора или реминисценции слышанных им в дороге «морских» разговоров и слухов – сказать не берусь.

Ритм и размер перевода в точности соответствуют оригиналу.

Джордж Тёрбервиль

НЕ БУДУЧИ СПОСОБЕН ИЗБЫТЬ ЛЮБОВЬ ВО ВРЕМЯ ДЛИННОГО И
ТРУДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ, ЕЁ ДРУГ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Сражённый страстью, чтоб не длить кошмар
Страданий тех, я поднял якоря.
Под русский снегопад английский жар
Перенеся. Но вижу: всё зазря.
В груди Амур так кочегарит печь:
Лёд бесполезен, где о чувствах речь.

И Море-Океан с его волной,
И стрёмного Пролива смертный зуд,
И выси Гор – всё втуне, хоть ты вой:
Амура крылья вспять меня несут.
А мысль – корабля летит быстрее,
Сколь ни было б там парусов и рей.

Река Двина, залив всё по края,
Не справилась: пожар меня объял.
Бессильна тут и Сухоны струя:
Я, видно, благодатный матерьял.
Так, смена мест не остудила ад:
Я из Москвы бегу, бегу назад.

1568, Москва

(George Turberville, «Tragical Tales etc.», London, 1587, p. 157-157v).

Географические реалии я передал полностью и с максимально возможной точностью («Russia snow to flacke», «The Ocean sea», «The perils great of passage», «The mountains hie», «The river Dwina», «Suchan swift», «Mosqua»).

«Купидон», став «Амуром», помог мне сэкономить целый слог (что существенно).

Описание любовных страданий я передал, в целях сохранения размера, с незначительными сокращениями (опущены такие детали, как «your fair face», «the love I beare to thee», «thy frend» и т.п.)

Фраза «Good will was graft upon so sure a tree», означающая «любовная страсть упала на благодатную почву» (буквально: «привита подходящему для этого дереву»), дана сущностно.

Написано в Москве, в самый разгар Опричнины, на так называемом «ранне-ново-английском» (всякие там «thee», «thy», «hath», «sith» и проч.).

А вот как всё это выглядит в оригинале:

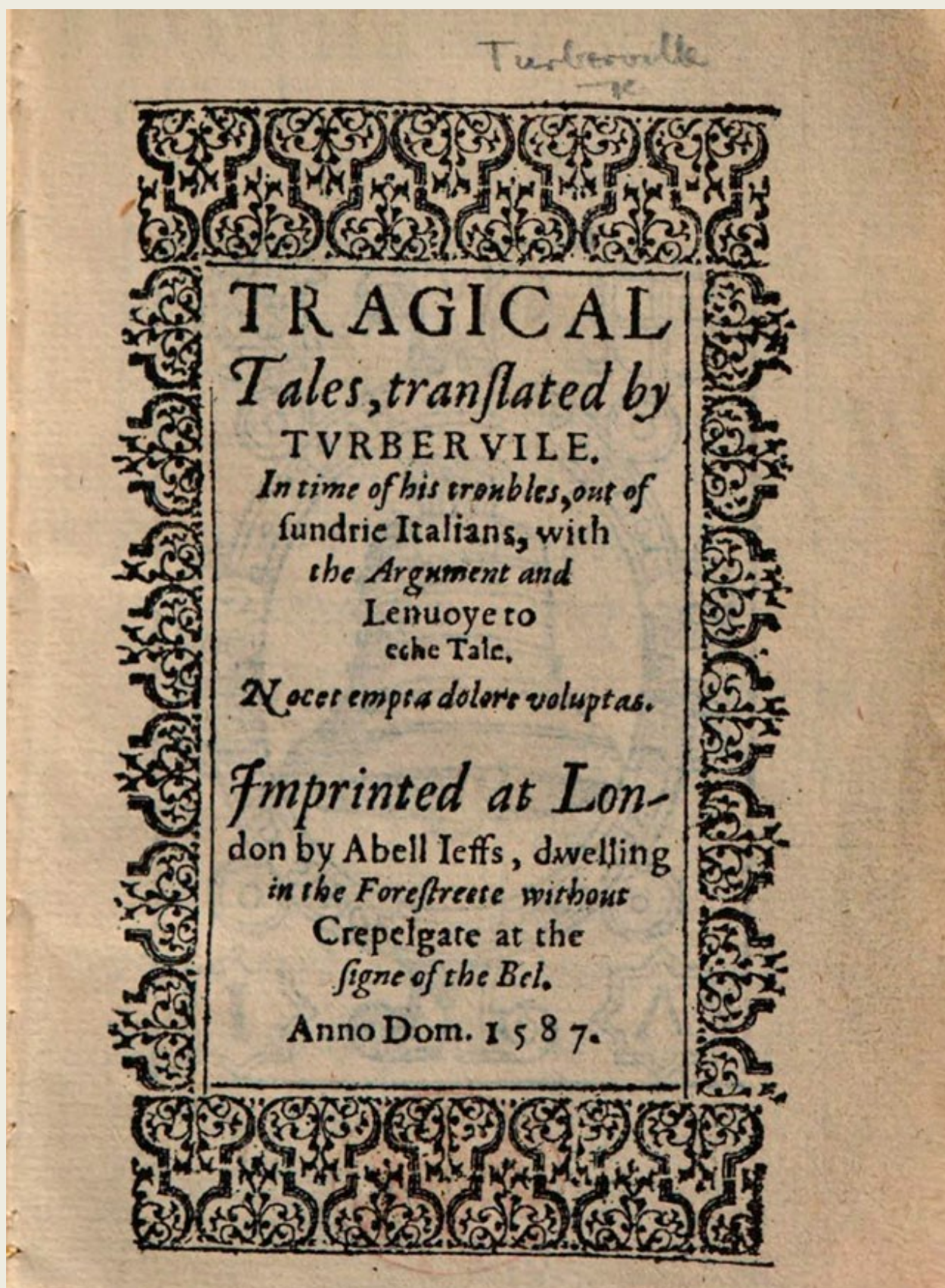
George Turberville

UNABLE BY LONG AND HARD TRAVEL TO BANISH LOVE, RETURNS
HIR FRIEND

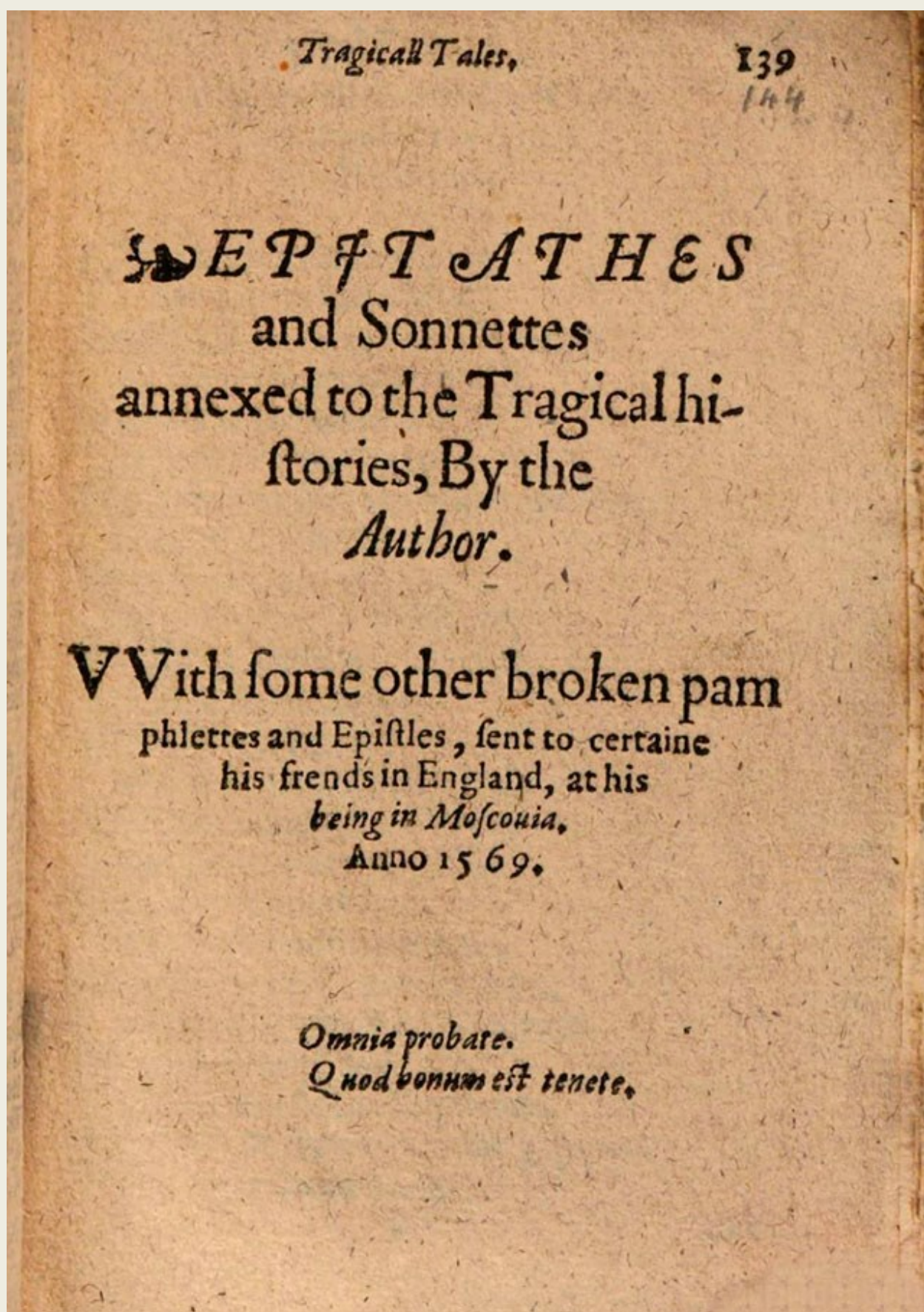
Wounded with love, and piercing deep desire
Of your fair face, I left my native land,
With Russia snow to flacke mine English fire,
But well I see, no cold can quench the brand
That Cupides coles enkindle in the brest,
Frost hath no force where friendship is possest.

The Ocean sea for all his fearfull flood,
The perils great of passage not prevaile,
To banish love the rivers do no good,
The mountains hie cause Cupid not to quaile,
Wight are his wings, and fansie flies as fast
As any ship, for all his sailes and mast.

The river Dwina cannot wash away
With all his waves the love I beare to thee,
Nor Suchan swift loves raging heate delay,
Good will was graft upon so sure a tree.
Sith travaile then, nor frost, can coole this fire:
From Mosqua I thy frend wil home retire.

[Илл. 06-04-01-1. Тёрбервиль, «Tragical Tales...», London, 1587. Титульный лист. Единственный сохранившийся экземпляр.]

[Илл. 06-04-02-1. Там же, с. 139. Приложение к книге переводов – собственные стихи Тёрбервиля.]

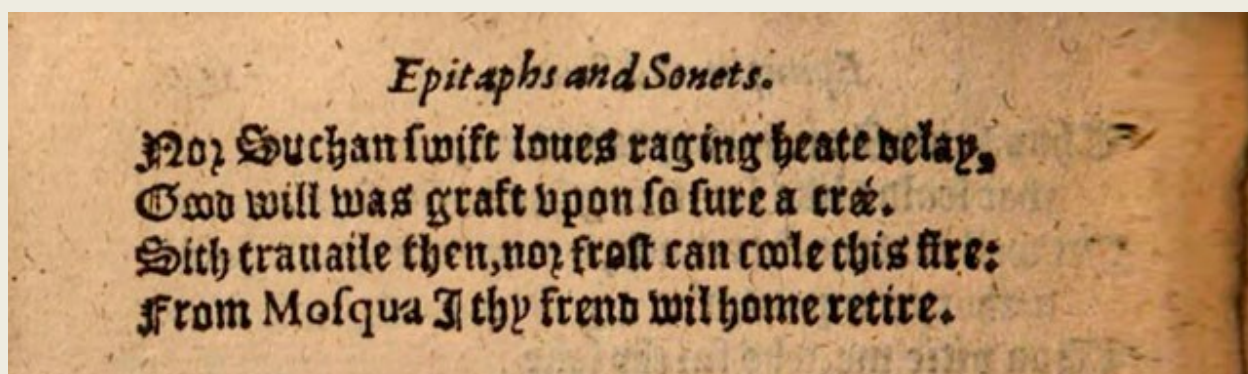
Thus drine I on my dayes in loue,
 that scalds like scorching fire.
 Yet well content therewith,
 so that, at my returne
 Thou pitie me, who for thy sake
 with Cupids coles do burne.
 I am the Turile true,
 that sits vpon the tree:
 And waile my wise without a make,
 and onely wish for thee.

Vnable by long and hard trauell to banish
 loue, returnes his friend.

VWounded with loue, and piercing deep desire
 Of your faire face, I left my native land,
 With *Russia* snow to slacke mine English fire,
 But well I see, no cold can quench the brand
 That Cupides coles enkindle in the brest,
 Frost hath no force where friendship is possess.
 The Ocean sea for all his fearefull flood,
 The perils great of passage not preuaile,
 To banish loue the riuers do no good,
 The mountains his cause Cupid not to quaille.
 Might are his wings, and fanſie flies as fast,
 As any ship for all his sailes and mast.

The riuier *Dwina* cannot wash away
 With all his waues the loue I beare to thee,

[Илл. 06-04-03-1. Там же, с. 157. Начало стихотворения.]

[Илл. 06-04-04-1. Там же, с. 157v. Окончание стихотворения.]

Горсей

Авантюрист – да. Конформист – да. Эгоцентрист – да, да и да.

А кто нет?

Зато: энергичен, лёгок на подъём, договороспособен, по-своему отважен. И – чертовски талантлив.

Джером Горсей (Jerome Horsey), в русском обиходе – Еремей Ульянов.

А иногда и просто: «Ульянов». Английские путешественники поначалу очень удивлялись, что в Московии никто по фамилии тебя не зовёт, её вроде как и не существует. Если уж и надо выказать уважение, то выспрашивают имя отца и величают тебя «по-батюшке». Отца Джерома звали, как и Шекспира, Вильям. Так что он стал «Ульяновым».

Похоже, что двух людей такого типа земля одновременно не носит. Но, с другой стороны, свято место пусто не бывает. А потому, как только Москву навсегда покинул Антоний Дженкинсон (после 15-летнего здесь аншлага), как тут же, в 1573, здесь объявился Джером Горсей.

Горсей был талантлив во многих областях. Но главный его талант – это умение быть убедительным. Он убедителен всегда – и в личном общении (судя по результатам, иногда просто невероятным) и в своих сочинениях (в этом я удостоверился сам).

Как покажет будущее, Горсей даже побьёт рекорд Дженкинсона и пробудет в Московии (с перерывами) целых 18 лет. Таким образом, весь интересующий нас период работы «Московской компании» разбивается на два примерно равных отрезка – «эпоху Дженкинсона» и «эпоху Горсея».

При том, что до конца не понятно даже, был ли Горсей вообще сотрудником Компании. В какие-то периоды был, в какие-то нет – но это не имело ровно никакого значения. Ибо он умел убеждать.

Читая о Горсее, следует иметь ввиду, что самые колоритные моменты его биографии мы знаем из его же собственных записок. В разное время, разными исследователями, разные факты из этих записок в разной степени ставились под сомнение. На том основании, что, во-первых, в некоторых фактических неточностях (с датами, именами и т.п.) Горсей, действительно, замечен – а, во-вторых, ряд сообщаемых им фактов ни в каких других источниках (кроме его записок) не встречаются.

Здесь нужно понимать следующее. 1) Некоторые эпизоды записок писались Горсеем почти двадцать лет спустя после событий, участником которых он являлся. 2) Горсей, несомненно, склонен к выпячиванию собственной роли. 3) По складу характера он не «учёный», а скорее «искатель впечатлений», так что его сильной стороной является не «историческая бухгалтерия», а фиксация «сути событий». 4) Он был реально очень информированный человек; благодаря его доверительным отношениям как с Иваном Грозным, так и с королевой Елизаветой, он имел возможность знать такое (и быть свидетелем такого), что было скрыто от остальных.

5) В описании тех событий, о которых впоследствии были обнаружены независимые свидетельства, записки Горсея неизменно показывают удивительную точность как в существе дела, так и в деталях (при этом точность фактическую, а не буквалистскую – что говорит о том, что та или иная сцена не была списана им с документов, а представляет описание собственного восприятия происшествия).

С учётом вышесказанного, взвешенной позицией по вопросу достоверности записок Горсея является, на мой взгляд, следующая. 1) Отдельные факты у него могут быть хронологически переставлены местами; несколько сходных событий вполне могут оказаться «склеены» в одно. 2) К его оценкам собственной роли в том или ином событии следует относиться осторожно. 3) Нет никаких оснований не доверять в целом сообщениям Горсея, если они напрямую не затрагивают его личных интересов. 4) Оценки конкретных событий и исторических лиц у Горсея всегда исключительно пронизательны, глубоки, выразительны и исчерпывающи. В деталях он может ошибаться, в общем видении – практически никогда.

В целом, его записки весьма убедительны.

Горсей пережил две власти (Грозный, Годунов); служил по-факту двум господам (Англии, России); руководил в Москве «Московской компанией» (так он считал; сотрудники же самой Компании держались иного мнения); являлся доверенным лицом Грозного, выполняя его особые поручения в Англии; приводил в Россию караваны оружия; вызывался недовольной Елизаветой «на ковёр» и возвращался с него награждённым. Все стрелы судьбы его миновали и упокоился он в родных пенатах, в почтенных летах, при должностях и достатке.

На этом, собственно, можно бы и закончить. Не пересказывать же его бесчисленные невероятные приключения. Их надо читать в его «Путешествиях» («Travels»). А потому ограничусь лишь несколькими крохотными фрагментами – в качестве анонса этого литературного бестселлера.

Крушение всех надежд Ивана Грозного (15 июля 1576):

Царь ожидал ответа из Англии [на некое своё «тайное предложение»] <...>. Сильвестр прибыл с письмами королевы <...> и в Холмогорах готовился для будущей царской аудиенции; портной принес ему новый желтый атласный жакет, или зипун, в верхнюю комнату на Английский двор. И едва портной успел спуститься вниз, как влетела шаровая молния и убила Сильвестра насмерть, проникнув по правой стороне тела внутрь его нового костюма и пронзив его до ворота. Молния убила также его мальчика и собаку, находившихся здесь же. Мебель, письма, дом – всё сгорело дотла. Царь был потрясён, узнав об этом. И сказал: «Да будет воля божья!»

Горсей учит английскому языку юного Фёдора Романова (будущего Патриарха, будущего фактического правителя страны и будущего отца будущего царя Михаила Фёдоровича), к немалому удовольствию последнего:

Для него [Фёдора Романова] я написал латинскую грамматику, как смог, славянскими буквами, она доставила ему много удовольствия.

Поручение Горсею от Грозного. Требовалось попасть в Англию срочно, не дожидаясь начала летней навигации, то есть нужно было пробираться посуху через всю Европу:

Письма и указы царя <...> спрятали в тайном дне деревянной фляги, <...> полной водки, и подвесили её под гриву моей лошади. <...> Прибыв из Гамбурга в Англию, я открыл мою флягу с водкой, вынул и надушил, как мог, письма и наставления царя. Однако королева почувствовала запах водки, когда я их вручал.

Обстоятельства смерти Грозного. Версия убийства (28 марта 1584):

Царь <...> приказал доставить с Севера кудесников и колдуний, из того места, где их больше всего, между Холмогорами и Лапландией. Шестьдесят из них были доставлены в Москву.

Чародейки оповестили его, что самые сильные созвездия и могущественные планеты <...> предрекают его кончину в определенный день; но Бельский не осмелился передать царю это; царь, узнав, впал в ярость.

[Когда назначенный день наступил] он [Грозный] вновь послал к колдуньям своего любимца, тот пришел к ним и сказал, что царь велит их зарыть или сжечь живьем за их ложные предсказания. День наступил, а он в полном здравии.

«Господин, не гневайся. <...> День окончится только когда сядет солнце».

Около третьего часа дня царь пошел в баню, развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать. Вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, посадили на постель. Он позвал Родиона Биркина <...> и приказал принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца [Бельского] и Бориса Федоровича Годунова, а также других. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки. Но вдруг он ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие – в аптеку за ноготковой и розовой водой. <...> Между тем он был задушен (In the mean he was strangled).

Первые часы после смерти (возможно насильственной) Ивана Грозного. Описание практических действий по перехватыванию власти (28 марта 1584):

Богдан Бельский и Борис Федорович [Годунов] <...> вышли на крыльцо [через считанные минуты после смерти царя] в сопровождении своих родственников и приближенных. Их вдруг появилось такое великое множество, что было странно это видеть. Приказали начальникам стражи и стрельцам зорко охранять ворота дворца, держа наготове оружие, и зажечь фитили. Ворота Кремля закрылись и хорошо охранялись.

Удивительно много успели сделать за шесть или семь часов: казна была вся опечатана и новые чиновники прибавились к тем, кто уже служил

этой семье. Двенадцать тысяч стрельцов и военачальников образовали отряд для охраны стен <...> Москвы.

Они [Годунов и иже] начали <...> распоряжаться всеми делами, требовали отовсюду описи всех богатств <...> произвели осмотр всех приказов и книг годового дохода; были сменены казначеи, советники и служители во всех судах, так же как и все воеводы, начальники и гарнизоны в местах особо опасных. В крепостях, городах и поселках, особо значительных, были посажены верные люди от этой семьи.

Характеристика Годунова:

Он [Борис Годунов] приятной наружности, красив, приветлив, склонен и доступен для советов, но опасен для тех, кто их дает, наделен большими способностями, от роду ему 45 лет, склонен к черной магии, необразован, но умом быстр, обладает красноречием от природы и хорошо владеет своим голосом, лукав, очень вспыльчив, мстителен, не слишком склонен к роскоши, умерен в пище, но искушен в церемониях, устраивает пышные приемы иноземцам, посылает богатые подарки иностранным государям.

Характеристика №2. Акценты сместились:

Он статен, очень красив и величествен во всем, приветлив, при этом мужествен, умен, хороший политик, важен, ему 50 лет; милостив, любит добродетельных и хороших людей, ненавидит злых и строго наказует несправедливость. В целом он самый незаурядный государь, который когда-либо правил этими людьми.

Русская практика изменения текстов государственных постановлений и межгосударственных документов уже после их принятия, на стадии изготовления грамот:

Такого рода злоупотребления [изменение текста] остаются у них безнаказанными, таков их порядок. Совет обсуждает дело и форму ответа. Главный дьяк [Посольского приказа] излагает это письменно. Затем он представляет записанное и сам зачитывает. Но при дальнейшей переписке он может по своему желанию изменить в тексте то, что его не устраивает, так как они [члены Совета] очень редко, почти никогда не перечитывают беловую копию. Царь никогда не прикладывает к этому руку, они пишутся [дьяками], запечатываются ими же, печать находится у них же, и отправляются адресату ими же. Такого рода подделки в письмах и грамотах были привычны [в частности, у Андрея Щелкалова].

Королева Елизавета развлекается, читая русские буквы. Лорд Эссекс учит русский язык (1590):

[Королева Елизавета] разглядывала в грамотах начертания букв, находя сходство с греческими, спрашивала, не имеют ли те или другие буквы и знаки то или иное значение, потом сказала: «Я могла бы быстро выучить [этот язык]». Она просила лорда Эссекса выучить этот известный и самый богатый в мире язык; он, занимаясь этим, получил много

удовольствия и восхищался им, уделяя этим занятиям больше времени и труда, чем он предполагал им уделять.

Чудодейственный бальзам пирата Фрэнсиса Дрейка, смерть царевича Дмитрия (26 мая 1591):

Королева [Елизавета] дала мне маленькую баночку бальзама, привезенного Фрэнсисом Дрейком и обладающего целительным свойством от ядов и ран. <...>

Известия, которые доходили до меня [в Ярославль, куда Горсей в последний свой приезд был выслан из Москвы], были иногда приятны, иногда ужасны. <...> Но однажды ночью я предал свою душу богу, думая, что час мой пробил. Кто-то застучал в мои ворота в полночь. У меня в запасе было много пистолетов и другого оружия. Я и мои пятнадцать слуг подошли к воротам с этим оружием. <...> Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата вдовствующей царицы, матери юного царевича Дмитрия <...>.

«Царевич Дмитрий мертв <...> царица отравлена и при смерти. <...> Помоги мне, дай какое-нибудь средство!» [прокричал он]

Я не отважился открыть ворота, вбежал в дом, схватил <...> ту самую склянку с бальзамом, которую дала мне королева, и коробочку венецианского териака. Я отдал всё это через забор, и он ускакал прочь.

Как нетрудно догадаться, все 18 лет Горсей ходил в России буквально по лезвию бритвы. Но с конца 1580-х тучи начали сгущаться над его головой как-то особенно плотно. Разгорелся нешуточный коммерческо-политический конфликт вокруг «Московской компании» – как минимум с заметным участием Горсея.

Приехавший для его разрешения Джайлс Флетчер, возвращаясь в Англию весной 1589, вывез с собой Горсея.

Но даже и теперь, применив невероятный свой талант манипулятора, Горсей умудрился продать решение о новой посылке его в Москву. Но это оказалась неудачная мысль. Его задержали прямо на русской границе, а некоторое время спустя «Ульянов» был выпровожен в Англию – теперь уже навсегда.

Что, впрочем, не так уж и плохо.

Третий интерес

(Страховка – Жених – Соломинка)

Страховка

Я обещал посвятить отдельную главу третьему интересу (после самоцветов и самопалов), который имелся у Ивана Грозного к Англии. Вот эта глава.

Означенный «интерес» был, пожалуй, даже не «третьим», а первым и главным. Русский царь, как только увидел в Москве Ричарда Ченслера, благодаря своему знаменитому «чутью» мгновенно осознал: Англия позарез нужна России – как место, куда он, Иван Васильевич, случись что, сможет бежать. А что в этом мире важнее личной безопасности помазанника божьего?

Эпопея с практической проработкой способа бегства Ивана Грозного из России документирована обильно, чётко, детально и на всех стадиях развития «чемоданных» настроений венценосца. Начиная от гипотетического «А неплохо бы, если что...», через отчаянное продавливание соответствующего договора с выговариванием максимально возможных себе гарантий – и кончая подачей конкретной просьбы принять его в Англии. Последняя была Елизаветой удовлетворена в июне 1583 – и лишь скоропостижная смерть просителя помешала отъезду.

Эти настроения прослеживаются по документам на протяжении как минимум 18 лет – с 1566 по 1584 – временами затухая, временами обостряясь, но никогда не уходя окончательно. Этот процесс отмечен следующими двумя характерными чертами.

1. Пониманием постыдности этой подготовки, и – как следствие – засекречивание связанного с ней документооборота. Во всех грамотах, во всех письмах, во всех инструкциях значится «под великой тайной передал», «тайная грамота», «из тайных речей посланника узнали» и т.п.
2. Развёртыванием глобальных государственных проектов, якобы вызванных высшими государственными интересами, а на деле служащих единственно подготовке будущей эмиграции царя.

Смотрите. Единственный путь из Москвы в Лондон выглядел тогда так: Москва – Александровская слобода – Переславль – Ростов – Ярославль – Вологда – вниз по Сухоне и Северной Двине – Холмогоры – Белое море и на английских кораблях в Лондон.

Так вот, при введении Опричнины (то есть разделении всего государства на две части – царскую и остальную, 1565), к Опричнине были приписаны города и земли – угадайте какие?

Правильно: Александровская слобода, Переславль, Ростов, Ярославль, Вологда – и далее весь бассейн Сухоны и Северной Двины, включая Холмогоры, и вплоть до устья. Ну, да. Дорога в Лондон оказывалась в результате под полным контролем.

Далее. На строительство какого оборонительного сооружения срочно бросаются государственные средства? Пограничного Пскова, Новгорода или Астрахани? Отнюдь. Мощнейшая крепость строится в городе, расположенном в самом спокойном месте страны, откуда до ближайшего неприятеля, как до Антарктиды – в Вологде. Это было бы совершенно непонятно, если, опять-таки, не знать, что через Вологду пролегал путь возможного бегства царя из Москвы в Лондон. А под этим углом зрения крепость здесь, действительно, нужна позарез – как для контроля собственно пути, так и для временного хранения сокровищ, предполагаемых к вывозу. Бежать с пустыми руками царь отнюдь не собирался.

Весьма показательно при этом, что как только острота проблемы бегства в Англию временно спала (начало 1570-х), как царь тут же приказывает строительство крепости в Вологде заморозить (1571). А вологжан на всякий случай казнить.

Или вот ещё. В каком месте какой реки царь строит самую мощную речную флотилию? Может быть – на Волге, для освоения обширных новозавоёванных земель по её берегам? Опять не угадали. Флотилия строится на реке Сухоне, в той же самой Вологде. При этом ни о каком её последующем функционировании – ни хозяйственном, ни военном – мы так никогда ничего и не услышим. Зато услышим объяснение современника и участника этих событий: флотилия строилась для обеспечения бегства Ивана Грозного в Англию и вывоза государственной казны. Ну, тогда всё логично.

Вот лишь небольшая подборка документов по теме, чтобы не перегружать. Даю максимально полные ссылки на источники, чтобы желающие могли проверить всё сами:

1567, ноябрь

[Просьба Ивана Грозного к Елизавете, переданная с Дженкинсоном]

Царь просит убедительно, чтобы между ним и её королевским величеством было учинено клятвенное обещание («assurance made by oath and faith»), что если бы кто либо из них в результате несчастливых обстоятельств был вынужден бежать из своей страны («to goe out of their countries»), то каждый из них имеет право прибыть в страну другого для спасения («for the safegard») себя и своей жизни, и жить там и иметь убежище («relief»). <...> И хранить это в величайшем секрете («to be keapt most seacret»).

(«Поручение Дженкинсона от царя Московского к её королевскому величеству», оригинал на англ., «Россия и Англия, 1553-1593. Грамоты изданные Юрием Толстым», Грамота № 12, с. 39. СПб., 1875. Оригинал: Brit. Lib. Cotton MS, Nero B XI, f. 332)

А вот ещё один след «тайного поручения Дженкинсона».

1568, 26 июня

[Наставления в Лондоне английскому послу]

Царь Русский прислал к нам с Антоном Дженкинсоном свою грамоту, написанную в сентябре (1567 года) и т.д.

Вы скажете [царю при встрече], что <...> Антон Дженкинсон под великою тайною сказал нам о желании царя («emperor was desirous») <...> что если бы, по какому-либо бедствию, одному из нас случилось искать убежища («seek refuge») вне наших собственных стран, то в таком случае другой должен принять защиту его. <...> Мы уверяем его, что он будет дружески принят в наших владениях. <...>

[Следует] предложить ему [Грозному] здесь [в Англии] убежище, если у него возникнет в этом необходимость («to offer him retreat here if occasion serves»).

(«Наставления Рандольфу при отправлении его посланником к царю Русскому», оригинал на англ., с пометками лорда Сессия. Толстой, Грамота №15, с. 43-44)

Официальный «вид на жительство», с подробной регламентацией, наконец выдан. Он утверждён королевой в присутствии высших чинов государства и скреплён печатью (почему-то «малой»):

1570, 18 мая
[Елизавета – Ивану Грозному]

<...> мы сочли за благо, во изъявление нашего доброжелательства <...> к безопасности вашего величества, отправить <...> сию нашу тайную грамоту, о которой кроме нас самих ведомо только самому тайному нашему совету.

Мы столь заботимся о безопасности вашей, царь и великий князь, что предлагаем, что если когда-либо постигнет вас <...> такая несчастная случайность, по тайному ли заговору («secrete conspiracie»), по внешней ли вражде («outward hostillitie»), что вы будете вынуждены покинуть вашу страну и пожелаете прибыть в наше королевство <...> с супругою вашею и с вашими любезными детьми и князьями – мы примем и будем содержать ваше величество с почестями, <...> какие приличествуют столь великому государю, и будем <...> стараться всё устроить <...> к свободному («free») <...> проведению жизни вашего величества со всеми теми, которых вы с собой привезете, и вам <...> предоставлено будет исполнять христианский закон как вам будет угодно <...>

Сверх того мы назначим вам, царь и великий князь, в нашем королевстве место для содержания на ваш собственный счёт («upon your own charge») на всё время пока вам будет угодно оставаться у нас. <...>

Обещаем сие <...> мы, королева Елизавета, подписываем собственною нашею рукою в присутствии нижепоименованных вельмож наших и советников [идёт перечень 10 крупнейших сановников Англии], и привесили к оной нашу малую печать.

(«Грамота Елизаветы к Ивану Грозному от 18 мая 1570», оригинал на англ., Толстой, Грамота № 26, с. 97. Оригинал перевода: РГАДА, ф. 35, оп. 2, док. 3)

А вот для сравнения что говорит русская летопись:

1570

[Псковская 3-я летопись]

В лето 7078-го году (1570) <...> к нему [Ивану Грозному] прислаша Немчина лютого волхва нарицаемого Елисея <...> И много множества род боярского и княжеска взусти убити цареви. Последи же и самого приведе наконец еже бежати в Аглинскую землю...

(«Псковская 3-я летопись», «2-й Архивский список» из архива МИД, л. 198 об.-199, запись за 1570 год. Оригинал: РГАДА, ф. 181, оп. 1, док. 69/92. Опулб: Псковские летописи, вып. 2, 1955, с. 262)

И ещё одна характерная деталь. Как яркий представитель людей известной профессии, царь приложил все усилия, чтобы не только получить нужные ему гарантии собственной безопасности, но одновременно и «замазать» этим договором другую сторону и получить таким образом на неё компромат. Для этого Грозный во что бы то ни стало добивался, чтобы королева также попросила его о политическом убежище на случай её бегства из Англии.

Но этот фокус не удался. Королева твёрдо заявила, что сама мысль о возможности такой её просьбы является абсолютно неприемлемой. Что ж, дарёному коню в зубы не смотрят. Пришлось Грозному довольствоваться односторонним получением «вида на жительство».

1575, май

[Елизавета – английскому посланнику Сильвестру]

Он [Иван Грозный] нашёл странным, что мы изъявили нежелание требовать от него такого же обещания дать нам убежище, каковое дали ему по его к нам просьбе.

(«Наставления данные королевой Елизаветой посланнику Сильвестру в мае 1575 при посылке его к царю Русскому», оригинал на англ., Толстой, Грамота № 38, с. 164)

Время шло, процессы текли. И вот, наконец, Грозный решил, что «пора». И как бы даже уже не поздно.

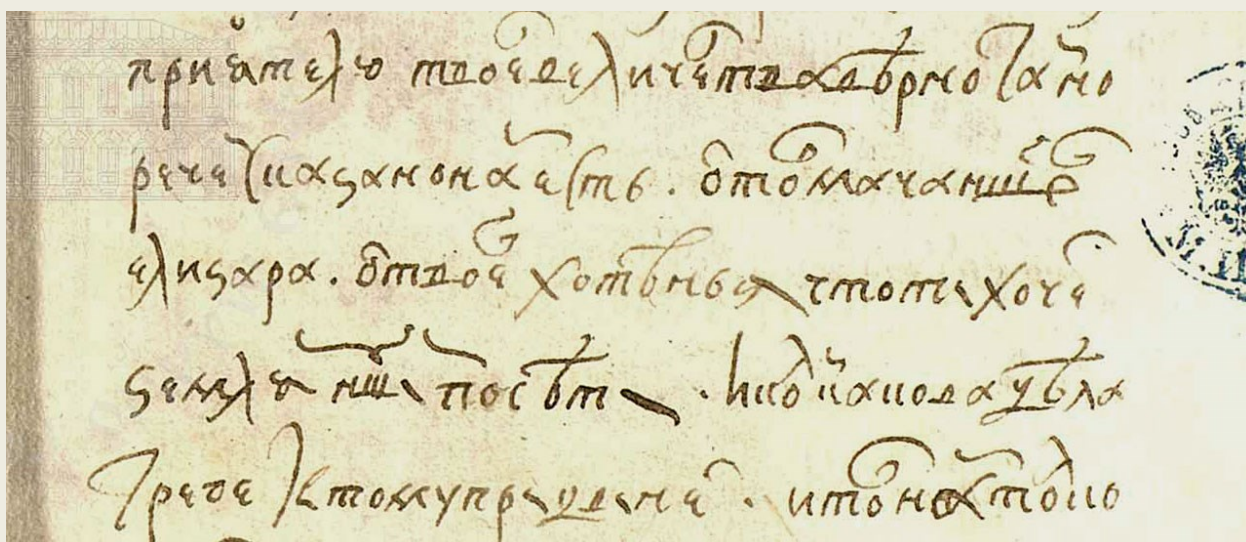
Как оно на деле и оказалось. Через несколько месяцев после получения подтверждения, что его просьба о приёме его в Англии удовлетворена, Иван Грозный умер.

1583, 8 июня

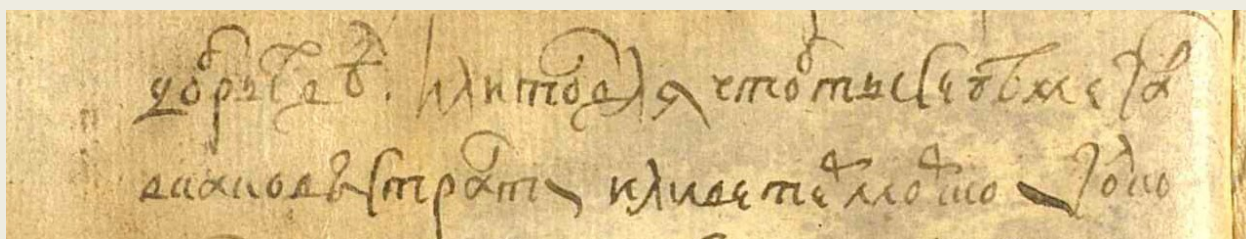
[Елизавета – Ивану Грозному]

С твоего величества верно тайных речей сказано нам от толмача нашего Елизара о твоём хотенье, что ты хочешь землю нашу посетить. И коли какие дела тебя к тому вынудят («придвинет»), то это нам только было бы за честь <...> – не потому, что желаем какие-либо невзгоды твоему величеству, <...> или того для, чтоб ты себе метал в каковы страсти или [в] ветер морской, <...> – а только того для, что мы хотели с твоим величеством видеться.

(«А се перевод с другие с Елисавет-королевнины грамоты к государю с Фёдором с Писемским», в переводной копии год отсутствует. Оригинал перевода: «Книга Посольского приказа. Реестр Английского двора 1581-1589», Архив РГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 1, л. 28-29 об. Опул: Сборник ИРИО, т. 38, с. 14. СПб., 1883)

[Илл. 06-06-01-1. «Книга Посольского приказа. Реестр Английского двора 1581-1589». Архив РГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 1, л. 28.]

[Илл. 06-06-02-1. Там же, л. 29 об.]

Суть всех вышеприведённых документов, написанных твёрдокаменным бюрократическим или обтекаемо-водянистым дипломатическим языком – это же самое предельно лаконично формулирует в своих записках Джером Горсей – активный участник тех событий, персонально знакомый со всеми действующими лицами:

[1570]

С давнего времени имея мысль сделать Англию своим убежищем в случае необходимости, он [Иван Грозный] построил множество судов, барж и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости – на английских кораблях.

(Джером Горсей, «Записки о России», с. 63, М., 1990. Фрагмент написан предположительно в 1590, издан 1626)

[1580]

[Царь] спросил меня, видел ли я его большие корабли и барки у Вологды. Я сказал, что видел <...> [и что] я с толпой ходил полюбоваться на их странные украшения и необыкновенные размеры. – А что означают твои слова «странные украшения»? – Я говорю о тех скульптурах львов, драконов, орлов, слонов и единорогов, которые <...> разукрашены золотом, серебром и диковинными цветами. <...> – Все правильно, ты, кажется, успел хорошо их рассмотреть; сколько их? – <...> Я видел около двадцати. – Скоро ты увидишь их сорок.

(Горсей, с. 72-73)

Жених

Впрочем, эмигрировать тоже надо с умом.

Несмотря на то, что запрошенный им «вид на жительство» в Англии Иван Грозный благополучно получил (в 1568 фактически, а с 1570 и юридически), его это удовлетворило не полностью. По многим признакам видно, что спец-операция по обретению в Англии «запасного аэродрома» исходно разрабатывалась под несколько иной результат.

Желание не только «подстелить соломку», но при этом и «рыбку съесть» выдаёт себя в этом деле с головой.

Известно, что лучший способ натурализоваться – это жениться в стране будущего проживания на невесте с приданным. Чем больше приданное, тем лучше.

Это теория. Но практика от неё ушла не далеко.

Документальная база здесь такова. Имеются прямые свидетельства попытки Ивана Грозного жениться на королеве Елизавете. Но ещё более говорящими, на мой взгляд, в этом деле являются свидетельства косвенные – во всей их совокупности. Так что начнём с них.

Вообще-то, эпизод сватовства царя к королеве был засекречен беспрецедентно, причём на этот раз обеими сторонами. Что и понятно – тема отвергнутого жениха, да ещё с привкусом планирования им государственной измены и вывоза казны – тема весьма деликатная, не для печати.

И тем не менее, отблески этого события пробиваются сквозь самые плотные завесы секретности. Уж больно яркой была вспышка несостоявшегося жениха при получении им фактического отказа. Сказать просто, Грозный пришёл в неистовство.

Не стану здесь цитировать его постыдное письмо к королеве от 24 октября 1570, оно и без меня широко растиражировано. В нём Грозный что называется теряет над собой контроль. Он катается в бешенстве по полу, бьётся головой о стену, рвёт на себе бороду и плюётся. При том, что формальный предлог для вспышки этого гнева совершенно ему несоразмерен. Понятно, что истинная его причина никак не может быть связана с формальной темой письма.

Любому, прочитавшему хоть несколько оттуда строк, становится ясно: некое предыдущее послание королевы попало царю в самое больное место. Что это было за место, хорошо известно.

И хотя истинную причину гнева из самого письма установить нельзя, но по «чисто случайному совпадению», как раз к этому времени царю становится наконец понятно, что на все свои тайные предложения он получил от королевы лишь гарантию безопасного проживания в Англии. Казалось бы, хорошо? Да – но только в том случае, если бы его просьбы ограничивались «видом на жительство». Ясно, что это было не так.

Вообще, начиная с 1566 во многих документах (см. ниже), как с той, так и с другой стороны, устойчиво фигурирует упоминание о некоем «сверх-тайном предложении» Грозного к королеве. Причём это отнюдь не просьба убежища, которая рассматривалась как «менее тайная» и упоминалась относительно открыто. Тем более, что данная просьба к началу 1570 была удовлетворена настолько полно, насколько это вообще было возможно.

И тем не менее Грозный раз за разом пытается вернуться к обсуждению некоего своего «предложения». Утверждая, что определённого ответа ему дано так и не было. Королеву же это откровенно удивляет и даже отчасти забавляет, поскольку она искренне убеждена, что уже дала более чем определённый ответ.

Но Грозный продолжает упорствовать, на чём-то неназываемом настаивает, на что-то туманно намекает, требует ещё раз хорошенько всё обдумать, грозит, сулит все сокровища мира и т.п. и т.п.

Подобный тип поведения в высшей степени характерен для неудачного сватовства. Отвергнутый жених, чья мужская гордость глубоко уязвлена, просто не может поверить в отказ – при этом другая сторона, не желая скандала, раз за разом облачает свой отказ в более-менее (но с каждым разом всё менее) дипломатичные формы.

В данном же случае ситуацию осложняло ещё и то, что и само исходное предложение Грозного (заранее, согласно Горсею, предупреждённого о возможности от-

каза) скорее всего было сформулировано туманно и размыто – в форме «предварительного прощупывания ситуации» – что давало возможность в случае чего дать задний ход. Ведь именно в такой манере и будет протекать следующая брачная английская эпопея Грозного 1582 (что хорошо задокументировано).

И ещё одна говорящая деталь. В тексте грамоты Елизаветы от 18 мая 1570, предоставляющей Грозному «вид на жительство» в Англии, королева как-то уж особенно напирает на то, что его ждут в Англии вместе «с супругою вашею и с вашими любезными детьми». Нарочитость этого пассажа ещё больше укрепляет в мысли, что перед королевой на тот момент во весь рост стоит проблема спустить на тормозах сделанное ей брачное предложение. Предложение, кстати, от человека уже женатого (на Марии Темрюковне с Северного Кавказа).

Общая картина всего этого такова. В районе 1566 года Грозным было сделано брачное предложение королеве Елизавете (с той или иной степенью определённости). Активная фаза «обмена мнениями» на этот предмет длилась до 1570 (что удивительным образом совпадает с активной фазой Опричнины), когда стал, наконец, ясен окончательный отказ. Тем не менее, ещё около 5 лет эта тема периодически всплывала. Пока 15 июля 1576 молния не убила английского посланника Сильвестра, везшего царю от королевы по всей видимости уже прямой (раз не понимает) отказ. Грозный воспринял это, как божественное предупреждение, и оставил свои английские брачные планы. Впрочем – только на время.

Прямых же свидетельств о сватовстве Грозного к Елизавете сохранилось два. Одно принадлежит всё тому же Горсею, другое – русской летописи («Псковская 3-я»). Напомню, что Горсей лично знал обоих фигурантов и имел с обоими доверительные отношения. Так что где-где, а уж тут-то он знал, о чём говорил.

Итак, документы:

1570

[Псковская 3-я летопись]

«В лето 7078-го года (1570)... Последи же и самого [Ивана Грозного] приведе наконец **еже бежати в Аглинскую землю и тамо женитися**, а свои было бояре оставшие побити.»

(Ссылку см. выше, тот же отрывок)

Грозный в который раз напоминает Елизавете, что она знает «что именно» он от неё хочет, и что только «это одно» ему от неё и нужно:

1574, 20 августа

[Иван Грозный – Елизавете]

А похочеш нашии к себе любви и дружбы большии и ты б о том себе помыслила и учинила которым делом тебе к нам любов своя умножити.

(«Письмо Ивана Грозного к Елизавете от 20 августа 1574», в нём же упоминается некое неназываемое предложение, передававшееся с Дженкинсоном в 1567. Толстой, Грамота № 36, с. 152-153)

Елизавета говорит, что на некое неназываемое предложение Грозного она уже дала вполне определённый ответ. Но если до царя никак не доходит, она может сказать то же самое ещё раз – но только устно, через посла (подразумевая, что ничего на эту тему поверять бумаге она не будет):

1575, май

[Елизавета – английскому посланнику]

Он [Грозный] высказал немалое огорчение по поводу весьма тайного поручения, давно присланного к нам с <...> Антоном Дженкинсоном, на что мы дали ответ года три тому назад («a three years paste»). <...>

Он находит, что не получил прямого ответа, <...> нам кажется это весьма странным. <...> Несмотря на это, для его удовлетворения, вы объявите самолично ему, но не кому либо другому, то, что мы изустно («by word of mouthe») вам сообщили. <...>

(«Наставления данные королевой Елизаветой посланнику Сильвестру в мае 1575 при посылке его к царю Русскому», оригинал на англ., Толстой, Грамота № 38, с. 161, 163)

Царь продолжает всё настаивать. Данный документ интересен тем, что в нём Грозный идёт дальше, чем обычно, в определённости выражения своих брачных намерений. Он прямо заявляет, что в случае, если королева согласится «она знает на что», то всё Российское царство окажется в полном её распоряжении:

1576, 29 января

[Отчёт английского посла Сильвестра о разговоре с Иваном Грозным]

Моё возражение:

Ваше величество весьма недовольны ответами её величества королевы, моей государыни. А потому не угодно ли <...> объявить <...> причину.

Его ответ:

Неудовольствие <...> состоит в неискренности ответов <...> и в сомнениях и недомолвках <...> Впрочем, мы ещё подождём <...> решения [королевы] – либо полного согласия, либо решительного отказа. <...>

Мы говорим тебе на нашем языке [русском], зная, что он также хорошо тебе известен, как твой собственный [английский], и потому выслушай внимательно речь, которую мы поручаем твоей памяти. – Если бы сестра наша вела себя с нами <...> столь же дружески, как мы того ожидали, по истине вся наша русская страна была бы в её распоряжении («at her pleasure») столько же, сколько Англия; ей столь же вольно было бы потребовать <...> всякую вещь отсюда, как бы из её собственной казны

или сокровищницы; наконец все государство состояло бы в её повелениях («had bene at her commaundement»). <...>

(«Разговор царя Русского со мною, Даниилом Сильвестром, в его Московском городе 29 января 1576», сам разговор шёл на русском, оригинал отчёта написан на англ., Толстой, Грамота № 40, с. 184-185)

Резюме Горсей. Как всегда – коротко и ясно:

[1570]

Беспокоясь о том, как бы избежать участи своих жертв, он [Иван Грозный] подробно расспрашивал Элизиуса Бомелиуса <...> сколько лет королеве Елизавете, насколько успешным могло бы быть его сватовство к ней. И хотя он имел причины сомневаться в успехе, <...> он решился на эту попытку.

(Горсей, с. 63)

[1566-1581]

Царь не оставлял своего намерения относительно Англии. И хотя его имущество и решение были готовы, но ни его посол Андрей Совин не смог выполнить его поручения (так как не понял своего поручения из-за неясности устного наказа, не написанного на бумаге, как это обычно делается), ни м-р Дженкинсон, ни м-р Томас Рандольф в своих переговорах, хотя и досконально понимали [о чем идет речь], не смогли ни продвинуть, ни завершить это дело. <...> Сам он не сумел сохранить дело в тайне, и вскоре <...> царевич Иван и его любимцы и бояре узнали об этом. Заметив это, царь решил успокоить их и женился снова, на пятой жене, дочери Федора Нагого.

(Горсей, с. 68)

В последнем отрывке Горсей «склеивает» в один эпизод две разные брачные эпопеи Грозного – сватовство к Елизавете 1566-1576, и другое его сватовство к другой англичанке в 1582. Об этом втором я сейчас и расскажу.

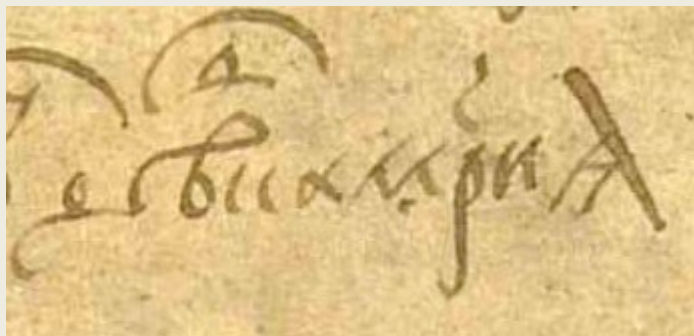
Соломинка

На дворе весна 1582. Сын Иван уже собственноручно убит. Сын Дмитрий ещё не рождён. Самому царю жить остаётся меньше двух лет.

Но ведь весна же! Гулять так гулять. И Грозный решает жениться-таки на англичанке.

Даром что он уже женат на Марии Нагой – шестой или седьмой жене по счёту, точно уже никто не помнит. Подумаешь, будет восьмая.

На этот раз никаких осечек быть не должно. В Лондон снаряжается специальное посольство (разумеется, секретное) с единственной целью – заручиться согласием на брак с Иваном Грозным племянницы королевы, Марии Гастингс («девки Марии», как простодушно написано в «Отпуске послов») – и при этом постараться не только не сделать официального ей предложения, но и вообще не объявить цели своего визита.

[Илл. 06-08-01-1. Там же, л. 5 об. «Девка Мария».]

Как это себе царь представлял, трудно понять. Впрочем, тут не надо пытаться ничего понимать. Грозный находился уже на той стадии, которую одни называют вершиной его государственного правления, а другие – стадией полного клинического распада личности. Подразумеваю под этим примерно одно и то же.

Данная попытка Грозного жениться на англичанке больше похожа на попытку ухватиться за соломинку, прилипшую к подножке давно ушедшего поезда.

Утилитарный характер этого брака был столь очевиден, что это даже и не пытались скрывать. Невеста – всё равно какая, условия – всё равно какие, лишь бы согласилась. Англия, она и в Африке – Англия.

Судя по всему, Грозный действительно уже не понимает всю комичность своего положения. Зато королева развлекается вовсю. Сначала она лукаво заявляет послу, что племянница её-де не настолько уж и хороша, так что она боится, что «государь её не полюбит». Потом – что та больна и не может предстать пред светлыми очами посла. Потом ещё что-то. Потом, наоборот, играя на контрасте ожиданий, показывает послу свою племянницу во всём её возможном блеске. Но не даёт её портрета. Потом даёт... – и так далее.

Всё катилось по знакомому кругу. Московские послы в очередной раз привезли королеве очередной запрос на эмиграцию Грозного в Англию, и в очередной раз повезли в Москву подтверждение такой возможности.

В Москве же все, кто способен ещё был что-либо понимать, поняли: с этим надо что-то делать. И сделали. В марте 1584.

Данный эпизод сватовства Ивана Грозного к Марии Гастингс документирован, я бы сказал, даже избыточно. Имеются полные «Отпуски послов», инструкции, простые отчёты, тайные отчёты. Так что читаем первичку:

1582, лето

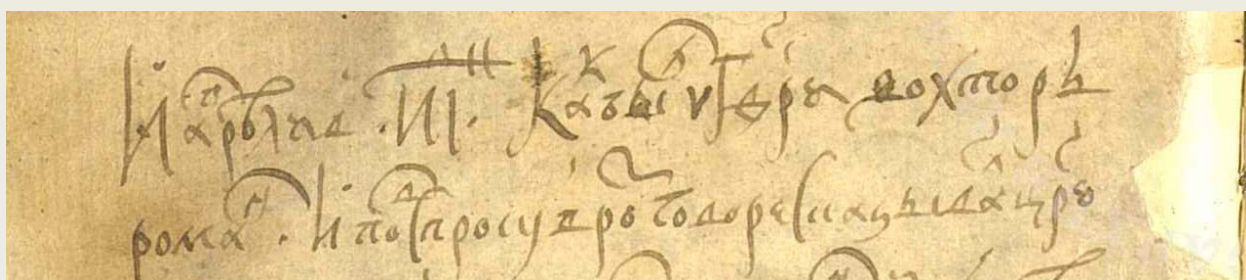
[Посылка в Англию посольства Писемского]

«Отпуск в Англию в послах дворянина Фёдора Писемского и подьячего Ховралева для <...> разведения о племяннице её [королевы] княжне Марии Хантис»

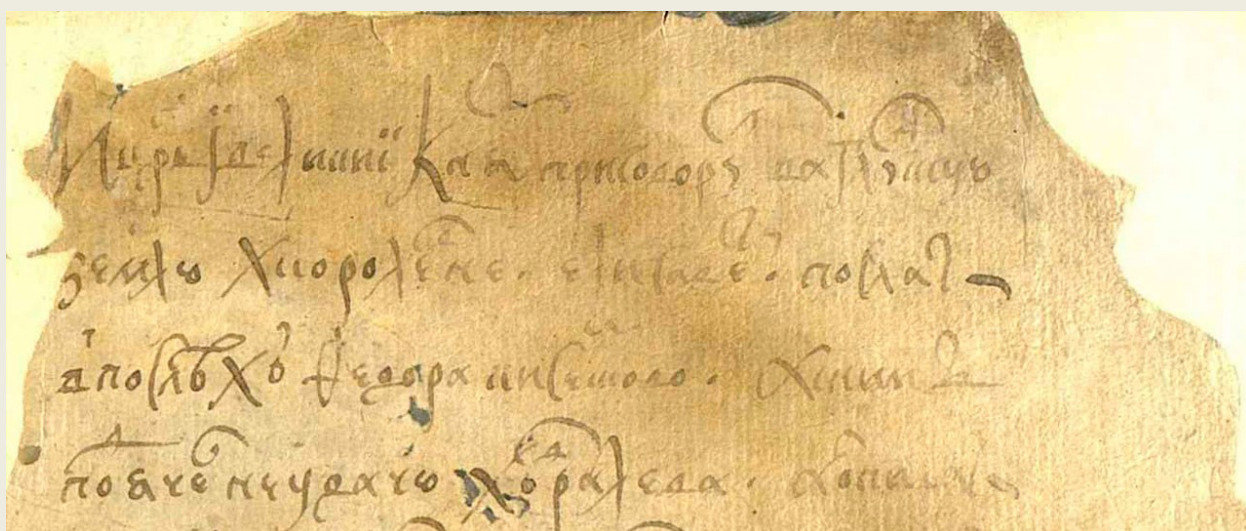
Апреля в 18 день [1582 года] <...> у государя дохтор Роман <...> сказывал, <...> что есть в Аглинской земле уделного князя дочь девка Мария, а королеве де она племянница.

И царь <...> приговорил в Аглинскую землю к королевне Елизавете послать <...> Фёдора Писемского, а с ним подьячего Неудачу Ховралева; <...> а про ту девку к королеве <...> написать тайно, чтоб королевна <...> ту девку государеву послу Фёдору Писемскому показала, и лице её парсону (портрет) написав, к государю прислала, <...> и государь тогда <...> королевне известит о той девке для какого дела то надобно.

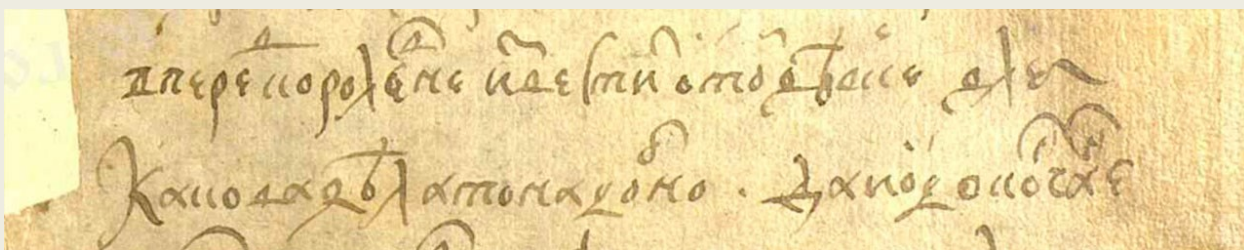
(«Отпуск в Англию в послах дворянина Фёдора Писемского...», «Книга Посольского приказа. Реестр Английского двора 1581-1589», РГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 1, л. 4-5 об. Опул.:Сборник ИРИО, т. 38, с. 3)

[Илл. 06-08-02-1. Там же, л. 5 об.]

[Илл. 06-08-02-2. Там же, л. 6. Фрагмент 1.]

[Илл. 06-08-02-3. Там же, л. 6. Фрагмент 2. «...королевне известит о той девке для какого дела то надобно».]

А вот инструкция послу Фёдору Писемскому. Сначала попробовать провести смотрины невесты, не объясняя никаких тому причин. Если не получится, то только в этом случае признаться, что смотрины нужны в целях сватовства Ивана Грозного за Марию Гастингс. На возможное возражение (если только оно возникнет), что Грозный и так уже женат – объяснить, что это вообще не проблема – если что, от текущей жены Грозный тут же избавится и возьмёт на её место Гастингс, в России это всё решаемо.

1582, лето

[Инструкция Писемскому]

И буде ему королевна велит говорить перед собой и перед своими советниками <...> – Фёдору тогда молить, чтоб ему велела королевна у себя быть наедине, <...> а перед всеми советниками такого великого дела говорить не можно. <...>

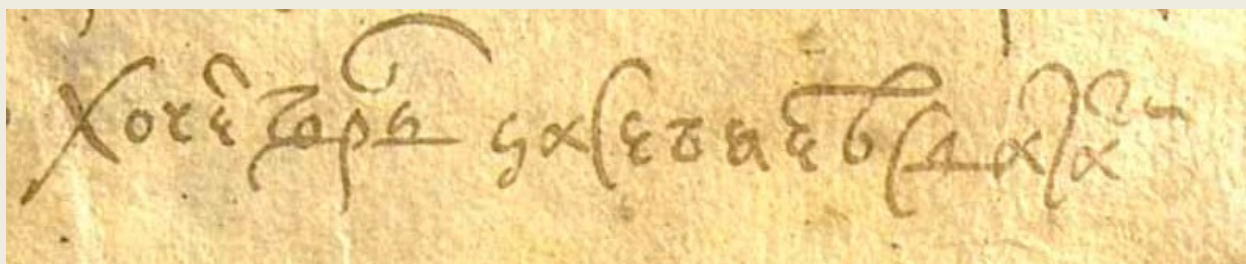
[И велено Фёдору передать следующие слова царя королеве]: «Ты бы <...> свою племянницу нашему послу Фёдору показать велела, и парсону б еси её написав, к нам прислала и на доске и на бумаге для того, что если она пригодится к нашему государеву чину, то мы с тобою <...> о том деле учнём делать, как будет пригоже.»

И буде Фёдору ту девку королевна Елизавет показать велит, и Фёдору её высмотреть накрепко: какова ростом, столь велика? и какого обличья, бела ли или смугла?

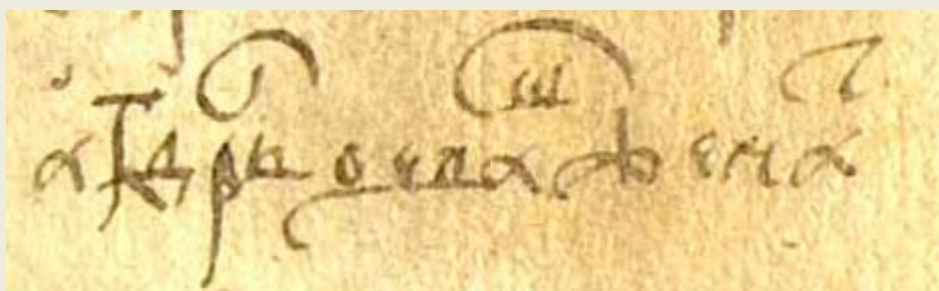
А буде королевна Елизавета спросит: «Для какого дела?» <...> – то Фёдору отвечать: «Государь <...> послал меня <...> девку видеть и лицо её в меру велел <...> привезти; и посмотрев тогда, если она пригодится государю, то хочет государь за себя её сватать. <...>

А буде учнут говорить: <...> «А государь де ваш женат!» <...> То Фёдору отвечать так: <...> «Государь взял за себя <...> [всего лишь] боярскую дочь, а не по себе. Так что если королевнина племянница будет дородна и того великого дела достойна, то Государь наш <...>, свою оставя, зговорит [посватается] за королевнину племянницу.» <...>

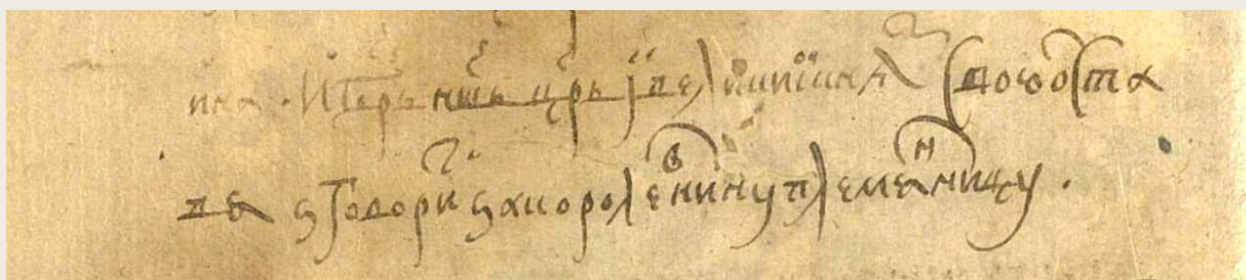
(«Память послу <...> Фёдору Ондреевичю Писемскому», Документы по посольству Писемского. Сборник ИРИО, т. 38, с. 4-6)

[Илл. 06-08-03-1. Там же, л. 10. «...хочет государь за себя её сватать».]

[Илл. 06-08-04-1. Там же, л. 11. «А государь де ваш женат».]

[Илл. 06-08-05-1. Там же, л. 11 об. «...свою оставя, зговорит за королевнину племянницу».]

Смотринами невесты посол Писемский остался доволен. Внешность описана им, в меру способностей, максимально подробно («пальцы тонки и долги»). Портрет невесты («парсона») им также был получен.

1583, осень

[Отчёт Писемского]

Месяца января в 18 день [1583] королевна Елизавета велела быть у себя. <...> И Фёдор говорил: «Государь [велел передать], что есть у тебя <...> племянница, а имя её Мария Хантин. И ты бы <...> послу нашему Фёдору ту девицу показала и парсон её велела написать, и прислала бы к нам с Фёдором. А буде она пригодится к нашему <...> чину, и мы о том деле будем с тобой говорить, как будет пригоже».

И королевна Елизавета говорила: «Слышала, что государь ваш любит красных девиц, а моя племянница не красна, и чаю, государь ваш её не полюбит, <...> а лицо её написать <...> стесняюсь («соромлюсь»), потому что она не красна <...> и лежала воспицею, и лицо её красно и ямовато.» <...>

Мая в 17 день [1583] <...> князь Томос сказал Фёдору: «Смотри хорошенько («высмотри гораздо»), королевна велела тебе показать свою племянницу не в темном месте, не в коморе, не в полате – а на свету.» <...>

[По результатам смотрин, Фёдор сообщает, что] Мария Хантис ростом высока, тонка, лицом бела, очи серы, волосом руса, нос прям, у рук пальцы тонки и долги.

И королевна Фёдору говорила: «Племянницу еси мою высмотрел ли?» И Фёдор говорил: «По государеву наказу и по твоему велению смотрел племянницу твою.»

(«А се таков список посольства тайного подал государю Фёдор Писемской», Документы по посольству Писемского. Сборник ИРИО, т. 38, с. 65, 68-69)

Подводит итог, как всегда, Горсей:

[1582]

Теперь [после убийства им своего сына Ивана] царь более чем когда-либо был озабочен отправкой в Англию посольства для переговоров о давно задуманном браке. Оно было поручено Федору Писемскому <...> который должен был совещаться с королевой и просить у нее руки леди Мэри Гастингс. <...> Царь слышал об этой леди, что она доводится родственницей королеве и, как он выразился, принадлежит к королевской крови. Послам было приказано просить её величество прислать для переговоров об этом достойного посла. <...>

[Королева] приказала предоставить им [Писемскому и Ховралёву] возможность увидеть леди, которая в сопровождении назначенного числа знатных дам и девушек <...> явилась перед послом в саду Йоркского дворца. <...> Посол в сопровождении свиты из знати и других лиц был приведен к ней, поклонился, пал ниц к её ногам, затем поднялся, отбежал назад, не поворачиваясь спиной, что очень удивило её и всех ее спутников. Потом он сказал через переводчика, что для него достаточно лишь взглянуть на этого ангела, который, он надеется, станет супругой его господина. <...> Впоследствии её близкие друзья при дворе прозвали её «царицей Московии».

(Горсей, с. 81)

Флетчер

Доктор Джайлс Флетчер (Giles Fletcher) – поэт, учёный, гуманист, отец поэта Джайлса Флетчера и родной дядя поэта и драматурга Джона Флетчера. Так что поэтов Дж. Флетчеров много. О последнем я скажу позже, а о первом пойдёт речь прямо сейчас.

Джайлс Флетчер-старший в 1588 возглавил очередное английское посольство в Москву – разруливать очередной коммерческий конфликт между английской Московской компанией и собственно московскими властями.

За год, проведённый Флетчером в Москве решить удалось далеко не всё. Но в данном случае это не столь важно.

В качестве посла, Флетчер взял под защиту и вывез в Англию Джерома Горсея (у которого намечались здесь большие неприятности), а также ещё одного англичанина, сотрудника Московской компании, которому он оказал этим неоценимую услугу.

Но главным результатом этого посольства стала абсолютно беспрецедентная по глубине и широте охвата книга Флетчера о России.

Полное её название: «Of the Russe common wealth. Or, Maner of governement of the Russe emperour, (commonly called the Emperour of Moskovia) with the manners, and fashions of the people of that countrey», 1591, London.

В 28 главах этой книги Флетчер в систематизированном виде дал исчерпывающие сведения о Московии, сопровождаемые блестящим анализом положения дел во всех мыслимых областях.

Тот же неуёмный Джером Горсей впоследствии утверждал, что по некоторым вопросам русской жизни именно он консультировал Флетчера. Что ж, чисто технически это было возможно – беря в расчёт долгое совместное путешествие Флетчера с Горсеем, а также феноменальную способность Горсея располагать к себе людей в личном общении.

Но какие бы ни были информационные источники Флетчера (а их было, как у любого фундаментального труда, множество) – книга по своему уровню далеко опередила своё время. Да и многие последующие времена тоже.

Я бы даже сказал больше. Тот уровень проникновения в суть проблем, который показал Флетчер в своём труде, в сочетании с прозрачностью изложения и чёткостью мысли – этот уровень русистики остался никем не превзойдённым до сих пор.

Как это Флетчеру удалось? Честно, не знаю. Поэтическое озарение – вспышка, способная мгновенно пронзить когерентным эмоциональным импульсом многие кальпы глухого времени и килопарсеки тёмного пространства? Разве что так.

Собственно, это и имеют ввиду, когда говорят о «тайне поэзии», а не сложность строчек, типа «Люблю грозу в начале мая // та-та-та-та из-под сарая».

В любом случае, книга Флетчера получилась такой, что я бы ввёл её в обязательную школьную программу, если это ещё не сделано. Старшеклассники должны учить избранные места наизусть, писать по этой книге сочинения, а студенты – сдавать зачёты. Потому что о многих важнейших вещах нашей жизни сказать лучше и яснее Джайлса Флетчера не смог никто. Боюсь, это даже и невозможно.

Цитировать книгу Флетчера хочется целиком. Но я вынужден ограничиться здесь лишь несколькими короткими фрагментами.

Тут нужно понимать ещё вот что. Флетчер видел страну спустя пять лет после смерти Ивана Грозного. Однако, тяжёлое наследие его правления на тот момент ни в коей степени не было преодолено. Так что предметом описания и анализа является по факту именно грозненская Россия.

Приводимые цитаты я слегка сократил и объединил по темам, убрав из них повторы и некоторые избыточные, на мой вкус, разъяснения. В скобках после каждой цитаты указана глава.

Итак, Джайлс Флетчер, «Of the Russe common wealth»:

Государственное устройство:

И само государство, и форма в нём правления здесь полностью тиранические – всё здесь служит исключительно интересам одного только царя, причём в максимально открытой и варварской форме. (7)

Все основные государственные решения принимаются исключительно царём и полностью подвластной ему Думой (Counsell under him). Окончательные решения по всем законам и постановлениям принимаются раньше, чем по этому поводу собирается какое-либо собрание, и раньше любого публичного их обсуждения. (7)

Кроме своей Думы, царю не с кем советоваться, <...> за исключением <...> епископов, архимандритов и монахов – и то для того только, чтобы воспользоваться суеверием народа (притом всегда к его вреду), который считает святым и справедливым всё что ни сделано с согласия <...> духовенства. Вот почему цари потворствуют ему милостями и привилегиями, <...> ибо они знают, что суеверие и лжеверие лучше всего согласуются с тираническим правлением и, более того, необходимы для его поддержания. (7)

Что касается до городских жителей и других слоёв населения, то их не допускают в сферу принятия решений, так как простые люди считаются там не лучше рабов, которые должны повиноваться, а не издавать законы, и не имеют права ничего знать о делах общественных (publike matters) до тех пор, пока всё не будет решено и принято. (8)

Князья и дьяки определяются на места самим царем и в конце каждого года обычно сменяются. <...> Население в ещё большей степени не доверяет им и ненавидит их за то, что <...> являясь каждый год свежими и голодными (fresh and hungrie), они мучают и обируют его. <...> Главные начальники Четвертей не обращают внимания на такие поступки [правителей на местах], для того, чтоб в свою очередь обирать их самих <...>, когда потребуют от них отчета. <...> И потому те во время своего правления стараются нагрabить столько, чтобы можно было поделиться и с царем, и с управляющим Четвертью, и кроме того оставить хорошую частичку и для себя. (10)

Угнетение и рабство так здесь явны и так резки, что надобно удивляться, как и элита (Nobilitie), и народ это терпят. <...> (10)

Трудно ожидать изменения образа правления в России в настоящем её состоянии. Во-первых, там нет никого из числа элиты, кто бы мог возглавить [перемены]. <...> Кроме того, власть на местах раздроблена <...> поскольку в каждую большую область назначено по несколько управляющих, и время, на которое они назначаются, весьма ограничено. Таким образом, никому невозможно сколько-нибудь усилиться.

Что касается до простого народа, <...> то, кроме отсутствия оружия и неопытности в военном деле (от которого его специально отстраняют), у него беспрестанно отбивают желание инициативы и отбирают деньги – в пользу государства и царя <...>, иногда под предлогом каких-нибудь общественных надобностей, а иногда и вовсе не ссылаясь даже ни на какую потребность.

Итак, ни элита, ни население не имеют возможности отважиться на перемены (innovation) до тех пор, пока вооружённые силы (militarie forces) <...> будут <...> лояльны царю. <...> А они будут таковыми <...> потому, что пользуются полной свободой <...> грабить население по своему произволу, что им специально дозволяется для того, чтоб им нравилось настоящее положение дел.

Так что единения армии и народа (Souldiers and commons) опасаться власти не следует, ибо интересы их слишком между собою различны.

Это безнадёжное положение дел внутри государства заставляет народ <...> желать вторжения какой-нибудь иностранной державы (wishes for some foreign invasion), которое, по мнению народа, одно только может избавить страну от тяжкого ига тиранического правления. (10)

Методы наполнения бюджета:

[Царь] не препятствует насилиям, поборам и всякого рода взяткам, которым <...> должностные лица подвергают население, <...> но позволяет им всё это до окончания срока их службы; <...> потом предъявляет

им обвинение <...> и вымучивает из них всю или большую часть награбленной ими добычи <...> и обращает её в царскую казну – при этом никогда не возвращая ничего настоящему владельцу. (12)

[Царь] время от времени показывает публичный пример строгости к должностным лицам, <...> дабы люди могли думать, что царь негодует на притеснения, делаемые народу; таким образом он сваливает всю вину на <...> чиновников (officers). (12)

В областях, <...> где производится тот или иной важный продукт (special commodities), <...> забирают целиком такой продукт <...> по дешевой цене, какую власти назначат, а потом продают его по высокой цене как своим, так и иностранным торговцам, а если они отказываются, то принуждают их к тому силой. (12)

Таким же образом присваивают иностранные продукты, <...> привозимые <...> польскими, английскими и другими коммерсантами, и потом принуждают своих купцов покупать это у царских чиновников по цене, назначенной ими самими. (12)

Во всех больших городах устроены <...> питейные дома. <...> С них царь получает оброк. <...> Работник <...> проматывает там всё имущество, и жену и детей своих. <...> Это делают они (по словам их) во славу <...> царя. <...> И пока они сидят в кабаке (Saback), никто и ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского богатства. (12)

Экономика:

Упадок в торговле <...> вызван тем, что и купцы, и мужики <...> обременены <...> невыносимыми налогами. Не будучи обеспечены в собственности, они <...> мало заботятся о бережливости и ничем не запасаются. (12)

Что касается до земель, движимого имущества и другой собственности, то всё это принадлежит людям только по названию и на самом деле несколько не ограждено от хищничества и грабежа как высших властей, так и рядовых дворян, чиновников и военных. (13)

Чрезвычайные притеснения, которым подвержено рядовое население, лишают его вовсе желания заниматься своими промыслами, ибо чем человек зажиточнее, тем больше опасность у него лишиться не только своего имущества, но и жизни. Если у кого и есть какая собственность, то он старается скрыть её, <...> иногда зарывая в землю в лесу, как обыкновенно делают это при вражеском нашествии (in feare of forreine

invasion). Этот страх простирается в них до того, что <...> они пугаются, когда кто-нибудь из властей узнаёт о товаре, которым они собираются торговать. (13)

Я нередко видел, как они, разложив товар свой <...> всё оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтоб их не настиг и не захватил враг (enimie). Когда я спросил, почему они это делают, то узнал, что они боятся, как бы среди покупателей не оказалось кого-нибудь из государственных служащих. (13)

А потому народ <...> предаётся лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания. <...> Народ, будучи стеснен и лишаем всего, что приобретает, теряет всякую охоту к работе. (13)

Образование:

Их специально стараются отвратить [от любых знаний] для того, чтобы легче было удержать в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся, и чтобы у них не появилось ни желания, ни умения решиться на какие-либо нововведения (attempt innovation). (13)

С тою же целью им не позволяют путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не познакомились с их обычаями. (13)

Вы редко встретите русского путешественника, разве только с посольством или беглого; но бежать отсюда очень трудно. <...> По той же причине не дозволено у них иностранцам приезжать в их государство из какой-либо цивилизованной державы иначе, как по торговым делам. (13)

С этой целью, в нынешнем 1589 году они обсуждали вопрос <...> о переводе всех иностранных купцов <...> в пограничные города, <...> дабы они не завезли к ним лучшие обычаи, <...> нежели какие они привыкли видеть у себя. (13)

[Русские люди] обладают хорошими умственными способностями, но не имеют, однако, тех возможностей, какие есть у других народов, для развития этих задатков с помощью образования. Конечно, они могли бы заимствоваться в этом <...> у поляков; <...> но они уклоняются от них из тщеславия (very self pride), <...> Отчасти причина этому <...> в том, <...> что образ их воспитания (чуждый всякого основательного образования и гражданственности) признаётся их властями, как самый лучший для их государства и наиболее согласный с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил хоть какое-то образование. (28)

С этою целью цари уничтожают все средства к улучшению образования и стараются не допускать ничего иностранного, что могло бы изменить местные обычаи. Такие действия <...> налагают особый отпечаток на <...> национальный характер. Видя грубое и жестокое обращение с собой <...> должностных лиц, <...> они так же бесчеловечно поступают и друг с другом, особенно со своими подчиненными и низшими. Так что самый <...> убогий крестьянин <...> унижающийся и ползающий перед дворянином, <...> делается отвратительным тираном, как скоро получает над кем-нибудь хоть малейшую власть (advantage). (28)

Жизнь человека не стоит здесь ни чего. Часто грабят прямо на улицах, когда кто запоздает вечером, но на крик ни один человек не выйдет из дому подать помощь, хотя бы и слышал призывы о помощи. (28)

Что касается до верности слову, то русские большей частью не ставят её ни во что, как скоро могут что-нибудь выиграть обманом и нарушить своё обещание. <...> От велика до мала (за исключением весьма немногих, которых очень трудно отыскать) всякий русский не верит ничему, что говорит другой, но зато и сам не скажет ничего такого, на что бы можно было положиться. Эти свойства делают их презренными (very odious) в глазах всех их соседей, особенно татар, которые считают себя гораздо честнее и справедливее русских. (28)

Ну и, конечно:

Икру (Iskary or Cavery) добывают в большом количестве на реке Волге (Volgha) из рыб: белуги, осетра, севрюги и стерляди. Французские, нидерландские и отчасти английские купцы отправляют много икры в Италию и Испанию. (3)

Разумеется.

Народ против Антония Мерша

При том, что вся эта часть книги называется «Лоция Мерша», у нас до сих пор не было ни «лоции», ни «Мерша». И вот теперь, наконец, появляется Мерш. А там, глядишь, и лоция подтянется.

Антоний Мерш (Anthony Marsh, он же Онтон Иванов) – этот тот самый англичанин, которого Джайлс Флетчер летом 1589 вывез из Москвы в Лондон – помните? Должность: бывший служащий «Московской компании». Профессия: предприниматель.

Первый известный мне след Мерша в России относится к весне 1580, когда он, в низовой должности «слуги компании» (servant), засветился в качестве сопровождающего каравана с персидскими товарами, отправленного по Волге из Астрахани в Ярославль (Отчёт о путешествиях в Персию Кристофера Бэрроу, запись от 29 апреля 1580. Hakluyt 1599, т. 1, с. 421)

The 29. of April Amos Riall, and Anthony Marsh, the companies seruants were sent from Astracan by the said factors, by the riuer Volga to Yeraslaue, with letters of aduise to be sent for England, and had order for staying the goods in Russia that should come that yeere out of England for mainteining the trade purposed for Persia, vntill further triall were made what might be done in those parts.

[Илл. 06-10-01-1. Запись Кристофера Бэрроу об Антонии Мерше от 29 апреля 1580. Хаклюйт, 1599, т. 1, с. 421.]

Следующий раз мы видим Мерша в России два года спустя, в момент прибытия его из Англии в Холмогоры (3 июля 1582) вместе с очередной грамотой королевы Елизаветы к Ивану Грозному – в самом начале эпопеи сватовства последнего к племяннице королевы (ИРИО, с. 8).

Полагаю, что именно при передаче этой грамоты Мерш и выправил себе царское разрешение вести персональную (а не только от лица Компании) торговлю «в Астрахани и на Печере» (Толстой, №№61, 63)

Но в основном Антоний Мерш известен миру в связи в серьёзным коммерческим скандалом между «Московской компанией» и московскими властями, разразившимся в мае 1586.

Скандал получился громким и затяжным, дело поднялось на уровень королевы, так что в 1588 специально для его урегулирования в Москву был прислан королевский посол Джайлс Флетчер (а вовсе не для написания своей эпохальной книги). Отдельные отзвуки этого дела можно слышать ещё в августе 1590 (Толстой, №73), так что данный скандал полыхал по факту больше четырёх лет.

При упоминании этого дела обычно ограничиваются сообщением, что оно было «сложным и запутанным», и что во всём был виноват Мерш. При этом, похоже, что за все 430 лет данное дело так ни разу и не было рассмотрено по-существу. Попробуем это, наконец, сделать – благо документов по нему сохранилась больше сотни листов.

Техническое замечание. Везде, где ссылку на те или иные материалы дела я даю одним только номером страницы (например: с. 1), я имею ввиду «Сборник ИРИО, т. 38, 1883», в котором эти материалы впервые были опубликованы. Сами подлинники исходных документов также сохранились (РГАДА, ф. 35, оп.1, док. 1), однако сверяться в случае чего удобнее по опубликованной расшифровке. Впрочем, особо яркие места я покажу также и в оригинале.

Итак, «дело Мерша».

Для начала надо чётко зафиксировать, что это в чистом виде «спор хозяйствующих субъектов», так что речь пойдёт исключительно об арбитражном суде.

Вторая специфика дела состоит в том, что в нём имеется как минимум 7 (семь) разных сторон, каждая из которых имеет свои формальные претензии, свои скрытые интересы, ведёт свою линию, вступает во временные альянсы с другими сторонами против третьих, уже по ходу процесса расторгает эти альянсы, меняет показания, отказывается от обвинений, выдвигает новые и т.п.

Стороны тут такие:

- 1) Антоний Мерш (в двух ипостасях: как служащий Московской компании, и как частное лицо);
- 2) Джером Горсей (начинавший как сообщник Мерша [Lansdowne, MS CXII, f. 133, i. 11-12], продолживший его обвинителем, а потом представлявший себя его заступником);
- 3) Служащие Московской компании (на первый случай их можно не разделять; будем считать, что они представляют единые интересы Компании);
- 4) Русские предприниматели (более дюжины, каждый сам по себе – вроде бы);
- 5) Русское государство (представленное интересами казны);

И последние две стороны, которые особенно интересны, поскольку представлены высшими должностными лицами государства, выступающими однако в этом деле как частные лица, а именно:

- 6) Борис Годунов (фактически царь, в данном деле – инвестор);
- 7) Андрей Щелкалов (глава Посольского приказа; его возможное участие в деле всплыло на позднем этапе разбирательства).

Имеется множество и других интересных интересантов (например, тот же Богдан Бельский, главный любимец позднего Грозного, с. 243), но уж не будем мельчить.

Началось всё с того, что 14 мая 1586 у большой группы русских купцов на руках вдруг разом обнаружились долговые расписки («кабалы»), на суммы по несколько сот рублей каждая, подписанные Антонием Мершем и датированные 1584-1585 (с. 204). При этом предъявлены расписки были к оплате не физическому лицу (Мершу), а лицу юридическому – английской «Московской компании». На том основании, что Мерш является сотрудником Компании и якобы брал кредиты от её лица.

Компания (в лице сотрудников её Московского представительства) в ответ заявила, что ничего об этих кредитах не знает и оплачивать личные долги Мерша не собирается. Началось разбирательство.

Сейчас можно с уверенностью утверждать, что зёрна правды содержались в утверждениях всех сторон, и при этом все стороны в чём-то существенном лукавили.

В целом сами факты кредитования Мерш не отрицал. Но настаивал, что действовал от лица и по поручению Компании и эти деньги шли на общие расходы. Однако, при этом он предпочитал не распространяться, что всё это время параллельно держал также и собственное дело.

В свою очередь сотрудники Компании утверждали, что Мерш не является её сотрудником, ведёт собственный бизнес (с. 211) и в Английском дворе не проживает (главный признак служебной принадлежности). Однако при этом «забыли» уточнить, что на то время, когда Мерш брал кредиты, он сотрудником Компании именно что являлся, в Английском дворе проживал, и съехал оттуда буквально только что (с. 212).

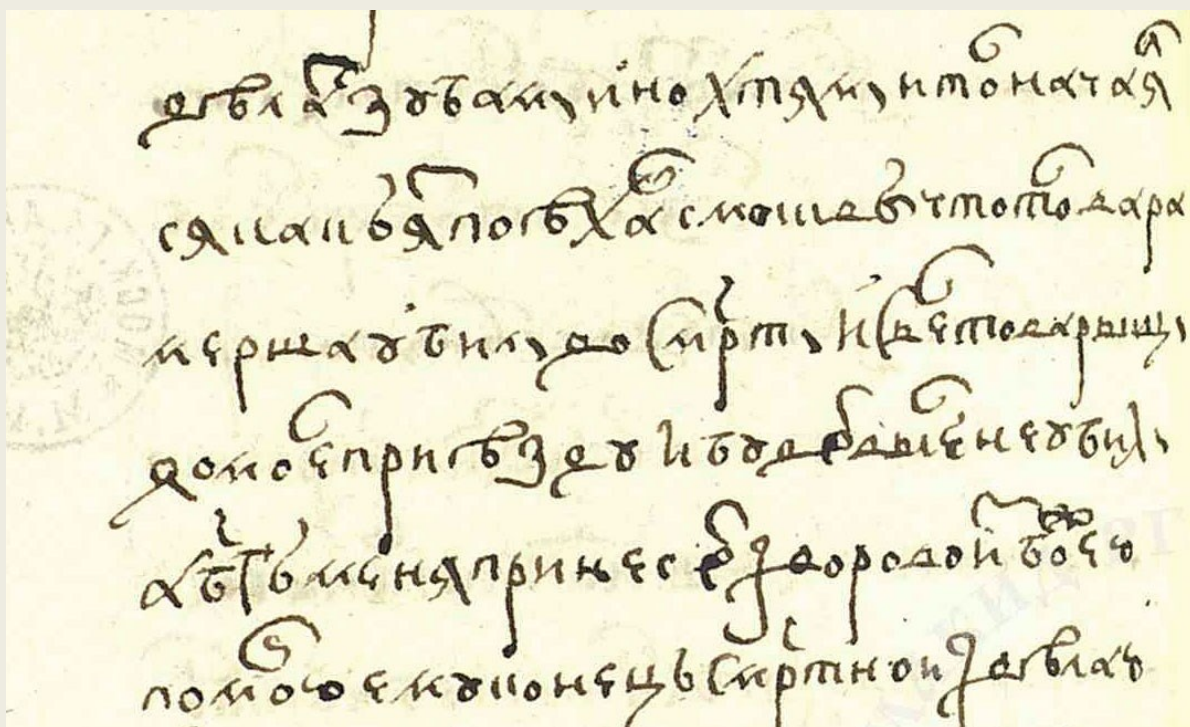
Русские купцы утверждали, что хотя расписки им выдавал Мерш, но деньги они давали именно для Компании, а иногда и буквально в руки другим сотрудникам Компании (а не Мершу, с. 210), и что подобные деловые взаимоотношения с «Московской компанией» ранее были в порядке вещей (один получает деньги, другой подписывает, третий отдаёт долг и т.д.). И что Мерш, мол, подписывал всё потому, что он единственный из них «умел по-русски писать» (с. 199). При этом русские купцы не посчитали достойной упоминания такой пикантной процедуры, как переписывание расписок задним числом на другие суммы («кабалу переписать, а прежнюю кабалу изодрати», с. 205).

То есть всё было как всегда. Все оговаривали всех. В ход шло уничтожение бухгалтерской отчётности (в частности Горсеем – отчётности Мерша: «сундуки и коробки разламывал и книги и памяти... Еремей покрал», с. 215), выставление труднопроверяемых счетов за гипотетическую «упущенную выгоду» (с. 213), подделка конкурентами подписи Мерша на документах (с. 213), перлюстрация частной деловой корреспонденции (с. 235), выявление якобы недосдачи при инвентаризации, проведённой в отсутствие проверяемого (с. 223), прямые вооружённые разборки (обстрел сотрудниками Компании кораблей Мерша из пушек, с. 213).

Между сторонами процесса были зафиксированы и угрозы личной безопасности (Горсей – Мершу). Впрочем, зная склонность Горсея к киданию понтов, мне здесь видится скорее его желание порисоваться перед адресатом, чем реальное намерение. Во всяком случае ничем подобным последующие личные встречи Горсея и Мерша омрачены не были. Но как индикатор градуса накала отношений, это показательно:

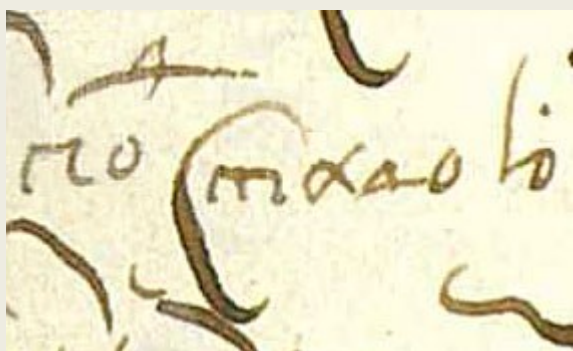
И того начаялся (надеялся), как я поехал с Москвы, что того вора Мерша (в оригинале переводной грамоты описка: «вара») убили до смерти с его товарищами до моего приезда; а если вы его не убьёте, а Бог меня принесёт благополучно, с Божьею помощью ему конец смертный сделаю.

(Письмо Горсея из Гамбурга в Москву Ульяну Фомину, дата не указана, ИРИО, с. 242)

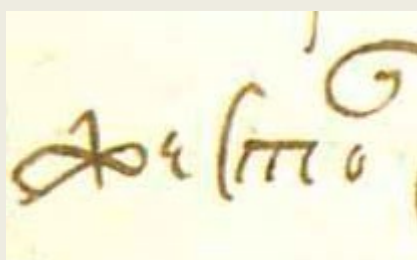

[Илл. 06-10-02-1. «Книга Посольского приказа. Реестр Английского двора 1581-1589». Архив РГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 1, л. 452 об.]

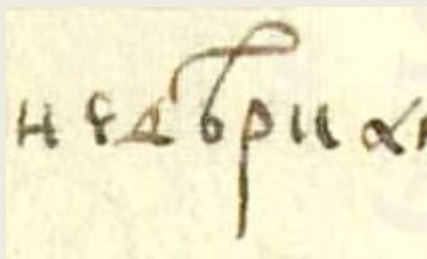
Используемая сторонами лексика удивительно узнаваема: «подстава» (с. 199), «жесточь» (с. 194), «недовес» (с. 223), «неверка» («неверка на меня великая», с. 234).

[Илл. 06-10-03-1. Там же, л. 362. «Подставою».]

[Илл. 06-10-04-1. Там же, л. 351. «Жесточь».]

[Илл. 06-10-05-1. Там же, л. 437. «Неверка».]

Фигурантам дела устраивались очные ставки («очи на очи», с. 208), но они ничего не дали – стороны в лицо друг другу озвучивали взаимоисключающие версии.

Главная проблема состояла в том, что показаний незаинтересованных сторон в деле практически не было, поскольку абсолютно все стороны в чём-нибудь да были заинтересованы. Кроме разве что холмогорского воеводы Василия Звенигородского (который, к слову, дал показания в пользу Мерша, с. 231), и то неизвестно.

В-общем, в этом деле доверять нельзя никому.

И при всём при этом, ситуация в целом совершенно прозрачная. Существуют деловые партнёры (в данном случае – служащие Московской компании), которые имеют также и личные бизнесы. Течёт рутинная совместная деятельность, деньги приходят и уходят, кому-то одалживают, у кого-то кредитуются, где-то перехватывают, все по немногу пытаются кроить. У всех со всеми масса кредитных историй. Но при этом всё нормально и всё работает.

Но вот партнёры ссорятся. И тут мгновенно всё то же самое становится ненормально, и всё останавливается намертво.

«А» должен «Б» сумму «Х», а «Б» обещал «А» пол трюма изюму на сумму «У». Но «У» получился бы, если продать изюм прямо сейчас, и в Гамбурге. Но изюм прибудет в следующем году, и в Вологду. И то не изюм, а сукно-лундыш, да и оно утонет у Вардехуза.

Так что просто вычесть «У» из «Х» в порядке взаиморасчётов никак не получится. Позиция «А»: «Давай обещанный изюм, а за деньгами не заржавеет». Позиция «Б»: «Сначала верни те деньги, потом будем говорить». Тут нужна добрая воля.

А где её взять, если добрые партнёры теперь заклятые враги?

Так что нам не надо здесь особо заморачиваться. Часть претензий русских купцов очевидно не обоснованна. Другая часть их претензий к Мершу справедлива. Третья часть долгов (по распискам Мерша) лежит на Английской компании. Пытаться устанавливать точную здесь пропорцию мы не будем, сейчас важно понять, что это в общем-то рутинный хозяйственный спор, где нет ни абсолютно правых, ни абсолютно виноватых.

Для разрешения этого спора был назначен глава Посольского приказа и политический тяжеловес дьяк Андрей Щелкалов. Я даже не берусь сказать – было ли это

назначение досадным промахом Годунова или, наоборот, его сильным и смелым ходом в какой-то неведомой мне «многоходовке».

Как бы там ни было, после двух лет бесплодных разбирательств, летом 1588 решено было Мерша, как главного фигуранта дела, отправить под конвоем в Лондон и там сдать его на руки «имянно приказным людем королевниным» (с. 244) – переложив таким образом ответственность за вердикт на плечи британской Фемиды.

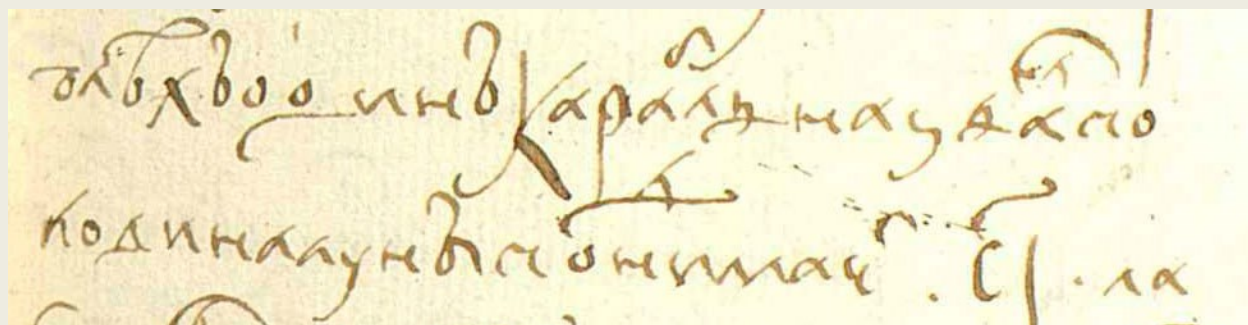
И тут неожиданно открылось интересное. В Лондоне Мерш прямо заявил, что всё произошедшее – это афера, которую придумал, разработал и реализовал никто иной, как Андрей Щелкалов. Именно он заставил Мерша выдавать фиктивные расписки о несуществующих кредитах и вешать эти долги на Компанию.

Таким образом Щелкалов, как до него раньше царь Эдип, в результате проводимого им двухлетнего расследования достоверно установил, что главный виновный в этом деле – он сам.

Тут все стороны наконец осознали, что заигрались. Королева отправила Мерша назад в Москву вместе со своим спецпредставителем Флетчером. Годунов снял все свои финансовые претензии. Щелкалов умело свернул дело, отправив в небытие фальшивые кредиты, откуда они, собственно и пришли. Мерш и прочие англичане отделались реальными выплатами по реальным долгам (Толстой, № 69). Дело было закрыто, и летом 1589 Мерш и Горсей были вывезены из России в Лондон тем же Флетчером.

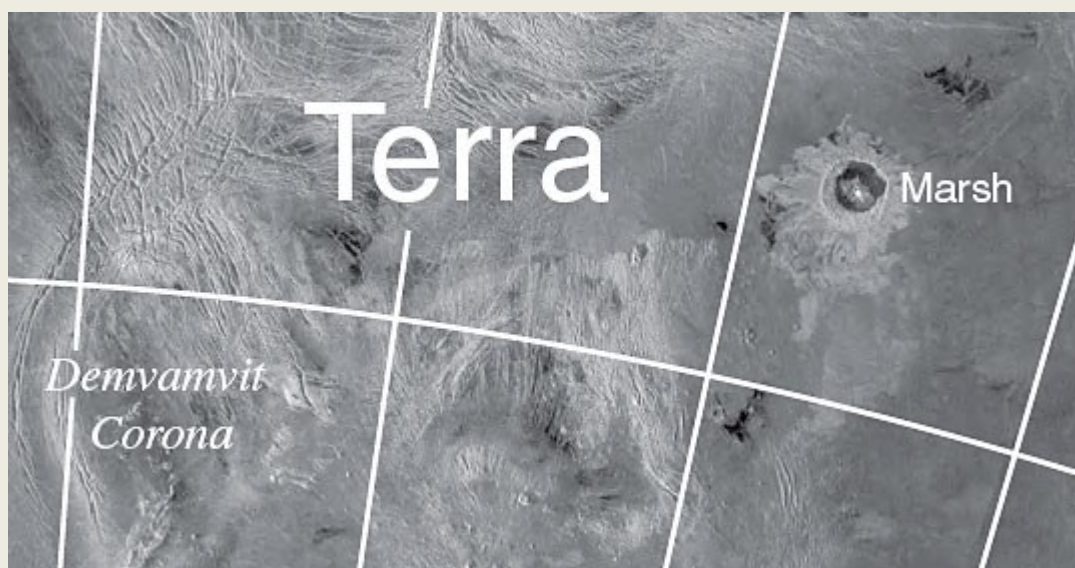
Благодаря данному «делу Мерша» мы теперь точно знаем кросс-курсы рубля, фунта, французской кроны и испанского дуката на 1586 год (например, рубли/фунт 2:1). А также оптовые цены на сахар, изюм, бумагу и французские вина – как белые, так и красные (кому интересно: 10 рублей бочка, что соответствует современным \$500 по «пшённому эквиваленту»).

Так Мерш попал в Историю. Не зря его корабль, обстрелянный в Холмогорах конкурентами, согласно русской документации назывался «Попади на Луну» («поподи на луны», с. 224).

[Илл. 06-10-06-1. Там же, л. 417. «Поподи на луны».]

И, действительно. Мерш *на деньги* «попал» крупно. Но и на звёздное небо тоже – хотя и не на Луну, а на Венеру. В южном полушарии которой, на широте 63,6° и долготе 46,6°, на континенте Лада Терра, возвышается теперь базальтовая громада вулкана «Marsh», в кратере которого легко уместятся две Москвы. «Крутись, брат, крутись», как сказал бы Аллейн.

[Илл. 06-10-07-1. Карта Венеры, кратер «Marsh».]

Но в нашу историю Антоний Мерш попал благодаря другому.

Лоция

(Пёрчес – Документ – Флетчер-3 – Тонкая структура – 1583)

Пёрчес

Драматург Джон Флетчер в 1625 имел все основания сказать: «Пёрчес – это Хаклюйт сегодня». Хотя и не сказал.

В 1616 умер великий летописец эпохи Великих географических открытий Ричард Хаклюйт. Но дело его не умерло. У него тут же появился не менее великий продолжатель, Сэмюэль Пёрчес (Samuel Purchas).

Первое издание труда Хаклюйта (1589) представляло собой один огромный том. Второе его расширенное издание (1598-1600) составили уже три гигантских тома. И всё равно в них смогла вписаться лишь мизерная часть собранных Хаклюйтом документов.

Неизданные документы со временем рассеялись по миру, однако некоторая их часть всё-таки попала в правильные руки – руки Сэмюэля Пёрчеса.

Пёрчес явился фактически реинкарнацией Хаклюйта. Тот же фанатизм в сборе путевых документов, то же отсутствие коммерческой составляющей в мотивации, то же желание успеть «объять всё».

Как результат его десятилетнего каторжного труда, в 1625 одновременно вышли четыре тома его дополнений к хаклюйтовским «The Principal Navigations...». Даже в названии своего сборника Пёрчес посчитал необходимым упомянуть своего учителя – «Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes» (London, 1625, «printed by William Stansby for Henrie Fetherstone»).

Таким образом, у человечества имеется сейчас два фундаментальных многотомника об английских путешествиях эпохи Великих географических открытий. Это три тома «The Principal Navigations...» Ричарда Хаклюйта, и четыре тома «Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes» Сэмюэля Пёрчеса. В них есть всё.

Мне видится что-то символическое в том, что в 1616 в регистрационной записи о смерти Хаклюйта была допущена описка, и год был ошибочно указан, как 1626. Ибо именно в этом году, выполнив своё предназначение, ушёл из жизни достойный продолжатель его дела, Сэмюэль Пёрчес.

Сейчас труд Пёрчеса нужен всем, кто интересуется хоть чем-то. Нам, в частности, нужен третий его том. Конкретно, страница 805.

Документ

Итак. Сэмюэль Пёрчес, «Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes» (1625). Том 3, часть 4, глава 12. Эта глава целиком посвящена неизвестной до того грани жизни Антония Мерша.

PVRCHAS

HIS

PILGRIMES.

IN FIVE BOOKES.

The first, Containing Peregrinations and Discoueries, in the remotest North and East parts of *ASIA*; called *TARTARIA and CHINA.*

The second, *Peregrinations, Voyages, Discoueries, of CHINA, TARTARIA, RVSSIA, and other the North and East parts of the World, by English-men and others.*

The third, *Voyages and Discoueries of the North parts of the World, by Land and Sea, in ASIA, EVROPE, the Polare Regions, and in the North-west of AMERICA.*

The fourth, *English Northerne Navigations, and Discoueries: Relations of Greenland, Groenland, the North-west passage, and other Arctike Regions, with later RVSSIAN OCCURRENTS.*

The fifth, *Voyages and Trauels to and in the New World, called AMERICA: Relations of their Pagan Antiquities and of the Regions and Plantations in the North and South parts thereof, and of the Seas and Islands adjacent.*

The Third Part.

Unus Deus, Una Veritas.

LONDON

Printed by *William Stansby* for *Henrie Fetherstone*, and are to be sold at his shop in *Pauls Church-yard* at the signe of the *Rose.*

1625.

[Илл. 06-12-01-1. «Purchas his Pilgrimes», т. 3, 1625. Титульный лист.]

shall suffer them to passe with their goods in and out, without doing them any manner of hindrance.

And whensoever any of the said English Merchants or Factors shall have occasion to send overland out of our Dominions, any of their people, or Servants, into their owne Countre overland, they shall freely passe by this our speciall command, onely they are to take a passe letter from our Chancellour of the Office of Embassie.

And whosoever in any of our Cities, shall have any matter against the English Merchants by way of contention, we command that none of our Governours, nor other of our Officers, doe iudge the English Merchants, their Factors or people: neither shall they send Officers for them, except for matter of murder or thefe, and that also not to be done, but by manifest token thereof: but the English Merchants, their Factors and people, shall onely have triall, and be iudged in our Imperiall Citie of Moscovy, vertue of this our gracious Letters of priuiledge, before our Chancellour in this Office of Embassie, and in no other place or Towne; and he to heare their causes, and to giue iustice betweene both parties, according to equitie and right; and where the truth cannot be found out by Law, it shall be referred to arbiters, and on whomsoever the lot falls, to him shall the right be adiudged.

And if any of the English Merchants, in any of our Cities within our Kingdomes, doe complaine of any wrong offered them by our people, for debts growing by trade or otherwise: we command our Governours, and all other our authorised people, that they presently minister true iustice vnto them. And for any wrong or other matter of controuersie that the English Merchant shall haue against any of our Subiects, our Governours and other our authorised people vpon their complaint for all controuersies (matters of debt excepted) shall giue our Subiects so offending vpon suretie, setting them time to appeare at Mosco, to answer the same with the English Merchants, face to face, before our Chancellour in the Office of Embassie: and in these matters our Chancellour shall truly examine the businesse, and minister true iustice: and what by examination cannot be found, shall be referred, as before, to oath and lot: the Iudges and Iustices through our Dominions shall take no kinde of due tie of the English Merchants for their matters of Law.

We will and command that these our Imperiall gracious Letters of priuiledge, be strictly obserued in all points, in all parts of our Dominions, and by all our Subiects, Governours, Secretaries, and other Officers, without disobeying in any thing.

And whosoever shall not obey this our Princely and gracious Letters of priuiledge, but shall offer wrong to the English Merchants, those our Subiects shall be with vs in our high displeasure.

These our gracious Letters of priuiledges, are sealed with our Imperiall Seale of Gold in our Princely Pallace of our Imperiall Citie of Mosco, in the yeare from the Worlds creation 7129. in the month of May, the eleuenth day.

Subscribed by our Imperiall Maiesties Chancellour of our Office of Embassie, and our priue Chancellour Euan Corbatouefin Gramotin.

As it is now high time to leaue Russia, and all that Barbarous shore, of Samotees and Tartars, we will borrow helpe of some Barbarians, to shipp vs thence to Sea. And although Finch, Gooden, and others, haue in the former Booke inserted so great lights: yet seeing Master Marsh hath entertained other guides, we will take Sea by Ob, and thence set forth on further discoueries.

CHAP. XII.

Notes concerning the discouery of the Riuer of Ob, taken out of a Roll, written in the Ruffian tongue, which was attempted by the meanes of ANTONIE MARSH, a chiefe Factor for the Moscouie Company of England, 1584. with other notes of the North-east.

First he wrote a Letter from the Citie of Mosco, in the yeare 7092. after the Russe accompt, which after our accompt was in the yeare 1584. vnto foure Russe that vied to trade from Colmogro to Pechora, and other parts Eastward: whole answer was:

By writings receiued from thee, as also by reports, wee vnderstand thou wouldst haue vs seeke out the mouth of the Riuer Ob; which we are content to doe; and thou must giue therefore fiftie rubbles: it is requisite to goe to seeke it out with two Cochimaes, or companies; and each Cochima must haue ten men: and wee must goe by the Riuer Pechora vpwards in the Spring, by the side of the Ice, as the Ice swimmeth in the Riuer, which will aske a fortnights time; and then we must fall into Onson Riuer, and fall downe with the streame before we come to Ob, a day and a night in the spring. Then it will hold vs eight dayes to swimme idowne the Riuer Ob, before we come to the mouth: therefore send vs a man that

How to finde
out Ob from
Pechora,
Onson Riuer.

can write; and assure thy selfe the mouth of Ob is deepe. On the *Russe* side of Ob sojourne *Samoeds*, called *Ugoriskai* & *Sibierskie*, *Samoeds*; and on the other side dwell another kinde of *Samoeds*, called *Mongani*, or *Mongaisky*, *Samoeds*. We must passe by five Castles that stand on the River of Ob. The name of the first is *Tesno Gorodok*, which standeth vpon the mouth of the River *Paddou*. The second small Castle is *Nosoro-gorodok*, and it standeth hard vpon the side of Ob. The third is called *Necheionr-goskoy*. The fourth is *Charedmada*. The fifth is *Nadesneha*, that is to say, *The Castle of comfort, or trust*; and it standeth vpon the River Ob, lowermost of all the former Castles toward the Sea.

Heretofore your people haue bin at the said River of Ob's mouth with a Ship, and there was made shipwracke, and your people were slaine by the *Samoeds*, which thought that they came to rob and subdue them. The Trees that grow by the River are Firres, and a kinde of white, soft and light Firre, which we call *Yell*. The bankes on both sides are very high, and the water not swift, but still and deepe. Fish there are in it as Sturgeons, and Cheri, and Pidle, and Nelma, a dainty fish like white Salmones, and Moucoun, and Sigi, and Scerlidi: but Salmones there are none. Not farre distant from the maine, at the mouth of Ob, there is an Island, whereon resort many wilde beasts, as white Beares, and the Morfes, and such like. And the *Samoeds* tell vs, that in the winter season, they oftentimes finde there *Morfes* teeth. If you would haue vs travell to seeke out the mouth of Ob by Sea, we must goe by the Isles of *Vaygati*, and *Nona Zembla*, and by the Land of *Matibone*, that is, by *Matibone* Land. And assure thy selfe that from *Vaygati*, to the mouth of Ob by Sea, is but a small matter to sayle. Written at *Pechora*, the year 7092. the twenty one of February.

A shipwracke at the mouth of Ob.

An Island neere the mouth of Ob.

The way to discover Ob by Sea Matibone or Matibone Land After our stile 1584.

Master M A R S H also learned these distances of places and Ports, from Caninos to Ob by Sea.

From *Caninos* to the Bay of *Medemsky* (which is somewhat to the East of the River *Pechora*) is seven dayes sayling. The Bay of *Medemsky* is ouer a day and a halfe sayling. From *Medemsky* *Sauorost* to *Canarica*, is fixe dayes sayling. From *Canarica* Bay to the farthest side of the River Ob, is nine dayes sayling. The Bay of *Canarica* is from side to side, a day and a nights sayling.

He learned another way by *Nona Zembla* and *Matibone* Tar to Ob, more North-eastward. From *Caninos* to the Island of *Colgoiene*, is a day & a nights sayling. From *Colgoiene* to *Nona Zembla* are two dayes sayling. There is a great *Oser* or Lake vpon *Nona Zembla*, where wonderfull flocks of Geefe and Swannes doe breede, and in moulting time cast their feathers, which is about *Saint Peters day*: and the *Russes* of *Colmagro* repaire thither yearly, and our *Englishe* men ventur thither with them feuerall shates in money: they bring home great quantitie of Doune-Feathers, dried Swannes, and Geefe, Beares skinned, and Fish, &c. From *Naromke* *Roca* or River to *Matibone* Tar, is fixe dayes sayling. From *Matibone* Tar to the *Perquogli* Temple, that is to say, To the warme passage ouer-land, compassing or sayling round about the Sands, is thirtene dayes sayling. And there is vpon the Sands at a full Sea, seven fathomes water, and two fathomes at a low water. The occasion of this highing of the water, is the falling into the Sea of the three Rivers, and the meeting of the two Seas, to wit, *The North Sea*, and *The East Sea*, which make both high water and great Sands. And you must beware that you come not with your Shippes neere vnto the Island by the River Ob. From *Matibone* Tar to this Island, is fixe dayes sayling. *Matibone* Tar is in some parts fortie Versts ouer, and in some parts not past six Versts ouer.

The aforesaid *Antonie Marish* sent one *Bodan* his man, a *Russe* borne, with the aforesaid foure *Russes*, and a yong youth, a *Samoed*, which was likewise his Seruant, vpon the discouery of the River of Ob, by Land, through the Countrey of the *Samoeds*, with good store of commodities to trafficke with the people. And these his Seruants made a rich Voyage of it, and had bartered with the people about the River of Ob, for the valew of a thousand rubles in fables, and other fine Furres. But the Emperour hauing intelligence of this Discouery, and of the way that *Bodan* returned home by, by one of his chiefe Officers lay in waite for him, apprehended him, and tooke from him the aforesaid thousand Markes worth of Sables, and other Merchandises, and deliuered them into the Emperours Treasurie, being sealed vp, and brought the poore fellow *Bodan* to the Citie of *Mosco*, where he was committed to prison, and whipped, and there detained a long while after, but in the end released. Moreover, the Emperours Officers asked *Antonie Marish*, how he durst presume to deale in any such enterprise? To whom he answered, that by the priuiledges granted to the *Englishe* Nation, no part of the Emperours Dominions were exempted from the *Englishe* to trade and trafficke in: with which answer, they were not so satisfied, but that they gaue him a great checke, and forfeited all the aforesaid thousand Markes worth of goods, charging him not to proceede any further in that action: whereby it seemeth they

Caninos.

Medemsky.
Canarica.
Ob.

Caninos.
Colgoiene.
Nona Zembla.

Naromke.

Matibone Tar

The Sands.

The two Seas: that is, the North and the East Sea.

The bigness of the Cliffe or Ile of Matibone.

Antonie Marish sent two of his men vpon the discouery of Ob by land with foure *Russes*. *Bodan* Master Marish his man brought to Mosco.

Russian ielousie of discouery

they are very jealous that any Christian should grow acquainted with their Neighbours that border to the North-east of their Dominions, for that there is some great secret that way, which they would reserve to themselves only. Thus much I understood by Master Christopher Holmes.

*The report of Master FRANCIS CHERRY a Moscovie Merchant, and
Master THOMAS LYNDE touching a warme Sea to the
South-east of the River Ob, and a Note of
FRANCIS GAYLLE.*

Master Francis Cherry, one of the chiefe Merchants of the *Moscow* Company, which was the Emperour *Iuan Basilwich* his Interpreter, and had trauailed in person into *Perma* farre to the East in *Russia*, saith, That he hath eaten of the Sturgeon that came out of the *Riuer of Ob*. And that in those parts it is a common receiued speech of the *Russes* that are great trauailers, that beyond *Ob* to the South-east there is a warme Sea. Which they expresse in these words in the *Russe* tongue; *Za Ob, reca moria Teupla*, that is to say, Beyond the River *Ob* is a warme Sea. Furthermore, Master *Thomas Lynde* an honest and discrete *Englishe* Merchant, which hath likewise liued many yeeres in those parts of *Moscow*, saith, That this Sea beyond *Ob*, is by the report of the *Russes*, that are trauailers, so warme, that all kinde of Sea fowles liue there as well in the Winter as in the Summer, which report argueth, that this Sea pierceth farre into the South parts of *Asia*.

Third Volume
of *Englishe voy-*
ages, pag. 446.

See of these
voyages. Hak.
Tom. II.

Francis Gaylle that passed the Ocean betwene *Japan* and *Nova Hispania*, in the Latitude of 37. degrees and a halfe, writeth thus. Proving a great Sea to come from the North-east parts of *Tartarie*; running thus East and East and by North about three hundred leagues from *Japan*, we found a very hollow water, with the streame running out of the North and North-west, with a full and very broad Sea, without any trouble or hinderance in the way that we past. And what winde soeuer blue, the Sea continued all in one sort with the same hollow water and streame, till we had passed seuen hundred leagues. About two hundred leagues from the Coast of *New Spaine*, we began to lose the said hollow Sea, whereby I perswade my selfe that there you shall finde a Channell or strait passage betwene the firme Land of *New Spaine* and the Countie of *Asia* and *Tartaria*. We found all this way Whales, Tunnies, Bonitos, which are fishes that keepe in Channells, Straits, and running Waters, thereto disperse their feede, which further confirmeth me in that opinion.

But seeing thus we are shipped from *Russia*, and have againe taken Sea, that which I see permitted not to Stephen Burrough, Pet and Lackman, nor others, English and Dutch, which haue attempted that North-east passage; and that which Master Bassin said to me, that if he might haue employment, he would adventure to discover from the Coast of *China* and *Japan* on the North of *Asia* hitherward; all this shall be suddenly pernicious to our swifter and unstayable thoughts, to set on in a new discovery by Dutch and English assistance for a North-west passage, so often, not so fortunately attempted, as by *Ross* is seemeth probable and almost certaine; especially that way where Sir Th. Button and Nelson left. But we will discover these Discoveries more methodically and historically to you, that you may see the English ancient right, as I may say, to those parts of the new World.

CHAP. XIII.

*Discoveries made by English-men to the North-west: Voyages of Sir SEBASTIAN CABOT, Master THORNE, and other Ancients:
and of Master WEYMOUTH.*

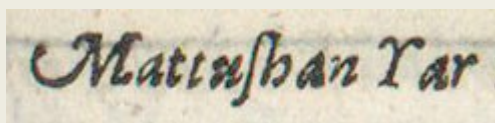

WE have before given some light of the North-west, in *Hudsons* and other mens Voyages. The desire of Riches in some, of Knowledge in others, hath long whetted mens industries, to finde out a more compendious way to the East Indies, by a shorter cut then the vsuall passage, which in going to the places of principal Trade there, and the returning thence by enforced compassings, is made no lesse a Voyage for time, cost, danger and labour, then the immediate compassing of the whole Globe, as in Master *Candlishes* circumnavigation (not to mention others) is euident. But if either by the North-east, or North-west, or North, a passage be open, the sight of the Globe (the Image of the site of the World) easily sheweth with how much ease, in how little time and expence the same might be effected, the large Lines or Meridians vnder the Line containyng fixe hundred miles,

А, впрочем, отдельные намёки на эту грань у нас уже проскальзывали. Просто никто не обратил тогда на это внимание. А ведь действительно – намечалась, вроде, у Мерша какая-то деятельность «на Печоре», что-то такое вспоминается.

И вот теперь мы предметно видим один из эпизодов этой деятельности. В частности, документ, из которого становятся известны некоторые детали подготовки Мершем торговой экспедиции в Мангазею в 1584 году. А также – детальное описание морского пути с Мезени в устье Оби. И не просто, а с прохождением Новой Земли насквозь – через неизвестный ранее пролив.

Конкретно – через пролив «Mattuschan Yar», М-шар.

[Илл. 06-12-03-2. Там же, с. 805, строка 40. «Mattuschan Yar».]

Это – первое в истории упоминание как новоземельского пролива вообще, так и его названия в частности. Дату документа уточню чуть позже.

Флетчер-3

После того, как у Джайлса Флетчера-старшего в 1596 умер родной брат, он взял всех его детей к себе в дом. Одного из них звали Джоном.

Когда Джон Флетчер немного подрос, он стал драматургом и соавтором Шекспира. Речь идёт, конечно, не о «Ромео и Джульете» или «Тимоне Афинском», а о поздних шекспировских пьесах.

Со временем Джон Флетчер официально стал преемником Шекспира на должности главного комедиографа театральной труппы «Слуги короля».

Когда в 1625 вышел в свет четырёхтомник Пёрчеса «Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes», он сразу же сделался литературной сенсацией. Читали его все. Не могла пройти эта новинка и мимо внимания Джона Флетчера.

В особенности та глава, что была посвящена Антонию Мершу – человеку, в судьбе которого родной дядя Джона Флетчера сыграл некогда ключевую роль. Ведь именно Джайлс Флетчер в 1589 вывез Мерша из Москвы – через Холмогоры, Белое море и Ледовитый океан. Такое не забывается.

Так что пролив «Mattushan Yar» определённо попадал в зону «прямых информационных контактов» Джона Флетчера. Однако отразиться в его творчестве этот топоним, увы, не успел: вскоре драматург скоростижно скончался от разразившейся в Лондоне чумы.

Тонкая структура

В целом, материалы Мерша, опубликованные в сборнике Пёрчеса, хорошо известны. Мало того, что они 390 лет как опубликованы, так они уже 170 лет как введены в русский научный оборот академиком Гамелем, предложившим своё их видение. Так что новинкой эти материалы назвать трудно.

А потому – несколько удивительно, что один связанный с ними важный момент выпал из поля зрения «мершеведов». Не то, чтобы он совсем не известен, просто ему как-то до сих пор никто не придавал должного значения.

А именно – что в главе 12-й сборника Пёрчеса опубликован не один-единственный, а три совершенно разных по своему происхождению документа. И, следовательно, рассматривать их нужно каждый в отдельности. Поскольку у каждого из этих трёх документов своя история появления, своё авторство и своя датировка.

Рассмотрим их в следующем порядке: Документ-1, Документ-3, а потом уже Документ-2. Итак.

1. Документ № 1: «**Письмо**».

Источник: некий «русский свиток», имевшийся на руках у Пёрчеса; сам свиток не сохранился; опубликован в переводе на английский язык; переводчик не известен.

Автор: четверо неназванных русских «торговых людей из Холмогор».

Дата: 21 февраля 1584; переведён 1616-1625.

Место создания: селение Печора в устье реки Печоры.

Публикация: Пёрчес, 1625, т. 3, с. 804:57-64, 805:1-21.

Документ представляет собой английский перевод некоего письма, написанного исходно по-русски от лица неназванных четырёх русских холмогорских торговцев, и адресованного Антонию Мершу. В тексте письма указано, что оно написано в селении Печора (в устье реки Печоры) и отправлено оттуда в Москву 21 февраля 1584.

Этот документ сопровождается кратким предисловием публикатора (Пёрчеса), из которого можно понять, что он лично видел русский оригинал этого письма, и данный перевод выполнен кем-то (неназванным) по его просьбе. Также сообщается, что данное письмо явилось ответом «четырёх русских» на ранее поступивший к ним запрос Мерша.

По сути это классическая «инвестиционная заявка», поданная холмогорскими торговыми людьми англичанину Мершу с видами на финансирование им некоего трэвел-проекта. Заявка, надо сказать, весьма толковая.

Авторы письма подтверждают свою готовность совершить по заданию Мерша экспедицию из посёлка Печора – в устье Оби, описывают предполагаемый туда путь посуху (по рекам, с волоком посередине) и называют свою цену – 50 рублей.

В заявке продемонстрировано хорошее знание самого предмета, обрисованы выгоды и риски, приводится много конкретики, недвусмысленно намекается на ожидаемые финансовые результаты. Всё коротко и по делу. Бумага дорога, но и тендер надо выигрывать.

Письмо содержит много ценных сведений: описан путь посуху с Печоры на Обь, перечислены 5 острогов в низовьях Оби, охарактеризована флора и фауна региона (породы деревьев, рыб, промышленных зверей), упомянут факт захождения в устье Оби некоего иностранного судна (чей экипаж был затем перебит самоедами, предположительно – корабль Джекмена), указан альтернативный маршрут от устья Печоры до устья Оби – по морю (что, согласно авторам письма, не так уж и сложно).

Как мы скоро узнаем, данная экспедиция действительно состоялась, достигла намеченного региона, совершила там удачный торговый обмен и благополучно вернулась назад. Вот здесь-то у всех и начались проблемы, но это уже другая история.

Итак, «Письмо». Монолитный текст я разбил на абзацы для удобства чтения:

[Заголовок первого подраздела «главы 12»]

Записки, извлечённые из свитка («Roll»), написанного по-русски, касающиеся открытия реки Оби, попытка коего была предпринята Антонием Мершем, старшим фактором английской Московской компании, в 1584 году, а также другие записи («notes») по северо-востоку.

[Предупреждение Пёрчеса]

Сначала он [Мерш] написал письмо из Москвы, в 7092 году по русскому исчислению, что по нашему [английскому] исчислению соответствует 1584, к четырём русским, которые вели торговлю из Холмогор с Печорой и другими местностями к востоку. Их ответ был следующим:

[Текст письма]

Из письма, полученного от тебя, а также по другим сведениям, мы поняли, что ты хотел бы найти устье реки Оби; мы с удовольствием могли бы это сделать;

Ты должен заплатить нам [за это] пятьдесят рублей: они нужны для того, чтобы отправиться на поиски его [устья Оби] двумя кочмарами («Sochimaes»), то есть двумя командами; на каждую кочмару нужно десять человек;

И мы должны тогда будем пойти по реке Печоре, вверх по течению, этой же весной, как только река вскрыется ото льда, лавируя между льдин («by the side of the Ice»), на это нам потребуется две недели.

Затем мы должны будем попасть в реку Усу («Ouson River») и [здесь очевидно опущено: «преодолев волоком водораздел»] сплавиться вниз по течению [уже не Усы, а какой-то другой реки] до самой Оби; по весне на это потребуется один день и одна ночь.

Затем нам придётся восемь дней плыть вниз по Оби, чтобы попасть в её устье: поэтому («therefore») пришли нам человека, который умеет писать (так: «a man that can write»); имей ввиду, что устье Оби глубокое.

По русской стороне Оби кочуют («soiourne») самоеды, называемые Угорскими и Сибирскими самоедами; на противоположной стороне обитает другой тип самоедов, называемых Мангазейскими («Mongaseisky») самоедами.

Мы должны будем пройти несколько острогов («Castles»), что стоят по реке Оби. Первый называется «Tesvoi Gorodok», который находится в устье реки «Padou». Второй небольшой острог «Nosoro-gorodock», и он стоит прямо на берегу Оби. Третий называется «Necheiour-goskouy». Четвёртый – «Charedmada». Пятый – «Nadesneaa», что в переводе значит «Крепость безопасная, или надёжная», она стоит на Оби ниже всех ранее упомянутых, в направлении моря.

Ранее ваши люди [т.е. «англичане», или, возможно, просто «иностранцы»] уже были в устье этой Оби на корабле, где имело место кораблекрушение, и ваши люди были убиты самоедами, которые решили, что те приплыли их грабить и порабощать.

На Реке [Оби] растут следующие породы деревьев: пихта («Firre») и другой вид пихты с белой, мягкой и лёгкой древесиной, которую мы называем «ель» («Yell»).

Берег по обеим сторонам реки очень высок; течение не быстрое, вода спокойная и глубокая.

Из рыб там водятся: осётр, чир, «pidle», нельма и одна деликатесная рыба типа лосося, но с белым мясом, а также муксун, сиг и стерлядь («Sterlidi»). Но лосося там нет.

В устье Оби недалеко от берега находится остров, где, говорят, водится много диких зверей, таких как белый медведь, морж («Morses») и тому подобное. Самоеды говорили нам, что зимой они часто находят там моржовый зуб.

Если же ты хочешь, чтобы мы отправились на поиски устья Оби по морю, [то в этом случае] мы должны будем идти мимо островов Вайгач, Новая Земля («Nova Zembla») и «Land of Matpheove», что означает «Матфеева Земля». К твоему сведению: от Вайгача до устья Оби по морю доплыть не сложно («is but a small matter to sayle»).

Написано в Печоре,

в 7092 году, 21 февраля.

3. Документ № 3. «Комментарий Холмса»

Источник: устные пояснения Кристофера Холмса по поводу «письма четырёх холмогорцев», сделанные им по запросу Сэмюэля Пёрчеса.

Автор: Холмс, в свободном изложении Пёрчеса.

Дата: 1616-1625.

Место создания: Англия.

Публикация: Пёрчес, 1625, т. 3, с. 805:49-64, 806:1-4.

При публикации этого документа, Пёрчес механически присоединил его к предыдущему тексту («Документу №2»), что и породило путаницу с его принадлежностью.

При том, что это совершенно самостоятельный документ, а именно – комментарий, данный Кристофером Холмсом по поводу «Документа №1», то есть по поводу «письма четырёх холмогорцев» Антонию Мершу.

Кристофер Холмс (Christopher Holmes) был коллегой Мерша по «Московской компании» и в 1584 являлся фактором Компании в Вологде. Сам факт появления этого комментария говорит о том, что к моменту публикации Пёрчесом «письма четырёх» самого Мерша уже не было в живых.

«Комментарий Холмса» представляет собой не буквально слова его автора, а изложение их Пёрчесом, о чём последний сообщает в конце Комментария. Стоит при этом не забывать также, что Комментарий этот сделан примерно 35 лет спустя после комментируемых событий.

Итак, Холмс рассказывает (что помнит) о событиях, которые последовали за тем самым «письмом четырёх». А именно – что данная экспедиция тогда состоялась, устье Оби было достигнуто, интересы Мерша в этой экспедиции представлял некий русский «Богдан». В коммерческом отношении экспедиция была весьма успешной. А вот по возвращении начались проблемы.

Товар был сразу арестован властями и впоследствии конфискован, Богдан брошен в тюрьму, Мершу предъявлено обвинение в якобы незаконной деятельности.

Возражения Мерша, что всё делалось в строгом соответствии с законом (с ссылками на русские законодательные акты и предъявлением выданных лично ему соответствующих царских лицензий) на судей ни малейшего впечатления не произвели. Весь товар был отобран в пользу казны, с Мерша взяли дополнительный штраф и он получил предупреждение о недопустимости подобных экспедиций впредь.

Принято считать, что кроме «Письма четырёх» и «Комментария Холмса», никаких сведений об экспедиции на Обь, организованной Мершем, не сохранилось.

Рискну утверждать, что есть как минимум ещё один след этого яркого предприятия. А именно – несколько строк в письме Джерома Горсея от 30 августа 1584

своему английскому коллеге Вильяму Трумбору в Москву. О письме этом человечеству стало известно случайно.

Два года спустя после означенной экспедиции на Обь, в ходе нового следствия по знаменитому «делу Мерша», был проведён обыск у ряда обвиняемых, в том числе у Горсея. При обыске была обнаружена копия некоего письма (Горсей всегда оставлял себе копии). Поскольку имелось подозрение, что оно может представлять интерес для следствия, то письмо было тогда же переведено на русский язык и приобщено к делу.

В самом «деле Мерша» это письмо никакой роли не сыграло. Однако оно, как мне представляется, дало независимое подтверждение рассказа Холмса, а также несколько новых штрихов по обстоятельствам той экспедиции.

Да, полной гарантии того, что «Богдан» из письма Горсея, и «Богдан» из комментария Холмса – это одно и то же лицо – такой гарантии нет. Но по совокупности деталей очень на то похоже.

Вот выдержка из письма Горсея от 30 августа 1584:

А в том я в отчаянье, что однолично которой гонец от тебя поехал и над ним нечто учинилось; того для я к тебе послал нашего человека Богдана на четырёх подводах. Да пожалуй <...> вели его беречь, чтобы он не сшел на Соловки или на карабль или в ыные места того для, что есми по нём ручался ставить его по кабале по вся дни и голова в голову; а взяли есмя его у пристава, толко б не так – и он бы умер.

(«Перевод письма Горсея к Трумбору в Москву от 30 августа 1584», РГАДА, ф. 35, оп. 1, док. 1, л. 450-450об., в составе следственных материалов по «делу Мерша».)

Совпадают: имя (Богдан), время действия (август 1584, как раз пора возвращаться с Оби), личность автора (Горсей, который тогда активно сотрудничал с Мершем), намёк на возможность «серого» экспорта (опасение, что Богдан отгрузит товар напрямую на корабли, уходящие в Англию), участие в деле приставов, угроза Богдану (если бы не вмешательство Горсея, то приставы его убили бы). Всё здесь ложится одно к одному.

Один из выводов: в экспедиции Мерша на Обь в 1584 был, выходит, задействован также и Горсей.

А вот сам текст «Комментария Холмса»:

[Текст устного комментария Холмса, пересказанный Пёрчесом как он это понял]
Вышепомянутый Антоний Мерш посылал однажды («sent one») своего человека Богдана («Bodan»), русского по происхождению, вместе с вышепомянутыми четырьмя русскими и одним подростком-самоедом («young youth, a Samoed»), который (Богдан) был вроде как его (Мерша) представителем («Servant») – для открытия реки Оби сухим путём, через земли самоедов, с большим количеством товаров для торговли с местным населением («with the people»).

Этот его представитель (Богдан) совершил весьма удачную («rich») поездку, и наменял («had bartered») у жителей Оби соболей («sables») и других ценных мехов на тысячу рублей.

Но царь («Emperour») прознал про эту экспедицию («this Discovery») и на обратном пути Богдана уже поджидали приставы («chiefe Officers»), которые задержали его, конфисковали означенный груз соболей стоимостью в тысячу марок («Markes») и другие товары, взяли всё это, опечатав, в государеву казну, и доставили несчастного Богдана в Москву, где его бросили в тюрьму, били («whipped»), и долго ещё держали после, хотя в конце концов и отпустили.

Более того, царские приставы допросили Антония Мерша – как он вообще мог осмелиться на это предприятие («how he durst presume to deale in any such enterprise»)?

На что он (Мерш) отвечал, что согласно привилегии, выданной [предыдущим царём] всем лицам английской национальности («to the English Nation»), никакие части государства не являются закрытыми для торговли англичан.

Данный ответ их не удовлетворил, и, присудив ему большой штраф («gave him a great checke»), а также конфисковав вышеупомянутый товар стоимостью в тысячу марок, они предостерегли его от любых дальнейших действий в этом направлении.

Похоже, они очень опасаются того, что какие-либо другие христиане узнают больше об их соседях на северо-восточных границах их царства. Вот почему делается такой большой секрет из этого пути, который они хотели бы сохранить исключительно для себя.

Насколько я [имеется ввиду составитель данного сборника, то есть – Сэмюэль Пёрчес] это понял со слов Мастера Кристофера Холмса («Thus much I Understood by Master Christopher Holmes»).

2. Документ № 2. «Лоция Мерша»

Источник: запись, сделанная Антонием Мершем; при публикации Пёрчес вставил, для единства стиля изложения, одно предложение от себя – в котором он говорит о Мерше в третьем лице («он»).

Автор: Антоний Мерш.

Дата: не ранее 1580, не позднее 1589, пока так.

Место создания: Московское царство.

Публикация: Пёрчес, 1625, т. 3, с. 805:25-48.

«Документ №2» ни в коем случае не следует смешивать, с одной стороны, с «Письмом четырёх холмогорцев» (Д-1), с другой стороны – с «Комментарием Холмса» (Д-3). А именно это делают сплошь и рядом.

Текст «Лоции» не может принадлежать «холмогорцам» уже по одной той причине, что он содержит следующее высказывание: «Русские из Холмогор [делают то-то], а наши англичане [делают совсем другое]». Какие доказательства тут ещё нужны?

Не может принадлежать текст «Лоции» также и перу Холмса, поскольку, во-первых никакого «пера Холмса» во всей «12-й главе» вообще нет (он консультировал Пёрчеса устно), а во-вторых, текст «Лоции» практически целиком представляет собой длинную последовательность цифр и малоизвестных топонимов, воспроизвести которые по памяти (тем более по прошествии 35 лет) технически невозможно.

А кроме того – и с этого, возможно, надо было бы и начать (и этим и кончить) – Пёрчес в подзаголовке к «Документу № 2» прямо указывает его авторство: «Мастер Мерш».

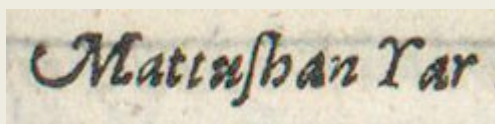
Так что перед нами «лоция», составленная на английском языке Антонием Мершем, и описывающая морской путь из устья Мезени (конкретно – от Канина Носа) до устья Оби, причём тремя разными способами.

Один маршрут – мимо острова Вайгач, через Карское море и вокруг полуострова Ямал.

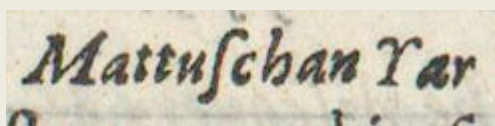
Два других маршрута пролегают через некий неизвестный ранее пролив, который, как следует из лоции, прорезает Новую Землю насквозь. И который до того не упоминался никогда и никем.

Откуда сам Мерш узнал эти маршруты мы не знаем. Это всё, что по данному вопросу можно сказать.

Мерш также сообщает и название этого новоземельского пролива – «Mattuschan Yar». Это название встречается в лоции пять раз. В книжной публикации 1625 года мы имеем три модификации его написания (благодаря невнимательности наборщика или наоборот его точности – неизвестно): «Mattuschan» (805:40, 40, 46), «Matthuschan» (805:33) и «Mattushan» (805:47).

[Илл. 06-12-03-2. Там же, строка 47. «Mattushan Yar».]

[Илл. 06-12-03-3. Там же, строка 40. «Mattuschan Yar».]

[Илл. 06-12-03-4. Там же, строка 33. «Matthuschan Yar».]

Текст «Лоции Мерша», ввиду особой его значимости, я дам и в переводе, и в оригинале. Проверяйте.

Перевод:

[Заголовок подраздела «главы 12»]

Мастер Мерш также разузнал («learned») расстояния между разными местами и стоянками от Канина Носа и до Оби по морю.

[Текст лоции]

От Канина Носа до Медынского залива (который находится несколько восточнее реки Печоры) семь дней плавания. Для пересечения Медынского залива требуется полтора дня. От Медынского Заворота («Medemske Savorost») до реки Кары шесть дней плавания. От Карского залива до дальнего берега Оби девять дней плавания. Для прохождения Карского залива из конца в конец требуется день и ночь плавания.

Он [Мерш] изучил и другой путь до Оби, более северо-восточный, через Новую Землю и Матюшан-Шар («Mattuschan Yar»).

От Канина Носа до острова Колгуев день и ночь плавания. От Колгуева до Новой Земли два дня плавания.

На Новой Земле есть огромное Озеро, где наблюдается невероятное скопление гусей и лебедей в брачный период, и здесь во время линьки они сбрасывают перо, где-то в районе Петрова дня. Русские из Холмогор ежегодно собирают это перо, а наши англичане участвуют в этом деньгами («venter thither with them severall shares in money»). Они возвращаются домой с большим количеством пуха, пера, сушёных лебедей и гусей, медвежьих шкур, рыбы и проч.

От реки Наромской («Naromske Resa») до Матюшан-Шара шесть дней плавания.

От Матюшан-Шара до Тёплого Волока (что означает «тёплый переход через сушу») – если кружным путём, обходя мели («Sands») – то тринадцать дней плавания. А если по высокой воде идти напрямик через мели, то глубина там будет 7 футов, а в низкую воду 2 фута [хотя указаны «fathomes», но по смыслу имелись ввиду, похоже, всё-таки «футы»].

В случае высокой воды можно пройти сквозь «Море Трёх Рек» и попасть в место, где встречаются два другие моря, а именно Северное и Восточное, которые оба глубоки, но имеют много отмелей. И тут нужно быть очень внимательным и не подходить на корабле близко к острову на пути к Оби. От Матюшан-Шара до этого острова пять дней плавания.

Матюшан-Шар в некоторых местах сорок вёрст («Versts»), а в некоторых местах – не более шести.

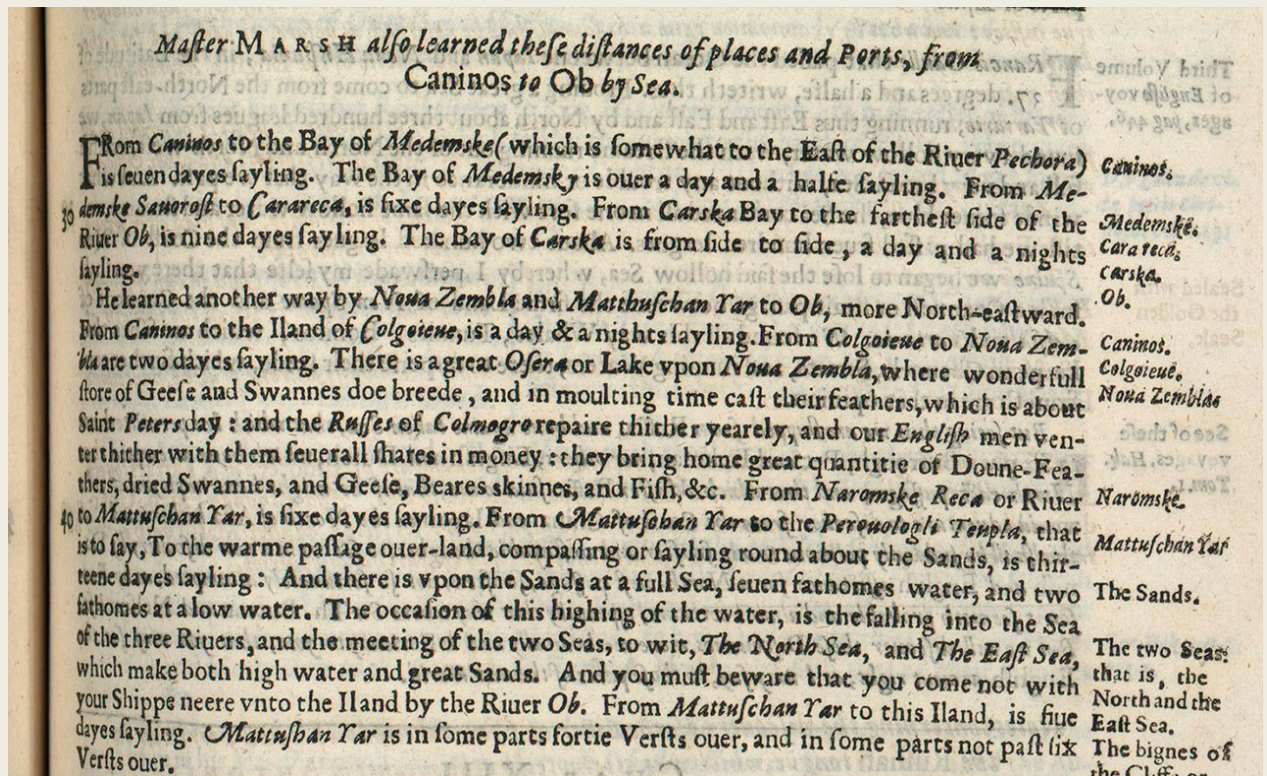
Оригинал (выделение моё):

Master Marsh also learned these distances of place and Ports, from Caninos to Ob by Sea.

From Caninos to the Bay of Medemske (which is somewhat to the East of the River Pechora) is seven dayes sayling. The Bay of Medemsky is over a day and a halfe sayling. From Medemske Savorost to Carareca, is sixe dayes sayling. From Carsca Bay to the farthest side of the River Ob, is nine dayes sayling. The Bay of Carska is from side to side, a day and a nights sayling.

He learned another way by Nova Zembla and **Matthuschan Yar** to Ob, more North-eastward. From Caninos to the Iland Colgoieve, is a day & a nights sayling. From Colgoieve to Nova Zembla are two dayes sayling. There is a great Osera or Lake upon Nova Zembla, where wonderfull store of Geese and Swannes doe breede, and in moulting time cast their feathers, which is about Saint Peters day: and the Russes of Colmogro repaire thither yearly, and our English men venter thither with them severall shares in money: they bring home great quantitie of Doune-Feathers, dried Swannes, and Geese, Beares skinner, and Fish &c. From Naromske Reca or River to **Mattuschan Yar**, is sixe dayes sayling. From **Mattuschan Yar** to the Perovologi Teupla, that is to say, «To the warme passage over-land», compassing or sayling round about the Sands, is thirteene dayes sayling: And there is upon the Sands at a full Sea, seven fathomes water, and two fathomes at a low water. The occasion of this highing of the water, is the falling into Sea of the three Rivers, and the meeting of the two Seas, to wit, The North Sea, and The East Sea, which make both highwater and great Sands. And you must beware that you come not with your Shippe neere unto the Iland by the River Ob. From **Mattuschan Yar** to this Iland, is five dayes sayling. **Mattushan Yar** is in some parts fortie Versts over, and in some parts not past six Versts over.

И совсем оригинал:

[Илл. 06-12-03-5. «Purchas his Pilgrimes», 1625, т. 3, с. 805, строки с 25 по 47.]

1583

«Лоция Мерша» содержит первое в истории упоминание о проливе между Северным и Южным островами Новой Земли, а также сообщает нам его название. А потому датировка этого документа становится вещью принципиальной.

Академик Гамель отнёс создание «Лоции Мерша» к 1584 году – просто распространив датировку соседнего «Письма четырёх холмогорцев» на всю главу. Но, как мы теперь знаем, эта глава состоит из трёх совершенно самостоятельных документов, и механическое перенесение свойств одного документа на другие не правомерно. Так что прежние представления придётся обнулить и начать здесь с чистого листа.

Для начала, дата создания Лоции Мерша ограничена сверху и снизу временем пребывания Мерша в России, то есть в любом случае находится между 1580 и 1589. Но этот интервал можно ещё сузить.

Весной 1586 в Москве началось следствие по «делу Мерша», в котором он стал главным фигурантом. Так что с этого момента Мершу становится уже не до каких-то там «экспедиций» и «лоций». Заканчивается это «дело» лишь с окончательной высылкой в 1589 Мерша в Англию. А потому крайне маловероятно, чтобы Лоция была создана позднее весны 1586.

Далее. Осенью 1584, сразу по завершении той самой экспедиции «Богдана» на Обь, весь товар Мерша был конфискован, а ему самому сделано первое и последнее предупреждение. Становится понятно, что любая дальнейшая активность Мерша в северо-восточном направлении отныне невозможна. А потому у Мерша

естественным образом исчезает мотивация к дальнейшей проработке тех маршрутов. А через год с небольшим уже «подоспевает» и новое судебное «дело». Таким образом, Лоция должна была появиться не позднее осени 1584.

А теперь посмотрим внимательно на сам 1584 год. В начале года, 21 февраля, «четыре холмогорца» отвечают Мершу из Печоры на его раннее письмо, в котором он предлагал им отправиться в экспедицию на Обь. Это своё письмо Мерш должен был отправить из Москвы никак не позднее декабря 1583. По смыслу переписки понятно, что к этому моменту свой северо-восточный проект Мерш в целом уже проработал и ему оставалось лишь сделать окончательный выбор между разными вариантами пути.

По каким-то соображениям предпочтение было отдано им сухопутному варианту. Весной 1584 экспедиция уже отправилась в путь, так что дальнейшая проработка вариантов её маршрута перестала быть актуальной. В августе экспедиция вернулась назад, а что было дальше мы знаем.

С учётом всего этого, верхнюю границу даты составления Мершем его «Лоции» я оцениваю, как «декабрь 1583». Теперь попробуем подвинуть нижнюю границу.

Впервые Мерш был замечен в России в 1580. Но на тот момент он, во-первых, имеет должность всего лишь «слуги Компании» (то есть не обладает никакой свободой действий), во-вторых – задействован в южном направлении (Астрахань, Персия, Мидия). Следующий год (1581) он, очевидно, проводит в Англии, поскольку в июле 1582 он из неё уже снова приплывает в Россию (с письмом от Елизаветы к Ивану Грозному).

Осенью 1582 это письмо Мерш передаёт адресату и одновременно хлопочет о персональном разрешении на торговлю в России (не в составе «Московской компании»). Эти хлопоты, как известно, увенчались успехом, и Мерш получает право торговать «от себя» в Астрахани и на Печоре. Очевидно, именно с этого момента и начинается активная разработка Мершем его проекта экспедиции на Обь.

Так что всё сходится на том, что наиболее вероятным временем составления Мершем его знаменитой Лоции является 1583 год. До осени 1582 вопросы северных маршрутов были для Мерша ещё не актуальны, а уже с 1584 они становятся сначала мало актуальны (с февраля), а после конфискации товаров и запрета дальнейших поездок (осень) – не актуальны совершенно.

К слову, Гамелевская датировка Лоции, основанная на неверном посыле, оказалась не так уж далека от истины.

Ещё раз: «Лоция Мерша», 1583.

Контекст

(Полярный Рай – Дополнительное указание – Всё сходится – P-r-d-s – Оста- точный фон)

Полярный Рай

Многие человеческие свершения поражают очевидной случайностью своих обстоя- тельств. Когда совершенно непонятно «откуда только что взялось».

А ведь всё просто: всё берётся из воздуха. Если некая идея носится в воздухе, она так или иначе найдёт через кого ей реализоваться.

Применительно к нашей теме – некоторые удивительные обстоятельства появле- ния «лоции Мерша» начинают представляться не столь уж удивительными, если внимательней присмотреться к общей атмосфере Северного Ренессанса – к тре- пещущим в её лазури трендам и курсирующим по ней дискурсам. Так что давайте присмотримся.

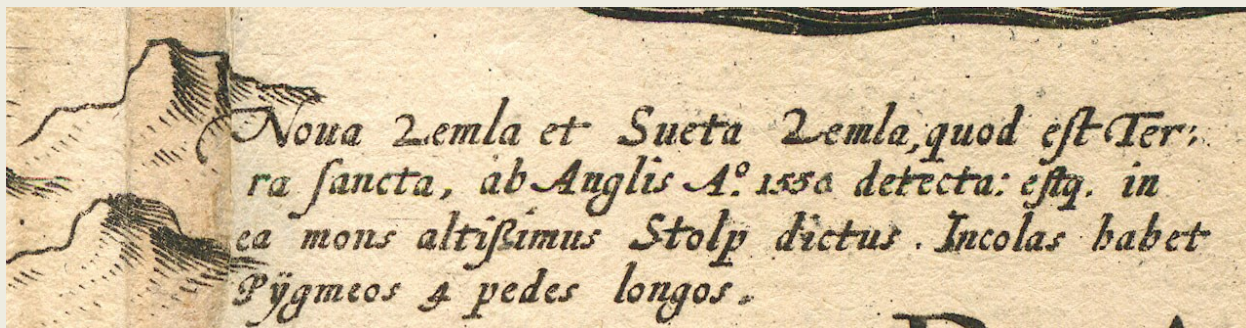
Одна из предыдущих глав данной книги («Шар») закончилась, как мы помним, странной надписью на одной из карт Герарда Де-Йоде 1593 года. Утверждающей, что Новая Земля и некая «Святая Земля» не то находятся одна подле другой, не то вообще это одно и то же. Причём название этой самой Святой Земли фигури- ровало там именно в русском написании – «Sueta Zemla».

[1593]

Noua Zemla et Sueta Zemla, quod est Terra Sancta, ab Anglis A[nno] 1550 detecta; estq[ui]bus in ea mons altissimus Stolp dictus.

«Новая Земля и «Sueta Zemla», что означает Святая Земля, открыта ан- гличанами в 1550 году; здесь, в её горах, находится, как говорят, высо- чайшая [в мире] вершина («Столп»).

(Де Йоде, «Speculum Orbis Terrae», 1593, fol. 7, карта «Nova Totius Euro- pae Tabula»)

[Илл. 05-13-02-6. Де Йоде, Атлас «Speculum Orbis Terrae», 1593, fol. 7, карта «Nova Totius Europae Tabula»). Фрагмент. Сообщение о нахождении на Новой Земле некой «Святой Земли».]

Литературные чиновники советского закала, на случай если они не дай бог столкнутся с настоящим новым талантом, имели такую заготовленную приговорку: «Если ты увидел в небе первую звезду – значит звёзд на небе уже много» (имея ввиду, что в любом случае не один ты у них тут такой).

Эти люди жить умели. А потому было бы глупо пренебрегать их опытом. Посмотрим, не было ли на научном «небе» интересующей нас эпохи (середина XVI века) каких других похожих информационных «звёзд».

Оказывается, были.

В Национальной Библиотеке Франции хранится изготовленная типографским способом развёртка большого глобуса (на двенадцати отдельных криволинейных клиньях), неофициально именуемая «An Antwerp unicum» (BNF, Res. Ge AA-1255).

Происхождение этой развёртки неизвестно, автор неизвестен, место издания неизвестно. Дата составления определена по косвенным признакам так: «не ранее 1581, не позднее 1587». Будем держаться, чтобы с запасом, последней даты.

Итак, «An Antwerp unicum», 1587. И здесь, на полярном континенте, напротив северных берегов Евразии, мы видим следующие слова:

[1587]

Stolp montium totius mundi altissimus et ideo Colomna mundi dicitur G. P.

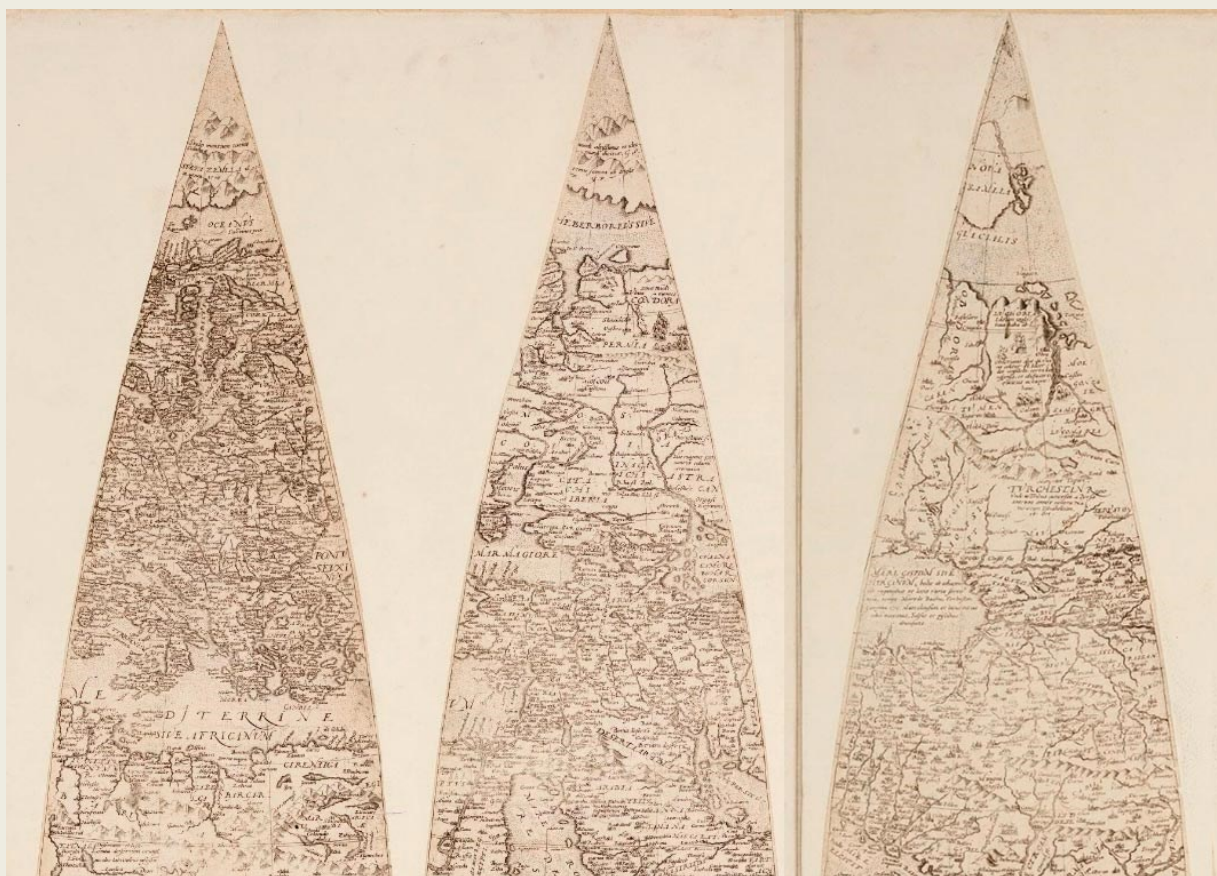
«Гора «Столп», самая высокая в мире, то есть «Мировая Колонна», по словам G. P.»

SVETA ZEMLIA id est terra sancta ab Anglis inuenta 1550 ex G.P.

«SVETA ZEMLIA, что значит «Святая Земля»; открыта англичанами в 1550 году, согласно G. P.»

NOVA SAMLIA

«НОВАЯ ЗЕМЛЯ»

[Илл. 06-16-01-1. Развёртка глобуса «An Antwerp unicum» (BNF, Res. Ge AA-1255). Три сегмента Северного полушария.]

[Илл. 06-16-01-2. Там же. Фрагмент-1.]

[Илл. 06-16-01-3. Там же. Фрагмент-2.]

[Илл. 06-16-01-4. Там же. Фрагмент-3.]

[Илл. 06-16-01-5. Там же. Слова «G.P.»]

В этих скупых фразах замечательно всё. Но самое здесь замечательное – это слово «G. P.»

Что в данном случае означает не «Grand Prix», и даже не «General Post», а «Guillaume Postel».

Знакомьтесь: Гийом Постель, один из титанов эпохи. Астролог, алхимик, каббалист, путешественник, пророк, официальный сумасшедший со справкой, умнейший человек эпохи, космограф, создатель теории Единого человечества. Проживший, как известно всем и каждому, ровно 130 лет. И если арифметика дат его жизни (1510-1581) не совсем согласуется с этим числом, то тем хуже для арифметики.

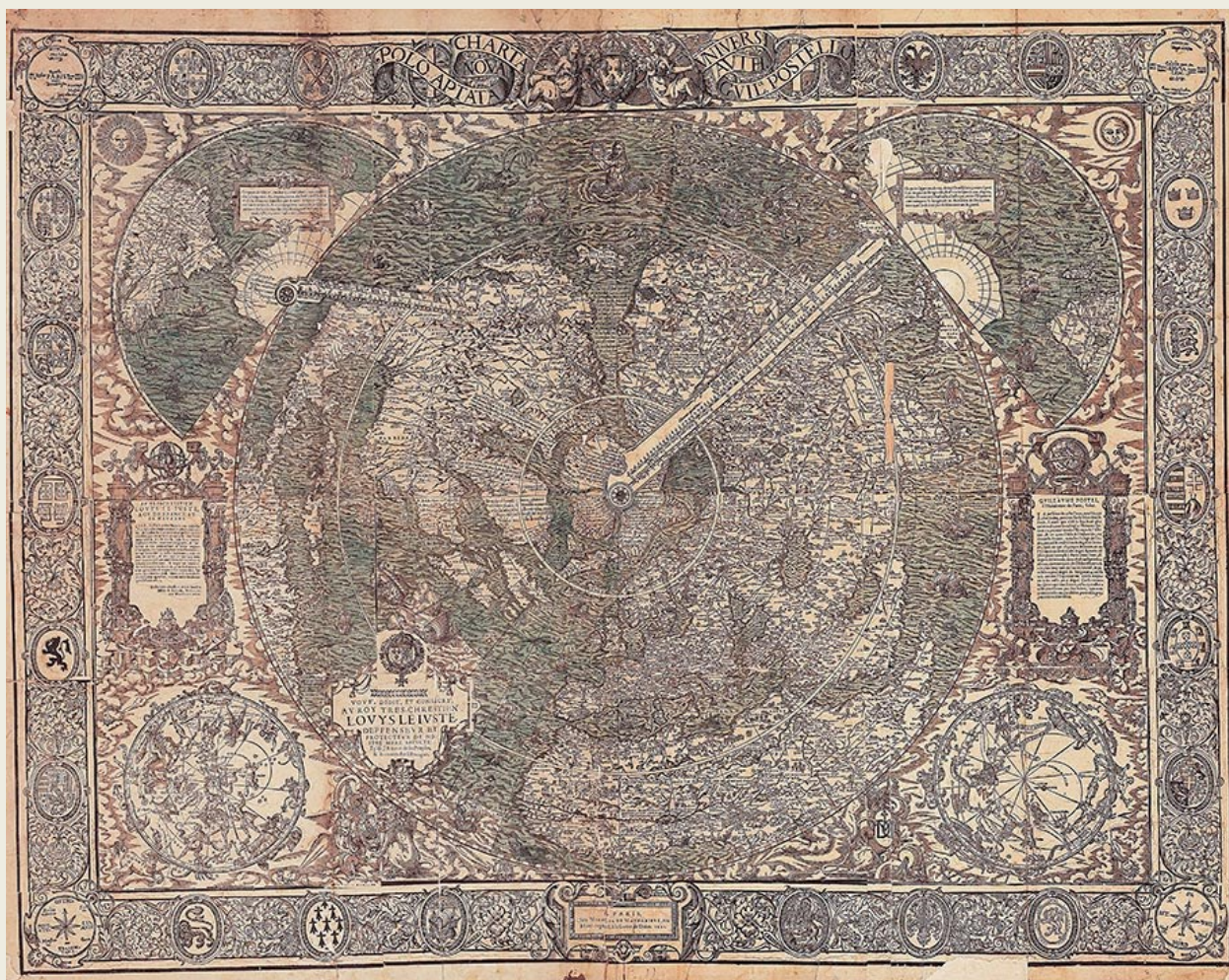
Гийом Постель сделал первый перевод на латынь «библии каббалистов» – книги «Zohar» («Книга Сияния»), а заодно и книги «Behir» («Книга Света»). Написал историю «Турецкой республики» (!), провёл сравнительный анализ 12 алфавитов, включая ранне-славянский иллирийский, армянский, индийский (подозрительно напоминающий коптский) и грузинский (больше похожий на русский), описал в мельчайших деталях устройство мира. Список его только изданных трудов занимает несколько страниц, основная же часть работ осталась в рукописях.

Одна только деталь. Когда Постель послал единственный экземпляр рукописи своего перевода книги «Zohar» издателю, а тот не стал её пока печатать и отложил до более удобного момента (как оказалось, навсегда) – Постель, вместо того чтобы истребовать рукопись назад, заново перевёл это огромное многотомное со-

чинение. Зная наперёд (будучи пророком), что судьба второго перевода повторит судьбу первого.

В числе своих прочих свершений, Гийом Постель создал уникальную карту мира – «Polo Aptata Nova Charta Universi» (1578).

Карта была отпечатана методом ксилографии, с деревянных досок (когда вообще-то уже в широком ходу была гравировка по меди). Ни одного экземпляра первого тиража этой карты (1578) до нашего времени не дошло. Однако сами доски какое-то время ещё сохранялись, и 43 года спустя с их использованием был отпечатан второй тираж карты (1621). И он-то, по счастью, сохранился (France, Service historique de la Marine, recueil 1, carte 10).

[Илл. 06-16-02-1. Карта Гийома Постеля «Polo Aptata Nova Charta Universi» (1578). Второе издание 1621 года (France, Service historique de la Marine, recueil 1, carte 10.)]

И на этой карте, на некой Земле, расположенной около Северного Полюса, значится следующее:

[1578]

STOLP mons, toto in mundo altissimus qui ea dere Colomna mundi dicitur.

«Гора СТОЛП, высочайшая в мире, является, как говорят, «Мировой Колонной»

SVETA Zemlia id est terra sancta 1550 ab Anglis inuenta

«SVETA Zemlia, то есть «святая земля», открыта англичанами в 1550 году»

[Илл. 06-16-02-2. Там же. Фрагмент. «SVETA Zemlia».]

Вот откуда, выходит, всё пошло. В том числе и «Мировой Столп», отождествляемый с высочайшей полярной горой. Хотя по нему и остаются вопросы, типа: «Насколько он вошёл в прошлое?», или «Сколь велико то от него, что совпадает с будущим?», и др. (Ахт. X, 7:9).

И при всём при этом всё равно непонятно – что это за такая «Святая Земля» в Заполярье? А Палестина тогда что?

Тут так. Палестина, конечно – Палестина, но это по большому счёту дела уже прошлые. Ведь, как известно, после Вавилонского плена в Палестину вернулись только два «колена Израилева», а остальные «десять колен» пропали тогда бесследно.

Возможность того, что они могли ассимилировать и попросту предпочли остаться в развитой и обустроенной стране – такая возможность в приличном обществе, разумеется, даже не обсуждалась. Значит, эти «десять колен» куда-то из Вавилона ушли – и где-то они до сего момента и находятся; это место условно обозначается словом «Арзарет». Но где-бы этот Арзарет ни находился, он по факту является «Святой Землёй». Скажем больше – это место по статусу уже вполне тянет на полноценный «Земной Рай».

Хорошо, но где этот Арзарет всё-таки следует искать? На этот счёт существовали разные мнения, как и относительно местоположения собственно Земного Рая.

В своей научной молодости Гийом Постель следовал библейскому мейнстриму и Земной Рай размещал на «востоке» – сначала на условном, а потом, по мере освоения им географических знаний, на вполне конкретном – на Молуккских островах («Les merveilles du monde», 1553, гл. 12-15).

Однако спустя всего несколько лет, к 1560, его точка зрения в этом вопросе радикально меняется. «Земной Рай» и «Арзарет» располагаются теперь не где-нибудь, а в Арктике, в непосредственной близости от Северного Полюса. Что такого за эти несколько лет произошло?

Две вещи: сэр Хью Уиллоуби открыл за это время Новую Землю (1553), и сам Постель по приговору инквизиции отсидел четыре года в папской тюрьме Рипетта (с 1555 по 1559). Так что моё легкомысленное выражение про «всего несколько лет» было не слишком удачным. Это для нас они «всего», для Постеля же это были «целых» четыре года – особенно если учесть, что посадили его пожизненно. Но так повезло, что летом 1559 понтифик Павел IV перешёл в мир иной – и под это дело часть сидельцев, в частности Постеля, выпустили на свободу.

Следующие три года знаменуются у Постеля целым фейерверком научных трудов. В том числе и географическим описанием мира «Cosmographicae disciplinae compendium» (1561). Где Постель со всей определённости устанавливает новый мировой порядок, при котором и «Земной Рай», и «Арзарет», и «Святая Земля» – всё находится теперь (после плавания англичан и переоценки внутренних ценностей) на Крайнем Севере. Кому, как не Постелю это знать – ведь за веру свою беззаветную сколько лет отдыхал он в Раю.

[1561]

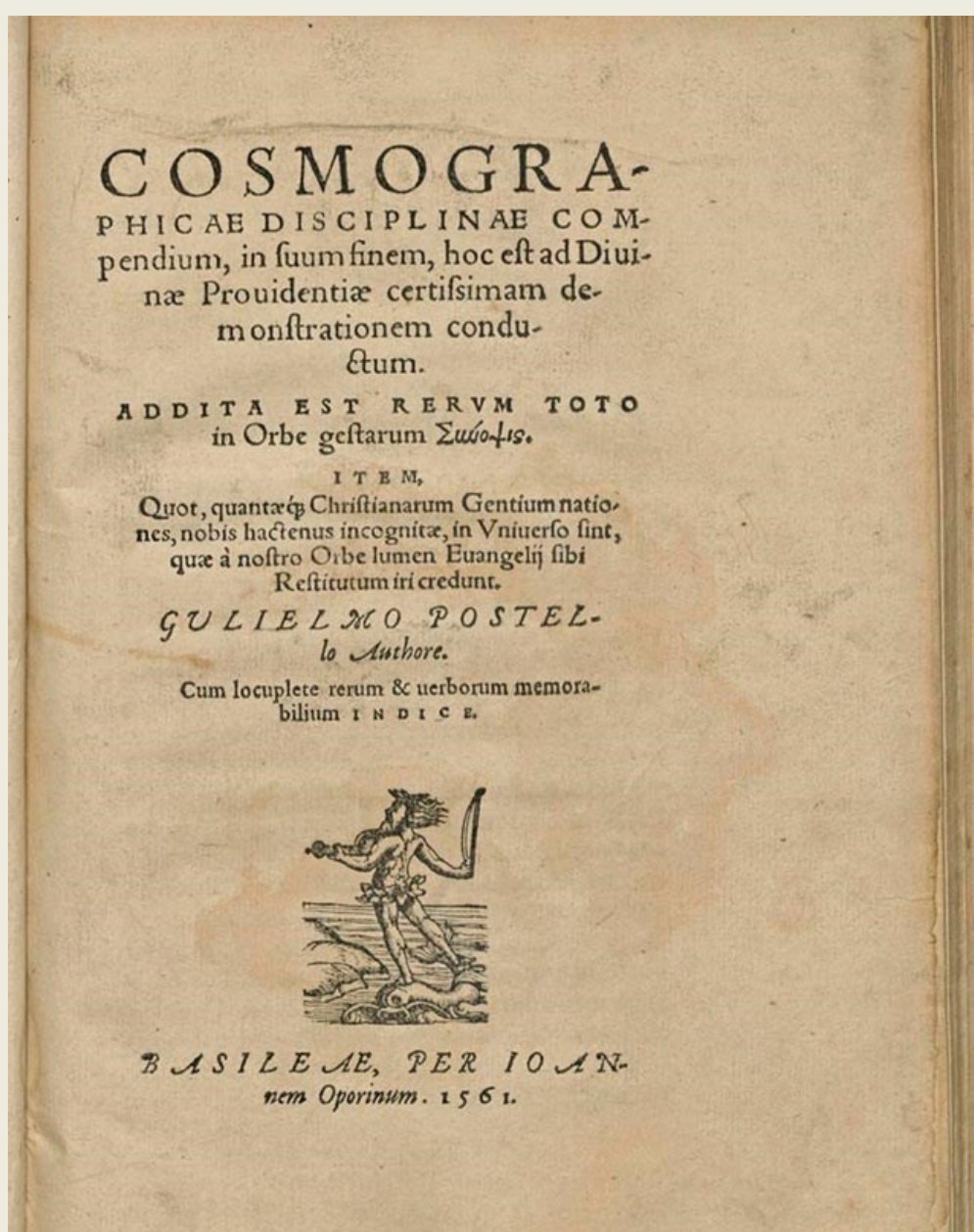
...ut **navigatione Anglicana** anno **1555** relatum est (f. 4)

Aquilonaris Paradisi terrestris locus (f. 25)

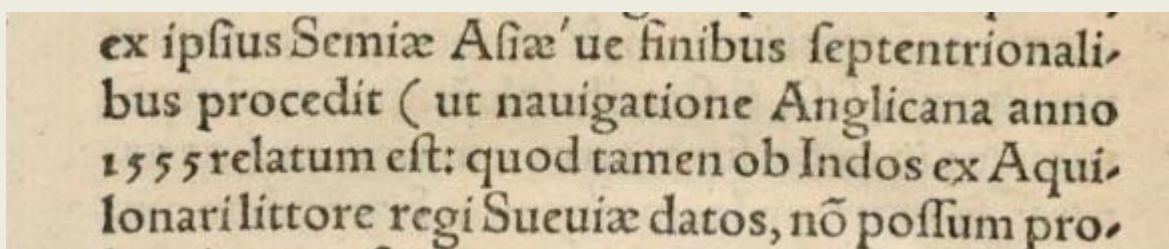
Arsareticae terre, in **Aquilonari** Semiae angulo constitutis (f. 20)

Suueta Gemla, montem totius mundi altissimum, ex ui terrene elevationis ad **Aquilones** (f. 8)

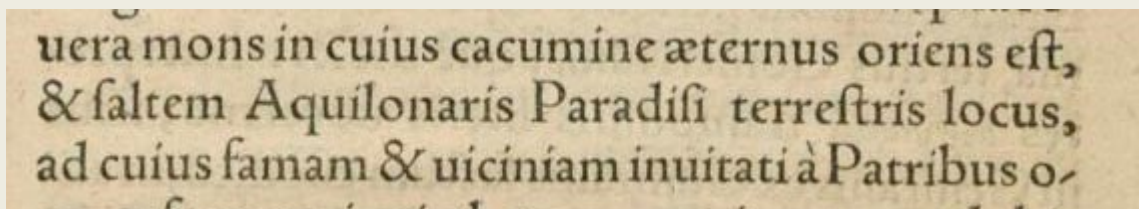
(Postel, «Cosmographicae Disciplinae Compendium», 1561)

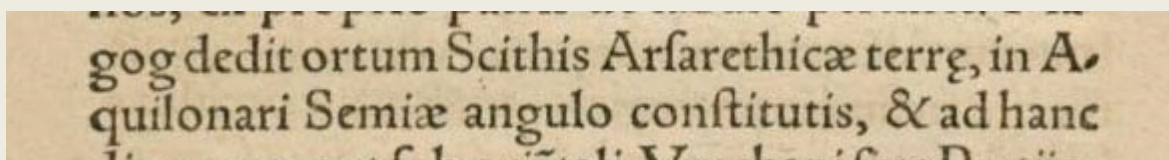
[Илл. 06-16-03-1. Гийом Постель, «Cosmographicae disciplinae compendium» (1561).]

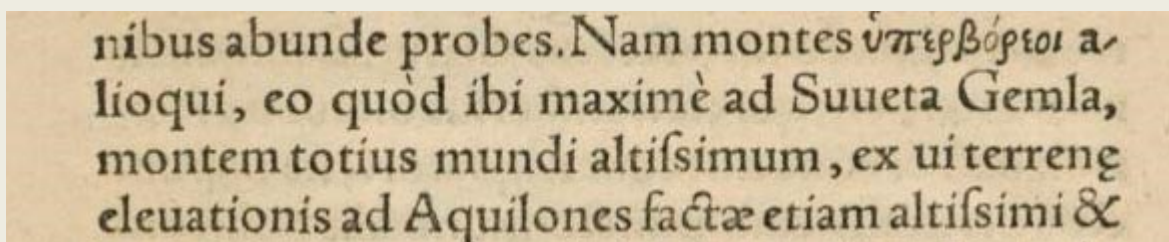
[Илл. 06-16-04-1. Там же. Стр. 4, фрагмент.]

[Илл. 06-16-05-1. Там же. Стр. 25, фрагмент.]

[Илл. 06-16-06-1. Там же. Стр. 20, фрагмент.]

[Илл. 06-16-07-1. Там же. Стр. 8, фрагмент.]

«Святая Земля» написана здесь с характерной ошибкой («Suueta Gemla»), позволяющей предположить, что данный топоним Постель почерпнул из источника, использовавшего готический шрифт (например, источника английского – см. издание Тёрбервиля) – поскольку буква «S» в готическом варианте практически неотличима от буквы «G», набранной нашей человеческой антиквой.

[Илл. 06-16-08-1. «G», набранное «антиквой» (Постель, «Cosmographica...», 1561, с. 8, «Gemla») и «S» готическое (Рёслин, «Mitternächliche Schiffahrt...», 1610, с. 1, «Stern».)]

Существует и другая работа Постеля (оставшаяся в рукописи), где он уже прямо сводит в одной точке Северный Полюс («polo»), Рай («Paradiso») и «Святую Землю» («Sveta Gemla») – попутно сообщая открытым текстом то, о чём мы и так давно догадались – о русском происхождении последнего топонима.

[1560]

Mons est in **regione aquilonari**, sub ipsoque ferme **polo** ubi terra maxime elevatur constitutus quem <...> **Moscovitarum lingua** vocant **Sveta Gemla** sive terra sancta <...> ipsi **Paradiso** contingeret

(Postel, «De Universitate sive de Cosmographico auditu Dispunctiones...», 1560, рукопись. British Museum, MS Sloane 1412, f. 6)

Про Арктику, Арзарет, Святую Землю и Рай мы знаем теперь уже достаточно. Но есть ещё одна работа Постеля, придающая данной теме некий дополнительный объём. Это – уже упоминавшаяся «История Турецкой республики» (1560).

Вторая часть этого труда является по сути отдельной книгой и в качестве таковой имеет собственное название «История происхождения, законов и одежд тартар, персов, арабов, турок и т.д.» («Histoire et consideration de l'origine, loy, et coustume des Tartares...»). Нас будет интересовать глава «О тартарах и их происхождении» («Des Tartares et de leur origine»).

И здесь рассказана просто удивительная история, которую я бы назвал «Исход-2».

На самом деле «десять колен» («dix Tribus») не пропали, а ушли на далёкий Север («en Septentrion»), чтобы в нужное время оттуда вернуться и воплотить Земное царство Мессии («terrestre regne du Messie»).

Там, на Севере, эти «десять колен» сначала жили у подножия неких гор на самом берегу Ледовитого океана («au pié de la montaigne qui touche la mer Septentrionale»). Но там им не слишком-то нравилось. А потому, под предводительством Ангела («Ange») и своего вождя («Prince»), они в конце-концов решили уйти ещё дальше в Арктику.

Для этого они, как это некогда сделал Моисей, обратились к Господу с молитвами («faisant neuf oraisons a Dieu»). И, как некогда это случилось с Красным морем, воды Ледовитого океана чудесным образом расступились («miraculeusement, la mer se retire»), и они, вместе со своим скотом и повозками («bestail & charrois»), перешли посуху на некую «землю» («la planure»), лежащую в Ледовитом океане – где с тех пор и находятся.

Географически, всё это примыкает с севера к границам России («pres de la Russie»), а также почему-то Литвы и Польши. Не забыт был в этом повествовании и Арзарет, ставший «Архаретом» («Arharet»). Называется даже имя «вождя», осуществившего этот «исход», но не будем сейчас уходить в сторону.

Таким образом всё встало на свои места – и Рай, и Арзарет, и «Святая Земля» Мессии. Единственно, ещё бы хотелось, чтобы автор как-то уточнил географию, ведь Север – он большой.

Гийом Постель сделал и это – посредством всё той же своей карты «Polo Aptata...». Выше мы видели лишь её небольшой фрагмент. А теперь посмотрим тоже фрагмент, но чуть побольше. Из которого ясно видно, что «Святая Земля» вплотную примыкает к Новой Земле, представляя собой – в реальной географии – её Северный остров.

[Илл. 06-16-02-3. Карта Гийома Постеля «Polo Aptata Nova Charta Universi», 1578. Фрагмент.]

А теперь подытожим общие представления эпохи.

Резюме: Земной Рай, место обретения «десяти колен Израилевых», Арзарет и русская «Sueta Zemla» – всё это суть одно и то же, и находится всё это в северной части Новой Земли, откуда и должен явиться Мессия.

Дополнительное указание

Сакральная аура Полярного региона дополнительно усилилась в результате следующего знаменательного события.

6 ноября 1572 в небе вспыхнула новая звезда. Не метеорит, не комета, а именно – «звезда неподвижного неба».

Это была «сверхновая Тихо Браге» (SN1572), одна из самых известных исторических «сверхновых». Она была столь ярка, что была видна даже днём. Ни один уважающий себя астролог не мог позволить себе остаться от этого дела в стороне.

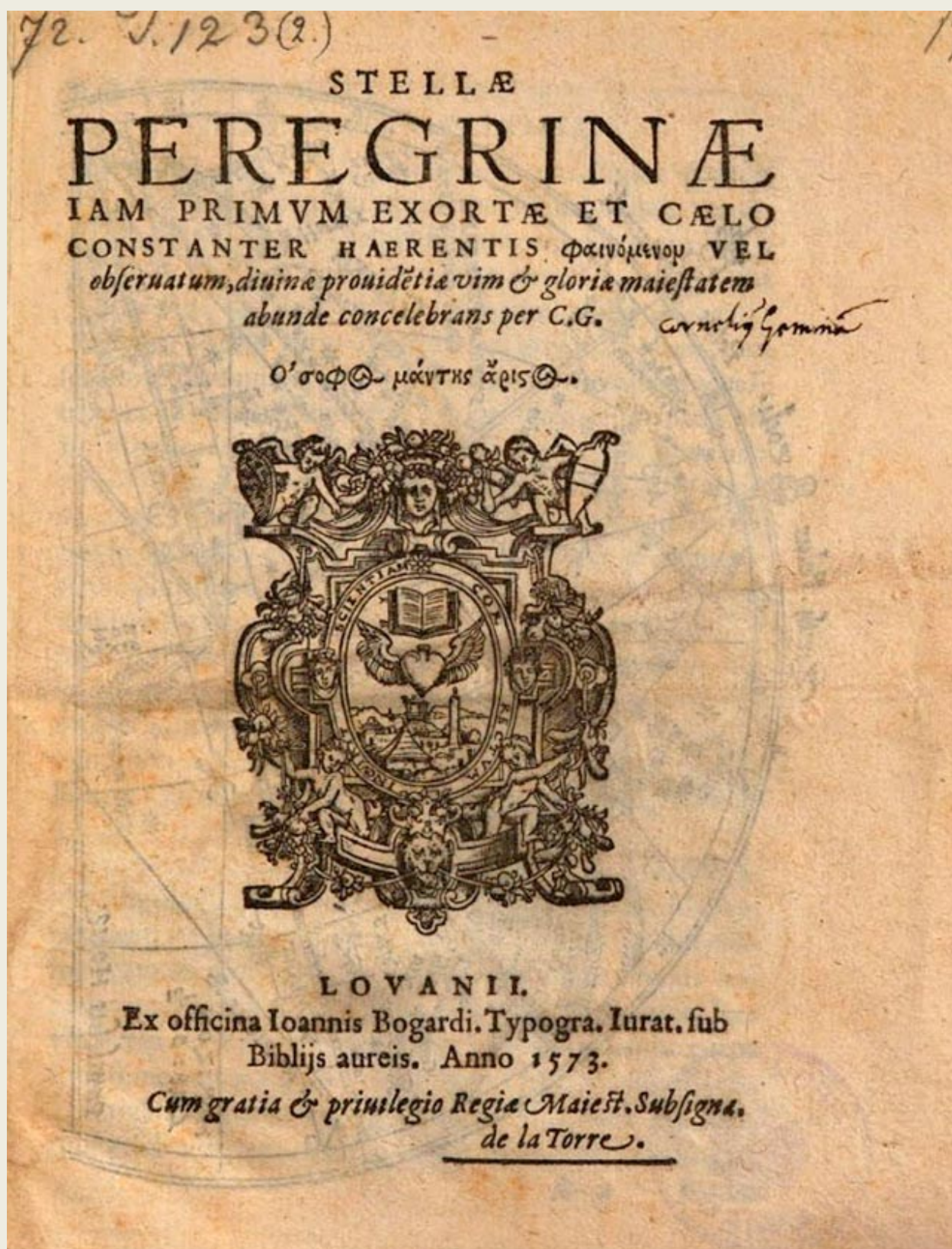
Первым, кто откликнулся на это событие серьёзной научной работой, стал потомственный астроном (уже «астроном») Корнелиус Гемма. Его короткая и яркая статья «*Stellae Peregrinae*» («Звезда-гостя»), изданная брошюрой по свежим следам, стала классикой жанра и в течение ближайших нескольких лет многократно переиздавалась.

Несмотря на свой серьёзный астрономический статус, основной упор в своей статье Гемма сделал на «астрологической», предсказательной стороне дела, усматривая в появлении звезды высший знак и предлагая свою версию его истолкования. Если коротко – ждём Мессию.

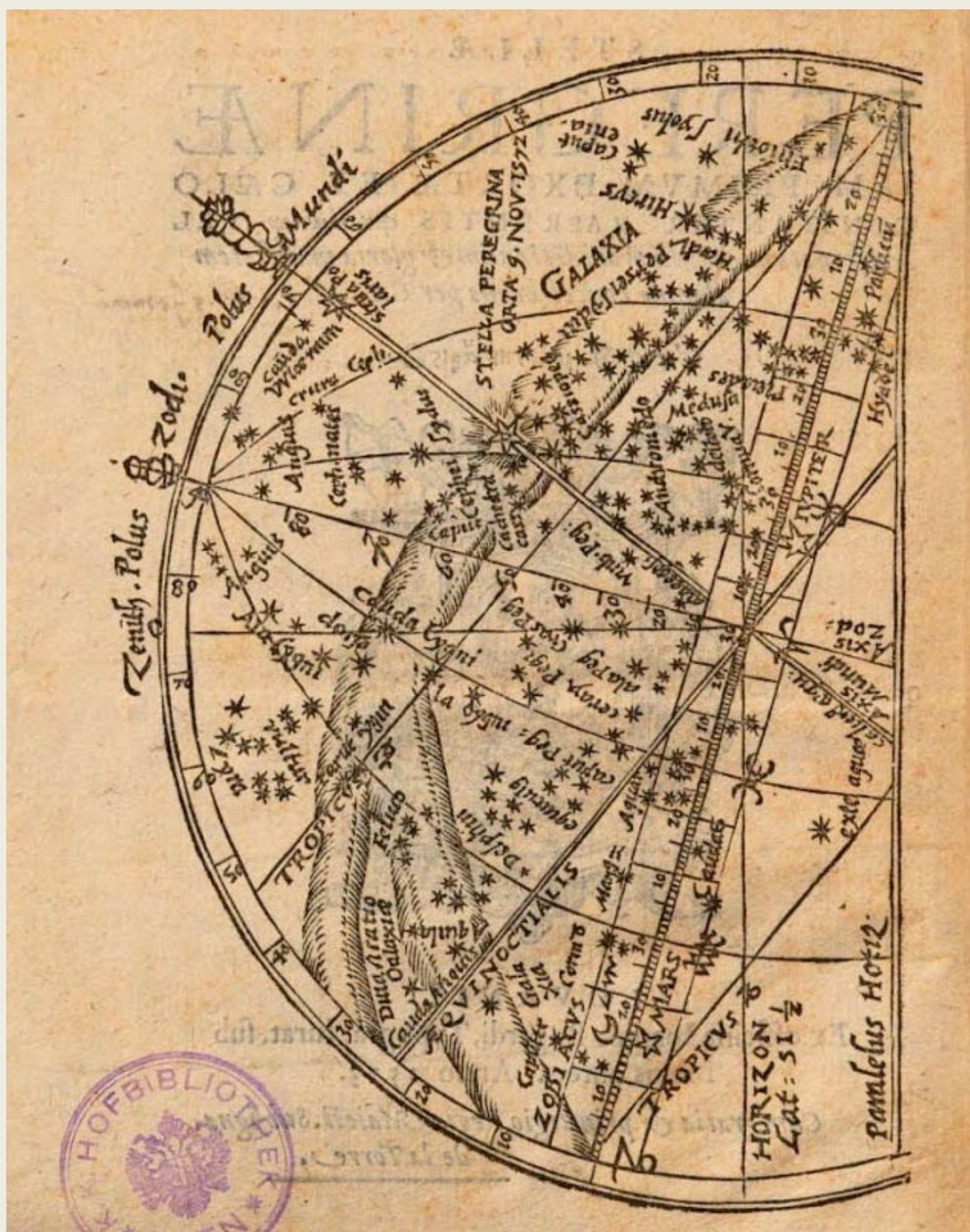
Данное понимание сути явления Гемма подкрепил всей мощью аргументов современной науки. Главным фактором здесь стало конкретное местоположение Новой звезды. Ибо тут, действительно, было слишком много совпадений. Например, Новая звезда оказалась на одной широте с Зодиакальным полюсом – и одновременно с этим – лежала прямо на Галактическом экваторе. Не говоря уж о том, в каком конкретно созвездии она появилась.

И ещё, что важно для нашей темы – проступала отчётливая связь Новой звезды с Арктикой. Звезда расположилась прямо на Полярном круге (Arctic Circle; да-да, на небесной сфере есть свои полярные круги), и кроме того – прямой путь от Новой звезды к Полюсу Мира (Polus Mundi) прошёл точно через Полярную звезду (Polar Stella).

Всё это хорошо видно на рисунках, которыми Гемма сопровождал свою статью:

[Илл. 06-17-01-1. Корнелиус Гемма, «Stellae Peregrinae», 1573.]

[Илл. 06-17-02-1. Там же. Расположение Новой звезды на Небесной сфере относительно «Галактического экватора», «Полюса Мира» и «Полярной звезды», f. A1-v.]

[Илл. 06-17-03-1. Там же. Расположение Новой звезды относительно «Арктического круга», «Полюса Мира» и «Полярной звезды» (не подписана, но обозначена), f. A3.]

На всякий случай уточню термины. «Полюс Мира» – это та неподвижная точка на звёздном небе, вокруг которой вращаются все звёзды. Направление на «Полюс Мира» – это и есть точное направление на Север, по определению.

При этом Полярная звезда находится не «точно» в Полюсе Мира, а лишь «недалеко» от него, являясь всего-навсего удобным бытовым ориентиром, отнюдь не достаточным для реальной навигации. Так что Полярная звезда вместе со всеми остальными звёздами каждые сутки совершает на небе полный оборот вокруг Полюса Мира – правда по окружности небольшого радиуса. Сейчас этот радиус составляет на небе чуть меньше одного углового градуса.

Почему я сказал «сейчас»? Потому, что Полюс Мира постепенно смещается – из-за прецессии Земной оси. Смещается медленно, но в исторических масштабах вполне ощутимо. Так, за последние 500 лет он «уполз» примерно на три градуса. А при Гомере «Полюс Мира» и близко не находился к Полярной звезде, и, соответственно, последняя никак не могла считаться «полярной». Так оно, собственно, и было – нынешнюю Полярную звезду впервые назвал «полярной» только Фризиус Гемма – отец нашего Корнелиуса, и произошло это в 1547 (зафиксировано в посмертном издании его книги «Gemmae Frisij medici ac mathematici de astro-labo catholico liber», 1556, f. 20: «stella illa qua polaris dicitur a polo distat.»)

Так где в таком случае располагался Полюс Мира в 1572 – дальше от Полярной звезды, чем сейчас – или ближе к ней? Дальше. Но при этом он располагался так,

что линия между Новой звездой и Полюсом Мира проходила тогда прямо через Полярную звезду, а сейчас эта линия проходит от неё несколько в стороне.

А потому не следует удивляться тому удивлению, которое вызвала в 1572 точность геометрических рифм. За этим определённо что-то стояло. Какое-то важное «полярное» указание.

Мнимая природа этих геометрических подобий никого смутить не могла. Реальность существования мнимых сущностей блистательно доказал Рафаэль Бомбелли, который в том же самом 1572 открыл существование «мнимых чисел» («L Algebra», 1572), с того момента уверенно вошедших в высший математический пантеон.

Означенная геометрия обретала особое значение ещё и в свете того, что весь научный мир сразу и безоговорочно признал наличие параллели между появившейся Новой звездой и новозаветной «Звездой волхвов», что горела над Сирийской пустыней за 1572 года до этого. Та звезда указывала тогда на Вифлеем, нынешняя – указывала сейчас на Север.

Резюме: Новая звезда SN1572, вспыхнувшая в небе в 1572, была воспринята, как указание на особую роль Полярного региона в грядущих судьбах мира.

Всё сходится

Ещё больше масла в огонь ментального северного сияния подлило одно оказавшееся очень к месту предсказание Нострадамуса. Вижу в зале улыбки.

А зря улыбаетесь, между прочим. Конкретно данное предсказание попало что называется не в бровь а в глаз.

И не имеет ровно никакого значения, верю ли в данные предсказания я, верите ли в них вы, и даже верил ли в них сам их автор. Для понимания скрытых пружин, управлявших поведением людей образца 1572 года, важно лишь то, верили ли в эти предсказания они.

А они верили в них свято. Точка.

А тут ещё вовремя подоспело очередное переиздание «Пророчеств...» («Les Propheties de M. Michele Nostradamus»), осуществлённое в Лионе издателем Бенуа Риго (Benoist Rigaud). Формально на всех экземплярах значится 1568 год, но фактически тираж многократно допечатывался (с нюансами) – и в 1571, и в 1572, и бог ещё знает когда. Так что недостатка в «Пророчествах» на книжных прилавках к моменту появления в небе звезды SN1572 не ощущалось.

Вообще, издательским интересом к своим «Пророчествам» Нострадамус поначалу обделён не был. Однако в последние годы его жизни издательский процесс заметно притормозился. И вот теперь, всего через два года после его смерти, словно как прорвало.

По-человечески это где-то понятно. Очень трудно заставить себя признать, что твой сосед, с которым ты ежедневно сталкиваешься в магазине – гений. А вот когда... тогда – другое дело. Гораздо легче.

Короче, в 1566 Нострадамус умер, а уже через пару лет сразу несколько следующих одно за другим переизданий его «Пророчеств» заполнили рынок и умы. Маленький прованский город Салон-де-Прованс, где Нострадамус написал свои Центурии, стал местом паломничества.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретного пророчества, короткое замечание по поводу пророчеств вообще.

Пророчество, которое может быть понято только задним числом, пророчеством вообще не является. Смысл любого предсказания – предупредить заранее. И это требование определяет универсальную структуру всех без исключения добросовестных пророчеств. Там обязательно должны присутствовать три элемента: «когда произойдёт», «что произойдёт» и «где произойдёт». Эти-то элементы мы и будем вычленять из хитросплетений словес.

Итак, знаменитое пророчество № 41 второй Центурии (2-41) – по изданию 1568 года, нумерация строк моя:

XLI

La grand' estoille par sept iours bruslera, (1)
Nuée fera deux soleils apparoir: (2)
Le gros mastin toute nuict hurlera, (3)
Quand grand pontife changera de terroir. (4)

XLI.
La grand' estoille par sept iours bruslera,
Nuée fera deux soleils apparoir:
Le gros mastin toute nuict hurlera,
Quand grand pontife changera de terroir.

[Илл. 06-18-01-1. Пророчество Нострадамуса 2-41 по изданию 1568, с. 37, BNF]

Всем всё понятно? Очень хорошо. Но для себя я всё-таки ещё раз проговорю основные моменты. Итак: когда, что и где.

1. «Когда»

Строки 1-я и 4-я. «Великая Звезда будет сиять семь дней» (1), и «Когда Великий Понтифик сменит почву» (4).

Тут всё предельно прозрачно. «Сияющая Звезда» – это и есть сияющая звезда, «Великий Понтифик» – это Папа Римский, «сменит почву» – перейдёт в «мир иной», в данном случае – в Рай. А всё вместе будет так – «некое важное событие

произойдёт тогда, когда на небе неожиданно загорится звезда, и одновременно с этим умрёт Папа Римский».

Понтифики в ту пору переходили в иные миры достаточно часто, но всё-таки далеко не каждый год. А «новые звёзды» (звёзды, а не кометы) загорались на небе вообще исключительно редко. В частности, с момента первого опубликования Нострадамусом данного пророчества (1555), вспышка Новой звезды 1572 года стала первой вспышкой такого рода. И как раз в этом же году скончался Пий V.

А то, что «звезда» сияла не семь дней, а значительно дольше – это делу сильно не мешало, поскольку данные слова можно понимать как «семь дней *в неделю*», то есть – «непрерывно».

Всё идеально сошлось, так что с этим пунктом сомнений не было: данное пророчество относилось именно к 1572 году.

2. «Что»

Вторая половина 2-й строки. «Deux soleils apparoir», «Появятся два Солнца» (2).

Отмечаем сразу атмосферные явления типа «солнечного гало» (или, как разновидности, «парагелий» или «антигелий») – пророчества не опускаются до рутинных предсказаний погоды.

Так что эти слова следует понимать иносказательно. Благо, используемая образность является совершенно стандартной как для позднего средневековья, так и для Ренессанса. Одно Солнце в подобных выражениях – это обычное Солнце, а второе Солнце – та или иная выдающаяся личность («Солнце светится на небеси – Игорь князь въ Русской земли»). А поскольку масштаб данного пророчества таков, что даже «великие понтифики» используются в нём лишь для обозначения времени грядущего события, то речь тут может идти о Мессии.

Итак: «Вскоре после 1572 явится Мессия». А где?

3. «Где»

Начало 2-й строки. «Nuée fera [deux soleils] apparoir» – «NUÉE обеспечит появление [двух Солнц]» (2).

Когда переводчики не хотят особо заморачиваться, они переводят французское слово «пи́е» как «облако». Часто выплёскивая при этом ребёнка, а в данном случае даже двух. В оправдание переводчиков следует заметить, что в русском языке не существует точного эквивалента слову «пи́е».

Обычное наше «облако» по-французски будет «nuage». А «пи́е» – это облако в очень своеобразной его ипостаси, это – «облако, как причина появления тени, темноты». Когда говорят «пи́е», то на самом деле хотят сказать о неожиданном и резком потемнении.

Всю специфику слова «пи́е» легче прочувствовать в конкретных примерах. Приводимые ниже словоупотребления не только гарантированно были известны ста

процентам интересующей нас аудитории, но и в значительной степени определяли языковую норму своего времени.

Итак, «La Sainte Bible», издана в Лионе в 1557 году. Книга невероятной красоты. Вот её титульный лист, просто для удовольствия:

[Илл. 06-18-02-1. Французская Библия издания 1557, «La Sainte Bible». Титульный лист.]

[Илл. 06-18-02-2. Там же. Фрагмент-1.]

[Илл. 06-18-02-3. Там же. Фрагмент-2.]

[Илл. 06-18-02-4. Там же. Фрагмент-3.]

[Илл. 06-18-02-5. Там же. Фрагмент-4.]

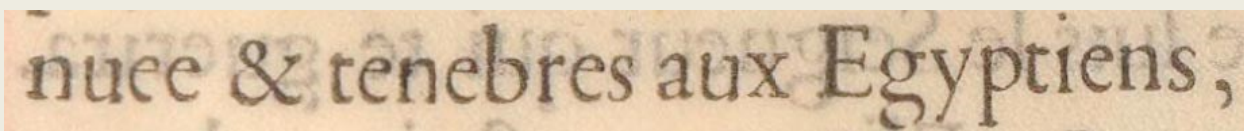
[Илл. 06-18-02-6. Там же. Фрагмент-5.]

Хорошо, а теперь посмотрим здесь книгу «Исход», главу 14. Хрестоматийное место, известное многим наизусть. Народ Моисея бежит из Египта, но на самом берегу Красного моря их настигает армия фараона. Тогда ангел в облике «*nuée*» погружает египетскую армию во тьму («*tenebres*»), что мешает немедленному нападению. А дальше Красное море расступается (как давеча наш Ледовитый океан), народ переходит на другой берег – и так далее. Даю точную цитату и её русский вариант в синодальном переводе:

...& fut une **nuee & tenebres** aux Egyptiens <...> Alors Moyse estendit sa main sus la mer <...> & mit la mer à sec.

...и был **облаком и мраком** для египтян <...> И простер Моисей руку свою на море <...> и расступились воды.

(Исход, 14:20)

[Илл. 06-18-03-1. «La Sainte Bible», 1557. Книга «Исход», 14:20. «Nuee & tenebres aux Egyptiens», с. 67.]

Это, наверно, самое знаменитое во всей мировой литературе место со словом «*nuée*». Но есть и множество других, не менее убедительных:

...и мраком покрыл Себя, как сению, сгустив воды облаков небесных
[**eaues obscures, & nuees espesses**] (2 Цар. 22:12)

...да веселятся многочисленные острова. Облако и мрак окрест Его
[**Nuee & obscurité**] (Пс. 97:2)

...день тьмы и мрака, день облачный и туманный [**Le iour de tenebres & d'obscurité, le iour de nuee**] (Иоиль, 2:2)

Как видим, «Темнота» и «Мрак» («Tenebres» и «Obscurité») идут со словом «Nuée» рука об руку. Мы говорим «Nuée», подразумеваем – «Темнота».

Но вернёмся к Нострадамусу. Получается, что «Темнота явит нам Мессию».

«Темнота» на первый взгляд – понятие вроде бы не очень географическое. Но это как смотреть.

«Книга о многообразии мира» Марко Поло за предшествовавшие 250 лет была полностью разобрана на цитаты, которые обеспечили материалом все последующие географические сочинения на добрую половину их объёма. А в частях, касающихся «трудных» регионов, особенно севера Евразии – так и на добрые девять десятых. Если не на девяносто девять сотых.

Так вот, у Марко Поло в конце книги есть специальная глава (в разных изданиях идущая под разными номерами, интересующиеся легко найдут), посвящённая некой «Стране Темноты» («*Regione Tenebras*») в которой царит Мрак («*Obscuritas*»). Находится эта страна на Крайнем Севере («*in extremis septentrional*») и граничит с Россией («*Ruthenos provincia*»).

Таким образом, выстраивается железная цепь тождеств: «Nuée» = «Темнота» = «Страна Темноты» = «Полярный регион». Тот самый «Полярный регион», что явит нам Мессию.

4. «Бонус»

Строка 3-я. «Огромный Пёс будет скулить всю ночь» (3).

Вот как раз эти слова никто толком понять тогда так и не смог. Возможно, что в них дополнительно уточнялось время грядущего события. В практическом плане, к этому тёмному месту сформировался следующий подход – да, за появлением некого «Огромного Пса» (что бы это ни было) надо внимательно следить, но в принципе и без этого всё более-менее понятно. Так что к 3-й строке следует относиться, просто как к бонусу.

На этом с Нострадамусом можно и закончить (если это в принципе возможно). Хочу только высказать одно личное соображение. Наверняка это уже где-нибудь отмечалось, так что я не претендую здесь на оригинальность. Соображение заключается в том, что успех предсказаний Нострадамуса в большой степени обеспечила выбранная им литературная форма их подачи, а именно – стихотворная. В стихах «темнота» и «невнятность» воспринимаются публикой как естественное качество, никто от стихов иного и не ожидает. При этом стихи, парадоксальным образом, обладают повышенной силой убедительности. И то и другое для пророчества является просто находкой: индульгенция на невнятность, плюс доказательная сила рифм.

Так что думаю будет уместно закончить этот фрагмент тоже рифмами.

Вокруг Салона-де-Прованс
не утихают споры:
здесь Нострадамус, впавши в транс,
тревог рассеял споры –

что всходят вдруг, не зная дня,
последних лет пол-тыщи.
Сперва все говорят: «Фигня!»,
потом – костей не сыщешь.

Прованс, Прованс... и – раз! – Салон.
Колёса бьют чечётку.
Меж городом тут и селом
различие не чётко.

И – тишина... Как пуст Салон.
Дом заколочен Веры:
ремонт. У Девушки с веслом
улыбка Люцифера.

Приехали... Вот вам Прованс.
«Где тут у вас...» – «А та-а-ма!»
Всё *там* – получка и аванс:
гнездовые Нострадама.

Хранят в Салоне-де-Прованс
центурии инкубы.
Там, говорите, не про вас? –
раскатывайте губы!

Формат обычный: дом-музей,
с брошюрой и буклетом.
Но не понять, хоть облысей,
что будет даже летом.

Какой-то левый перевод,
обложка цвета брюквы.
Фигня, конечно... только вот
твоей там нету ль буквы?

Что пересохло вдруг во рту?
и что вспотела зальсь?
А-а, буковку увидел ту?
А может показалось.

Резюме: По-Нострадамусу, вскоре после 1572 года должен явиться Мессия, и придёт он из Полярного региона, лежащего рядом с Россией. И всё это как-то коррелирует с Раем (куда в 4-й строке переселился «великий понтифик»).

P-r-d-s

Paradis? Может быть.

А может быть – «Pardes», пардес. Каббалистическая техника чтения «сквозь текст».

Точнее – целых четыре техники, последовательно сменяющих одна другую по мере увеличения глубины проникновения в заложенный в тексте смысл.

Собственно, термин «пардес» и представляет собой аббревиатуру: ПаРДеС – Пешат, Ремаз, Дераш и Сод, соответствующие четырём уровням чтения. Самый мощный здесь инструмент, это, конечно, «Сод» – интуитивное проникновение в смысл. Этому надо долго учиться. Самый же простой – «Пешат», примерно соответствует нашему обычному, но очень внимательному и вдумчивому чтению.

Между этими полюсами располагается широкий спектр собственно каббалистических техник, в чём-то родственных дешифровке. Предполагается, что кроме смысла, лежащего на поверхности, в тексте могут содержаться ещё другие смыслы, зашифрованные их автором. И можно попытаться их расшифровать.

К примеру, некоторые слова в тексте могут представлять собой скрытые аббревиатуры, правильное раскрытие которых и даёт истинный смысл соответствующего места. А именно: Мысль Енота Скрепляет Тверди Астрала. Или можно попробовать читать только конечные буквы слов, и смотреть что получится – или начальные. Возвышенные желания обычно препятствуют успеху, – предупреждает нас, впрочем, Валери Соланас.

Если не получается и так и этак – можно зайти с другого конца. Возможно, автор как-то сопоставлял буквы с их числовыми значениями. Тогда текст можно преобразовать в последовательность цифр, с цифрами произвести те или иные математические операции, и полученные новые цифры опять развернуть в текст. Короче, возможностей много, пути неисповедимы, и жизнь прекрасна.

Всё это, а также многое другое, изложено в книге «Zohar», впервые переведённой на латинский язык Гийомом Постелем. Итак, снова Постель.

Новую звезду 1572 года Постель, разумеется, тоже отметил научной работой. Уже в 1573 он опубликовал статью «De Nova Stella...» («О Новой звезде»), предварив её перепечаткой уже известной нам работы Геммы.

Оставив в стороне все мало кому интересные астрономические подробности, Постель полностью сконцентрировался на главном. Появление звезды означает, что наступил момент, когда все старые царства исчезнут с лица земли, а царства новые подвергнутся реновации («cladem regni veteris, & novi renovationem», f. B2-r). Очень важную роль в выкладках Постеля играло то, в каком конкретно созвездии зажглась Новая звезда.

Хотя напрямую ни Новой Земли, ни Арктики Постель в своей работе не называет, в ней присутствует и Арзарет (известно где находящийся), и Мессия (известно отку-

да ожидаемый). И на это на всё накладывалось ещё одно интересное обстоятельство.

В предыдущей главе я рассказал, как именно было понято соответствующее пророчество Нострадамуса тогдашним обществом. Но Гийом Постель – это вам не «общество». Это совсем-совсем не общество. Так что посмотрим, как с этим обстояло тут.

Пока Нострадамус купался в лучах славы (начиная с 1555), пока его нарасхват приглашали к себе короли и королевы, а принцы и принцессы не чаяли как самим попасть к нему на приём – всё это время Постель мотал бессрочный срок на нарах в папской тюрьме. Когда Постеля сажали, никакого «Нострадамуса», как Великого Автора Центурий, ещё не было и в помине. А вот когда четыре года спустя по недосмотру властей Постель вышел на свободу (1559), мир уже не мог и шагу ступить без пророчеств «мудреца из Салона».

Эти два обстоятельства дают два важных ответа на два вроде бы второстепенных вопроса: 1) в каком году Постель мог впервые узнать о книге Нострадамуса, и 2) должен ли он был сразу ей заинтересоваться и тут же её заиметь?

Ответы такие: 1) 1559, 2) да.

Это важно знать для того, чтобы понять – какое именно издание «Пророчеств» должно было первым попасть Постелю в руки.

И тут, учитывая приведённые ответы, с большой вероятностью можно предположить, что это был экземпляр второго тиража лионского издания 1557 года (от 3 ноября, издатель – Antoine du Rosne). По той простой причине, что это – самое свежее на момент выхода Постеля из тюрьмы издание, в реальном существовании которого мы можем быть уверены. Более того – это вообще последнее прижизненное издание «Пророчеств», гарантированно существовавшее.

Для обычных читателей «слово туда – слово сюда» – не имеет большого значения. Люди целые страницы пропускают, чуть-что не по ним. Но у каббалистов – другой масштаб детализации мира. Здесь каждая буква на счету.

А теперь давайте посмотрим, как точно выглядел катрен 2-41 в том издании «Пророчеств», которым предположительно располагал Гийом Постель.

LES
PROPHETIES
DE M. MICHEL
NOSTRADAMVS.

Dont il en y'à trois cents qui
n'ont encores iamais
esté imprimées.

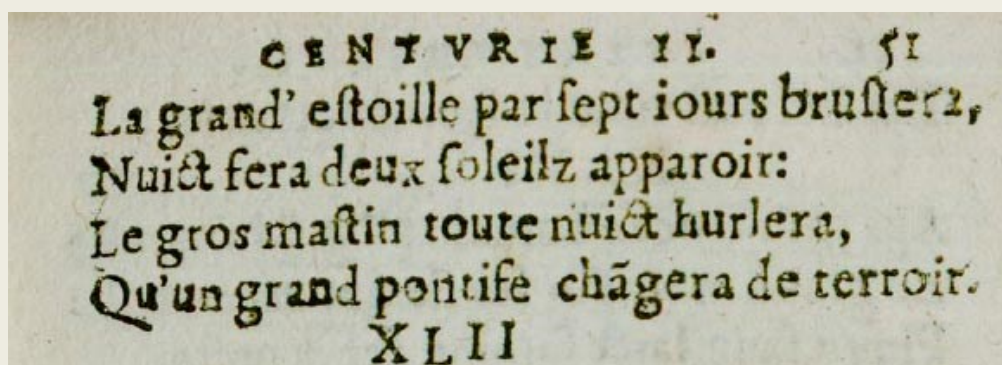

A LYON,
Chez Antoine du Rosne.

1557

Hobias tinger

[Илл. 06-19-01-1. «Пророчества» Нострадамуса в издании 1557, второй тираж от 3 ноября. Будапешт, Национальная Библиотека, Ant. 8192.]

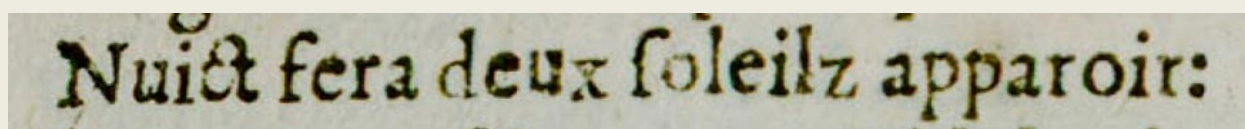

[Илл. 06-19-02-1. Там же. Катрен 2-41, с. 51. Номер катрена (XLI) находится на предыдущей странице.]

Чувствуете запах открытия?

То, что здесь прямым текстом написано «Nui&» («ночь» в старой орфографии) вместо выше расшифрованного нами «Nuée», – это никакое ещё не открытие. Это всего лишь дополнительное подтверждение и так уже известного факта: Полярный регион – это то же самое что и «Страна Темноты», и «Полуночная страна».

Так что давайте ещё раз присмотримся ко второй строке:

[Илл. 06-19-02-2. Там же. 2-я строка катрена Нострадамуса 2-41.]

Именно эта строка, напомним, полностью определяла суть грядущего события: «Откуда-то с Севера придёт Мессия». И вот Постель, дважды собственноручно переведший книгу «Zohar», видит эту строку.

Ядро смысла любого текста формируют существительные, а их в данной фразе два: «Nui&» и «Soleilz». По-прежнему ничего не видите?

Ещё подскажу: «**Nui&**» и «**SoleilZ**». Тут надо ещё знать, что буква «z» во французском языке – крайне редкая, а здесь она применена ещё и в нарушение орфографии (должно бы стоять «s»). И там, где глаз текстолога видит опечатку, глаз кабалиста видит знак свыше.

А при каббалистическом прочтении данной выборки, техника «малого круга» (первая и последняя буквы ключевого слова) даёт «SZ», а техника «большого круга» (первая и последняя буквы всей выборки) – «NZ».

Что не может означать ничего иного, кроме как «Sueta Zemla» и «Nova Zemla». По крайней мере – в сверхчеловеческом сознании Постеля, извострённом подвалами инквизиционной тюрьмы.

Вот что такое «пардес» в действии.

Или всё-таки то был Paradis?

Остаточный фон

Итак, наступил 1572 год. Потом закончился. Потом 1573. Потом 1574. Мессия из Арктики так и не явился. И вообще ниоткуда.

Интересно, что при этом стало с общественными представлениями о Земном Рае в окрестностях Новой Земли?

А ничего не стало. Как говорится, «знание общих закономерностей освобождает от груза фактов». Рай на Новой Земле успел закрепиться.

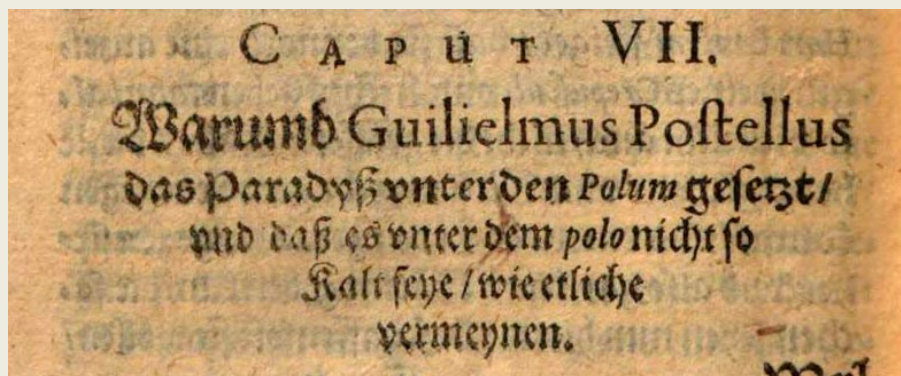
Наглядным свидетельством этого является научный труд, вышедший аж через 37 лет после того, как Новая звезда SN1572 окончательно погасла – книга «Полярное мореплавание...» («Mitternächliche Schiffahrt...», 1610). Автор – немецкий алхимик и астролог новой волны Элизареус Рёслин (Helisaerus Roeslin), весьма авторитетный в своей профессиональной среде. Например, Иоганн Кеплер даже на пике славы публично называл Рёслина своим учителем.

Книга Рёслина посвящена научной оценке астрологических перспектив Арктики. Книга серьёзная. Общий её вывод: несмотря на то, что попытки проплыть в Китай мимо Новой Земли до сих пор так и не увенчались успехом – комплексный анализ поведения звёзд говорит о том, что это сделать можно и нужно. Единственно, надо следовать некоторым правилам, которые Рёслин тут же и излагает.

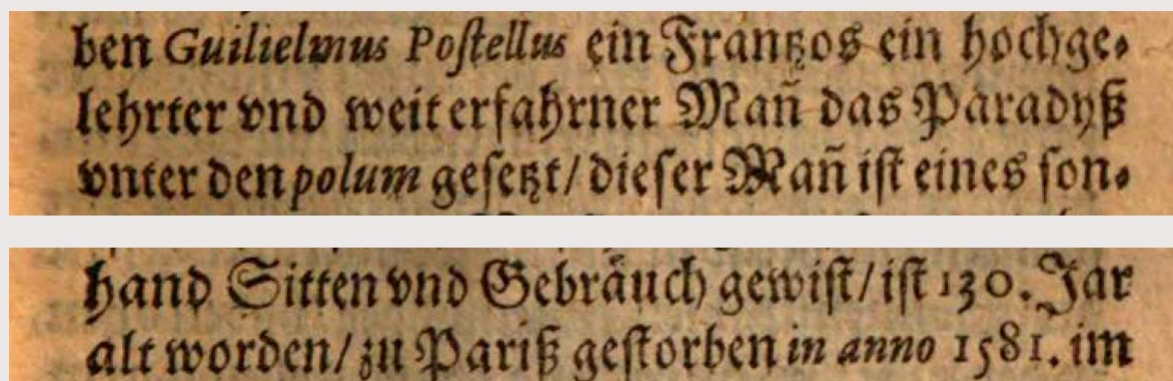
Если в трудах Постеля Новая Земля встречается строго дозированно, то у Рёслина она просто не сходит с языка. В «Полярном мореплавании...» я насчитал 57 её упоминаний, возможно это число не окончательное.

Отдельно Рёслин посвящает целую главу обсуждению концепции «Полярного Рая» (гл. 7). Не во всём с ней, впрочем, соглашаясь – но это для живой науки как раз нормально. Данная глава так и называется: «О Гийоме Постеле и Парадизе у Полюса...». К слову, именно из этой главы мы знаем о 130-летней жизни Постеля, откуда ещё?

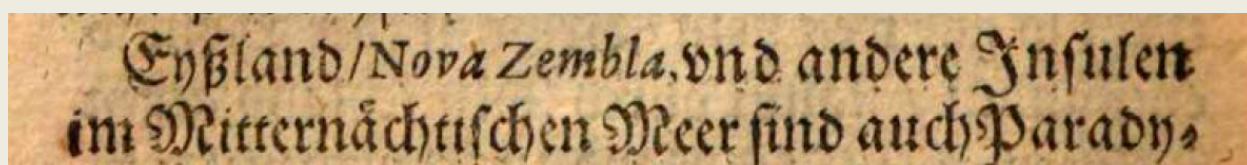
Из нового: Рай («Paradiser») идёт теперь в связке уже конкретно с Новой Землёй («Nova Zembla»). После плаваний Баренца всякие там «Святые Земли» – это уже прошлый век. Наука, она движется.

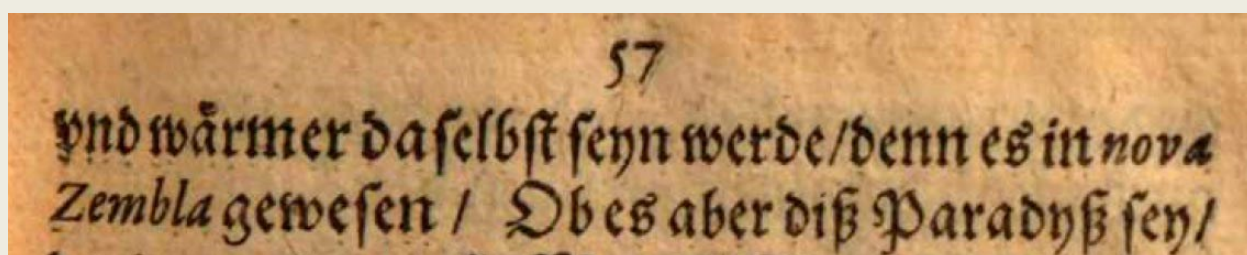
[Илл. 06-20-01-1. Элизареус Рёслин, «Mitternächliche Schiffahrt...», 1610, с. 42. Начало главы 7 о Гийоме Постеле и Полярном Рае.]

[Илл. 06-20-02-1. Там же. О Гийоме Постеле, его 130-летию и Полярном Рае.]

[Илл. 06-20-03-1. Там же, с. 56. «Nova Zembla» и «Paradis».]

[Илл. 06-20-04-1. Там же, с. 57. «Nova Zembla» и «Paradis».]

Поскольку Рёслин в первую очередь всё-таки профессиональный астролог, главный упор в книге делается на звёзды. Добрая половина страниц отведена детальному разбору конкретных механизмов влияния звёзд на возможность плавания мимо Новой Земли. И вспышка Новой звезды в 1572 рассматривается здесь в качестве одного из важнейших положительных факторов.

Собственно, со звезды SN1572 книга Рёслина как начинается (гл. 1, «Von dem newen Stern deß 1572»), так ею же практически и заканчивается (гл. 11, «Von den newen Sternen»).

Для автора книги, связь этой «звезды» с Полярным регионом («Septentrion», «Mitternacht») – непреложный факт, являющийся гарантом успешности всех будущих полярных проектов. Эффект имеет и обратную силу: плавания Баренца к Новой Земле рассматриваются Рёслиным, как прямое следствие вспышки SN1572 (с «временем отклика», замечу в скобках, в 20 лет):

dem **Sternen** in **Septentrion** deß 1572 (v, об.)

der **Stern** de Anno 1572 umb **Mitternacht** (vi)

Daß der neuwe **Stern** de Anno 1572 den **Niderlanden** dieses... (p. 90)

(Roeslin, «Mitternächte Schiffahrt...», 1610)

Как видим, связь между вспышкой SN1572 и Арктикой продолжала отчётливо осознаваться и в 1610 году, по крайней мере в учёном мире.

И, наконец, практические рекомендации. По-Рёслину, ключевое слово во всём проекте прохождения Северно-Восточного Прохода – «магнит» (гл. 9). Нужно следить за «Мировым Магнитом», ловить вибрации «Магнитного поля», чтить «Магнитный полюс» – и всё получится. Слово «Magnet» густо покрывает страницы книги, не только прослеживающей «к его берлоге» блуждающий и шаткий северный магнитный полюс (предвосхищая экспедицию отчима миссис Ричард Ф. Скиллер), но и – прямо по писанному – полной дрейфованию льдов, друмлинов, гремлинов и кремлинов (с. 5, 11, 18, 19 и т.д.).

Сочинение Рёслина заслуживает самого детального разбора, но я не хочу сейчас это делать. На данном примере я хотел лишь показать, что на протяжении как минимум всей последней трети XVI века Новая Земля продолжала сохранять выраженную сакральную ауру, в формировании которой значительную роль сыграла вспышка Новой звезды SN1572.

А звёздам, как известно, виднее.

Космос

(Материя – Небесная буква – М-знак – Звезда Мерша)

Материя

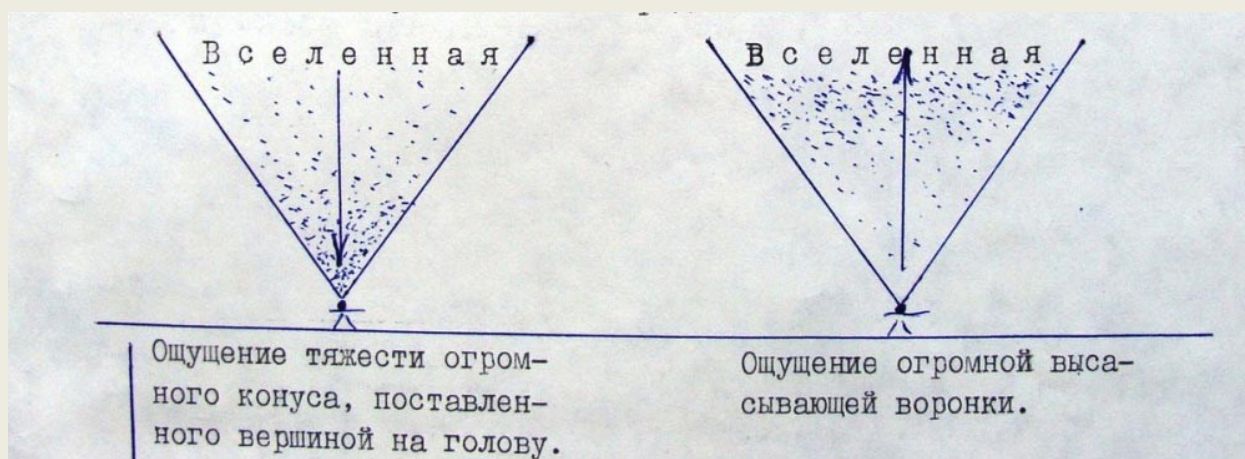
Звёзды – материя зыбкая. Можно сгореть, а можно замёрзнуть. Нужна аккуратность.

То же самое, хотя и другими средствами, блестяще выразил писатель Георгий Гореловский:

Арктическое небо с мириадами звёзд холодно и жутко далеко. Это и не небо вовсе – это пустота <...> Оно одновременно и давит, и высасывает как бы. <...> Графически эти ощущения можно представить так:

[дальше в рукописи следуют два рисунка, см. ниже]

(Георгий Гореловский, фрагмент машинописной рукописи не установленного рассказа)

[Илл. 06-21-01-1. Георгий Гореловский, графическое представление двух одновременных ощущений от арктического неба. Рукопись.]

К слову сказать, многие меня упрекают за слишком частые и пространные цитаты. Призову здесь себе на защиту великого британца Стивена Фрая, написавшего следующее:

Простите мне столь обильные заимствования из других авторов, однако напоследок я всё же призову себе на защиту Монтеня:

«Если я цитирую других, то лишь для того, чтобы лучше выразить свою собственную мысль»

(Стивен Фрай, «Моав – умывальная чаша моя», 2008, «Фантом Пресс», с. 238)

Простите мне столь обильные заимствования из других авторов, однако напоследок я все же призову себе на защиту Монтеня:

Если я цитирую других, то лишь для того, чтобы лучше выразить свою собственную мысль.

[Илл. 06-21-02-1. Стивен Фрай, «Моав – умывальная чаша моя», 2008, «Фантом Пресс», с. 238.]

Так пишет Стивен Фрай в переводе Сергея Ильина. А сам по себе Стивен Фрай пишет вот как:

I am sorry to borrow from others so much, but to do it one last time, I bring Montaigne to my defence:

«I quote others only the better to express myself»

(Stephen Fry, «Moab is my washpot», 1997)

Приведённые выше слова Монтеня даны Фраем в классическом английском переводе. В оригинале же, по-французски, они выглядят следующим образом:

Je ne cite les autres que pour mieux exprimer ma pensée

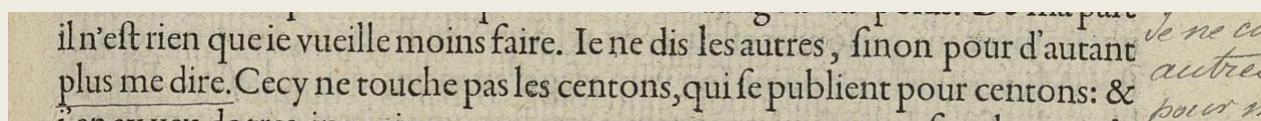
Что означает примерно то же самое, что написано у Фрая, и что переведено у Ильина. Данное высказывание Монтеня можно найти в 26-й главе первой части его «Опытов». Якобы.

Потому что этой фразы там нет. Приведённые выше слова – это исторически сложившееся толкование неких других слов Монтеня, предложенное одним из его комментаторов, Лефевром – да так и закрепившееся в обиходе. А у самого Монтеня вместо этого написано вот что:

Je ne dis les autres, sinon pour d'autant plus me dire

(«Я не говорю других, кроме как для того, чтобы лучше сказать мне»)

(Michel de Montaigne, «Les Essais», 1595, Paris, p. 81)

[Илл. 06-21-03-1. Мишель Монтень, «Опыты», гл. 26, с. 81. 9-е издание, 1595, Париж.]

Выше я привёл изображение соответствующего места из 9-го издания «Опытов» Монтеня, вышедшего в Париже в 1595, то есть три года спустя после смерти автора.

Почему я выбрал именно 9-е издание? Потому что в 8-м издании нет даже и таких слов. Там вообще ничего этого нет. И в 7-м, и в 6-м и так далее, вплоть до 1-го издания 1580 года.

Получается, что ни в одном из многочисленных прижизненных издания Монтеня, данного афоризма нет и в помине. А тогда откуда эти слова вообще выплыли?

Видимо, вот откуда. Существует так называемый «Бордоский экземпляр «Опытов» 1588 года». Когда Монтень получил из типографии экземпляр очередного своего издания (1588), он прямо по книге провёл масштабную рукописную правку, фактически – глубокую переработку всего содержания. Своим бисерным почерком он вписывал в пустые поля страниц целые страницы нового текста.

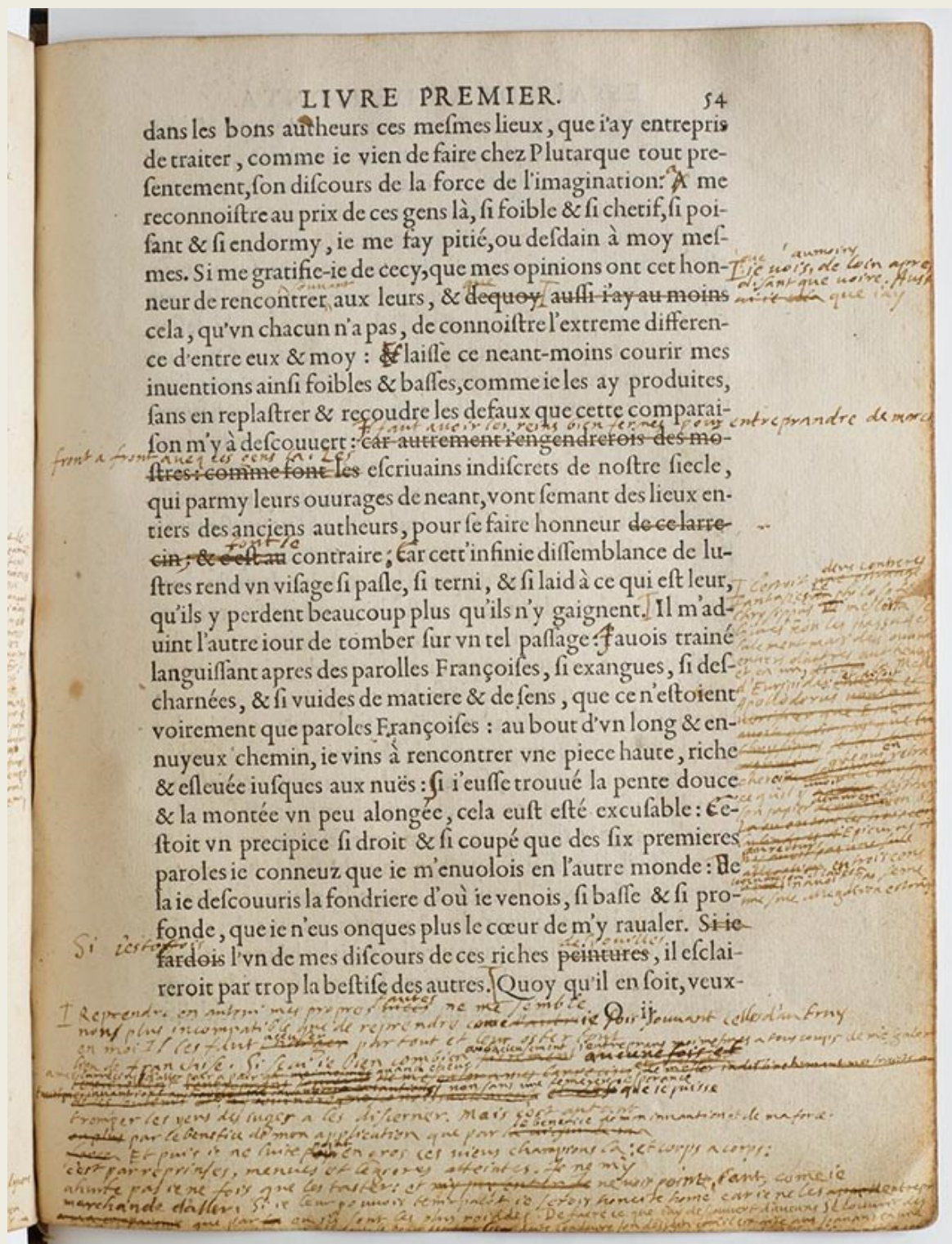
И этот «Бордоский экземпляр» стал фактически исходной рукописью для новой, дополненной и переработанной версии «Опытов». Исходно начатых, к слову сказать, как раз в год вспышки «звезды Тихо Браге», в 1572.

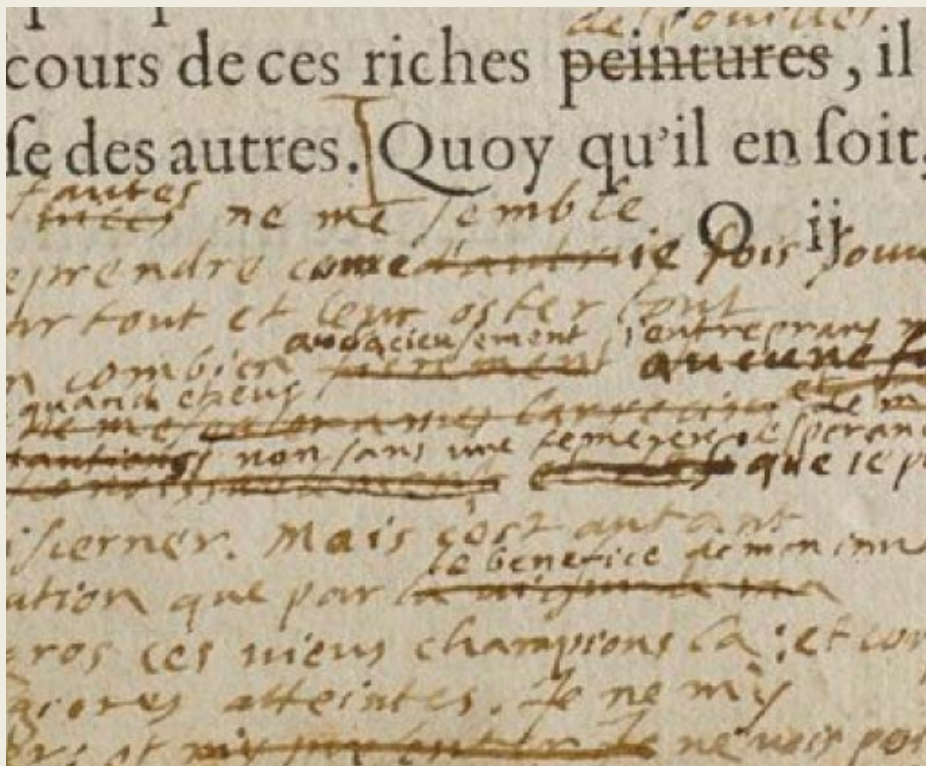
[Илл. 06-21-04-1 Монтень, «Бордоский экземпляр издания 1588 года» с собственноручной правкой. Титульный лист.]

Хорошо, а можно тогда взглянуть, как наша цитата выглядела в этом «Бордосском экземпляре»?

Можно. В самой нижней строке страницы 54r Монтень задумал сделать вставку между словами «des autres.» и «Quoy». В этом месте он ставит соответствующую пометку, и тут же снизу, на пустом поле, начинает строчить нахлынувшие новые мысли.

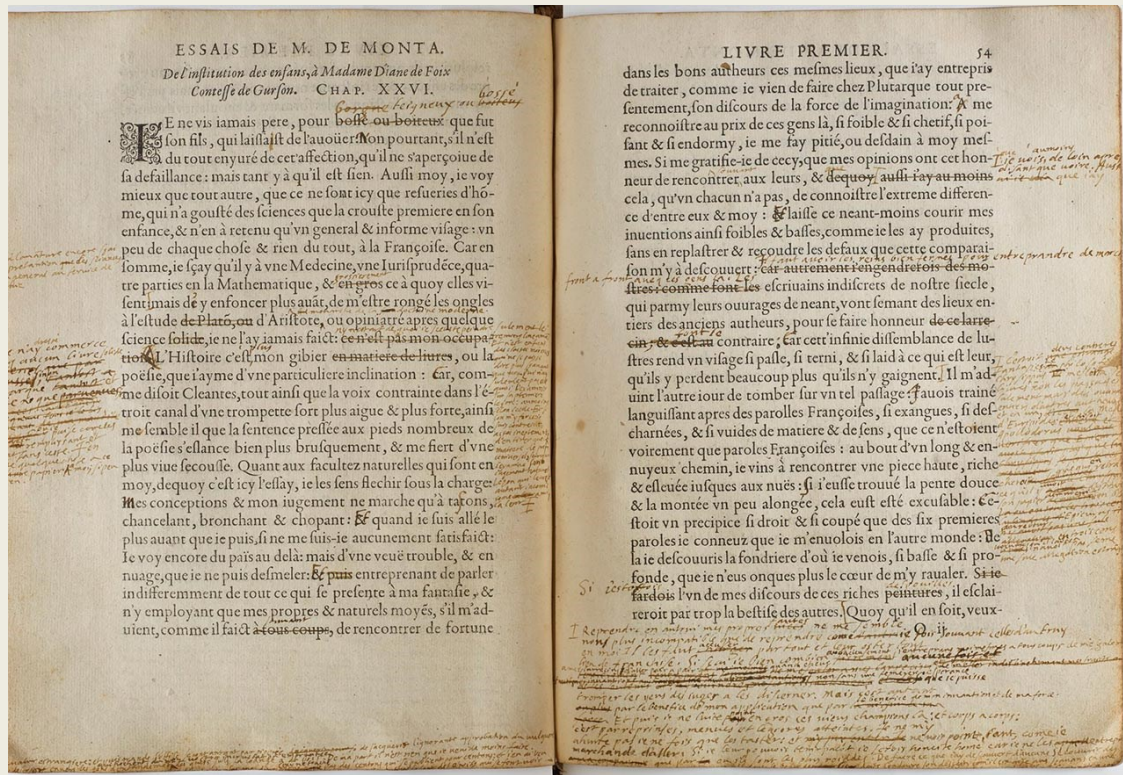

[Илл. 06-21-05-1 Там же, с. 54r.]

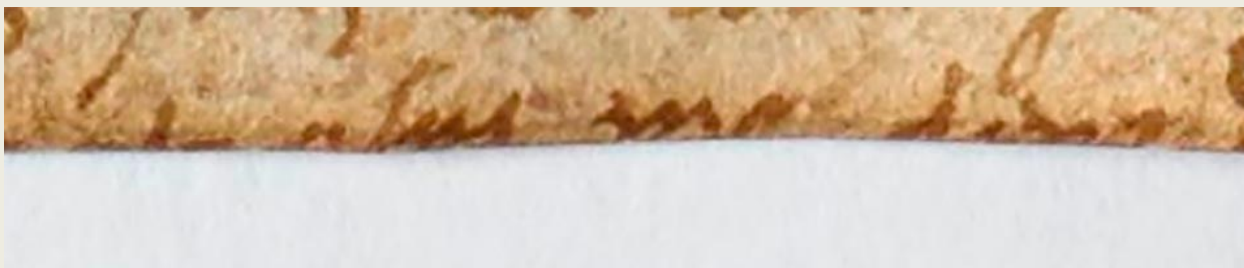

[Илл. 06-21-05-2. Там же. Фрагмент.]

Так Монтень доходит до нижнего обреза листа, уменьшая и уменьшая свой почерк, но мысли всё не кончаются. Тогда он переходит на нижнее свободное поле предыдущей страницы (53v), расположенной слева.

[Илл. 06-21-06-1. Там же. Разворот 53v-54r.]

[Илл. 06-21-07-3. Там же, «...plus me dire».]

И что там было написано – одни звёзды теперь знают.

Небесная буква

Попробую зайти сначала ещё раз.

Звёзды – материя зыбкая. Можно сгореть, а можно замёрзнуть. Нужна аккуратность.

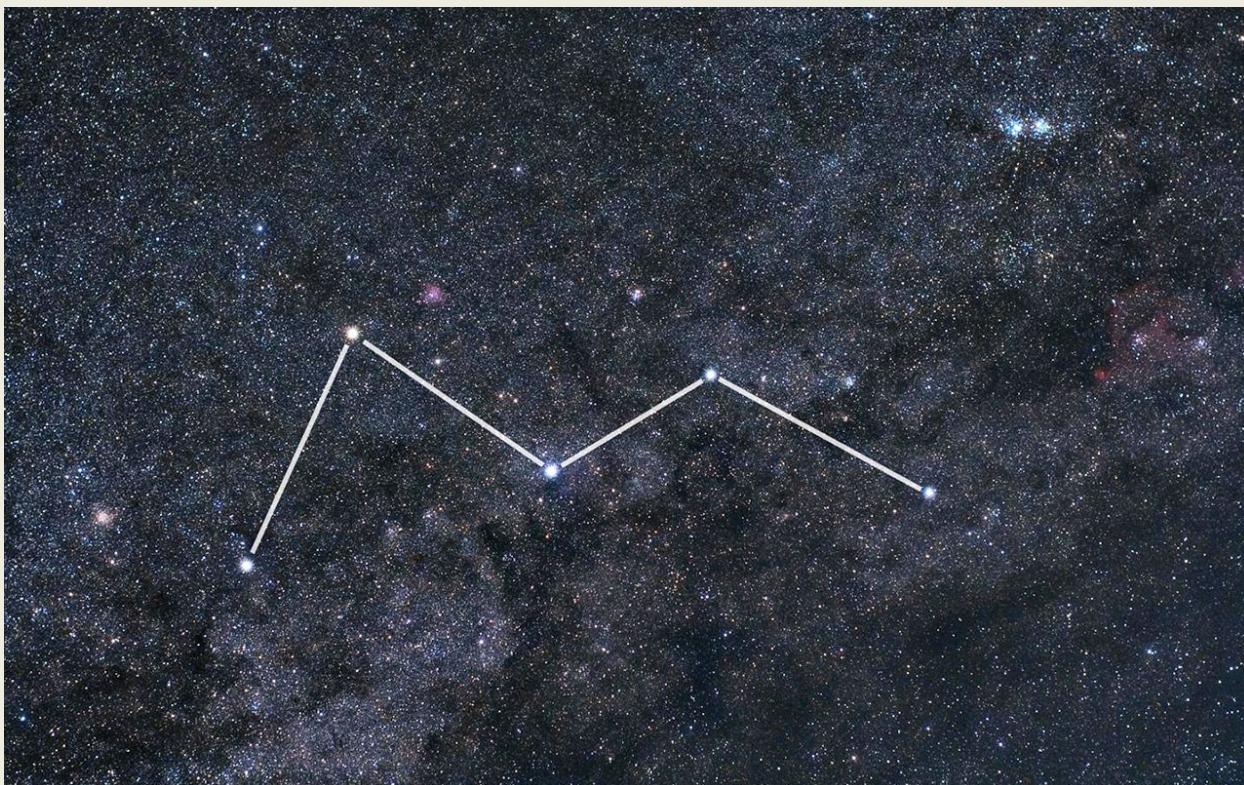
Исходно, ночное небо представляет собой вполне хаотичную россыпь светящихся точек. Однако человечество, для удобства пользования, группирует эти точки в «созвездия».

Это членение само по себе достаточно произвольно и в разных культурах оно выполнено по-разному. В частности – европейский, ближневосточный и индийский глаз видит на небе «созвездия», соответствующие птолемеевскому звёздному атласу «Almagest». В Китае же и в Корее – совершенно иначе. А о Тауантисуйу и говорить нечего.

Так вот. Одним из наиболее известных и легко идентифицируемых исторических «птолемеевских» созвездий является «Кассиопея» – пять ярких звёзд, образующих в небе характерный рисунок – хорошо опознаваемую «букву», никогда не заходящую за горизонт на широтах от Северного полюса до Иерусалима.

Эта буква... а вот тут зависит от того, с какой широты и в какой момент вы смотрите, а также от используемого вами алфавита и конкретного языка.

Тут так. Везде южнее Усть-Сысольска это созвездие в апогее (высшей точке своего восхождения) представляет собой букву «М» – одинаково и для латинского, и для греческого, и для английского, и для французского, и для русского глаза. Это относится и к Москве, и к Парижу, и к Риму, и к Афинам, и к Лондону. Тем более – к Рио-де-Жанейро, где «Кассиопея» выглядит только и исключительно, как «М».

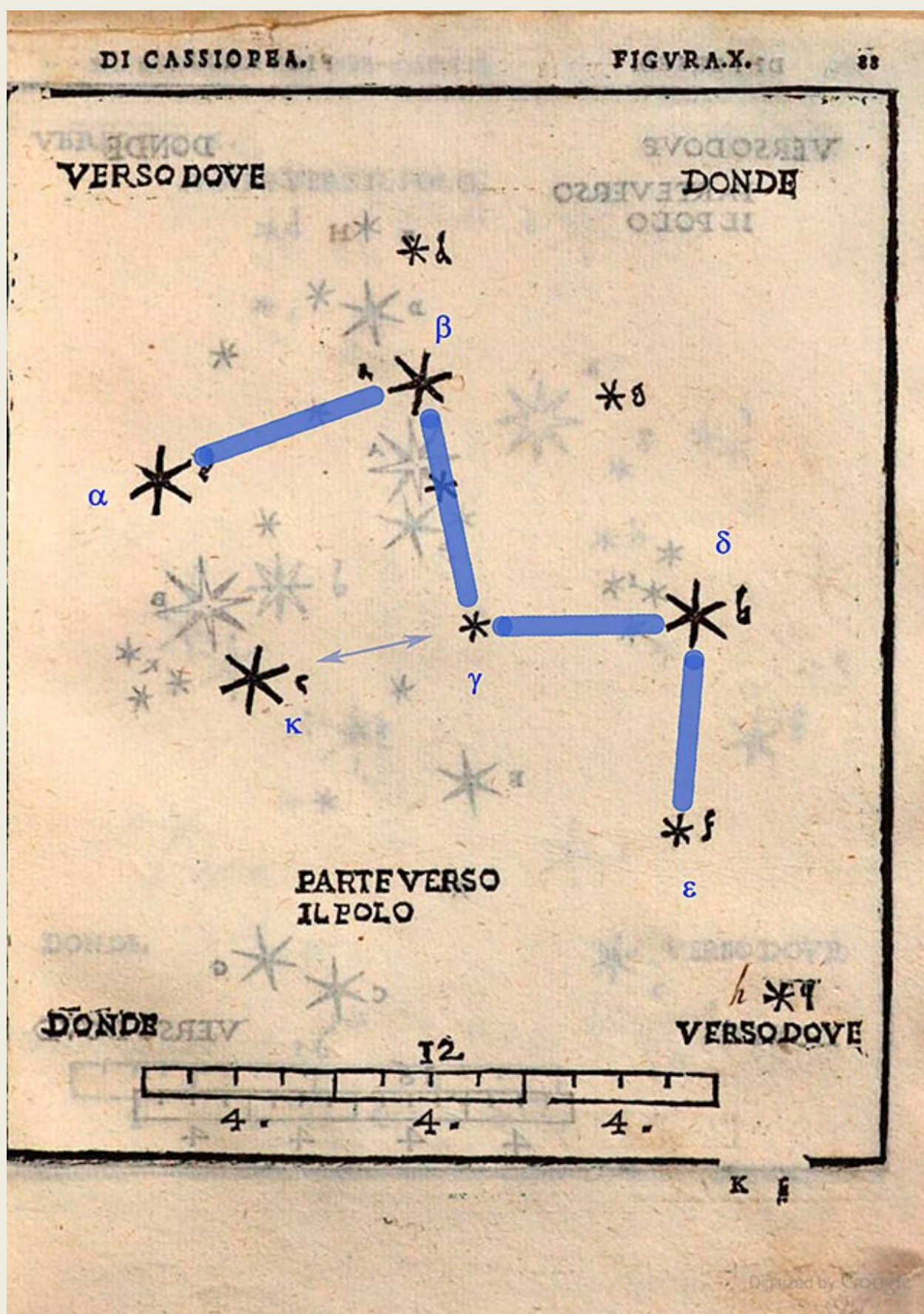

[Илл. 06-22-01-1. Созвездие Кассиопеи.]

А вот в нижней фазе своего суточного вращения «Кассиопея» выглядит для английского глаза уже как «W», а для остальных (латинского, греческого, французского и русского) – по-прежнему как «перевернутое М» (поскольку буквы «W» эти языки не знают).

Да даже и в английском языке в 1570-х годах (о которых и речь) полной определённости в этом вопросе не было. Буква «W» была ещё в новинку и воспринималась скорее не как самостоятельная буква, а просто как два «v» («V V») или два «u» («U U»), стоящие подряд (см., например, титульный лист «Tragical Tales» Тёрбервиля, 1587).

По Звёздному атласу Пикколомини 1540 года хорошо видно, как воспринимали данный участок неба в XVI веке (Allesandro Piccolomini, «De la Sfera del Mondo. De le Stelle fisse», f. 88, Figura X, «Di Cassiopea». Venetia 1540). Единственно, я добавил синим цветом современные названия звёзд и для наглядности соединил главные из них линиями. На крупные «бледные» звёзды не обращайтесь здесь внимания – они проступают сквозь бумагу с обратной стороны листа.

[Илл. 06-22-02-1. Allesandro Piccilomini, Атлас звёздного неба «De la Sfera del Mondo. Dele Stelle fisse», Venetia, 1540, f.88, Figura X.]

Небольшое пояснение к стрелке. Звезда « γ -Кассиопеи» – звезда переменной яркости. Она периодически становится то ярче других звёзд созвездия, то бледнее их. Временной масштаб этих колебаний яркости – несколько десятков лет. Так вот, во время составления Атласа (1540) эта звезда была, очевидно, на минимуме своей яркости, а к 1572 – снова на пике.

И вторая маленькая поправка: « κ -Кассиопеи» – звезда относительно слабая и её размер на карте Пикколомини не соответствует её действительной светимости. Так что условные знаки, которыми отмечены звёзды « γ » и « κ » на карте, следовало бы поменять местами: « γ » – яркая, « κ » – не очень. Но в реальном небе менять ничего не требуется, там всё правильно.

А теперь – зачем это нужно знать.

М-знак

Как я уже говорил, 6 ноября 1572 в небе вспыхнула Новая звезда. И зажглась она не где-нибудь, а именно в созвездии «Кассиопеи».

«Звезда-гостя» произвела на человечество глубочайшее впечатление. Её появление было воспринято, как небесный знак. Такой убедительности, что Иван Грозный в срочном порядке отменил Опричнину, а король Речи Посполитой Генрих Валуа ввёл на веки вечные выборность королей.

Динамика визита «звезды-госты» («ке син») была такова. «Сверхновая Тихо Браге» разом зажглась в созвездии «Кассиопеи» 6 ноября 1572, заметно ослабела к марту 1573, и погасла окончательно (для невооружённого глаза) ещё через год, весной 1574 (см. Ньютон, PNPM, 3-е издание, 1726, с. 525-526).

То, что «знак свыше» явился в составе небесной буквы «М», в значительной степени определило ход научного осмысления события. Все астрологи до единого отметили решающее значение этого факта для дальнейших судеб мира.

Корнелиус Гемма в своей знаменитой статье о SN1572 отмечает Кассиопею семь раз, в том числе и в стихах:

Porro cum tribus insignioribus stellis Cassiopae in lumbis una... (p. 2)

Tu bona Cassiope, qua tanti sideris aucta
Nouo nitore reliqua vincis sidera (p. 13)

(Cornelius Gemma, «Stellae Peregrinae...», 1573)

А Гийом Постель свою работу о Новой звезде прямо с Кассиопеи и начинает, ещё в подзаголовке. А дальше тема Кассиопеи идёт у него только по нарастающей. Вплоть до того, что смысловой экстракт всего сочинения («старые царства исчезнут, новые подвергнутся реновации»), резюмирующий появление Новой звезды – оказывается полностью завязанным на Кассиопею (последняя цитата):

signum crucis, cum tribus Cassiopea stellis rhombi instar exprimit (f. B1, в подзаголовке статьи)

habere utrum que polum in Horizonte, dum nitrorum hominum Regnum seu Cassiopea Respub. cuicunq» (f. B1-v)

Cassiopeie esse nunc ad natam nouam Stellam, ad denotandam insignem mutationem, hoc est, cladem regni veteris, & noui renouationem» (f. B2)

(Guillaume Postel, «De Nova Stella», 1573)

Да что уж там – Кассиопея с Новой звездой в составе вынесена Постелем прямо на титульный лист, чтобы сразу всем всё было понятно.

[Илл. 06-23-01-1. Гийом Постель, «De Nova Stella», 1573. Титульный лист.]

Элизареус Рёслин, отстоящий от вспышки SN1572 почти на четыре десятилетия – и тот считает необходимым отдельно подчеркнуть важность «М-созвездия»:

Stern anno 1572 in Cassiopoeia gestanden deß halben etwas wichtiges (p. 121)

(«То, что Звезда 1572 года находилась в созвездии Кассиопеи, имело решающее значение»)

(Helisaerus Roeslin, «Mitternächliche Schiffahrt...», 1610)

Так что неудивительно, что «М-символика» Кассиопеи присутствует практически во всех профильных сочинениях того времени.

Самым элегантным, убедительным и виртуозным образом включает «М-символику» в своё сочинение, конечно, Постель. В кульминационном месте своей работы о Новой звезде («De Nova Stella», 1573, f. В3, предпоследняя страница), он в математически выверенном центре страницы сначала помещает слово «Zohar», являющееся названием главной книги Каббалы, в которой представлены различные техники «глубинного чтения».

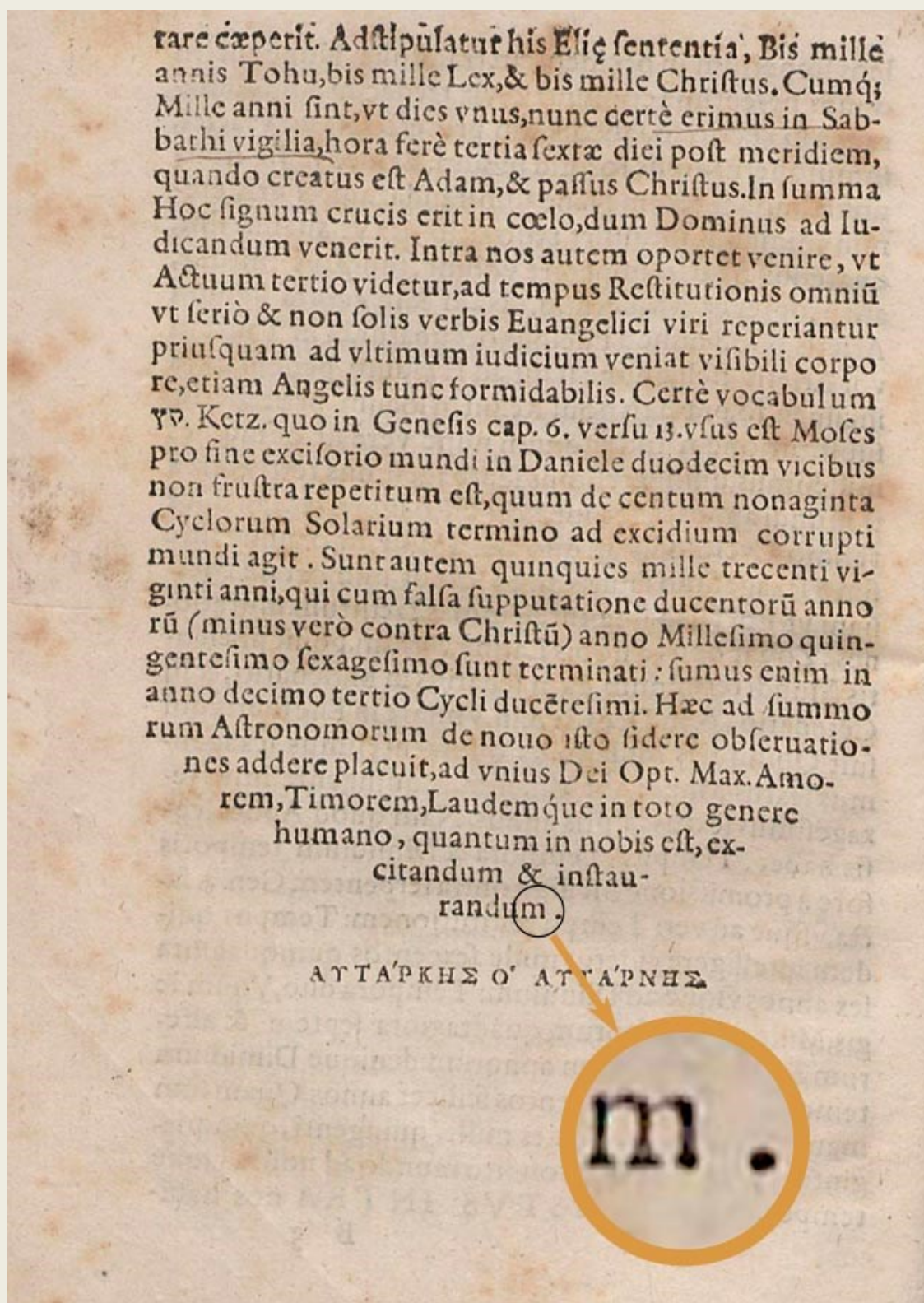
А затем, вокруг этого центрального «Z», Постель развёртывает натуральную «М-феерию», буквально нашпиговывая соседние строки специально подобранными «М-словами». Такой их концентрации мы и близко не найдём нигде больше в этом труде (да и в любых других). Но мало того. Это не просто некие «М-слова». У Постеля эти слова подобраны так, что они представляют собой три фундаментальные оси Мироздания, на которых держится Вселенная: «Пространство» («Mundi», мир), «Время» («Millesimo», тысячелетие) и – в современных терминах – «Энергия» (у Постеля «Messia», Мессия). Красиво, не правда ли? Можете взглянуть сами:

leos Imperium in occidentem transtulit. Nunc autem
 quum sit septima coniunctio vix tredecim annis diffe-
 rens à sua Periodo, sabbathum profectò Naturæ faciet,
 summoperè Impiis formidandum. Et ideò stella noua
 nos admonet rerum planè admirandarum, Nigris ere-
 nim animabus imminet reuolutio, ita vt aut illæ sint,
 quatenus Sanctis imperare volunt, funditus ruituræ,
 aut propter eas vniuersum. Nam & in verum signum
 Arietis, quod nunc à Piscibus occupatur, & in Taurum
 vbi Arietis stellæ nunc stant, ad Hyadum penè naturā
 inclinando, præfagit noui Regni in locum præcedētiū,
 substitutionem. Iudæi (quum nunc verè sit quinquies
 millesimus, quingētesimus septuagesimus tertius crea-
 ti mundi annus) asserunt, licet falsò supputent, in ducē-
 tesimo Cyclosolari, in quo iam à Millesimo quingente-
 simo sexagesimo salutis anno sumus, immortalē Mes-
 siam, vt sibi falsò fingunt, summas facturum mutatio-
 nes. Zohar opus à nobis Latinè versum, ponit præsen-
 tis Mundi terminum, dum senarius in Millenario, & in
 Cētenario, & in Decade & in Vnitate in Esse fuerit: qui
 fuit Quinquies Millesimus, quingentesimus sexagesi-
 mus sextus Mundi, aut Millesimus quingentesimus se-
 xagesimus sextus salutis annus. Nam quod Apocalyp-
 sis habet, Tempus, Tempora & Dimidium temporis
 fore à promissione Messiae contra serpentem Gen. 3. fa-
 cta, vsque ad veri Templi restitutionem: Tempus qui-
 dem intelligere videtur mille sexcentos quinquaginta
 sex annos vsque ad Diluuium: Tempora duo, Vnum le-
 gis, Mille quingentorum quadraginta septem, & alte-
 rum Euangelij, totidem annorum: denique Dimidium
 temporis primi, octingentos scilicet annos. Quam sum-
 mam si colligas, quinquies mille, quingenti, quinqu-
 aginta anni prodeunt à condito mundo ad nostra vsque
 tempora, cum CHRISTVS INTRA nos habi-

B 3

[Илл. 06-23-02-1. Там же, f. B3. «Zohar» и следы «М-символики».]

И ещё маленькая деталь, так сказать «вишенка на торте». Скромно и со вкусом Постель завершает всё своё сочинение той же буквой «М»: «*instaurandum*» («вос-создан»). В результате эта буква по факту становится той конечной точкой, к которой шёл, со всеми взлётами и падениями, весь предыдущий текст.

[Илл. 06-23-03-1. Там же. Последняя буква книги.]

Вот это и называется: «Пардес».

Значительно проще и прямолинейней эта тема решена у венского астронома и математика Бартоломео Райзахера (Bartholomäus Reisacher) – но при этом вполне честно и добротнo. Название своего сочинения о SN1572 он прямо начинает со слова «*Mirabili...*», «удивительная».

Подобный выбор названия для учёного сочинения выглядел бы немного странным – вне учёта упомянутых выше обстоятельств. Полностью же название книги Райзахера выглядит так: «Об Удивительной Новой и Великолепной: Звезде ноября месяца 1572 года» («*De Mirabili Nouae ac splendoris: Stellae, Mense Nouembri anni 1572*», 1573, Вена)

Или всё тот же Рёслин. В силу временной удалённости, он вряд ли мог подвергнуться заметному «М-влиянию» напрямую, однако даже и у него мы видим следы этого наведённого влияния.

Первое слово в названии его книги «Полярное мореплавание...» могло на немецком языке выглядеть в-принципе по-разному. Например: «*Nordisch*», «*Polar*», «*Arktisch*». Или же «*Septentrional*», в конце концов. Но Рёслин почему-то выбирает достаточно специфическое и несколько манерное слово, в русском переводе звучащее, как «Полуночное». Зато – начинающееся на «М» («*Mitternächtige...*»).

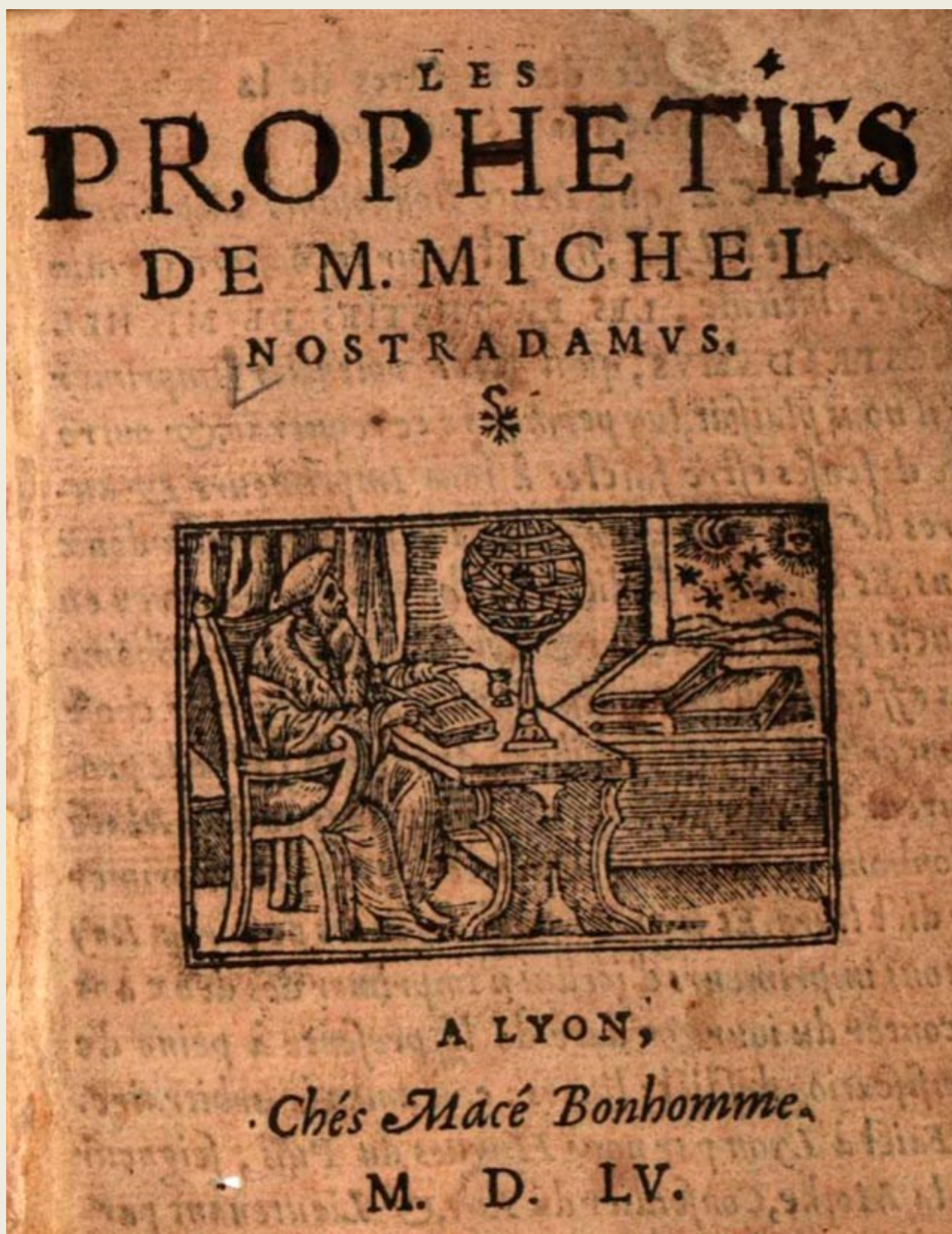
Да и заикленность Рёслина в этой книге на «магнитах» – в свете всего вышесказанного она тоже начинает представляться несколько искусственной. Так что похоже, что здесь мы также имеем дело с эффектом «наведённого» (через вторые руки) влияния «М-мотивации».

Ну что, глянем напоследок Нострадамуса? Тут у нас тоже полный порядок.

Помните, третья строка его пророчества так и осталась тогда не понятой – «Огромный Пёс будет скулить всю ночь» (2-41, строка 3). Именно в силу своей неразгаданности, этот самый «Огромный Пёс» стал объектом повышенного общественного внимания – на предмет его выявления. Все мнительно вглядывались во всё, пытаясь узреть в чём-нибудь это неясное нечто.

Но дело-то в том, что в тексте Нострадамуса для обозначения «Пса» вместо привычного слова «*Chien*» («пёс, собака»), было использовано экзотическое «*Mastin*». Вроде бы тот же «Пёс», но при этом – ещё и «М-символ». Кому надо узрит.

И ещё насчёт «узрения». Первые издания Нострадамуса выходили все с одной и той же картинкой на титульном листе – сидящий за столом мудрец (Нострадамус), который смотрит через окно на небо и делает соответствующие записи в уже сразу переплетённой книге (надо понимать – той самой, которую читатель держит в руках). Перед мудрецом стоит проволочная модель небесной сферы на подставке.

[Илл. 06-23-04-1. «Пророчества» Нострадамуса, первое издание 1555. Титульный лист.]

Так вот – небо, открывающееся в окне. На нём мы видим Солнце, Луну и ещё пять неких звёзд. Понятно, что исходно эта ветка «звёздной сирени» была призвана символизировать пять известных на тот момент планет Солнечной системы (Земля была шестой и последней). Но, опять-таки, в свете возникшего в 1572 году «М-

символизма», существовал неодолимый соблазн увидеть в этом всё пять звёзд, образующих букву «М» созвездия Кассиопеи. Собственно, почему нет?

[Илл. 06-23-04-2. Там же. След «М-символики».]

В связи с этим рисунком сразу вспоминается одна важная теорема «семантической геометрии».

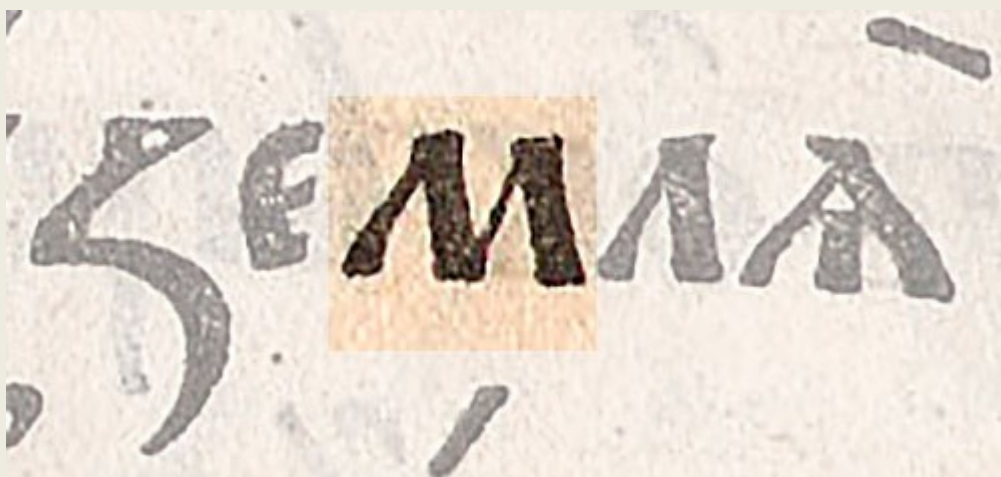
Любые пять точек в n -мерном евклидовом пространстве, не лежащие на одной прямой, всегда можно соединить отрезками прямых так, что проекция полученной фигуры на $(n-1)$ -мерную плоскость даст букву «М»; в случае же, если все точки лежат на одной прямой, буква «М» будет вырожденной («М-теорема»).

Можно ли обобщить данную теорему на римановы пространства – тут надо думать.

Звезда Мерша

Итак, всё следующее десятилетие после сверхновой SN1572, прошло под эгидой буквы «М». Ставшей заметным социально-психологическим фактором общественной жизни. В этот период мы постоянно видим те или иные поступки, совершённые с явной оглядкой на эту букву.

Особенно это относится к Московскому царству, где буква «М» писалась тогда с некоторым сходом вертикальных черт – именно так, как расположены звёзды в «Кассиопее».

[Илл. 06-24-01-1. Вид буквы «М» в «Апостоле 1564» Ивана Фёдорова, с. 72 об., строка 15.]

Вот, к примеру, следы лишь некоторых «М»-мотивированных решений русского царя и его окружения. Политическая ставка на Ливонского принца **М**-агнуса, которого для надёжности ещё и обвенчали с **М**-арией Старицкой (1573); необъяснимый и внезапный отказ от титула «царя **М**-осковского» (1575); малопонятная женитьба на **М**-арии Нагой (сентябрь 1580); срочное заключение мира с Литвой после того, как литовские ядра полетели на Псков из **М**-иروجского монастыря (1581); отчаянная попытка жениться на **М**-арии Гастингс (1582); изданный в **М**-арте указ об авральном строительстве нового города вокруг **М**-ихайло-архангельского монастыря (будущего Архангельска, 1583); предположительное устранение самого царя кем-то из ближнего окружения в **М**-арте месяце (1584, в аккурат к десятилетию окончательного «ухода» с небосклона Сверхновой Тихо Браге).

Но главное «М»-событие этого периода реализовалось через человека не столь титулованного.

Молодой Антоний Мерш, как и все наблюдая в ноябре 1572 новую сияющую звезду, ясно видел, что рука Судьбы зажгла её в «М»-созвездии («каф ал-хадиб») лично для него. Но, как англичанин, он видел в этом созвездии, наравне с буквой «М», также и букву «W» – точнее, двойное «V», то есть «V V».

А «римские» числа не знают понятия «разряда». «Две пятёрки» (V V) означают здесь не «пятьдесят пять», а «пять плюс пять», то есть – «десять».

И молодой Мерш понял всё это так: Небо сообщает ему, что его личная «М»-звезда зажжётся ровно через 10 лет – и именно тогда наступит его звёздный час.

Ровно через 10 лет, в ноябре 1582, он, ещё только недавний «слуга Компании», благодаря «случайному» везению (поручению доставить русскому царю благоприятное письмо от английской королевы) получает невероятный шанс – царскую личную лицензию на самостоятельную торговлю с «Астраханью и Печорой». Точно как предсказывала «звезда» Тихо Браге.

«Звёздный год» Мерша (1583) на глазах обретал реальные «М»-контуры.

Идея экспедиции в былинную **М**-ангазею – мимо **М**-езени и **М**-едынского заворота – ударяет **М**-ершу в голову. Ведь «звезда Тихо Браге» мало того, что отметила небесную букву «М», она ещё и прямо указывала на Север. Но надо торопиться: в отправной точке маршрута **М**-осковский царь только что в **М**-арте повелел заложить **М**-ихайло-Архангельский город.

Все свои силы Мерш бросает на Мангазею. В погоне за своей «звездой», он ставит всё на северную экспедицию. Об Астрахани он уже даже и не вспоминает.

И вот тут-то, в ходе проработки этой экспедиции, Мерш и узнаёт о существовании неведомого доселе пролива **М**-аттюшан Шар, проходящего практически через «Земной Рай» (см. пред. главу) и ведущего прямым путём к желанной цели. Узнаёт неизвестно как, как звёзды нашептали.

Указанный звёздами **М**-путь через **М**-аттюшан Шар, Мерш со священным трепетом слово в слово фиксирует в своей Лоции. Но плыть прямо через «Рай» он всё-таки не решается, и выбирает другой путь – через «Камень».

Чем именно та экспедиция закончилась для самого Мерша – не имеет большого значения. Самое главное в любом случае произошло.

Далёкий космический взрыв вывел, посредством Мерша, на человеческую орбиту первый элемент «топонимического кластера», «М-шар».

Короче

Короче, всю эту главу можно было бы свести к одной фразе: служащий английской «Московской компании» Антоний Мерш, в составленной им в 1583 «Лоции» (опубликованной Сэмюэлем Пёрчесом в 1625), при описании морского пути к устью Оби впервые в истории упоминает пересекающий Новую Землю пролив и сообщает его название, ставшее первым документально зафиксированным топонимом всей Новой Земли – «Mattushan Yar».

Теперь мы наконец можем видеть полную картину развития нашего «Топонимического кластера» с момента его обнаружения и до конца XX века:

Автор	Год	Источник	Пролив	Мыс	Залив	Остров	Гора	Полуостров	Река	Знак
			Mattuschan Yar							
			Matthuschan Yar							
Мерш	1583	лоция	Mattushan Yar							
Де Йоде	1593	атлас	Mates kinsark							
Планций	1594	карта	Straight of Matuchin							
Меркатор	1595	атлас	Matuchin straight							
		атлас	Matens kinsarch							
Неплюев (?)	1666 не позд- нее	отписка	в Маточкине Ша...							
Пальмквист	1674	карта	Matuskin Schar	Mituschowa nos	Guba Mituschiga	(изображение острова, без названия)				
Витсен	1687	карта	Matuskin tsaar		Mitoesziga Goeba					
	1692	карта 2 (оригинал возм. до 1674)	Matoeskin tzaar		Mitoesziga Goeba					
		карта 3 (оригинал возм. до 1650)	Matiskin jar	Mituschov nos		(изображение острова, без названия)				
		книга	Matuskintzaar Matiskinjar							

Селифонтов	1736	карта	Маточкинъ шаръ		Мить баши- ха	Ост. Митюшев				
Кочевье ясачных самоедов	1745 (усл.)	карта	Матачкинъ шаръ		Митбашихъ					
Розмыслов	1769	журнал	Маточкинъ Шаръ		залива Ми- тюшиха					
		карта						Митюшевскій наволокъ		
Трускотт	1772	карта	Маточникъ Шар		Митюшиха Губа	Митюшовъ Ост.		Наволокъ Ми- тюшовъ		
Крестинин	1787	статья		Митюшевъ Носъ	губа Митю- шева	Митюшевъ островъ	Митюшевъ носъ			
					губа Митю- шиха					
Литке	1821	книга		Митюшевъ Носъ	губа Митю- шиха	Митюшевъ островъ	Г. Митю- шиха	Митюшевский Наволокъ		
Циволька	1836	карта				Mituschew I.	Mituschew Felsen			
Бэр Редер	1837	статья рисунок					Митюшевъ Камень			
Гамель	1845	статья	Mätuschin Schar	Cape Mitjuschew	Bucht Mitjuschicha	Insel Mitjuschew	Berge Mitjuschew			
	1854	статья	Mätjuschin Schar	Cape Mitjuscheff	Bay Mitjuschicha	Island Mitjuscheff	Mountains Mitjuscheff			
	1869	статья	Матюшинъ Шаръ	мысь Митюшѣ- ва	бухта Ми- тюшиха	Митюшѣвъ островъ	гора Ми- тюшѣва			

Гидр. Деп.	1872	карта			Губа Митюшиха	О. Митюшева				
Мутафи – Потехин	1936	карта, статья	Маточкин шар	Митюшов мыс	Митюшиха	О. Митюшов	Митюшов Камень		Митюшиха	Зн. Митюшова Пирамида

[Табл. 06-25-01. Хронология топонимического кластера Новой Земли.]

7. Динамическая модель шара

Исходная проблема – Основы Топодинамики – Траектория 1 – Траектория 2 – Угорский «путь» в русском поле – Траектория 3 – Куда делся первый Шар – Жизненный цикл расхожих истин – Мир разбегающихся звёзд

Исходная проблема

Итак мы имеем. В одной и той же точке земной поверхности ($73^{\circ}28'$ с.ш. $54^{\circ}23'$ в. д., плюс-минус несколько минут) в один и тот же период времени (конец XVII века) одновременно существовали следующие топонимы: «Митюшёв Нос» (плюс другие объекты «кластера»), «Матюшкин Шар» и (он же, но уже под другим именем) «Маточкин Шар». Это – твёрдо установленный факт.

Факт несколько озадачивающий, поскольку эти три вроде бы независимые названия как-то уж больно напоминают друг друга. Данное ощущение «странности» можно выразить в более точных категориях.

Допустим, что близкое написание трёх топонимов – чисто случайное и оценим вероятность такого случайного события.

Для простоты не будем учитывать частотность тех или иных букв и их сочетаний в русском языке северных провинций конца XVII века, а также примем количество букв равным 33 (с запасом заложив 10 из 43 букв тогдашней кириллицы на редко-используемые). При таких допущениях вероятность случайного появления рядом с топонимом «Митюшёв» топонима «М*тюш***» («Матюшкин») будет равняться $1/33^4$, то есть – одной миллионной.

Вероятность же случайного появления рядом с топонимом «Митюшёв» одновременно топонимов «М*тюш***» («Матюшкин») и «М*т*****» («Маточкин») равняется уже одной миллиардной.

Если некая теория для объяснения наблюдаемого эффекта прибегает к предположению астрономически маловероятного происшествия, то в переводе с математического языка на человеческий это означает, что данная теория попросту не верна. А потому нам не остаётся ничего другого, как принять наличие причинно-следственной связи (пусть и неизвестной пока природы) между тремя рассматриваемыми топонимами.

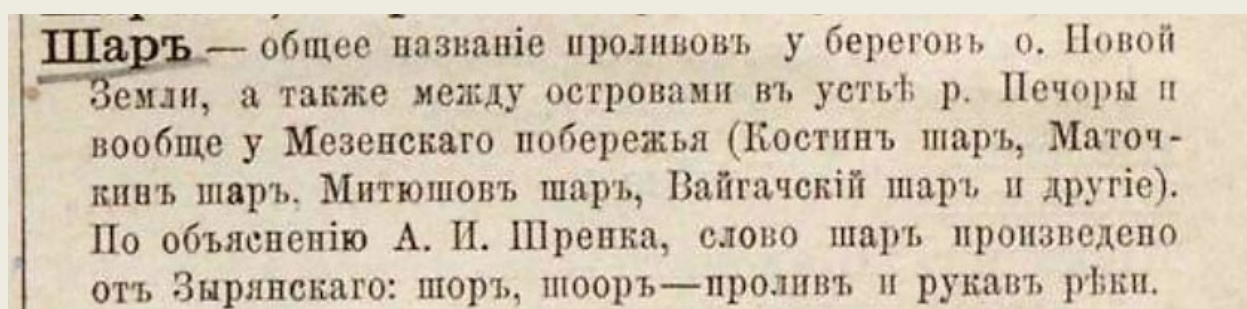
Впрочем, кое-какие предположения о характере этой связи можно сделать уже сейчас, поскольку «вес» рассматриваемых топонимов уж слишком неодинаков. Тем более, что предположительно первое по времени, исходное название пролива – «Митюшёв Шар» – временами выплывает на поверхность даже сквозь позд-

нейшие напластования. Так в классическом «Словаре Архангельского наречия» лексикографа Александра Подвысоцкого (1885) название пролива «Митюшовъ шаръ» зафиксировано наравне с более поздним его названием.

Шаръ = общее названіе проливовъ у береговъ о. Новой Земли, а также между островами въ устьѣ р. Печоры и вообще у Мезенскаго побережья (Костинъ шаръ, Маточкинъ шаръ, **Митюшовъ шаръ**, Вайгачскій шаръ и другіе). По объясненію А. И. Шренка, слово «шаръ» произведено отъ Зырянскаго: «шоръ», «шооръ» – проливъ и рукавъ реки.

(Александр Подвысоцкий: «Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении», с. 199, 1885, СПб.)

Здесь приведены оба актуальных на то время поморских названия одного и того же новоземельского пролива – «Митюшѣв шар» и «Маточкин шар».

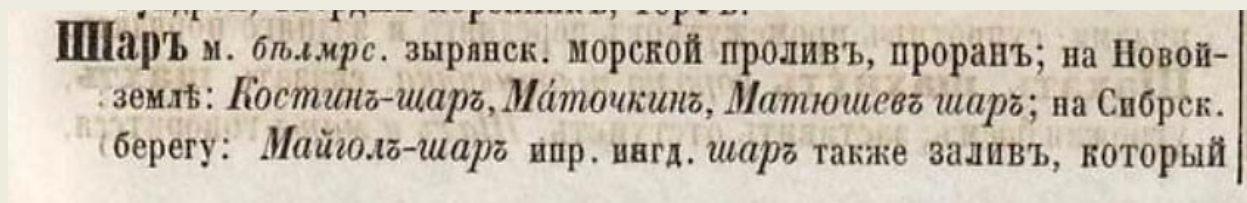

[Илл. 07-01-01-1. Александр Подвысоцкий, «Словарь областного Архангельского наречия...», 1885, с. 199. Статья «Шар».]

Близкую форму названия пролива – «Матюшев Шар» мы видим и в Словаре Даля начиная уже с первого (и единственного прижизненного) его издания:

Шаръ = м. белмрс. зырянск. морской проливъ, проранъ; на Новой землѣ: Костинъ-шаръ, Маточкинъ, **Матюшевъ шаръ**;

(«Толковый словарь живаго Великорускаго языка В. И. Даля», часть четвёртая, с. 569. Москва, 1866)

[Илл. 07-01-02-1. Словарь Даля, первое издание, 1866, том 4, с. 569. Статья «Шар».]

А теперь рассмотрим уже конкретный механизм превращения «Митюшѣва Шара» в «Матюшкин» и в «Маточкин».

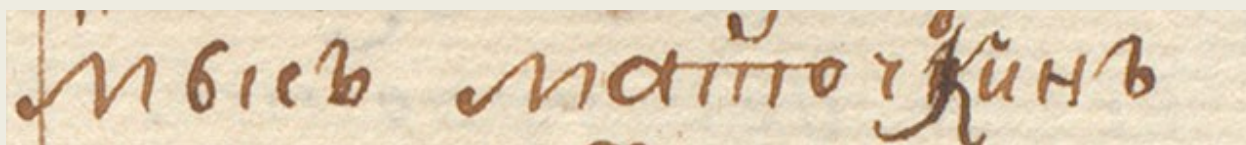
Основы Топодинамики

В данной главе я вкратце напомним некоторые основные понятия «Топонимической динамики» – науки о механизмах взаимопревращений географических названий.

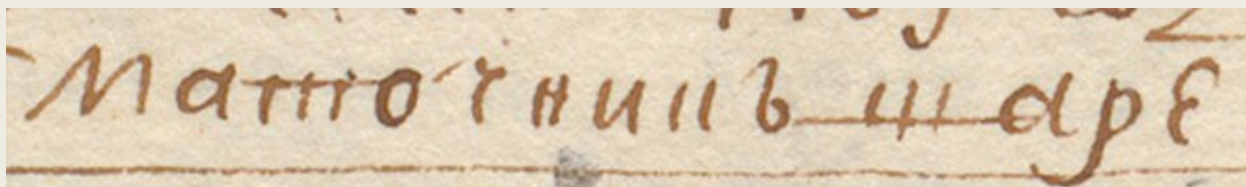
1. Топонимические флуктуации.

Все географические названия постоянно претерпевают малые случайные изменения. Данные флуктуации происходят «ни почему», такова фундаментальная природа языка. В обычных условиях флуктуации локальны (не становятся общеупотребимыми) и не приводят к каким-либо последствиям. По прошествии малого времени топоним возвращается к своей прежней форме.

Чтобы не ходить далеко за примером, название нашего пролива на ограниченном отрезке времени фигурировало как «МатАчкин» («Карта ясачных самоедов», 1745), «МаточНИК» (Трускотт, 1772), «Маточкин» (Крестинин, 1778), «МатоШНОЙ» (Лудлов, 1818). В шканечном журнале Фёдора Розмыслова (1769) слова «МаточКИН» и «МаточНИК» используются попеременно.

[Илл. 07-02-01-1. Написание «МаточКИН» из «Шканечного журнала» Розмыслова, л. 36.]

[Илл. 07-02-02-1. Написание «МаточНИК». Там же, л. 36 об.]

Все эти выбросы, однако, никак не повлияли на средневзвешенное название пролива в этот период – «Маточкин Шар».

2. Устойчивость.

Степень «сопротивляемости» топонима изменениям. При кажущейся своей «интуитивной понятности», это свойство относится к числу наименее изученных.

Устойчивость топонима определяется сложным сочетанием множества факторов и только в ограниченном числе самых простых случаев существует понимание того, как её можно определить.

В частности, для «не-характеристичных» (типа «Большой», «Зелёный», «Холодный») названий удалённых географических объектов не имеющих определённой принадлежности (а условно «общего пользования») – для таких топонимов в качестве меры устойчивости можно, по-видимому, использовать простую частотность соответствующего слова в соответствующем языке.

К счастью, интересующий нас случай как раз относится к числу этих «самых простых», чем мы и попробуем ниже воспользоваться.

3. Элементарный переход.

Если у топонима существует фонетически близкая форма, обладающая большей устойчивостью, чем он сам, то переход к этой форме в результате флуктуации может стать необратимым. Топоним самопроизвольно переходит в новое своё состояние, более устойчивое. Так «Тураковка» рано или поздно обязательно станет «Дураковкой», таков топонимический закон.

Частным случаем этого механизма является уже поминавшееся нами «топонимическое переосмысление», когда непонятный иноязычный топоним (слово с нулевой частотностью в местном языке, например «Яблан») заменяется фонетически близким, но значащим словом (то есть словом с более-менее высокой частотностью, «Яблоне́вый») местного языка.

4. Топонимический дрейф.

Форма, которую принимает топоним в случае «элементарного перехода», всегда более устойчива, чем предыдущая. Однако и у неё может в свою очередь обнаружиться фонетически близкая форма с ещё большей устойчивостью. Тогда за первым «элементарным переходом» может через некоторое время последовать второй, за ним – третий, и так далее.

В результате такого последовательного дрейфа, топоним приходит в наиболее устойчивое своё состояние. Такая точка является конечной точкой топонимического дрейфа и в ней топоним может находиться сколь угодно долго. Исходное слово может при этом измениться до неузнаваемости – как по звучанию, так и по значению.

5. Бифуркации.

На любой стадии процесса «топонимического дрейфа» возможна ситуация, когда у текущей формы топонима обнаружатся сразу две и более фонетически близкие более устойчивые формы. Тогда процесс может пойти в направлении любой из них. Такая точка траектории дрейфа является точкой потенциального ветвления (бифуркации).

Если при этом данный топоним используется сразу несколькими слабо смешивающимися стратами (например, жителями двух удалённых друг от друга селений), то возможна ситуация, когда процесс «топонимического дрейфа» в одной страте пойдёт по одной траектории, а в другой страте – по другой. В этом случае могут параллельно существовать две разные формы одного исходного топонима.

6. Устойчивость кластеров.

Топонимический кластер устойчив, даже если образующие его элементы каждый по отдельности имеют сильную тенденцию к дрейфу. Более того, существует значительная вероятность «втягивания» в кластер близких к нему объектов – вплоть до заполнения всех свободных понятийных позиций.

Так, к примеру, если существует некий «Дурманный» кластер (состоящий из «Дурманного оврага», «Дурманного болота» и «реки-Дурманихи»), то возникновение рядом второй реки «Дурманихи» невозможно (позиция уже занята), а вот появление по-соседству скажем «Дурманного луга» более чем ожидаемо.

7. Распад дальних орбит.

Топонимические кластеры имеют свою внутреннюю структуру. И сказанное выше об устойчивости относится к центральной части кластера, к его ядру. При этом возможна ситуация, когда в удалённых объектах кластера сила, препятствующая дрейфу топонима, окажется меньше силы, подталкивающей его к этому дрейфу. В результате дальний элемент кластера может от него оторваться.

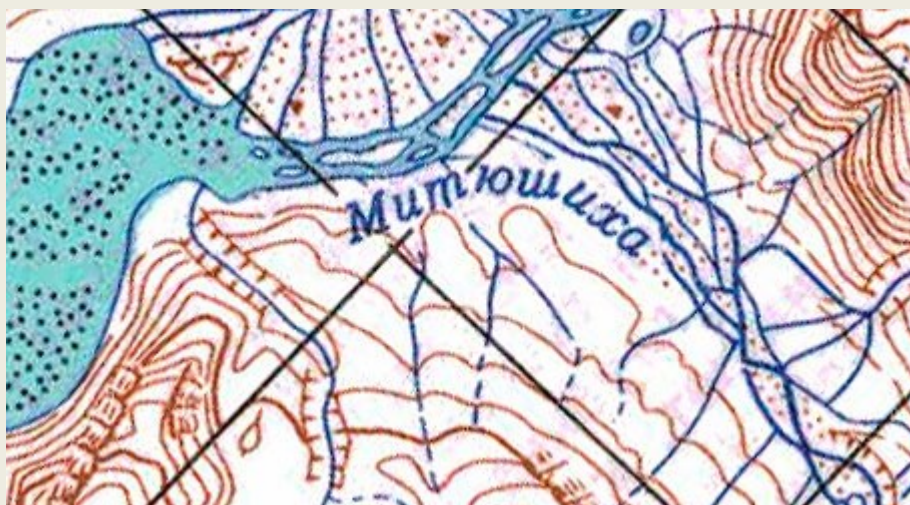
Все упомянутые выше положения «Топодинамики» интуитивно понятны. В следующих главах мы попытаемся применить всё это на практике, рассчитывая конкретные траектории «топонимического дрейфа» на основе оценок устойчивостей промежуточных состояний и предсказывая ход процессов.

Наша базовая модель будет следующая. Слово «Митюшёв» (фамилия) – слово редкое, то есть, в переводе на язык Топодинамики – низкочастотное. Это значит, что все элементы Митюшёвского кластера («Митюшёв Нос», «Губа Митюшёва», «Митюшёв остров» и остальные) каждый по отдельности – неустойчивы и имеют сильную тенденцию к дрейфу. Однако, мощный кластер, который они сами же и образуют, удерживает их от распада. По крайней мере – в своём центре.

Однако у кластера имеется один дальний объект. Это – пролив, исходно называвшийся «Митюшёв Шар». Но этот объект находится на периферии, а потому сила «топонимического дрейфа», превышает здесь силу, удерживающую топоним в составе кластера. Поэтому мы видим здесь «дрейф» по траекториям, к расчёту которых мы сейчас и перейдём.

О скорости «топонимического дрейфа» пока можно только делать осторожные предположения. Возможно, время перехода из одного состояния в другое как-то соотносится с масштабом «поколения», то есть отрезком времени в 20-30 лет.

Одновременно с «дрейфом», в центре ядра протекает предсказанный выше обратный процесс (см. п. 6) – «втягивание» в кластер близких к ядру объектов. А именно, с какого-то момента на картах вдруг появилась «река Митюшёва» (см., например, двухкилометровую «карту Генштаба» 1992 года), не известная ранее.

[Илл. 07-02-03-1. Карта Генштаба, 1992, лист S-40-XIX, XX. Фрагмент, район горы Митюшёв Камень. «Река Митюшиха».]

Траектория 1: «От Митюшёва к Матюшкину»

Траектория: Митюшёв Шар – Матюшев Шар – Матюшин Шар – Матюшкин Шар

Это самая простая траектория. Состоит она из трёх переходов.

Топонимический дрейф всегда идёт от форм с меньшей устойчивостью, к формам с большей устойчивостью. В данном конкретном случае «устойчивость» можно привязать к частоте использования соответствующего слова в реальной языковой практике.

Переход-1: «Митюшев – Матюшев»

Переход фонетически очень близкий, хотя семантически он не столь очевиден, поскольку здесь меняется основа.

Для измерения «устойчивости» будем применять специальный прибор – «частотомер». Коим у нас будет служить близкий по времени и региону случайный массив русских имён.

В данном конкретном случае я использовал платёжные ведомости тобольских служилых людей за 1693 год – «Книги имянные тоболским всяких чинов служилым людям и ружникам и оброчникам и юртовским служилым татаром з денежными оклады 7201 году» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, док. 1048, листы с 212 по 545 с оборотами). Здесь имеется около 3000 имён и фамилий, что для надёжной статистики вполне достаточно.

Так вот, замеры показали, что основа «Митюш-» встречается на практике в 16 (шестнадцать) раз реже, чем основа «Матюш-». То есть, устойчивость топонима «Матюшев Шар» более чем на порядок выше, чем устойчивость топонима «Митюшев Шар». А потому Переход-1 вполне ожидаем, несмотря на изменение основы.

Переход-2: «Матюшев – Матюшин»

При высокой распространённости самой основы, конкретная форма «Матюшев» – редкая (то есть неустойчивая), поскольку противоречит правилам русского языка по образованию притяжательного прилагательного от одушевлённого существительного 2-го склонения. В отличие от устойчивой формы «Матюшин». Словообразование здесь такое: Матюша (сущ.) – Чей сын? Матюшин (притяж. прилагательное).

Переход-3: «Матюшин – Матюшкин»

«Частотомер» показал здесь следующее: форма имени «Матюша» в нашем массиве имён не встречается вообще – при том, что «Матюшка» встречается 32 раза. Так что переход к «Матюшкину Шару» в рамках данной модели был просто предопределён.

Итак, мы рассмотрели первую траекторию возможного дрейфа топонима «Митюшёв Шар». Конечным устойчивым состоянием (через две промежуточные формы) здесь является «Матюшкин Шар».

Существование в те или иные периоды времени всех четырёх состояний исходного топонима документально подтверждено.

Траектория 2: «От Митюшёва к Матвееву»

Траектория: Митюшёв Шар – Матюшев Шар – Матюшин Шар (точка ветвления) – Матвеев Шар

Первые два перехода тут те же самые, что и в Траектории 1, так что перейдём сразу к Переходу-3.

Переход-3: «Матюшин – Матвеев»

Согласно показаниям «частотомера» топоним «Матвеев» (в качестве притяжательного прилагательного) значительно устойчивее топонима «Матюшин». Но, хотя значение обоих слов очень близкое («Матюша» – уменьшительная форма имени «Матвей»), данный переход, строго говоря, запрещён – по причине непреодолимо высокого фонетического барьера.

Так что Переход-3 является всего лишь документально зафиксированной флуктуацией, не имеющей реального продолжения. И, действительно, данная форма встречается лишь единожды, в 1612 году, на карте Массы. Больше она никогда не наблюдалась, ни до ни после.

А теперь, перед тем как перейти к Траектории 3, сделаем небольшой экскурс в мир финно-угорской языковой вольницы.

Угорский «путь» в русском поле

(Поездка в Индию – С востока на запад – На Мезени – Конец «пути»)

Поездка в Индию

Русский северный мир в XVI-XVII веках в геометрическом смысле представлял собой длинные узкие полосы, вытянутые вдоль рек и по берегам студёного моря-окияна. Линейные анклав-ниточки, погружённые в бескрайние финно-угорские веси и плотно подпёртые ими с востока, юга и запада. На востоке мы видим ненцев, на юго-востоке зырян, на юге вепсов, на юго-западе корелов, на западе финнов.

Я ничего не имею против, только здесь хочешь-не-хочешь, а приходится принимать в расчёт неизбежное влияние на поморский говор финно-угорских языков.

Действительно, в лексике поморов присутствует множество слов финно-угорского происхождения (нюрики, лябзать, маймуха, лембой, луда, малтать и мн. др.). Однако сейчас нас будет интересовать только одно из них. И слово это – «matka».

В современном финском языке это – очень задействованное слово, причём его значение не имеет ничего общего с западно-славянской формой слова «мать».

В финском языке слово «matka» означает широкий спектр понятий, связанных с путешествиями, экспедициями, дорогой и прокладыванием пути. Например, фильм Дэвида Лина «Поездка в Индию» («A Passage to India») в финском прокате циркулирует, как «Matka Intiaan». А роман У Чэньэня «Путешествие на Запад» известен, как «Matka länteen». В котором великолепный и несравненный «Мудрец равный Небу» Сунь Укун зовётся «Sun Wukong».

- 2006: «Matka = путь, дорога, рейс, направление движения, поездка, путешествие, расстояние, дистанция, длина пути, степень удалённости»

(«Большой финско-русский словарь, 2006, Оллыкайнен и Сало»)

И то сказать, слову «matka» и различным его производным в современном финском словаре отведено вдвое больше места, чем всему, что связано с «деньгами» («raha») или даже со «счастьем» («onni»).

Понятие, выраженное словом «matka», играет в финском сознании настолько важную роль, что оно расщепляется на невероятное количество весьма тонких и специфических понятий, имеющих каждое своё собственное обозначение. Например, «чтение, что берут с собой в дорогу» («matkalukeminen»), «группа, совершающая совместное путешествие» («matkue»), «усталость с дороги» («matkaväsymys»), «записи, сделанные в дороге» («matkakertomus») и так далее. Не говоря уж о «пособии, выдаваемом на путешествие, совершаемое с сугубо научными целями» («matkaapuraha»), это святое.

Вот что означает слово «matka» сейчас. Но что оно означало раньше?

А то же самое. В финском языке это слово присутствует в неизменном своём значении с самых что ни на есть истоков.

- 1999: «Matka = путешествие, путь, расстояние, поездка, проезд, дорога, дистанция, маршрут»

(«Новый большой русско-финский словарь в 2 томах, Куусинен, Оллыкайнен, Сюръялайнен, 1999»)

- 1919: «Matka = journey, voyage, passage, excursion, trip, tour, distance, range, length, way, road».

(«Finnish-English Dictionary. Compiled by Severi Alanne, 1919»)

**matka journey; (meri-, tav. pitkä) voyage;
(matka jonkin yll, esim. meren) passage;**

[Илл. 07-05-01-1. «Finnish-English Dictionary. Compiled by Severi Alanne, 1919». Слово «matka»]

- 1826: «Matka = iter (лат.: путь, дорога, путешествие, поход, маршрут), via (лат.: то же, что и iter + направление, проход), profectio (лат.: отправление в путь, движение в пути), Reise (нем.: путешествие, плавание и проч.), Weg (нем.: отправление)»

(«Lexicon Linguae Finnicae, auctore Gustavo Renvall, MDCCCXXVI», финско-латинско-немецкий словарь 1826 года)

Matka, au Ns. 1. iter, via, profectio, G.
Reise, Weg, matka=miēs viator, on matz

[Илл. 07-05-02-1. «Lexicon Linguae Finnicae, auctore Gustavo Renvall», 1826. Слово «matka».]

- 1745: «Matka = iter, profectio, wäg, resa»

(Daniel Juslenius: «Suomalaisen Sana-Lugun Coetus». Stockholm 1745. Pipping 693.)

- 1678: «Matka = iter, reesa, wägh»

(Henricus M. Florinus: «Nomenclatura Rerum brevissima, Latino-Sveco-Finnonica». Aboae 1678. Pipping 194.)

- 1637: «Matka = iter, reesa, färd, die Reis»

(Ericus Schroderus: «Lexicon Latino-Scondicum». Holmiae 1637. Pipping 36.)

- 1548: «Matka = itinere, путь»

(Mikael Agricolan Teokset II. «Sis. Se Wsi Testamenti». Stocholmis 1548. Pipping 5.)

Словоупотребление 1548 года выявлено в следующем контексте, позволяющем точно установить значение, в котором оно использовалось: «Jesus matkast oli wäsynyt», то есть, по первоисточнику (Вульгате), «Jesus ergo fatigatus ex itinere», то есть, в синодальном переводе, «Иисус, утрудившись от **пути**...». Как вы уже наверное догадались, здесь цитируется «Евангелие от Иоанна» 4:6.

С востока на запад

Хорошо, с финским языком вроде бы разобрались. Теперь посмотрим, как обстоят дела с этим словом в других языках финно-угорской группы. Пойдём с востока на запад.

Ненецкий язык:

- «Матка = компас [то есть прибор, с помощью которого определяют путь]»

(«Ненецко-русский словарь» Н.М. Терещенко, 1965)

Коми язык:

- «Matka = compass (компас)»

(«Зырянско-немецкий словарь» Видемана, 1880, «Syrjanisch-Deutsches Wörterbuch, F. J. Wiedemann».)

(То же значение дано и в «Большом коми-русском словаре» Безносиковой и др., 2000.)

(То же значение в диалектическом словаре Юрьё Вихманна «Syrjänischer Wortschatz», с. 152, составленном по материалам экспедиции 1901-1902 и изданного в 1942, Хельсинки. Зафиксировано в 5 диалектах.)

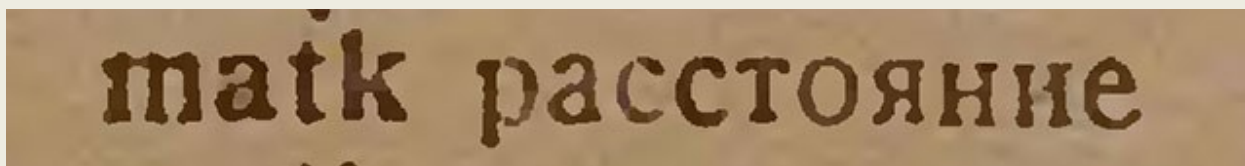
matka *Compass.*

[Илл. 07-06-01-1. «Зырянско-немецкий словарь» Видемана, 1880. Слово «matka».]

Вепский язык:

- «Matk = расстояние»

(«Вепско-русский словарь», Hamalainen, Andrejev, 1936, Ленинград)

[Илл. 07-06-02-1. «Вепско-русский словарь», Hamalainen, Andrejev, 1936. Слово «matka».]

Карельский язык:

- «Matku = расстояние, путь, поездка, путешествие, дорога»

(«Большой русско-карельский словарь», Т..П. Бойко, Л. Ф. Маркианова, 2011)

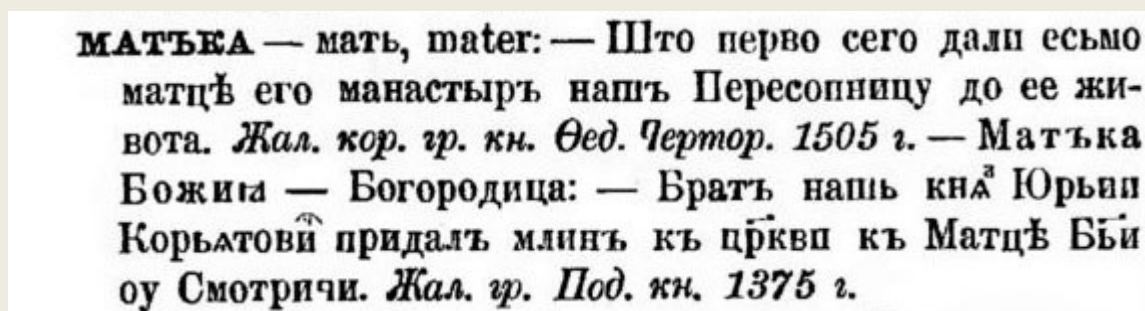
Итак, во всех рассмотренных финно-угорских языках присутствует слово «matka» в значении «путь, путешествие, путешествовать, прокладывать путь, маршрут».

А что в русском?

Это удивительно, но при всей своей кажущейся исконности, слово «матка» в древнерусском языке задействовано слабо. И то в основном в форме «матЦе», будучи с головой накрытым второй волной «палатализации» («дали есьмо матце его монастырь», «къ Матце Божии», «яко пчелы к матце» и т.п.). Створ значений этого слова при этом весьма узок – это либо «мать», либо «пчелиная матка». Многодесятокотомный «Этимологический словарь славянских языков» под редакцией Трубачева (Праславянский лексический фонд, т. 18, с. 17, 1993, см. употребления до XVII в.) созвучен в этом вопросе Срезневскому. Слово как бы и есть, но не так чтобы очень.

- «Матъка = мать, mater, матка пчелиная»

(Срезневский, «Материалы для словаря древне-русского языка», т. 2, 1893)

[Илл. 07-06-03-1. Срезневский, «Материалы для словаря древне-русского языка», т. 2, 1893. Слово «matka».]

На Мезени

А теперь мы подошли к очень ответственному моменту, моменту формулирования гипотезы. Гипотеза такова. Угорское слово «matka» в значении «путь, путешествие» на определённом этапе истории перешло в русский язык Поморья – а потом, некоторое время спустя, было вытеснено оттуда поздним общерусским словом «матка» в значении «пчела», «матерь». Конец гипотезы.

Для определённости здесь и далее будем говорить о языке русского анклава по реке Мезень.

Должен сразу оговориться: случаи употребления слова «matka» в значении «путь» на Мезени не зафиксированы, это пока только гипотеза. Однако обнаружено много следов его там некогда пребывания. И следы эти (в виде того же слова «матка», но в очень специфическом значении) прослеживаются в языке Поморья на отрезке времени как минимум в сто лет.

А именно, в течение всего XVII века слово «матка» встречается в языке Поморья в значении «компас» – то есть «прибор для определения пути во время путешествия», «путевик». К концу XVII века данное слово всё чаще начинает принимать форму «маточник», которое в свою очередь с XVIII века активно вытесняется голландским словом «компас» (как, к слову, и сами самодельные «маточники» вытесняются фирменными голландскими компасами).

Взглянем на хронологию этого процесса.

Первое документированное употребление в русском языке слова «матка» в значении «компас» содержится в Дневнике-словаре Марка Ридли, английского врача, лечившего царя Фёдора Иоановича. Записи Ридли относятся к самым последним годам XVI века.

- 1600: «Mata = a compasse for saylers»

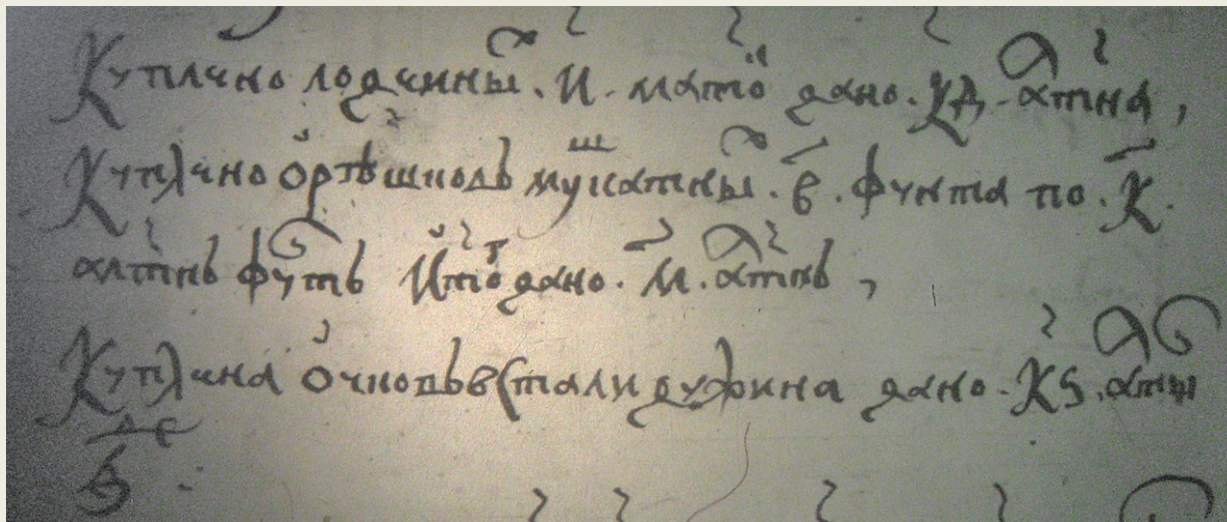
(«The Russian-English Dictionary, by Marc Ridley» 1599, Bodleian Library, Oxford. Цитирую по: В. О. Unbegaun «Le nom de la boussole en Russe», опубли. в сб. «Slavistična Revijna», vol. 10, с. 181. 1957, Ljubljana.)

- 1618: «Matka = a compasse»

(«The Russian-English Dictionary, by Richard James» 1618, p. 41. Bodleian Library, Oxford. Другой независимый ранний англо-русский словарь английского путешественника. Составлялся в Холмогорах и Архангельске в 1618-1620 годах.)

- 1645: «Куплено [Соловецким монастырём] лодейных 8 маток, дано 24 алтына. Куплено орешков мушкатных 2 фунта по 20 алтын фунт, итого дано 40 алтын. Куплена очков в стали дюжина, дано 26 алтын денег. <...> Куплено лимонов бочка да красного церковного вина бочка денег дано 14 рублев. »

(Соловецкий монастырь, «Книги приходные и расходные монастырской денежной казны, 1644-1645», запись в расходной части от 7 октября 1645. РГАДА, ф. 1201, оп. 1, док. 242, лл. 40 об., 42)

[Илл. 07-07-01-1. Соловецкий монастырь, «Книги приходные и расходные монастырской казны». РГАДА, ф. 1201, Соловецкий мужской монастырь, оп. 1, док. 242, лл. 40 об. «Лодейных 8 маток».]

- 1667: «лодейные матки [выдал Воскресенский монастырь, посылая лоды на Поной]»

(Архив СПбИИ, кол. 110, Поуездная коллекция. Каргопольский уезд, 1677 г.)

- 1678: «лодейную матку-вставку для морского пути [купил Антониев-Сийский монастырь]»

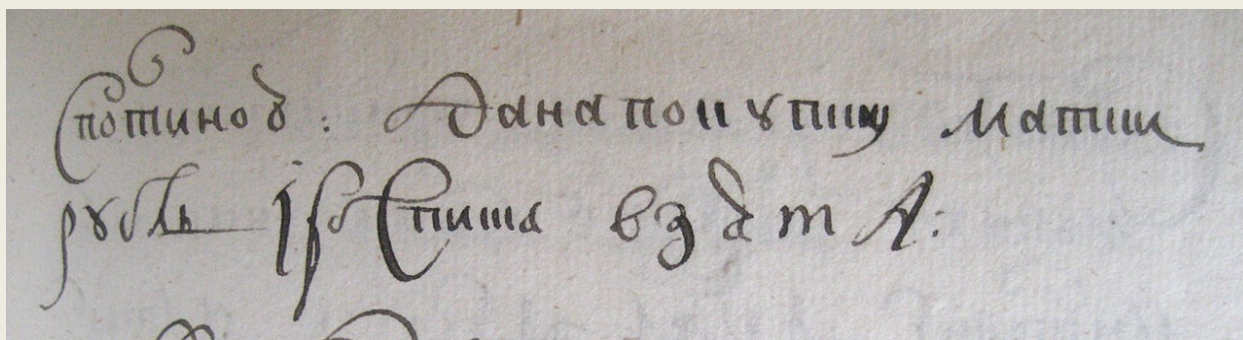
(Архив СПбИИ, ф. 5, Антониев-Сийский монастырь, док. 54)

- 1696: «матку в Мурманский ход на новую лодью [купил Холмогорский архиерейский дом]»

(Архив СПбИИ, кол. 11, Коллекция рукописей Археографической комиссии, кн. 106, л. 93)

- 1701: «Лицкого становища приказному монаху Антонию дано на всякие расходы четыре рубли с полтиной, да на покупку матки рубль и росписка взята.»

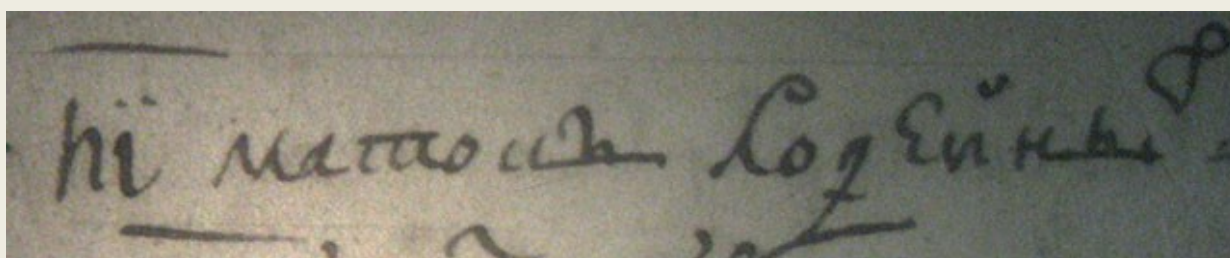
(«Книга приходная и расходная Антониево-Сийского монастыря за май 1701», РГАДА, ф. 1196, оп. 3, док. 407, лл. 6 об., 7)

[Илл. 07-07-02-1. Расходно-приходная книга Антониев-Сийского монастыря, май 1701. РГАДА, ф. 1196, оп. 3, док. 407, л. 6 об., 7. «Покупку матки рубль».]

- 1701: «Куплено [Соловецким монастырем] 18 маток лодейных дано 2 рубли 2 алтына денег»

(«Книги приходные и расходные монастырской денежной казны, 1696-1706», запись в расходной части за январь 1701. РГАДА, ф. 1201, оп. 1, док. 728, л. 93)

[Илл. 07-07-03-1. Соловецкий монастырь, «Книги приходные и расходные». РГАДА, ф. 1201, Соловецкий мужской монастырь, оп. 1, док. 728, л. 93. «18 маток лодейных».]

- 1701: «Компас, сиречь матка – деловой путь вождей, пути промысла пешотинцев и мореходцев <...> И прилучием, шествующие через воды и каменные горы и дикие мало проходимые леса, ибо и в темные и туманные дни, аще и в темнотех нощи шествующие, – не заблудни суть держащая десницы или шуицы, понеже разумети в ней философски часов солнца, луны и звезд.»

(Семён Ремезов, «Служебная чертёжная книга», «3-я статья», л. 2 об., 1701. Отдел рукописей РНБ, Эрмитажное собрание, док. 237)

А вот с некоторого момента понемногу пошли уже и «маточники»:

- 1670: «Июня в 3 день послана память въ Казанской Приказъ: что по указу великого государя велено послать съ Москвы на корабль и на яхту корабельныхъ болшихъ 9 маточниковъ, да 8 болшие часы песочные, которые забылъ на Москве корабельной капитанъ Давыдъ Бутлеръ съ товарыщи, и те маечники и часы изъ Посолского приказу <...> въ Приказъ Казанского Дворца съ подъячимъ съ Васильемъ Тимофеевымъ.»

(«Перечень дела о строении в селе Дедилове корабля «Орла» и других мореходных судов, и об отправлении их в Астрахань», 19 июня 1667 – 26 мая 1670, Дополнения к Актам историческим, т. 5, 1855)

- 1698: «Стурману или кормщику припасы: <...> 8 матошниковъ имяну-
ются кумпасы, <...> 4 матошника недвижимыхъ имянуется стальца-
кумпасъ, 1 висячий матошникъ имянуется гангъ-кумпасъ, 1 матошникъ
имянуется пенль-кумпасъ, для погрешения кумпасовъ <...> 1 стюрман-
ской ящикъ со всякимъ кумпаснымъ припасомъ <...> с матошнымъ вет-
рянымъ листомъ [т.е. изображением розы ветров] и со стеклы»

(«Роспись припасам на барколон по разсуждению вице-адмирала [Кор-
нелиуса Крюйса], 28 ноября 1698», РГАВМФ, ф. 234, оп. 1, док. 10)

Но век «матосников» был недолг. Вместе с голландскими технологиями в нача-
ле XVIII века приходят и голландские слова. И «матосники» быстро становятся
обычными «компасами». Вот первый известный случай употребления этого ново-
го, но перспективного слова:

- 1695: «Бочка съ прапоры и компасъ»

(«Письмо Андрея Виниуса к Петру I от 9 июля 1695». К письму приложен
список на русском языке того, что Николаас Витсен послал Петру из Ам-
стердама. РГАДА, ф. 9, Кабинет Петра I, отд. II, оп. 4, кн. 53, л. 93-166)

Конец «пути»

А что происходило при этом с самой «маткой-путём»?

А вот что. Под натиском «московского» языка это слово на Мезени радикально
меняет своё значение – с угорского «пути», на общерусское – «пчелиная матка»,
«старший в детской игре» и т.п. Хотя одно из прежних боковых значений – «при-
бор для определения пути» – продолжает присутствовать на заднем плане.

Но в целом это уже совершенно другое слово. Так что в самом полном и автори-
тетном Словаре Поморского языка, составленном в первой трети прошлого века,
в статье «матка» мы находим только следующее:

- 1912 – 1934: «Матка = 1. Заправила в детской игре 2. Полусгнивший
клубень картофеля 3. Пословица: «Матка-правда глаза не колет» 4.
Крупная отборная <...> рыбина»

(И. М. Дуров «Словарь живого поморского языка», 1912-34)

Никакого «пути», никакого «путешествия», и даже никакого «компаса».

В современный же словарь поморского языка слово «матка» попросту не включе-
но, как больше не обладающее никакими специфическими «северными» коннота-
циями (И. С. Меркурьев, «Живая речь кольских поморов», 1979).

Впрочем, прежнее значение слова не исчезло вовсе. Оно продолжает временами проявляться в виде вторичного отражения былого словоупотребления – то есть присутствовать в качестве «реликтового термина». В тех текстах, где по замыслу авторов архаика как раз требуется, это слово может появляться. Но только в обязательном для «реликтового термина» формате, то есть – в сопровождении «перевода» на текущий язык. Смотрите сами:

- 1789: «Здесьние поморцы называют компас маткою»

(Василий Крестинин, «Географическое известие о Новой Земле», с. 148. Речь здесь идёт именно о мезенских «поморцах».)

- 1850: «Матка, маточка – так называются маленькие деревянные компасы, употребляемые иногда нашими промышленниками»

(Александр Шренк, «Областные выражения русского языка в Архангельской губернии», опубли. в «Записки Императорского Русского Географического общества», книжка IV, с. 132. СПб, 1850.)

- 1859: «...руководствуются компасиками – по-их матками, – покупаемыми обыкновенно за четвертак, полтинник на архангельском рынке.»

(Сергей Максимов, «Год на Севере» т. 1, гл. «Беломорские суда», 1859)

- 1881: «Маточка, т.е. маленький компасик, употребляемый поморами»

(Пётр Охочинский, «Новая Земля и Колгуев», «Живописная Россия» т. 1 с. 221, 1881)

- 1885: «Матка = 1. Небольшой деревянный первобытного устройства компас у поморов, уже выходящий из употребления и заменяемый металлическим компасом (поморск.). [Составитель словаря приводит ещё и другое значение данного слова, о нём я скоро скажу.]

(Александр Подвысоцкий, «Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении», 1885, СПб)

- 1886: «...ориентируются охотники по коре деревьев; кто посмелее, тот отваживается и дальше от дома, и тогда вооружается компасом, так называемую «маткой».

(Константин Случевский, «По северу России» т.1, глава «Охота на Климецком острове» с. 78. СПб, 1886.)

- 1902: «Матка = 1. Небольшой компас, употребляемый охотниками-звероловами во время хождений по лесам».

(Прокопий Дилакторский, «Слова Великоустюжского уезда Вологодской губернии», 1902. Согласно Словарю, данное значение слова отмечено в тех уездах, где русское население плотно соприкасалось с зырянами – Устьысольском, Яренском, Сольвычегодском и Великоустюгском.)

- 1947: «Непременно на каждом корабле есть компас – «матка».

(Борис Шергин, «Двинская земля», в сб. «Поморщина-корабельщина», 1947)

Итак, мы видим следующую картину.

Первоначально слово «матка = путь, путешествие» пришло в мезенский язык из одного из финно-угорских языков. Со временем у этого слова появилось характерное дополнительное значение «матка = прибор для определения пути, компас». Однако, постепенно основное значение слова «матка = путь» было вытеснено общерусским значением «матка = пчела, мать». При том, что вспомогательное значение «матка = компас» какое-то время ещё сохранялось. Но в целом слово «матка» к этому времени уже утратило все свои морские смыслы.

А теперь, вооружившись этими знаниями, можно приступить к разбору Траектории 3 топонимического дрейфа «Митюшёва Шара».

Траектория 3: «От Митюшёва к Маточкину»

Траектория: Митюшёв Шар (точка ветвления) – Митюшкин Шар – Миткин Шар – Маткин Шар – Маточкин Шар

Вкратце:

Механизмы, определяющие топонимический дрейф по данной траектории, не столь просты, как ранее рассмотренные.

Раньше мы имели дело исключительно с процессами «естественного» топонимического дрейфа. Сейчас же предстоит столкнуться с дрейфом «индуцированным», где на внутренние механизмы распада накладываются мощные внешние факторы, которые в результате и определяют течение процесса.

Таким «внешним фактором» в данном случае явился приход в поморский язык иностранного слова «matka» («путешествие»), которое к тому же по ходу дела резко сменило своё значение (на «пчела» и «мать»).

При этом так случайно совпало, что слово «matka» оказалось по звучанию близко к одной из форм текущего названия нашего пролива («Митка»), а также (тоже случайно) хорошо подошло по смыслу. В результате чего топонимический дрейф пошёл по неожиданной, в чём-то «вынужденной» траектории. Этот эффект и разбирается детально в данной главе.

Те, кто не готов отслеживать тонкие взаимовлияния подвижных языковых объектов, могут просто принять как факт, что «Митюшёв Шар» в результате специфического топонимического дрейфа превратился в «Маточкин Шар» – и сразу перейти к следующей главе («Куда делся первый Шар»).

Всех же прочих – милости прошу на «топодинамическое» пиршество.

Переход-1: «Митюшёв – Митюшкин»

Данный переход обеспечивают ровно те же механизмы, что и рассмотренные выше Переходы 2 и 3 Траектории 1.

В принципе, он должен был бы проходить в два шага, через промежуточную форму «Митюшин Шар». Однако, согласно показаниям «частотомера», форма имени «Митюша» в реальной практике словоупотреблений является исчезающе редкой. А вот форма «Митюшка» уже имеет некоторую наблюдаемую частотность.

Переход-2: «Митюшкин – Миткин»

Достаточно интересный переход. Хотя фонетически тут не всё однозначно, однако в целом допустимо, поскольку предполагает всего лишь выпадение одного слога «юш».

Зато с устойчивостью нас здесь ожидает сюрприз. Оказывается, чуть ли не единственная реально практиковавшаяся уменьшительная форма имени «Дмитрий» была исключительно и только «Митка» (в смысле «Митька», но без мягкого знака). Для современного уха это немного непривычно, но факт есть факт – никаких «Митей», «Митяев», «Митюх» и «Митюшей» не было и в заводе в тот период – «Митка» и только так (очень редко – «Митюшка»). Согласно показаниям «частотомера»

ра», в 97% всех случаев употреблений данного имени оно идёт именно в форме «Митка» (61 случай из 63).

А потому, форму «Миткин Шар» в терминах Топодинамики является заведомо более устойчивой, а переход к ней от «Митюшкина Шара» – закономерным.

Переходы 3 и 4: «Миткин – Маткин – Маточкин»

Последние два перехода тесно связаны между собой, поскольку определяются одним и тем же внешним процессом – процессом появления, развития и исчезновения финно-угорского слова «matka» в русском языке Поморья. Данный процесс проходил в четыре характерные этапа, с которыми хорошо синхронизируются наши топонимические переходы.

Временные границы этапов, там где они обозначены, даны весьма условно и в дальнейшем могут быть значительно скорректированы.

0-й этап (предыстория):

Из финно-угорских языков в мезенскую речь приходит слово «matka» в значении «путь, прокладывать маршрут, большое расстояние, дальний поход».

Параллельно с этим (и независимо от этого), у Пролива появляется название – «Митюшёв Шар», персонифицирующее географический объект.

слово	значение
матка	путь
Митюшёв Шар	пролив Митюшёва

1-й этап (ориентировочно 1600 год):

У слова «матка» дополнительно к основному значению («путь») появляется специальное значение – «прибор для прокладывания пути» («путевой прибор», «путевик», то есть – компас).

В результате естественного дрейфа (см. Переходы 1 и 2) название Пролива приходит к форме «Миткин Шар». Значение, которое имел отправной термин (персонификация пролива), при этом утрачивается («Митка» – персонаж уже абстрактный).

слово	значение
матка	1. путь 2. прибор для прокладывания пути
Миткин Шар	-

2-й этап:

В результате фонетической флуктуации название пролива меняется на более «понятное» и «оправданное» – «Маткин Шар». При этом пустое значение термина заполняется значением не только значащим, но и крайне актуальным – «Путевой пролив» (конкретно, «пролив на пути к низовьям Оби»), что придаёт данной форме высокую топонимическую устойчивость.

слово	значение
матка	1. путь 2. прибор для про- кладки пути
Маткин Шар	путевой пролив (!)

3-й этап (ориентировочно 1650 год):

Слово «матка» в мезенской речи меняет значение с финского «пути», на общерусские «пчелу, мать». Для обозначения же понятия «компас» возникает отдельная форма прежнего слова, а именно – «маточка».

Как следствие, название Пролива «отстраивается» от новых значений слова «матка», лишённых в мореходном контексте смысла («Пчелиный пролив»? «Материнский пролив»?). В качестве компромисса «Маткин Шар» принимает форму «Маточкин Шар» («Компасный пролив»).

слово	Значение
матка	1. пчела (!) 2. мать (!) 3. прибор для про- кладки пути (значение сильно ослаблено, допол- нительно появля- ется форма «ма- точка»)
Маточкин Шар	компасный пролив

4-й этап (ориентировочно 1700 год):

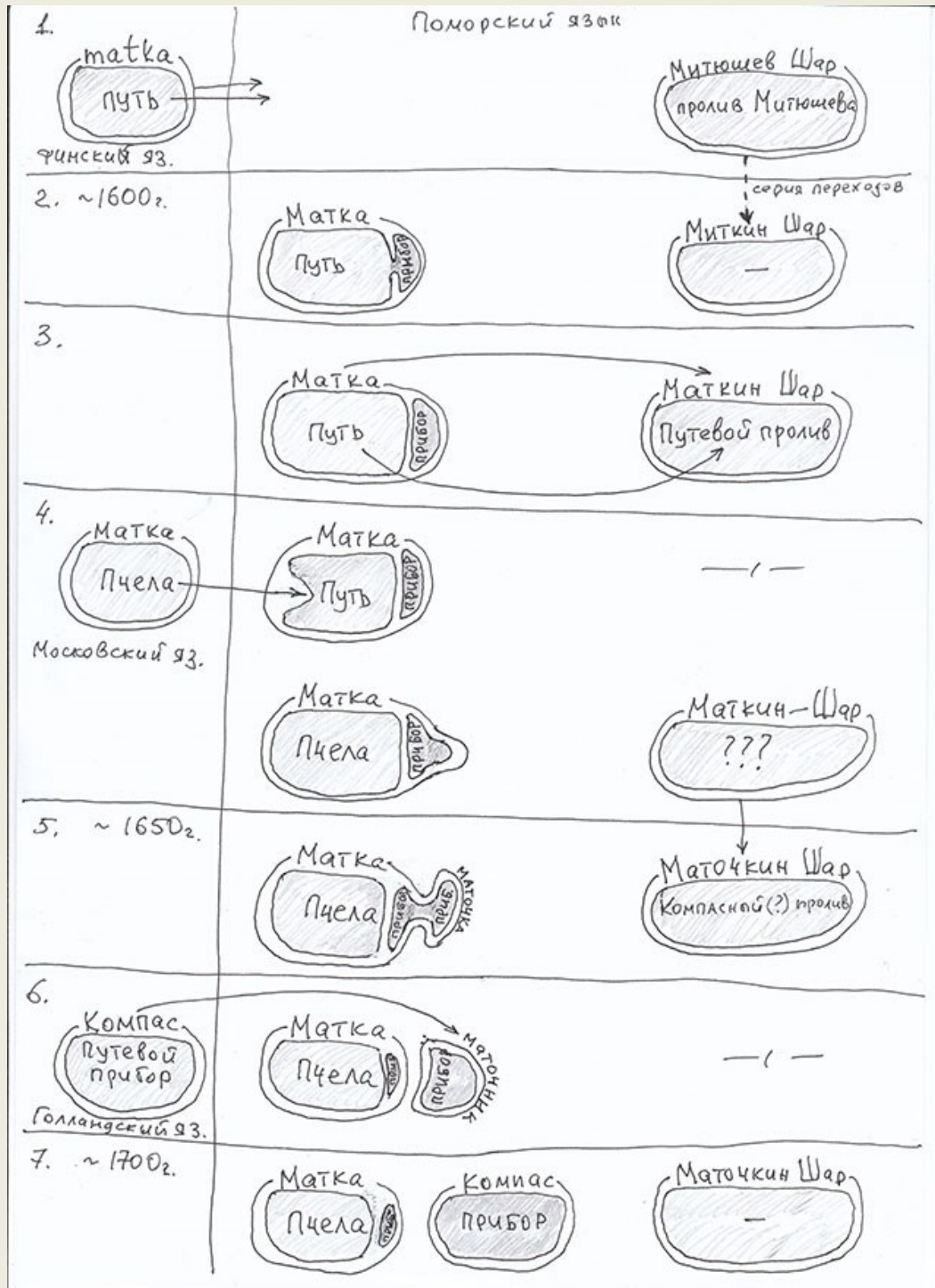
Из голландского языка в поморскую речь начинает активно проникать слово «компас». Слово «маточка» («маточник») в значении «компас» становится редкоупотребимым.

За проливом закрепляется название «Маточкин шар» – однако уже лишённое какого-либо конкретного значения.

слово	Значение
матка	1. пчела 2. мать 3. прибор для про- кладки пути (значение слабое)
маточник	прибор для про- кладки пути
компас	прибор для про- кладки пути
Маточкин Шар	-

На этом процесс топонимического дрейфа по «Траектории 3» приостанавливается.

Тем читателям, которым язык графики ближе, чем язык таблиц, могу предложить рисунок. Слова здесь понимаются, как просто контейнеры, которые могут быть как пусты, так и заполнены одним или несколькими несмешивающимися значениями. Взаимодействие («захват», «вытеснение», «слияние» и т.п.) между объектами языка могут происходить как в плоскости «контейнеров» (слов), так и в плоскостях их «содержимого» (отдельных значений).

[Илл. 07-09-01-1. Рисунок «История слова Matka на Мезени.jpg»]

Резюме. «Траекторию 3» определяет мощный внешний фактор – глобальная подвижка самого языка. Конкретно – радикальное изменение значения топонимобразующего слова «matka» («матка»).

Куда делся первый Шар?

Картина мира в целом получается следующая. Топонимический дрейф первоначального названия пролива («Митюшёв шар») шёл по трём разным траекториям и привёл к возникновению трёх разных форм этого названия – «Матвеев Шар» (очень неустойчивая форма, исчезла сразу по появлению), «Маточкин Шар» (неустойчивая форма) и «Матюшкин Шар» (устойчивая форма).

Возникает закономерный вопрос: почему из двух оставшихся к середине XVII века названий пролива устойчивая форма впоследствии исчезла, а неустойчивая – дожила до наших дней?

Вопрос хороший. Попробую дать не него хороший ответ.

Для начала следует принять во внимание тот факт, что «топонимические формы» не существуют сами по себе в безвоздушном пространстве, им нужны носители. Любые человеческие понятия, равно как и обозначающие их слова, обретаются в человеческом мозге.

Применительно к топонимам это требование даже ещё более жёсткое. Бессмысленно давать название географическому объекту, если это название предполагаешь использовать только ты сам. Топоним может существовать только тогда, когда его понимает и признаёт хоть сколько-нибудь значимый круг людей. И в этом кругу обозначение для одного объекта должно быть только одно, иначе пропадает смысл самой процедуры «поименования».

Так что если мы допускаем одновременное существование нескольких различных названий одного и того же географического объекта, то мы вынуждены будем предположить существование несмешивающихся групп людей, каждая из которых использует свою собственную версию названия объекта.

В нашем конкретном случае такие мало смешивающиеся группы, по счастью, легко прослеживаются. Собственно, всё население Поморья в XVII веке как раз и представляло собой совокупность несмешивающихся групп, даже чисто геометрически. И двумя наиболее значимыми такими образованиями были «двинская» и «мезенская» страты, локализованные в низовьях рек Северная Двина и Мезень соответственно.

Логично предположить, что из двух существовавших одновременно названий нашего пролива одно имело хождение в «двинской страте», а другое – в «мезенской страте».

Анализ ранних источников, в которых упоминается пролив, подтверждает эту гипотезу. Все эти источники удивительно точно разделяются на две группы по географическому признаку.

А именно – источники, в которых фигурирует «Матюшкин Шар» (английские лоции и голландские карты), по месту наиболее вероятного происхождения все тяготеют к Двине (единственной зоне разрешённой деловой активности англичан и голландцев), а источники, где фигурирует «Маточкин Шар» («Роспись из Неплюевского дела», сообщения Крестинина), связаны преимущественно с Мезенью (оче-

видный мезенский уклон «Росписи...», мезенские информаторы Крестинина кормщики Рахманин и Откупщиков).

Итак, процесс топонимического дрейфа реализовался на практике следующим образом. Исходное название пролива «Митюшёв Шар» в среде двинских поморов приняло форму «Матюшкин Шар», а в среде мезенских поморов – форму «Маточкин Шар». И какое-то время обе эти формы существовали (каждая в своём регионе) одновременно.

А теперь посмотрим, какие события происходили в интересующий нас период в «двинской страте».

В 1583 году в устье Северной Двины был заложен город Архангельск. И начал устойчиво расти, поскольку именно через него пошли все внешнеторговые потоки царства.

А 110 лет спустя, в 1693 году, здесь вообще случилось «экономическое чудо». В Архангельск приплыл царь. И не просто приплыл, а заложил здесь Соломбальскую верфь, что по факту превратило Архангельск (которому по всему следовало бы называться Николаевском или Михайловском) в главный экономический центр державы.

Хлынули инвестиции, в небо взметнулись каменные двухэтажные небоскрёбы, порт загудел всеми мыслимыми басурманскими наречиями. Кормщики распробовали вкус «лафита» и «клик». Московские генералы слали купцам заискивающие письма, прося ускорить доставку через Архангельск корсажей для их внушек.

Извольте раздобыть <...> 2 наряда, один для девочки 10- или 12-летнего возраста, другой меньшего размера, из какой-либо новомодной ткани с сообразной отделкой, а также две пары корсажей отдельно для них же.

(Патрик Гордон, «Дневник», т. 5. Письмо от 3 февраля 1693).

Искатели лёгкой наживы со всей страны ринулись в Архангельск ловить судьбу за хвост. Шальные деньги лились и пенились вокруг шальных проектов. Нескончаемым потоком в город текли трудовые мигранты. Распахивались новые горизонты.

Регион рос, как на дрожжах. И ключевое слово здесь было – торговля.

Если к концу XVII века количество ежегодно прибывавших в Архангельский порт заморских кораблей измерялось десятками, то спустя короткое время счёт шёл уже на сотни – 230 кораблей в 1715 году против 49 в 1693 (см. Степан Огородников, «Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении», СПб, 1890, с. 94 и 144).

Все бросились в торговлю, как в омут. Кто не кормился коммерцией, те кормились на услугах тем, кто кормился коммерцией.

Буквально на глазах всё население края превратилось в менеджеров и маркетологов. На Архангельскую Биржу тянулись брокеры на ломовиках, по Архангельскому Адмиралтейству прогуливались подрядчики под руку с субподрядчиками.

Старая жизнь с её примитивными занятиями (всякими моржовыми промыслами да тресковыми путинами) безвозвратно ушла в прошлое – настолько далёкое, что и разглядеть его без лорнета стало решительно невозможно.

Тренд на отказ от дедовских профессий ещё больше усилился с введением в 1704 году монополии на морские промыслы, целиком отданной в руки Светлейшего князя (тогда ещё графа) Меншикова. Возиться со всякими «шняками» да «покрутами» стало в молодёжной среде и вовсе не круто. Заря новой жизни всходила над краем.

Так продолжалось 20 лет. А потом всё рухнуло.

Как только Петербург был худо-бедно достроен, Архангельску попросту перекрыли кран. До того было можно всё – теперь стало нельзя ничего. Даже завозить сюда хлеб из центральных регионов (пшеница в Архангельске не растёт) было запрещено сверх неких установленных минимальных норм потребления. Кто и на основании чего эти нормы устанавливал можно легко себе представить. После десятилетий изобилия в регионе был организован рукотворный голод.

Цель при этом была одна – переключить деловые потоки на новую северную столицу. Эта благородная цель была успешно достигнута в кратчайшие сроки. В 1725 году Архангельский порт посетило всего 19 кораблей.

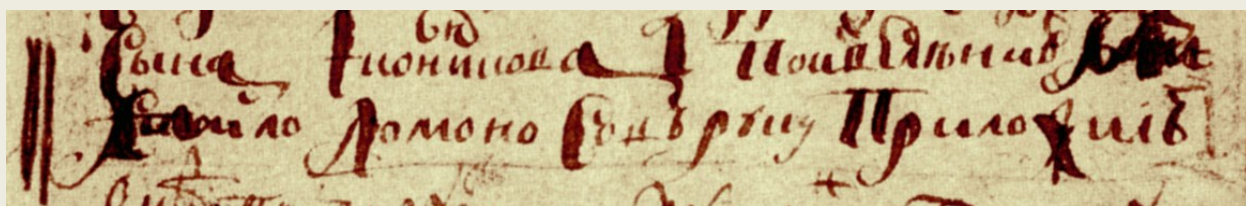
Хотя именно этой гуманитарной катастрофе мы все обязаны рождением русской науки, как таковой.

Михаил Ломоносов родился как раз накануне завершения «тучной эпохи», в 1711 году. С самого детства вкусив всех прелестей физического труда, он усвоил главный в своей жизни урок – делай что хочешь, хоть землю ешь, а прорывайся в райские сады труда офисного.

Использовать на практике свет знаний Михаил начал рано, как минимум с 14 лет – открыв свой малый бизнес по подписыванию официальных документов за неграмотных клиентов.

Вместо подрядчиков Алексея Аверкиева сына Старопоповых да Григорья Иванова сына Иконникова по их велению Михайло Ломоносов руку приложил

(1726).

[Илл. 07-10-01-1. Автограф Ломоносова, 1726 год. «Михайло Ломоносов руку приложил».]

Второй жизненный урок, твёрдо усвоенный Ломоносовым, был ещё более определённым – нужно отсюда срочно рвать когти. Раз «умники» в родных пенатах не нужны – значит следует двигать туда, где они востребованы.

Выбранная стратегическая линия оказалась стопроцентно верной. Сбежав тайком из дома и перетерпев некоторый начальный период бытовой неустроенности, Ломоносов оказался в результате в другом мире – там, где учёность реально ценилась, а не вызывала насмешки и отторжение.

Четыре года спустя, 3 сентября 1734 года, в Контору над Архангельским портом пришло сообщение о ходе плавания лейтенантов Муравьева и Павлова из Двинско-Обского отряда Великой Северной Экспедиции. Привёз это сообщение никто иной, как Василий Дорофеевич Ломоносов, возвратившийся с морских промыслов в районе Югорского Шара (РГАВМФ, ф. 330, оп. 1-1, д. 605, л. 228).

Так что ровно в то время, когда 53-летний Василий Ломоносов упражнялся в забрасывании яруса (так у нас называют невод) у острова Долгий, его 23-летний сын упражнялся в риторике в Киево-Могилянской академии. Почувствуйте разницу.

Но вернёмся в 1713 год, когда всё население Архангельска разом лишилось источников существования. Выбор, который перед этим населением встал, был прост – либо вымереть, либо начать заново осваивать старые дедовские способы выживания. Способы к тому времени основательно забытые.

Для нас здесь важны два обстоятельства. Первое – население на тот момент в значительной степени было уже пришлое, вовсе не знакомое с поморской традицией. Второе – старый опыт моржовой добычи и рыбной ловли был во многом утрачен даже самими коренными жителями. Всё нужно было осваивать заново.

Освоение новых старых навыков шло туго. Добыча трески к 1720 году достигла хорошо если одной трети от показателей начала века (3130 против 9548 пудов сухой трески в 1700 году, Огородников, с. 183).

Говорящий пример. Когда в 1733 году, в связи с началом Великой Северной Экспедиции, государству потребовался хоть кто-то, имеющий опыт плаваний из Архангельска к Новой Земле и далее на Обь, то Архангельская губернская канцелярия, после длительных розысков, была вынуждена констатировать, что среди жителей Архангельска и Холмогор таких людей не осталось вовсе (РГАВМФ, ф. 330 «Главный командир Архангельского порта», оп. 1-1, д. 605, «Об отправлении двух судов для описи реки Оби и о довольствии их материалами и припасами», л. 18).

Утрата традиций морской зверодобычи означала утрату как общих навигационных знаний (в частности – лоций, письменных и изустных), так и географической конкретики дальних мест былых промыслов. «Архангельская» версия новоземельской топонимики была прочно забыта.

А теперь давайте посмотрим что происходило все эти годы на Мезени.

А на Мезени ничего не происходило. Всё оставалось, как и раньше.

Избежав искуса цивилизации, «мезенская страта» избежала и социальной катастрофы, связанной с крушением этой цивилизации. Моржовая добыча мезенских промысловых людей как шла из века в век, так и продолжала идти. И даже расширилась – за исчезновением конкурентов с Двины. Показательно, что в уже упоминавшемся 1733 году, Контора над Архангельским портом вынуждена была консультироваться по поводу плавания в сторону Оби именно с мезенскими кормщиками (Михаилом Южиным, Дмитрием Откупщиковым, Калиной Васильевым и др.).

Именно эта непрерывность мезенской традиции и позволила в конце концов восстановиться морской зверодобыче также и в «архангельской страте». Но уже, разумеется, на основе мезенского опыта, мезенских лоций, мезенской топонимики.

Вот так и получилось, что пролив, известный в Архангельске как «Матюшкин Шар», канул в Лету. А пролив, известный на Мезени, как «Маточкин Шар» остался, обретя общее (и мезенское и архангельское) хождение.

Произошло это в первой четверти Века Просвещения.

Перед тем, как подвести итоги этого эпизода, я хочу рассказать об одном интересном феномене массового сознания.

Жизненный цикл расхожих истин

(Слово, которого не было – Выброс – Эпицентр – Эпидемия – Выздоровление – Непорочное коллективное бессознательное)

Слово которого не было

Конкретный результат описанного ниже исследования сам по себе не столь важен. Мне лишь хотелось показать на наглядном примере, как именно случается так, что ложное представление, возникшее по недоразумению, становится массовым и обретает обратную временную силу.

Случай красив сам по себе. Но, главное, он помог мне навсегда избавиться от априорного языкового апломба. В любом случае, знание конкретных механизмов распространения заблуждений способствует выработке иммунитета против массовых поветрий. Итак.

Если в компании эрудитов завести сейчас речь о Новой Земле, то всегда найдётся знаток, который просветит вас, что старинное русское название Новой Земли – «Матка».

Апологеты данного знания настолько в нём крепки, что ваши осторожные уточняющие вопросы воспринимаются как признак скудоумия и на вас начинают смотреть с жалостью. Откуда они это знают? А откуда вы знаете, что Волга впадает в Каспийское море?

Другими словами, они не знают откуда они знают.

Однако, это обстоятельство несколько не мешает нашим знатокам объяснять глубинную природу данного названия. Объяснения эти сводятся как правило к одной из трёх взаимоисключающих версий. 1. «На Новой Земле много рыбы и она сытно кормит добычика – ну, прямо как мать». 2. «Новая Земля – далеко, так что добраться туда невозможно без компаса (по-поморски – «матки»)). И, наконец, 3. «Новая Земля велика как материк – а материки, как всем известно, зовутся у поморов «матками»».

По поводу последнего «объяснения» хочется напомнить, что во-первых, материковая земля у поморов зовётся «мАтера», а не «матка» (см. словарь Дурова), а во-вторых, если кто забыл, Новая Земля не материк, а остров (или, если угодно, архипелаг).

Источники же происхождения первых двух «объяснений» удаётся точно локализовать, об этом я расскажу чуть позже.

Но, вообще говоря, никакие объяснения тут и не нужны. Вера в «Матку» (с большой буквы) чем-то сродни вере в «Бога» – на этом оселке их адепты просто поверяют окружающих и делят всех на «своих» и «чужих».

Но так ведь и действительно! Версия о «старинном русском названии» Новой Земли и вправду широко ныне распространена – откуда-то ведь она взялась? Разумеется. И сейчас мы увидим – откуда.

Сначала, как всегда, соберём вместе экспериментально проверяемые факты.

Факт первый: ни единого случая употребления слова «матка» в значении «Новая Земля» с древности и до середины XIX века не известно.

Известно прямо противоположное: во всех без исключения исторических упоминаниях Новой Земли она фигурирует именно как «Новая Земля» и никак иначе.

Я понимаю, что никакими примерами тезис об отсутствии чего-либо доказать, строго говоря, нельзя. Однако всё-таки приведу по-возможности представительный перечень исторических упоминаний Новой Земли, чтобы этим хоть как-то остудить горячие головы «маткофилов». Я специально старался брать такие источники, что если бы искомое словоупотребление существовало, то ожидать его появления следовало бы именно в них. Это – поморские свидетельства, хозяйственная документация, отписки и росписи на местах, опросы промышленных людей, изыскания краеведов и языковедов, собственно поморские скрипты. И вот что мы здесь видим:

- 1556: «Начальник русской шлюпки [кормщик из Колы] сказал, что <...> земля, у которой мы находились, называется «Нова Зембла», («This land, said he, is called Nova Zembla, that is to say, the New Land»). <...> Имя этого человека было Лошак.» (Запись от 28 июля 1556 года в Судовом журнале Стифена Бэрроу о его контакте с поморами у берегов Новой Земли. Запись сделана на английском языке, но поморское название острова, сообщённое ему лично помором же, Бэрроу транскрипирует вполне определённо: «Nova Zembla».)

- 1618: «Да в роспросе же торговых людей три человека сказали: ходят де они на Новую землю <...>, и с Канина носа к Новой земли <...> и кораблей де на Новой земли не видали; а та де Новая земля лежит <...> А по Новой земли ходят до <...> а та де Новая земля неведома остров» (Цитирование отрывка из «Отписки Тобольского воеводы Ивана Куракина» в ответном письме царя Михаила Фёдоровича от 16 февраля 1618. Русская историческая библиотека, т. 2, 1875, № 254, с. 1063-1064)

- 1647: «и с Новой Земли с кожей и с салом моржовым и костью рыба зубу, на Колмогоры и в Двинский уезд торговых и промышленных всяких людей в приезде было много.» («Отписка царю Алексею Михайловичу двинского таможенного главы Матвея Черкасова», Дополнения к Актам историческим, т.3, 1848, №34)

- 1652: «к Новой земли ход <...> от Колгуева до Новой земли <...> Новая Земля лежит <...> а жилых людей на той Новой Земли никаких нет <...> на той Новой земли не видали <...> лесов никаких на Новой Земле» («Роспись из Неплюевского дела», ориентировочно 1652. Опубликовано в этой книге, см. выше. В данном месте «Росписи» прямо цитируются слова «морских промышленников», то есть – поморов-зверодобытчиков)

- 1667: «летом ходят на море на Новую Землю» («Челобитная крестьян Пустозёрского острога царю Алексею Михайловичу», Дополнения к Актам историческим, т. 5, 1855, №35, с. 171-172. В Челобитной податчики называются «крестьянами», однако никакого «сельского хозяйства» в Пустозёрске, как мы знаем, нет и не было. Из той же Пустозёрской «Платёжницы 1574-

75 годов», прямо следует, что все сто процентов населения жили в Пустозёрске исключительно морскими промыслами – то есть являлись именно поморами-зверодобытчиками.)

- 1675 – 1700: В этот период обнаруживается целый ряд таможенных и монастырских документов, содержащих записи о походах мезенских и холмогорских зверо-промышленников на Новую Землю. Так вот, во всех без исключения записях фигурирует именно «Новая Земля», а никакая не «Матка».

Цитирование всех этих записей выходит за любые рамки разумного, однако даю на первый случай ссылки на первоисточники для самых на этом повёрнутых. Наслаждайтесь: Архив СПбИИ, ф. 146, Холмогорская таможенная изба, док. 5, 325, 603, 680, 687, 706, 769, 974, 980, 983; ф. 5, Антониев-Сийский монастырь, док. 78, л. 13 об., док. 84, л. 14 об.; кол. 11, Коллекция рукописей Археографической комиссии, док. 107, л. 130, л. 138, док. 108, л. 94-103 об. и т.д. и т.д.

В XVIII веке картина наблюдается та же самая.

- 1742: «Поставили сей животворящий крест на поклонение православным христианам зимовщики 12 человек, кормщик Савва Ф...анов, на Новой Земле по правую сторону Кусова Носа, 250 году [1742] июля 9 дня.»

(Надпись на «приметном» поморском кресте, обнаруженном Пахтусовым на восточном берегу Новой Земли в устье неизвестной на тот момент реки (ныне река Савина) 4 июля 1833 года. По мнению Пахтусова, это был крест Саввы Лошкина.)

- 1769: В шканечном журнале Фёдора Розмыслова, большая часть команды которого состояла из поморов-промышленников (включая кормщика Якова Чиракина), используется название «Новая Земля», только.

- 1789: В «Географических известиях о Новой Земле полночного края, 1789», составленных архангельским старожилом Василием Крестининым со слов холмогорских и мезенских промышленников-поморов, приводится множество местных терминов и названий (в том числе «матка» в значении «компас»). Однако Новая Земля называется всегда строго «Новой Землёй» и только так.

С конца XVIII века начинаются поездки на русский Север учёных-этнографов и просто охотников до «северного народного духа». Результатами этих путешествий становятся исследования и путевые записки, причём последние по своей научной ценности часто сопоставимы с первыми.

- 1791: Пётр Челищев, «Путешествие по Северу России в 1791 году». Впервые издано в 1886.

Данные путевые записки ждали своего издания 95 лет. В современном прочтении «Путешествие» Челищева обретает дополнительное звучание в свете другого «Путешествия», написанного синхронно с Петром Ивановичем его однокашником и приятелем сначала по пажескому корпусу а потом по Лейпцигскому университету – Александром Радищевым.

1790-е годы вообще богаты на литературные путешествия. Кроме уже упомянутого Радищева, на память сразу приходят и русские путевые дневники Предтечи Освободителя континента («El Precursor») Франсиско Миранды (1786-87), и

«Письма русского путешественника» (то бишь молодого Карамзина) из самых прельстительных уголков Европы (1789-90), не говоря уж об отчаянном и безрассудном «Путешествии» шамберийского савояра (1794), заразившего (даже не заметив того) младшего брата Ольги Павлицевой бацилой стихосложения и давшего третью учёную аллюзию первой строфе («He visto, como el griego, las urbes de los hombres») грандиозного сочинения кузена несравненной Беатрис Витербо, озаряющей своим существованием вершину литературной пирамиды южного полушария. И вот теперь ещё и Челищев.

Своё путешествие по северу Архангельской губернии Челищев совершил в статусе отставного секунд-майора, на свой счёт, единственно в целях познания неведомого мира. И одним из главных предметов его интереса был северный русский язык. А потому в своих записках Челищев использует специфические поморские мореходные слова везде, где это только возможно – «ботальница», «томбуй», «дошан», «лан», «забережни», «юнда», «завонь», «маговица», «какора», «оток», «корга», «прогалок», «храп», «салма» и проч. То есть – бочка для соления рыбы, поплавки, замерзшая вдоль берега вода, китобойный и рыболовный снаряды, судовое становище, пролив, корабельная оснастка, низкий остров, выступающий из воды камень, большой залив, плес, невод. Порядок я специально несколько изменил, попробуйте расставить сами. Сверх того, своё сочинение Пётр Иванович сопровождает составленным во время путешествия Собранием поморских слов. В «Путешествии» неоднократно упоминается и Новая Земля. При всём при том слова «Матка» у Челищева нет.

- 1840-е: Матиас Кастрен, «Путешествия по Лапландии, Северной России и Сибири». Путевые записки писались с 1838 по 1845, опубликованы в 1860, посмертно.

Кастрен – крупнейший учёный-лингвист, классик, можно сказать основоположник. К нему восходят многие и многие последующие достижения лингвистики. Для нас же здесь особо важно то, что Кастрен провёл не один год в полевых языковых экспедициях именно в интересующих нас районах Поморья. Конечно, главный упор в этих исследованиях был на финно-угорские и самодийские языки (в частности, Кастрен написал «Грамматику зырянского языка»), но запредельное языковое любопытство и абсолютный языковый слух делают Кастрена самой вероятной кандидатурой на открытие какого-нибудь неизвестного ранее местного обозначения Новой Земли, тем более с угорскими коннотациями. Кастрен слышит всё, что произносится в округе ста миль на любом языке и непрерывно анализирует всё, что слышит. И если «Матки» нет у Кастрена, значит её на тот момент нет в природе.

- 1850: Шренк Александр Иванович, «Областные выражения русского языка в Архангельской губернии». Возможно, первый специальный словарь по северному русскому наречию. В 1837 году Шренк объездил вдоль и поперёк Архангельскую губернию (к которой относилась, напомним, и Новая Земля). Он был на Мезени, на Печоре, в Большеземельской тундре, на Вайгаче и в Пустозёрске. Никаких особых обозначений для Новой Земли при сборе материалов для своего словаря Шренк не обнаружил.

Итак. До начала 1860-х годов ни о какой «Матке» (с большой буквы) никто слыхом ни слыхивал – ни изучающие поморов учёные, ни сами поморы.

Но мало ли что считают языковеды и тем более носители языка. Призрак «Матки» уже бродит по обеим столицам, дух грядущих перемен просто густеет в воздухе. Почитаем хотя бы Василия Верещагина.

- 1849: Верещагин Василий Петрович, этнограф, тёзка знаменитого художника-баталиста и полный тёзка не столь знаменитого художника-академиста.

Не знаю что там думали себе художники, а этнограф Верещагин начинает главу «Новая Земля» в своей пламенной монографии «Очерки Архангельской губернии» (1849) следующим пассажем (с. 315-317). В этих от души написанных словах по явному недосмотру автора случайно приоткрылось Будущее – как в облаках отражаются полыньи чёрной воды, расположенные за линией горизонта, указывая опытному поморскому глазу верный путь среди плавучих льдов.

Не поленитесь прочесть и прочувствовать. Всё это – географический очерк, напомним:

НОВАЯ ЗЕМЛЯ. Бурно катятся волны Ледовитого океана и плещут в берега трех частей света. Вечно-движущиеся, вечно-тревожные волны не знают спокойствия, не знают тишины: всё шумят они, всё говорят о чем-то для нас непонятном. Не любит океан людей, не хочет носить их на себе; подружился он лишь с двумя приятелями, – первый друг его – ветер, а второй – лед; нравится океану лед, и носит он его на волнах своих, качает его, нянчит его как кормилица ребенка, а ветер поет песни, бесконечные песни, в которых рассказывает страшные истории о смерти, о мраке, о гибели людей. Любит океан простор и свободу, чтоб было где разгуляться с друзьями: кажется, мало ему холодного пояса, и всё он рвется на землю, всё силится смыть её, разбить и политься дальше, дальше... Но земля оделась гранитом и не пускает вечного врага своего; давно борются эти враги, долго будут ещё бороться, и долго ещё будут шуметь волны, то испуская радостные клики, когда удаётся им оторвать кусок земли, то зовя на помощь своих закадычных приятелей, когда отразит их гранитная грудь врага. Крепись, земля! не уступай врагу!... Но ты устоишь, ты велика и сильна! Но вы, бедные островки, одинокие отчужденные от родного материка! – Жаль вас! Погибли вы: со всех сторон обвил вас злой неприятель, захватил вас в плен: боится он, чтоб зимою, в темную, полярную ночь не убежали вы – и вот он набрасывает льды, и сторожат они вас; а летом без пощады терзает вас, каждая проходящая волна, как суровый воин варварских времён, считает долгом оторвать от вас кусок вашего тела: и тешатся буйные волны вашими страданиями, и хохочет ветер, задушевный приятель их.

Смотрите: вот огромный остров, дерзко выдвигающийся далеко в пределы океана и как будто, для большей устойчивости, опирающийся на северо-восточный угол Европы. Он как будто не боится океана, как будто думает, что океан сам испугается его вида, потому что этот остров имеет форму чудовищной сабли. Увы! напрасная уверенность! Не отступит от него океан, не оставит его в покое: он успел уже разбить его по частям, он впился в бока его и иззубрил лезвие его бесчисленными заливами. Последняя надежда – гранитные рёбра: положим, что не сокрушит их ярость океана, но зато не будет жизни на этой земле. Это нищенская земля: она покрывается и будет покрываться лишь белыми

пеленами, одеждою мертвых; но из тщеславия хочет сравниться с землями благословенными – жалкая попытка! Вместо роскошных, сверкающих одежд она наряжается в грубую ткань мхов и дикой травы. Никогда не будет лугов и пажитей на этой земле: человек никогда не поселится на ней и придёт лишь для того, чтоб бить моржей и медведей – её обитателей.

Эту печальную страну называют Новою Землёю... и т.д.

Так писали о Новой Земле в 1849 году. Согласен, читать немного тяжеловато – но зато сколько материала для аналитика. На волне подобных настроений что-то определённо должно было случиться.

Однако слова «Матка» у Верещагина пока всё ещё нет.

Выброс

И вот в самом начале 1860-х годов вдруг как прорвало. В течение какого-то десятка лет в умах интеллигенции «Матка» задним числом утверждается в качестве «старинного поморского названия Новой Земли». Никто не знает с чего бы вдруг – а, главное, никто и не хочет знать.

Прежде чем перейти к разбору примеров, скажу, несколько забегая вперёд, что через тридцать лет волна этого нового словоупотребления схлынула так же внезапно, как накатила. К середине 1890-х годов былая неколебимая уверенность в исконности слова «Матка» буквально растаяла в воздухе. Наваждение спало и к концу века слово «Матка» практически вышло из культурного этнографического обихода. Когда же в литературу пришли собственно писатели-поморы, то выяснилось, что это словоупотребление им и вовсе неведомо.

Однако вернёмся в 1860-е. Слово «Матка» используется повсеместно. Но в первую очередь – в художественно-публицистической литературе.

- 1859: «Угодил кто раз-пяток на Матку сбегать в покручниках, на шестой ты так-то к нему не ходи, а поприслушайся..»
(С.В. Максимов, «Год на Севере», т.2, с. 82. СПб., 1859)

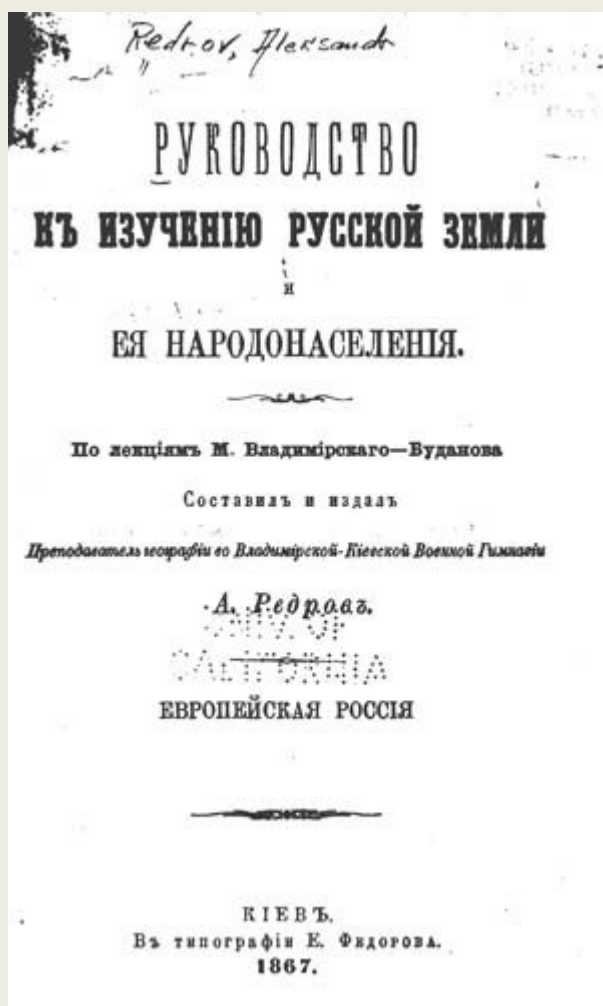
- 1873: «А это, друг, посередь Матки, старики говорят...»
(В. И. Немирович-Данченко, «Страна холода», журнальная публикация 1873)

В этот период авторы в своих произведениях обильно уснащают данным словом прямую речь колоритных «народных» персонажей, усугубляя ещё больше их и так запредельную народность. А ведь именно от этого и именно тогда в статье «Ряженный» предостерегал Достоевский своих коллег-писателей, взявших за моду принуждать своих героев сплошь «говорить эссенциями» – помните? Но кто будет слушать какого-то Достоевского – публике нравится.

Но ладно бы только беллетристика. В эти годы слово «Матка» можно найти даже в учебных курсах гимназий.

- 1867: «Русские обыкновенно промышляют при устьях Печоры, но иногда отваживаются пускаться и на острова: Вайгач и Новую землю (матка).»

(«Руководство к изучению русской земли и ея народонаселения». По лекциям М. Владимирского-Буданова. Составил и издал преподаватель географии во Владимирской-Киевской военной гимназии А. Редров, Киев, 1867.)

[Илл. 07-11-01-1. Редров, «Руководство к изучению Русской земли», 1867. Титульный лист.]

на острова: Вайгачь и Новую-землю, (матка)

[Илл. 07-12-01-1. Там же, с. 62.]

И самое главное – слово «Матка» попадает в словари. Я уже упоминал знаменитый словарь Подвысоцкого. Так вот, на странице 88, в качестве второго значения данного слова, мы видим там следующее:

- 1885: «Матка = 2. Название о. Новой Земли по говору поморов.» (Александр Подвысоцкий, «Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении», с. 88. СПб., Типография Императорской Академии Наук, 1885.)

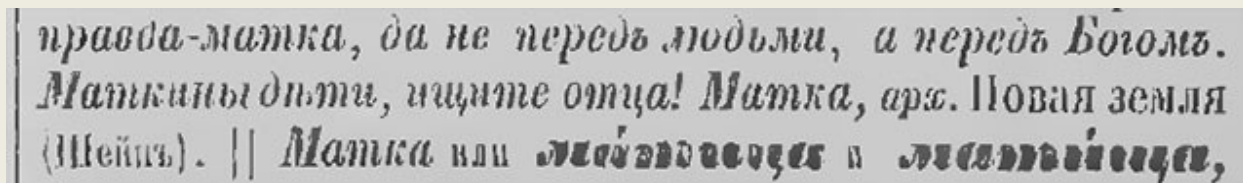
Что тут скажешь? Написано пером.

И, наконец, самое-самое главное. Самое-самое-самое. Главнее уже не бывает. Четыре козырных туза плюс джокер, золотая кредитка на истину. Тяжёлая палубная артиллерия. Ядерный щит. Даль.

Тут я умолкаю. Когда говорит Даль, музы молчат.

- 1881: «Матка, арх. Новая земля».

(«Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля», второе издание. Том второй, с. 313. СПб., Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881.)

[Илл. 07-13-01-1. Словарь Даля, 2-е издание, 1881, т. 2, с. 313. Фрагмент.]

Спорить с Далем бессмысленно. Как он сказал, так и будет. Новая Земля есмь Матка. Аминь.

Но я всё-таки попробую.

И для начала обращаю ваше внимание на одни мелкий нюанс.

Во втором издании Словаря Даля словарные статьи организованы следующим образом. Основное слово статьи даётся прямым жирным шрифтом, например «**Мать**» (том 2, с. 312-313). Производные словоформы даются жирным курсивом, например «**Матка**». Различные (многочисленные) значения слова даются в прямом обычном начертании – «|| баба, женщина || самка, всякое животное ||» и т.д.

И уже потом, когда все значения (и главные и второстепенные) исчерпаны, Даль даёт набор отдельных словоупотреблений, где-то и когда-то имевших место. Эти словоупотребления набраны просто курсивом – «*В матку и детки. Хороша правда-матка, да не перед людьми, а перед Богом. Маткины дети, ищите отца!*» и т.д.

И вот этим-то простым курсивом и дана наша «*Матка, арх. Новая земля*».

Вид набора показывает статус словоупотребления – в данном случае самый низкий из возможных. Просто примем к сведению и двинемся дальше.

В качестве отправной точки своего исследования я выбрал Второе издание Словаря Даля 1881-го года, как некую золотую середину между полнотой и аутентичностью. Но существуют и другие издания. На настоящий момент (2016) только в бумажном виде вышло, как утверждается, более ста изданий Словаря Даля. Кто их сравнивал между собой, если все их даже учесть точно нельзя? Не будем этого делать и мы.

Вместо этого посмотрим Первое издание Словаря. Том второй, вышедший в 1865 году, страницу 227 (по сквозной нумерации томов – стр. 905).

И вот что мы там видим. «*Маткины дети, ищите отца!*» там есть, а Новой Земли, которая должна бы следовать за этим – там нет.

матка, таковы и дѣтки. Въ матку и дѣтки. Хороша
 правда-матка, да не передъ людьми, а передъ Богомъ.
 Маткины дѣти, ищите отца! || Матка или **мáтица** и
матѣца, балка, брусъ поперекъ всей избы, на коемъ настланъ

[Илл. 07-14-01-1. Словарь Даля, первое издание, 1865, т. 2, с. 227. Фрагмент.]

Так-так-так. Во 2-м издании (1881) «Новая Земля» у Даля есть, а в 1-м издании (1865) её нет.

Тут следует вспомнить, что Владимир Иванович Даль умер в 1872 году, не дожив до Второго издания своего Словаря девять лет.

Само по себе это ещё ничего, конечно, не доказывает. Могло, например, сложиться так, что Даль готовил «Новую Землю» к включению во второе издание Словаря, и по этим его запискам издатели-правообладатели её туда потом и включили — почему нет?

Вполне могло быть так. Но «могло быть» отнюдь не значит, что так «было». Опять вспомним и двинемся дальше.

Тут следует сказать вот что. Выше я цитировал 2-е издание Даля не совсем полно. То место, где говориться о Новой Земле, целиком выглядит вот как:

- 1881: «Матка, арх. Новая земля (Шейнь)».

Но что означает это загадочное слово в круглых скобках? Во всех четырёх томах Второго издания на этот вопрос нет ответа.

Но что-то, а время у нас есть. Так что мы легко можем подождать ещё 20 лет, пока выйдет третье издание Даля (1903). И там можно будет найти расшифровку условных сокращений. И написано там будет следующее:

[Шейнь] — Дополнения и заметки П. Шейна къ Толковому словарю Даля. Приложение къ XXII тому Записокъ Имп. Академии Наукъ. № 6. Санктпетербургъ. 1873

(«Предварительное объяснение шрифтов, знаков и пр. в третьем издании «Словаря Даля», Т. 1, с. XIV. 1903)

**[Шейнь]—Дополненія и замѣтки П. Шейна
 къ Толковому словарю Даля. Приложе-
 ніе къ XXII тому Записокъ Имп. Ака-
 деціи Наукъ. № 6. Санктпетербургъ.
 1873.**

[Илл. 07-15-01-1. Словарь Даля, издание 1903 года, т. 1, с. XIV. Расшифровка ранее использовавшегося сокращения «Шейнь».]

Очень хорошо-с. Коли так, то давайте посмотрим, что написано у этнографа и лингвиста Павла Васильевича Шейна в его «Дополнениях к Толковому словарю Даля».

А написано там вот что:

«Матка – Новая Земля (Арх. г. Г. н. С., Т. II, стр. 74)»

(«Дополнения и заметки П. Шейна к Толковому словарю Даля», опубликовано в «Сборнике отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Том X, №8, с. 26. 1873»)

МАТКА* — Новая Земля (Арх. г. Г. н. С., т. II, стр. 74).

[Илл. 07-16-01-1. «Дополнения и заметки П. Шейна к Толковому словарю Даля», «Сборник отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук», т. X, № 8, 1873, с. 26.]

Чем дальше, тем интересней. Выходит, Шейн это значение тоже не сам в экспедиции обнаружил, а взял в какой-то книге готовым. Только вот в какой?

К счастью, Шейн даёт точную ссылку на свой источник (с. 5):

Г. н. С. – Год на Севере, С. Максимова. Издание I.

Г. на С.

Годъ на Сѣверѣ, С. Максимова. Изданіе I. —

[Илл. 07-17-01-1. Там же, с. 5. Расшифровка сокращения «Г. на С.»]

Приехали!

Картина вырисовалась следующая. Этнограф и лингвист Павел Шейн нашёл наше слово в книге Максимова «Год на Севере» (1859) и опубликовал эту свою находку в 1873 году в научном журнале. На этот момент, напомним, Даля уже не было в живых. Составители же второго издания Словаря Даля ничтоже сумляшеся включили туда «Дополнения» Шейна целиком, включая и Новую Землю. Так Новая Земля и оказалась в Словаре Даля без его ведома.

Теперь сухой остаток. 1. Даль не включал слова «Матка» в значении «Новая Земля» в свой Словарь. 2. Даль не мог и планировать его туда включить. 3. Данное значение, в результате стечения ряда обстоятельств, перекочевало в Словарь Даля из художественной книги «Год на Севере» Сергея Максимова, чисто механически, «списком». 4. Владимир Иванович Даль не имеет к этому ровно никакого отношения.

Итак, с Далем мы разобрались. Присутствие специфического значения слова «матка» в его словаре – просто недоразумение.

Но остался ещё один бастион лингвистической легитимности. Словарь Александра Подвысоцкого (1885).

Посмотрим, как дела обстояли тут. Подвысоцкий не указывает источник своего знания, а целиком строит свою статью на конкретных примерах словоупотребления. Посмотрим, что это за примеры (с. 88, выделено курсивом):

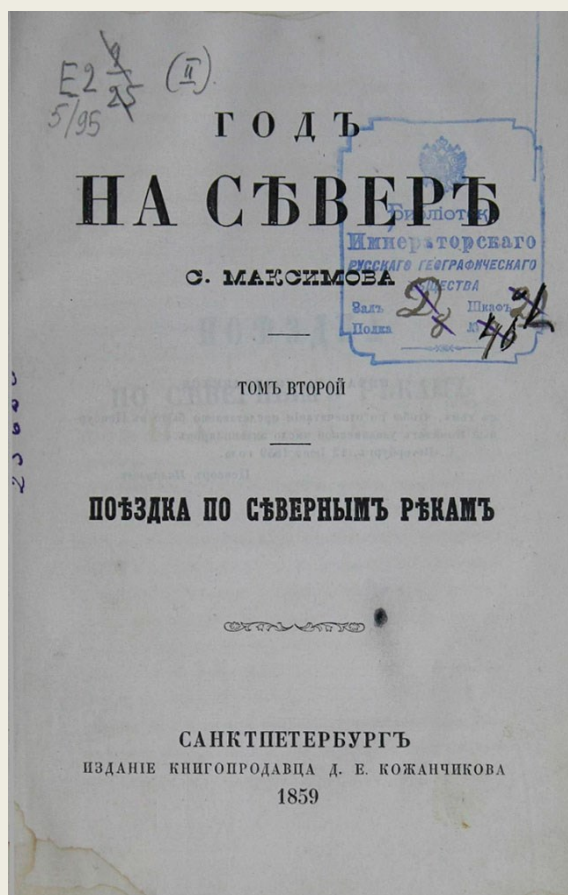
- 1885: «Матка = 2. Название о. Новой Земли по говору поморов <...>
Первый коршикъ у насъ, онъ и на Матку хаживаль. Обряжалъ покруты на Матку за моржами. Помор.»

К этому моменту у меня уже начало складываться некое смутное чувство. Вызванное совпадением двух установленных перед тем фактов. 1. Самый первый случай употребления слова «Матка» относится именно к книге Максимова «Год на Севере» (1859), до неё данное слово не встречается нигде. 2. В Словарь Даля это слово переключалось из той же самой книги (том 2, с. 74).

Так что, лишне не мудрствуя, я полез прямо в книгу Максимова «Год на Севере». И первое же упоминание там слова «Матка» в значении «Новая Земля» было следующее. Вы не поверите:

«Обряжал я покруты на Матку (Новую-Землю) за моржами.»

(Сергей Максимов, «Год на Севере», т. 2, с. 74, 1859, СПб)

[Илл. 07-18-01-1. Сергей Максимов, «Год на Севере», первое издание, 1859, т. 2. Титульный лист.]

и остальных собесѣдниковъ—слушателей развело улыбку.

— Ты такъ хорошо, старикъ, рассказываешь, что даже хвалиться этимъ можешь: съ тобой все бы сидѣлъ и все бы тебя слушалъ !

— Да это пущай и сосѣди толкуютъ: ты-де все со своими толкованьями къ начальникамъ ходишь, словно ты-де у насъ на должности на такой состоишь. А, вѣдь, мнѣ что ? Пущай толкуютъ ! Я развѣ худо сказываю-то ? недоброе, молъ, что-ли я начальникамъ сказываю, хоть бы и твоей милости ?

— Спасибо ; я очень тебѣ благодаренъ ; ты для меня золотой человѣкъ, неоцѣненный, умный и толковый такой....

— Ну, да пущай и не больно же я умной человѣкъ — это, вѣдь, ты такъ ! а я самой неумной человѣкъ. Вотъ я какой дуракъ есть, и міръ это знаетъ, слушай : по пяти лѣтъ кряду обряжалъ я покруты на Матку (Новую-Землю) за моржами, за саломъ — значить ; по десяти работниковъ имѣлъ, раза три по два судна пускалъ, а что добылъ, что выручилъ, съ чѣмъ сижу ? Избенка у меня, почитай, хуже всѣхъ ; самъ я не то, чтобы человѣкъ путной, а такъ — неладной какой-то, а все отчего ? Оттого это все, что по всѣ разы, что не ѣздилъ, промысла всѣ въ морѣ оставлялъ.

— Отчего же ?

[Илл. 07-19-01-1. Там же, с. 74.]

знаеть, слушай : по пяти лѣтъ кряду обряжалъ я
покруты на Матку (Новую-Землю) за моржами, за

[Илл. 07-20-01-1. Там же. Фрагмент. «Обряжал я покруты...»]

Узнаёте? Вот и весь вам источник Подвысоцкого. Всё та же книга Сергея Максимова «Год на Севере».

Причём не просто та же самая книга, что и в ссылке в Словаре Даля, но и та же самая страница (с. 74). Так что, похоже, мы видим на данной странице книги Максимова буквально первое в истории появление этого знаменитого в будущем слова. Совершенно невероятное чувство. Словно присутствуешь при рождении легенды из пены морской.

Обратите, кстати, внимание. В том экземпляре книги, которым я пользовался, это слово подчёркнуто карандашом. Подчёркивал не я, так уже было. То есть, какой-то неизвестный охотник за словами уже побывал здесь и отметил данное священное место пирамидкой из камней. Просто чудо какое!

Вернёмся к статье Подвысоцкого. Второй пример словоупотребления, на котором он основывает свою статью, выглядит так: «*Первый коршикъ у насъ, онъ и на Матку хаживаль.*»

Тут повозиться пришлось чуть дольше, но некоторые исходные соображения у меня уже были.

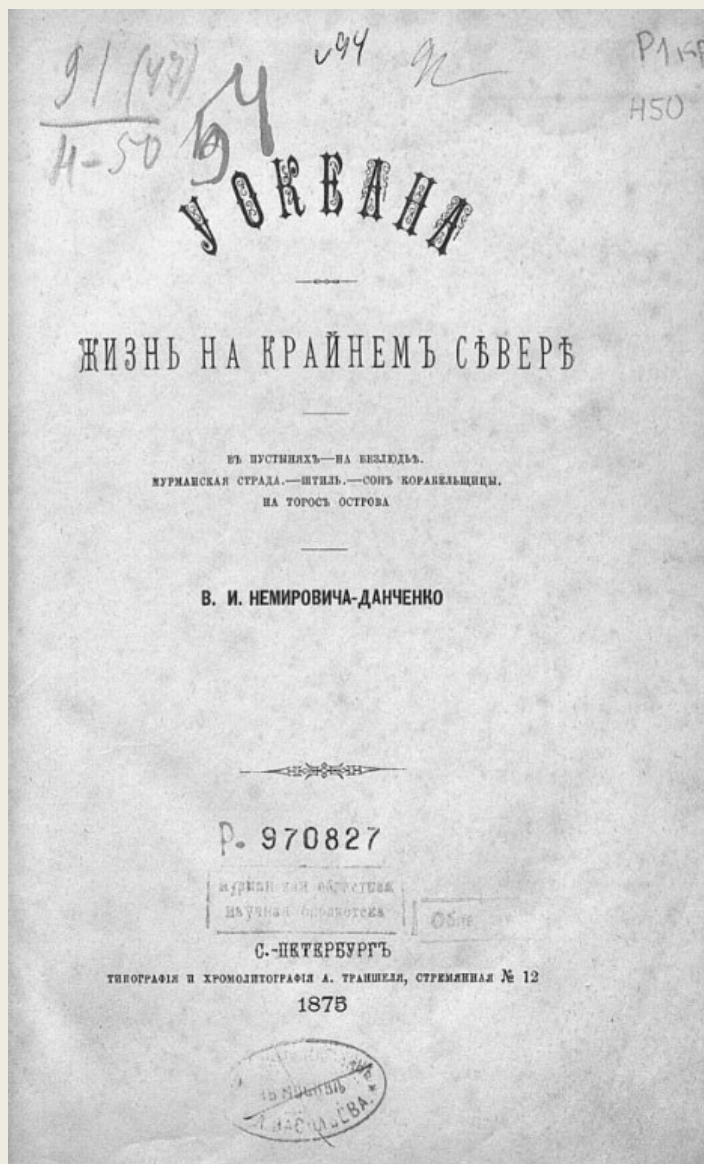
Слава, выпавшая на долю книги Максимова «Год на Севере» не давала тогда покоя многим литераторам. Но особенно – молодому и совсем ещё начинающему Василию Немировичу-Данченко. Который буквально вырос на этой книге Максимова и стал возможно самым ревностным продолжателем его «дела». Впоследствии это вылилось в личное знакомство, о котором Немирович-Данченко упоминает, в частности, в книге «На кладбищах» (глава «Неудавшаяся дуэль»).

Проштудировать всего Немировича-Данченко не представляется никакой возможности. Никто даже не знает, сколько томов книг он издал, в любом случае больше ста. Но мне повезло – искомый отрывок обнаружился в одном из ранних творений писателя.

Вообще, разобраться в произведениях Немировича-Данченко не так просто, поскольку он имел обыкновение многократно переиздавать их под разными названиями. Данное произведение исходно называлось «У океана. Очерки Севера» (журнал «Дело», 1874, №№ 7-9, 11, 12), потом оно стало книгой «У океана. Жизнь на крайнем Севере» (1875, 1878, СПб.), а потом превратилось в роман «У Ледовитого океана» (1892). Но как бы это ни называлось, но там неизменно присутствовали следующие слова:

«Старинный коршикъ. По всему Мурману былъ первый и на Матку хаживалъ.»

(В.И. Немирович-Данченко, «У океана. Жизнь на крайнем Севере», с. 52. 1875, СПб.)

[Илл. 07-21-01-1. Немирович-Данченко, «У океана», 1875. Титульный лист.]

— Старинный коршикъ. По всему Мурману былъ первый и на Матку хаживалъ. Сколько разъ вмѣстѣхъ съ нимъ

[Илл. 07-22-01-1. Там же, с. 52. Фрагмент. «Старинный коршикъ...»]

Вот так. Сначала Немирович-Данченко «позаимствовал» яркое словцо у Максимова, а потом Подвысоцкий, слегка причесав цитату из Немировича-Данченко, «укрепил» ею свою статью, построенную на другой цитате всё того же Максимова.

Теперь я хочу выполнить своё обещание и рассказать о происхождении типовых версий, к которым прибегают апологеты «Матки», объясняя окружающим старинную природу этого слова. Версии эти следующие, напомним: 1. «На Новой Земле много рыбы и она сытно кормит добытчика – ну, прямо как мать». 2. «Новая Земля – далеко, так что добраться туда невозможно без компаса (то бишь без «матки»)».

Нам уже не надо теряться в догадках. Сразу открываем Максимова (том 2) и на странице 82 читаем:

Матка богата, не даром её Маткой зовут

Вот откуда идёт «версия 1». Всё просто.

По поводу происхождения «версии 2» тоже не надо мудрить. Берём Словарь Подвысоцкого, стр. 88:

Матка = 2. Название о. Новой Земли по говору поморов (не от того ли, что в такое дальнее плавание как к Новой Земле опасно плавать без «матки»).

Как мы помним, эта статья в словаре Подвысоцкого целиком обязана своим происхождением той же самой книге Максимова.

Итак. Все до единого случаи употребления писателями-народниками слова «Матка» в значении «Новая Земля» – все без исключения восходят к одной-единственной книге Сергея Васильевича Максимова «Год на Севере» 1859 года.

Что же это за демоническая книга такая?

Эпицентр

Книга, кстати, интересная. И хорошо написана, в отличие от многих и многих подобных сочинений, не буду называть. Так что популярность книги Сергея Максимова «Год на Севере» была вполне заслуженная.

А популярностью она пользовалась немаленькой. Судите сами. Первое издание – 1859, второе – 1864, третье – 1871, четвертое – 1890, а там на подходе уже 20-томное (и при этом отнюдь ещё не Полное) Собрание сочинений – 1896. Только Лев Толстой мог похвастаться таким вниманием к своим творениям.

И вообще, Сергей Васильевич Максимов – фигура в этнографическом мире заметная. Он даже удостоился карикатуры в сатирическом журнале «Искра» под названием «Калики перехожие», где в виде нищих странников изображён весь цвет этнографов-народолюбцев 1860-х.

Так что я не склонен думать, что Максимов просто взял и выдумал несуществующее слово «Матка» – только чтобы вложить в уста своего героя-помора что-нибудь заковыристое для усиления колорита. Полагаю, что дело здесь обстояло несколько тоньше.

Книга «Год на Севере» – книга весьма объёмистая, это два толстенных тома. Однако при этом она весьма толково организована. Книга разбита примерно на тридцать глав, каждая из которых имеет точную географическую привязку, отражённую в её названии.

Берега Зимний и Мезенский, Берег Канинский, Берега Летний и Онежский, Соловецкий монастырь, Карельский берег, Кола, Мурман, Терский берег, Поморский берег, Кемь, Сумской посад, От Сумы до Онеги, Тайбола, Усть-Цильма, Пустозерск, Новоземельские промыслы, Село Ижма, Остров Колгуев, Мезень, Пинега, Двина, Двинские устья, Архангельск, Холмогоры, Сийский монастырь. Вот сколько всяких разных мест конкретно и предметно описал Максимов – каждое в соответствующей главе.

При этом тема морских промыслов проходит красной нитью сквозь всю книгу. «Коршики» (кормщики) и «покрутки» (поморы-артельщики) присутствуют в тексте постоянно, во всех главах. Новая Земля поминается также регулярно и равномерно на протяжении всего повествования. А вот со словом «матка» наблюдается странная аномалия.

Это слово также можно встретить по всей книге – но лишь в значении «самка млекопитающего», либо «мать», либо «компас». И только в описании одного-единственного места – Пустозёрска – Максимов начинает густо использовать это слово для обозначения Новой Земли. То есть все сто процентов этого экзотического словоупотребления сосредоточены у Максимова в менее чем восьми процентах объёма книги. Один этот факт уже требует пристального к себе внимания.

Далее. Данное слово в своей авторской речи Максимов не употребляет никогда. Все случаи употребления этого слова сводятся практически полностью к речи двух неназванных стариков-поморов в Пустозёрске, а также некоего Антипа Прокофьяча в селе Куя в устье Печоры. Всё. Больше Новую Землю никто «Маткой» в

книге Максимова не называет (пару раз ещё проскальзывает это слово у закадровых персонажей – для поддержки общего стиля повествования – и всё).

Наконец, следует обратить внимание на ещё одно обстоятельство. В той же главе «Пустозёрск» читаем:

От хозяина привелось узнать, что Пустозерск на его памяти был гораздо больше, чем он есть теперь; что вообще нонче стали времена тугие и потому и от них начали также часто выселяться ближе к океану и, стало быть, к промыслу, образуя там деревушки дворов в 5 – 6 и больше.

А теперь версия о появлении несуществующего значения слова «матка» в книге Максимова. Для начала определимся с терминами.

Строго говоря, если следовать определению Людвиг Витгенштейна («Значение слова – это совокупность всех случаев его употребления» – «Философские исследования», п. 43), то здесь вообще нет предмета для обсуждения. Если кто-то когда-то хоть раз назвал Колизей «курицей», то у слова «курица» с этого момента и навсегда появляется ещё одно значение – «Колизей».

Так что хотим мы того или нет, а одно из «исконных» названий Новой Земли – это «Сабля» (благодаря опусу Василия Верещагина – помните такого?). Также Новую Землю следует называть и «Ипотечным кредитованием». Почему? Да потому, что случай такого словоупотребления только что имел место, строчкой выше. Зубную пасту назад в тубик уже не загонишь.

Понятно, что так мы далеко не уйдём. Поэтому «значением слова» мы будем называть не все формально существующие «значения по Витгенштейну», а только те значения, которые имеют устойчивое хождение на значимой территории.

С Максимовым же, похоже, произошло вот что. Всё население Пустозёрской волости в силу экономических обстоятельств было на тот момент раздроблено на крохотные изолированные поселения по 5-6 дворов. В этих микроскопических анклавах (несколько десятков человек) не только могли, но и неминуемо должны были рождаться и вскоре исчезать специфические словечки, разовый семейный жаргон.

Вот в таком-то анклавике Максимов и «подцепил» данное словцо, а затем снабдил им двух своих литературных героев.

Можно предположить разные обстоятельства, по которым это словцо могло родиться и временно войти в употребление в отдельной поморской семье. Например, данный клан имел постоянное становище в районе устья реки Маточки, и слово «Матка» в их семейном употреблении представляло собой классический пример «синекдохи» – подмены общего частным. Эта фигура речи в данном случае тем более оправдана, что в практическом смысле вся Новая Земля сводилась для этой семьи, действительно, к окрестностям их становища.

Нельзя также исключить, что Максимов столкнулся с интересным случаем использования реликтового значения «matka = путешествие» (см. раздел «Угорский путь в русском поле» в предыдущей главе), уже исчезнувшего к тому времени в более

цивильных местах. Так что собеседник Максимова мог подразумевать под «маткой» хождение на любой дальний промысел – в том числе и на Новую Землю.

Вариантов, как мы видим, много. Но вывод при этом один – локальный случай семейного жаргона, будучи использован в художественной книге, привёл к стихийному его распространению и внедрению в сознание целого культурного слоя Империи. Это был род эпидемии.

Эпидемия

Писатели вообще часто придумывают новые слова, это их работа. Как бы мы сейчас могли говорить о лётчиках, несущих атомные бомбы, если бы Хлебников не придумал для нас эти слова?

Но как могло случиться, что случайно возникшее слово мгновенно вошло в широкий литературный обиход в качестве «старинного народного» – этот факт требует отдельного осмысления.

Обратим внимание: время жизни слова «Матка» от его рождения до полного исчезновения (с 1860 по 1890) практически точно совпадает с очень характерным периодом общественных умонастроений. С периодом «народничества».

Главный посыл этого времени – «народ всегда прав». Даже больше – «только народ и может быть прав». Единственное, что остаётся на долю профессоров латыни, нелинейной алгебры и нейрохирургии – идти к народу на поклон и учиться. Всем – и лапти плести, и аппендицит удалять.

Так появляются дворяне-«народолюбцы», расхаживающие по Невскому в поддёрках и лаптях и кивающие своей бородой-лопатой знакомым кавалергардам и статс-дамам. Так появляются городские дворцы с кирпичными балясинами и жестяным лемехом на гнутых крышах-бочках. Так мало-помалу входят в моду первые, робкие ещё, бомбометатели.

Да и молодой Сергей Максимов оказался на Севере не просто так. А в рамках государственного проекта по изучению народной мудрости, с государственным же финансированием. В историю этот проект вошёл как «литературная экспедиция».

Морское министерство придумало вот что. Во все регионы, где местное население ловит рыбу, послать специальных учёных людей и пусть они всё там хорошенько изучат.

В качестве «учёных людей» были выбраны почему-то писатели. Будущий автор «Грозы» и «Бесприданницы» Александр Островский, будущий автор «Тысячи душ» Алексей Писемский, будущий автор «Княжны Таракановой» Григорий Данилевский.

Попал в эту команду и Сергей Максимов. Как самому молодому, ему достался самый некомфортный для путешествия регион – Архангельская губерния, где порядочный «сотерн» не в каждой деревне сыщешь.

Польза от «литературной экспедиции» вышла однозначная, хотя и неожиданная. Все авторы, вернувшись из своих поездок, на собранном этнографическом материале написали свои может быть лучшие произведения. Как вы думаете, откуда у коренного москвича Островского в знаменитой пьесе вдруг появился Нижний Новгород с его колоритом? А теперь попробуйте угадать – куда именно выпало ехать драматургу по направлению Морского ведомства?

Собственно же научная – этнографическая – сторона дела оказалась в результате вынесенной за скобки. Да иначе и быть не могло – участники «литературной экспедиции» не были учёными. В частности и сочинение Максимова «Год на Севере»

в качестве этнографического исследования вызывало и вызывает очень много вопросов. Например, вся сложная система «покрутов» (распределения долей в артели промышленников), о которой Максимову «поведали поморы», оказалась на проверку списанной с книги Василия Крестинина почти вековой к тому времени давности. Ну и так далее.

Но это ровно ничего не значило. Сам факт «литературной экспедиции» настолько отвечал ожиданиям образованных слоёв, что его результаты априорно были расценены, как феноменальные. Как сказал поэт,

Если время ждёт героя,
То герой придёт, хоть плачь.

Сам Максимов считал этот свой опыт «хождения в народ» не слишком удачным. Поморы безошибочно чувствовали в нём «его превосходительство» и на контакты не шли.

Но вот с «Маткой» Максимов угадал стопроцентно. Это было попадание прямо в яблочко. Чистая публика настолько исстрадалась по «корням» и настолько жаждала прильнуть к груди «Мать-Сырой-Земли», что произнесся первые три буквы слова «матка», больше можно было уже ничего и не говорить. Всё было predetermined заранее. Сухие дрова официальной народности уже громоздились штабелями. Нужна была только спичка.

И книга «Год на Севере» стала одной из таких спичек. Несуществующее слово «Матка» полыхнуло до небес и дальше процесс пошёл вразнос, даруя гимназистам и профессорам счастье обретения духовных скреп. Как это отразилось в литературной практике мы уже видели.

Всё это продолжалось примерно тридцать лет. А потом наступило выздоровление.

Выздоровление

Обращает на себя внимание вот что. При том, что у писателей того периода слово «Матка» не сходит с языка, ни одна собственно этнографическая полевая экспедиция по-прежнему не может его нигде обнаружить, кроме как в светских салонах.

Я уже говорил о знаменитом труде собирателя народных северных слов Александра Шренка, ничего подобного в языке поморов не нашедшего. Список можно продолжить.

Барсов, Елпидиор Васильевич. Самолично собрал, составил и издал не имеющий аналогов сборник «Причитания Северного края» (1872, том 1; 1882, том 2). Оба тома своих «Причитаний» Барсов снабдил «Словарями местных слов». В одном из этих словарей есть даже слово «маточка». Однако, согласно Барсову, означает оно «рябчика-самочку» – и только.

Ещё один корифей – этнограф-практик Пётр Саввич Ефименко, крупнейший специалист именно по северному говору. Петру Ефименко принадлежит множество работ по фольклору и языку Поморья. В том числе и фундаментальный труд «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» (1878). Вторую часть данной монографии («Народная словесность») Ефименко снабдил специальным «Словарём местных речений». Никакого специального обозначения для Новой Земли там нет.

Ещё примеры? Пожалуйста.

Михаил Пришвин. После второго своего путешествия на Север, Пришвин по свежим следам пишет книгу «За волшебным колобком» (1907). География путешествия самая поморская – Архангельск, Мурманск, Канин Нос и проч. В этой книге, в главе четвёртой («Свидание у Канина Носа»), описывается плавание автора по Баренцеву морю на промысловом судне. Хотя судно уже и паровое, но Пришвин специально оговаривает, что весь экипаж его был набран из поморов, продолжающих ходить на промыслы на парусных судах. В тексте часто упоминается Новая Земля и используется много специальных поморских слов – взводни (волны), полуночник (северо-восточный ветер), ярус (невод), глядень (высокая гора), шняка, зук (юнга), погода (в значении «непогода»), ропак (высокая плавучая льдина), несек (льдина на мели), кошки (мели) и т.п. При этом Новая Земля у Пришвина – именно «Новая Земля».

Или вот, ещё хороший пример. Носилов Константин Дмитриевич. Если уж кто и знал о Новой Земле всё, что можно было знать, так это он. Как путешественник-одиночка в 1880-х годах неоднократно зимовал на Новой Земле. Общался там со всеми, с кем только было возможно, включая ошкуев и сивучей. Написал множество книг про Поморье вообще и про Новую Землю в частности. В том числе и книгу путевых очерков «На Новой Земле. Очерки и наброски» (издание Суворина, 1903) и «Северные рассказы». Очерки Носилова предельно документальны, Новая Земля присутствует там на каждой странице. Никаких особых «народных» названий Новой Земли Носилов при этом не слышал.

Кстати о самом Сергее Максимове, «отце» слова «Матка». Так вот, после первой своей книги «Год на Севере», Максимов данное слово больше не употреблял никогда, за исключением одного-единственного раза. Да и тот раз был особый – в

весьма специфическом сочинении «Ледяное царство и мёртвая земля», написанном в 1866 году специально для народно-просветительской серии «Чтение для народа». Там слово «Матка» он действительно ещё раз употребил (на странице 6). Как бы процитировал себя прежнего. Своеобразный привет от «Года на Севере», так сказать.

Но это – всё. Слово «Матка» из лексикона Максимова с этого момента исчезает навсегда, будто и не существовало вовсе. При том, что сама Новая Земля продолжает встречаться в его книгах. Даже в такой знаменитой (и посвящённой как раз языковой народной экзотике), как «Крылатые слова» (1899, главы «Божиться» и «Старый воробей на мякине»). Похоже, что Сергей Васильевич знал об истории происхождения слова «Матка» что-то такое, что побуждало его решительно и твёрдо дистанцироваться от своего же собственного «открытия».

Тем временем подошёл конец девятнадцатому веку. И наступило время неизбежного отрезвления. С «Маткой» всё стало как-то слишком очевидным. Книга «Год на Севере» перестала являться литературной новинкой, все остальные источники оказались на поверку вторичными, а в поморской среде это слово обнаружено так и не было. И с 1890-х годов Новая Земля опять стала Новой Землёй. «Исконное русское название» острова, на деле оказавшись литературной мистификацией, полностью вышло из употребления.

Для новых же авторов такой проблемы вообще не существовало. Лингвист-практик и коренной помор Иван Матвеевич Дуров в своём фундаментальном «Словаре поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» (составлялся с 1912 по 1934 год, первое издание 2011, Петрозаводск) никакого особого обозначения для Новой Земли не зафиксировал.

Писатель-помор Степан Писахов, частенько поминающий в своих колоритнейших рассказах Новую Землю («На треске гуляли», «Белы медведи», «Доктор наук», «На Новой Земле», «Пушкинисты на Новой Земле» и т.д.), никакой «Матки» не знает.

Наконец, гуру поморской речи, тончайший стилист Борис Шергин (тот самый, который «пинжак с карманАми»). Слово «матка» он использует широко, но исключительно в значениях «мать», «самка млекопитающего» или (редко) «старинный компас».

Всего один-единственный раз слово «Матка» проскальзывает у Шергина в качестве обозначения Новой Земли («Гость с Двины», 1959) – и то только в контексте откровенно иронической стилизации под псевдоисторическую беллетристику конца XIX века.

Окончательно подводит итог процессу словарь поморского языка Меркурьева «Живая речь кольских поморов» (1979). Никакой «матки» там нет уже и в помине.

Как нет у этого слова значения «Новая Земля» и в грандиозном 30-томном «Словаре русского языка XI-XVII веков» (т. 9, с. 45-46), кропотливо составлявшимся в течение сорока лет (с 1975 по 2015) несколькими поколениями учёных-языковедов Института русского языка Академии Наук.

Так завершилась эта дивная история.

Непорочное коллективное бессознательное

А завершилась ли?

В этом и состоит первый урок данной истории. Ложное представление, однажды появившись, остаётся жить вечно. Даже будучи купировано с помощью неопровержимых аргументов, оно лишь впадает в анабиоз, временно не выказывая признаков жизни. Однако при благоприятных внешних условиях такой вирус всегда может проснуться и продолжить циркулировать как ни в чём не бывало. К этому надо быть готовым. Факт подобной ремиссии не должен заставить вас врасплох.

Второй урок. Распространённость того или иного мнения никак не является гарантией его доброкачественности. Нет ненадёжнее аргумента, чем аргумент «как всем известно». Потому что, как всем известно, никто не заблуждается так часто, самозабвенно и фатально, как «народ».

И третий если не урок, то некий практический вывод. Скорее даже – эмпирическое правило, но оно неплохо работает. А именно: если кто-то вместо слов «Новая Земля» говорит «Матка», то это как правило сигнализирует о том, что этот человек знаком с историей Новой Земли поверхностно и вторично. Слово «Матка» является в этом смысле достаточно надёжным индикатором.

Что ещё? Люди, будьте бдительны. Не позволяйте никому засорять ваши представления. Потому что совокупность ваших представлений – это и есть «вы». А отнюдь не те шесть пудов мяса, которые нужно кормить чипсами и поить пивом.

Что-то типа того.

Мир разбегающихся звёзд

А теперь вернёмся к изложенной ранее теории «топонимического ветвящегося дрейфа». Она объясняет возникновение, существование и исчезновение шести документально зафиксированных версий названия одного и того же новоземельского пролива («Митюшёв Шар», «Матюшёв Шар», «Матюшин Шар», «Матюшкин Шар», «Матвеев Шар», «Маточкин Шар»).

Эта же теория предсказывает существование ещё трёх вариантов данного названия, в исторических документах пока не обнаруженных.

Одним из важных следствий теории является выявление исходного названия пролива – «Митюшёв Шар» – от которого впоследствии и произошли все остальные формы топонима.

А теперь попробуем обозреть целиком открывшуюся картину топонимического мира. Главная непривычность этой картины состоит в том, что она подвижна. Это не так просто принять, но тут ничего не поделаешь. Бытие это не данность, а процесс; мироздание – не здание, а стройка.

И дела на нашем участке этой стройки выглядят так. Предположительно в середине XVI века на Северном острове Новой Земли появляется «топонимический кластер». Кластер растёт, втягивая в свою орбиту всё новые объекты.

Однако процессы, протекающие в его ядре, отличаются от тех, что идут на периферии. Один дальний объект кластера (пролив) под действием внешних и внутренних сил начинает распадаться – так, что никакое текущее его состояние не является окончательным. Это как Время у Августина, которое может существовать только как процесс непрерывного самоуничтожения («esse nisi quia tendit non esse», Conf. 11.14). В нашем случае картина даже более интересная, поскольку процесс распада идёт сразу по нескольким разрешённым траекториям.

Но так случается, что все продукты распада, кроме одного, в силу разных причин рано или поздно исчезают. А последний, в результате драматических внешних обстоятельств, вновь теряет даже относительную стабильность предыдущих форм и становится сверхактивным.

В результате складывается потенциально взрывоопасная ситуация. Сверхактивный топонимический объект (оторвавшийся от ядра «хвост», по-научному – «изомомный спутник»), находящийся рядом с мощным топонимическим кластером и порождённый им, не может ни существовать автономно, ни вернуться в ядро.

К чему это может привести? Думаю, этого не знает никто. Имеющаяся теория принципиально не способна предсказать развитие событий, поскольку описание системы в особых точках выходит за её рамки.

Но что-то должно произойти определённо. И беспокойство Достоевского, интуитивно почувствовавшего в 1873 году что в «топонимическом кластере» идут странные процессы, окажется, как мы ещё увидим, небезосновательным.

Так, на будущее.